

Э.Е. ЗАЙДЕНШНУР

«**ВОЙНА
и мир**»

Л.Н. ТОЛСТОГО

СОЗДАНИЕ
ВЕЛИКОЙ КНИГИ

Э.Е. ЗАЙДЕНШНУР

**«ВОЙНА
И
МИР»**
Л.Н.
ТОЛСТОГО

СОЗДАНИЕ
ВЕЛИКОЙ КНИГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»
МОСКВА 1966

8P1.3
1-17

UNIVERSITY
OF OTAGO
LIBRARY

7-2-2, 6-10
231-65 (Соп. Россия)

ВОЙНА И МИРЪ.

Лев Толстой

Том I

Москва

Издана по повелению
Императорского
Правительства

В 1863 году Толстой начал писать «книгу о прошедшем», о «славной для России эпохе 1812 года»¹. Именно в шестидесятые годы, когда вопрос о роли народных масс в истории встал с особой остротой, мог возникнуть замысел «Войны и мира», произведение о прошлом России, и в то же время политически злободневного, раскрывающего роль народа как творца национальной истории и роль личности в историческом процессе.

Трудно понять, как могла возникнуть легенда, искажающая идейную суть первоначального замысла. Более сорока лет назад было высказано предположение, что Толстой в шестидесятые годы задумал семейную хронику, а замысел исторической части возник лишь после того, как определился сюжет «мира». С того времени все исследователи «Войны и мира» приняли на веру эту точку зрения. Переходя из книги в книгу, предположение превратилось в якобы бесспорный факт.

Создалась стройная концепция: Толстой задумал историко-бытовой роман или своего рода семейную хронику двух дворянских родов, Болконских и Ростовых, и внимание художника сосредоточивалось на изображении картин дворянского быта. Историко-философская тема в ранней редакции произведения была едва намечена, а исторические лица играли второстепенную роль. Из таких предпосылок следовало, что якобы в первый период работы над романом в мировоззрении Толстого «выступают на первый план аристократические тенденции» и что не только первоначальные наброски, но даже законченная ранняя редакция романа, по которой жизнь дворянских семейств кончается благополучно и счастливо, отмечена «чертами дворянского сословного романа с ярко выраженной дворянской идеологией».

В первоначальных рукописях обнаруживали даже «реакционную концепцию» Толстого; утверждали, что лишь после того, как в 1865 году

Толстой углубился в создание «Войны и мира», в изучение памятников и источников по 1812 году, объективно и глубоко проанализировал их, он пришел к диаметрально противоположному выводу. Писатель как бы вспомнил про ту, на время позабытую (!) идейную направленность в сторону народа, которой пронизана вся его предыдущая деятельность, и уже без всяких колебаний навсегда отказался от временно захвативших его антидемократических взглядов².

Некоторые исследователи относят перелом в работе над романом к еще более позднему времени, — только в 1867 году, по их наблюдениям, «высшие определяются писателем оценка и освещение исторических лиц и событий, а главное, роль народа в историческом процессе». Все эти глубокие изменения во взглядах якобы привели его «к идейному переосмыслению всего ранее написанного». Только к этому времени первоначальный замысел претерпел коренные изменения, и центр внимания художника был перенесен с истории дворянских семейств на историю народа³.

Не разрушилась легенда даже после того, как были опубликованы все равные рукописи «Войны и мира». Толстой сам рассказал историю замысла своего романа, к которому его привела начатая в 1860 году повесть о декабристе. Для того, чтобы понять своего героя, писателю необходимо было «перенестись к его молодости», а молодость его совпала с эпохой торжества России в борьбе с наполеоновской Францией, с 1812 годом. Эпоха эта, вне зависимости от первоначального замысла, глубоко заинтересовала Толстого. Стал созрывать план «истории из 12-го года», произведения «с величественным, глубоким и всесторонним содержанием», в котором должны участвовать «значительные лица 12-го года». Автор испытывал, по его собственному признанию, настоятельную потребность вложить в это произведение все, что он знал и чувствовал на того времени, и осветить те стороны жизни, которые он считал важными. В одном из первых набросков Толстой поведал о тех трудностях, которые вставали перед ним. Он бесчисленное количество раз начинал и бросал писать, временами отчаивался в возможности выразить словами все то, что ему хотелось и нужно высказать. Загрудились «необходимость выдумкой связывать те образы, картины и мысли, которые сами собою рождались у него. Несообразности с задуманным содержанием назвались «простой, пошлой, литературный язык и литературные приемы романа»; возникала боязнь, что «описание не подойдет ни под какую форму ни романа, ни повести, ни поэмы, ни истории»⁴.

И все-таки продолжали повторять выдумку о семейной хронике; закрепившуюся в литературоведении схему старались наполнить различными фактами из истории создания романа и, главное, собственными

высказываниями Толстого об его работе, не пытаясь сопоставить по времени ни факты, ни авторские свидетельства, а напротив, неосмотрительно пользуясь для утверждения легенды ошибочно датированными документами⁵, и тем самым все более спутывая и искажая факты.

Причиной таких грубо ошибочных выводов было то, что исследователи мало обращались к самому главному источнику — к рукописям романа. Нет сомнений, что письма и дневники писателя, а также достоверные мемуары — ценный первоисточник при изучении творческой истории произведения. Известно, как много важных сведений о работе над «Войной и миром» содержится в письмах Толстого и в его немногочисленных за этот период дневниковых записях. Однако, несмотря на огромную значимость этих документов, ограничиваться ими нельзя, если мы обладаем огромным собранием подлинных рукописей романа. Это неоценимый первоисточник. Именно в рукописях отражены все этапы работы писателя, запечатлены творческие искания его. Без последовательного анализа рукописей историю произведения узнать нельзя.

Задача настоящей работы — проследить по мере возможности от первого наброска до заверщенного романа, как замысел «истории из 12-го года» перерастал в историческую эпопею, охватившую пятнадцать лет жизни России; как расширялось содержание и вместе с ним мысль романа; как создавались художественные картины и образы; доказать, что это был путь не от дворянского семейного романа к героической эпопее, но путь постепенного создания произведения с «величественным, глубоким и всесторонним содержанием» об Отечественной войне 1812 года. С самого начала это историческое произведение было современным по остроте поставленных в нем проблем. Толстой по-своему поставил их и по-своему ответил на них гениальной эпопеей «Война и мир», над которой он работал семь лет «с мучительным и радостным упорством и волнением», открывая шаг за шагом то, что он считал истиной⁶.

* * *

Интерес Толстого к истории проявился на много лет раньше замысла исторического произведения. Еще в 1852 году он говорил о том, что начинает «любить историю и понимать ее пользу» и что с некоторых пор он «полюбил исторические книги»⁷. Тогда Толстой «не без удовольствия» читал «Историю Англии» Юма, «Описание Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского и его же «Описание войны 1813 года»⁸. Под впечатлением последней книги Толстой за десять лет до начала работы над «Войной и миром» записал в дневнике: «Читал Историю войны 13 года. Только лентяй или ни на что не

способный человек может говорить, что не нашел занятия. — Составить истинную правдивую Историю Европы нынешнего века. Вот цель на всю жизнь. — Есть мало эпох в истории столь поучительных, как эта, и столь мало обсужденных — обсужденных беспристрастно как эта, и столь мало обсуждаемых теперь историю Египта и Рима. Богатство, свежесть источников и беспристрастие историческое, невиданное — совершенство»⁹.

Исторические книги, видимо, увлекли Толстого, и он продолжал одну за другой читать их. «Историю крестовых походов» французского историка Мишо Толстой читал в сентябре и октябре 1852 года. Спустя год, в октябре 1853 года он познакомился с большой рецензией А. П. Карцева на книгу Д. А. Милютина «История войны России с Францией в царствование Павла I в 1799 году», вышедшей в пяти томах в 1852 году (т. I написан А. И. Михайловским-Данилевским), и делал выписки из нее. Тогда же он отмечал в дневнике заинтересовавшие его подробности из книги Я. И. Костенецкого об Аварской экспедиции.

В дневниковой записи Толстого от 26 октября 1853 года говорится о кампании 1805 года. Быть может, Толстой читал в это время книгу Михайловского-Данилевского об этой кампании. 18 ноября он начал читать «Историю Государства Российского» Карамзина. Ему понравился слог этой книги, а предисловие, в котором Карамзин высказал свой взгляд на историю и ее задачи, вызвало «пропасть хороших мыслей».

В течение месяца читал Толстой «Историю» Карамзина. В дневнике записи: «Окончив Историю России, я намерен пересмотреть ее снова и выписать замечательнейшие события». Из этого можно заключить, насколько велик был в то время интерес Толстого к истории России.

Неизвестно, просматривал ли Толстой снова «Историю» Карамзина, чтение которой закончил 16 декабря. На следующий день он приступил к чтению «Русской истории» Н. Г. Устрялова и делал также выписки из нее¹⁰. Кроме выписок из книг, Толстой излагал в дневнике свои мысли «о сочинении истории», — так он озаглавливал их.

«Каждый исторический факт необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений», — записал Толстой 17 декабря и тут же прибавил: «Эпиграф к Истории я бы написал: «Ничего не утаю». Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно — умалчивая».

Выписки из «Русской истории» продолжают до 23 декабря 1853 года и затем, после небольшого перерыва, в первые дни января 1854 года, опять появляются в дневнике различные исторические записи. Тогда же Толстой записал в дневнике правило: «Вписывать в дневник только мысли, сведения или примечания, относящиеся до предполагаемых работ»¹¹. Со следующего же дня, наряду с заметками и художествен-

ным произведениям, над которыми Толстой в то время работал, появляются записи на исторические темы. По характеру записей можно предположить, что возникшая у Толстого мысль об «истинной правдивой истории Европы нынешнего века» увлекла его, и непрерывное чтение исторических книг в течение полутора лет, возможно, было подготовительной работой к «сочинению истории». В те годы Толстой создавал «Роман русского помещика», рассказы «Набег», «Записки маркера», «Рубку леса», работал над «Отрочеством», над «Казаками». Замысел «сочинения истории» остался несуществующим. Однако размышления Толстого, прежде всего о наполеоновских войнах, получили отклик в творчестве этих лет: в рассказе «Набег», особенно в черновой редакции, а также в черновой редакции «Отрочества», где Николенька Иртеньев, выслушав рассказ Карла Ивановича об его участии в наполеоновских войнах, признается, что одно обстоятельство этой войны особенно живо поразило его и внушило ему «страшное отвращение к жестокому Наполеону за его несправедливое обращение с немцами вообще и с Карлом Ивановичем в особенности».

С размышлениями об истории мы встречаемся вновь в педагогических статьях Толстого. Он высказывал свое понимание предмета истории, доказывал, что «преподавание истории народов и государств невозможно для детей», и разъяснял, почему. «В истории ближайшая и основная частность есть человек, похожий на меня. Из нескольких таких частных только со временем учащийся выведет понятие о народе, государстве. А как много нужно таких частных, составляющих частность государства, чтобы учащийся понял движение народов, государств». Так писал Толстой 5 марта 1860 года. Уроки истории в Яснополянской школе убедили Толстого в его правоте, и он утверждал, что в начальной школе возможно и нужно лишь возбудить «интерес знать про то, как живет, жило, слагалось и развивалось человечество в различных государствах, интерес к познанию тех законов, которыми вечно движется человечество». А для развития «исторического интереса» существуют, по мнению Толстого, «два элемента: художественное чувство поэзии и патриотизм».

Еще до того, как возник замысел исторического романа, Толстому довелось на уроке в Яснополянской школе рассказывать «историю 12 года». Учитель «начал с Александра I, рассказал о французской революции, об успехах Наполеона, о завладении им властью и о войне, окончившейся Тильзитским миром». Рассказ перешел к Отечественной войне 1812 года и был доведен до вступления русских в Париж. Хотя Толстой сам признавался, что рассказы он вел «в почти сказочном тоне, большей частью исторически неверно», и что рассказ о 1812 го-

дом — не история, а только сказка, «возбуждающая народное чув-

ство», тем не менее к этой сказке он вполне мог бы поставить свой эпиграф: «Ничего не утаю». Он не утаивал того, что огорчало его маленьких слушателей, говорил и о неудачах и о победах. Толстовский урок истории не был бесстрастным изложением исторических событий, — это был художественный рассказ, имевший у детей большой успех. Это была «сказка», которая «совершенно по-русски» (как заметил присутствовавший на уроке учитель немец) изображала Отечественную войну. Учитель заражал своим чувством учеников.

Когда «не покорился» Александр, т. е. объявил войну, все выражали одобрение. Когда Наполеон с двенадцатью языками пошел на нас, возбуждал немцев, Польшу, — все замерли от волнения. Отступление наших войск мучило слушателей... Как пришел Наполеон в Москву и ждал ключей и поклонов, — все захохотало от сознания непокоримости. Когда слушали, как Кутузов «погнал» врага из пределов родины и «пошел бить» его, «вся комната застонала от гордого восторга». Потом все гордилось, как «мы погнали француза», потом «немножко мы пожалели даже мерзлых французов». Заключением настоящего короля, торжествовали, пировали». Воспоминание о Крымской войне испортило, по словам Толстого, все дело, однако оно не ослабило в маленьких слушателях «сознания непокоримости». «Попался бы нам теперь Шевардинский редут или Малахов курган, мы бы его отбили». В состоянии такого подъема расстался учитель с детьми.

В том же году в Ясной Поляне Толстой устроил в своем кабинете домашний спектакль. Изображалась русско-французская война. Исполнителями были те самые ученики. «Одни из нас были наряжены русскими солдатами, а другие французскими, — вспоминали впоследствии участники спектакля. — Из сахарной бумаги сделали мы себе кивера и кепки. За дверями палили из настоящих ружей, а на виду мы стояли друг против друга и наставляли палками. Французы падали, а русские кричали: Ура-а-а!» Это происходило в Ясной Поляне в пятидесятые годы Отечественной войны¹². Вскоре все думы, все творческие силы писателя были направлены на будущий роман «Война и мир».

1 октября 1862 года Толстой писал своей свояченице Е. А. Берс, что его «так и тянет теперь к свободной работе de longue haleine — роман или тому подобное». До конца года он был занят «Казакими» и «Полюшкой», и только в последние дни декабря стали появляться записки, говорящие о растущем внутреннем подъеме Толстого. «Пронести мысли, так и хочется писать», — отмечает он 30 декабря 1862 года. «Эпический род мне становится один естественен», — пишет он спустя неделю (3 января 1863 г.). «Давно я не помню в себе такого сильного желания и спокойного-самоуверенного желания писать. Сюже-

тов нет, т. е. никакой не просится особо, но, заблужденье или нет, кажется, что всякий сумел бы сделать». Далее Толстой пишет о темах и образах, которые приходят ему «с разных сторон», но среди них нет еще ничего, относящегося к тому произведению, которое в ближайшее время полностью захватит его.

Через месяц Толстой отметил: «Начал писать. Не то». Возможно, эта запись относилась к «Холстомеру». И далее в тот же день он записал в дневнике: «Перебирал бумаги — рой мыслей и возвращение или попытка возвращения к лиризму. Он хорош. Не могу писать — кажется — без заданной мысли и увлечения». Через два дня после этой записки С. А. Толстая сообщает сестре: «Лев начал новый роман». Через несколько дней Толстой сам сообщает своей сестре, что он пишет роман. Вернее всего, что работа эта была уже связана с будущим романом «Война и мир», хотя никаких точных данных еще нет. В августе — сентябре Толстой пишет жене: «Я проснулся в 4 в очень раздраженном и хорошем состоянии. Очень хочется писать, и знаю, что».

Наконец, в письме А. Е. Берс к Толстому от 5 сентября 1863 года появляется первое точное свидетельство о будущем романе: «Вчера мы много говорили о 1812 году по случаю намерения твоего написать роман, относящийся к этой эпохе», — сообщал Толстому А. Е. Берс. В октябре 1863 года Толстой признавался: «Я никогда не чувствовал своих умственных и даже все нравственных сил столько свободными и столько способными к работе. И работа эта есть у меня. Работа эта — роман из времени 1810 и 20-х годов, который занимает меня вполне с осени... Я теперь писатель всеми силами своей души, и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал». А 28 октября С. А. Толстая отметила в дневнике, что Толстой пишет «Историю 1812 года»¹³.

Всегда страшно начинать, когда дорожишь мыслью, как бы ее не испортить, не захватить дурным началом.

Л. Толстой

1863 год — первый из тех семи лет «непрестанного и исключительного труда», которые Толстой положил на создание романа «Война и мир». В первый год Толстой изучал исторические сочинения, разыскивал материалы, освещающие общественно-политические интересы людей той эпохи, знакомился с мемуарами и письмами, рассказывающими о быте и нравах тех людей. Все это помогало художнику почувствовать дух времени, ощутить «звук и запах» эпохи, проникнуться сознанием людей, которых ему предстояло набросать.

«В 11 году у старого князя Волхонского гостил молодой Зубцов». Этой точкой же зачеркнутой фразой началось писание романа. Вслед за ней писались и один за другим отбрасывались варианты начала романа. Их сохранилось пятнадцать. Наброски невелики по объему, но они многое рассказывают о замысле автора, о том, на что было устремлено его внимание, чего он добивался.

В набросках начала отражено, как постепенно раздвигались хронологические границы действия. В первых четырех начало действия — 1811 год, причем в третьем дата уточнена: 1811 год, то самое время, «когда в Петербурге было получено письмо Наполеона I к Александру I и Клеверкур был заменен Лористонам». Во вступлении к четвертому варианту был дан обзор исторических событий за время «между Тильзитом и пожаром Москвы», т. е. 1807—1812 годы. В следующих двух само действие начинается в 1808 году. Наконец, в седьмом варианте сделан решительный шаг вглубь истории — к ноябрю 1805 года. Однако Толстой предостерегал отодвигать начало действия. В двенадцатом варианте оно приурочено к лету 1805 года, к тому времени, «когда только объявлялась Россия первая война еще неприз-

ванному тогда императором Наполеону», причем во вступлении дан обзор событий, начиная с августа 1804 года, момента разрыва сношений России с Францией. В последних трех вариантах действие отнесено к началу 1805 года, когда «первая европейская коалиция против Буонапарта была уже составлена». Вступление к тринадцатому варианту охватывает исторический период «между французской большой революцией и пожаром Москвы».

Каждый новый набросок начала становился своеобразным прологом к предыдущему.

Вдумываясь в эти первоначальные наброски, видишь, как Толстой искал завязку многопланового произведения, каким оно уже с самого начала представлялось ему. Надо было с первых строк обрисовать военно-политическую обстановку в стране к началу действия и одновременно познакомить читателей с «полувымышленными» действующими лицами в их бытовой обстановке, т. е. создать ту, по выражению Толстого, «выдумку», которая связывает исторические события в художественном произведении.

Толстой колебался. Он начинал непосредственно с действий, с собрания людей одного круга, но разных политических убеждений, разных характеров и положения в обществе. Среди собравшихся возникают споры на злободневные политические темы. Таким путем с первых страниц одновременно начиналось знакомство с героями произведения, а через их беседы и споры и с общественно-политической атмосферой того времени. Так построены десять набросков. В четырех (4, 10, 13 и 14) действие открывается такой же сценой, но ей предшествует вступление с авторским обзором эпохи. И, наконец, в одном (седьмом) в отличие от всех, произведение должно было открыться сценой в Ольмюцком лагере накануне Аустерлицкого сражения.

Четыре развернутых вступления, написанные в первый год создания романа, имеют принципиальное значение. В них высказалось идейное направление, определившееся с первых дней работы над историческим романом. Первое вступление написано не позднее осени 1863 года. В нем дана картина общественно-политической обстановки в России и Европе, главным образом во Франции, за пять лет (1807—1811) между Тильзитом и началом войны 1812 года. Со слез иронией говорит Толстой о преклонении перед Наполеоном, которое воцарилось в высших светских кругах России после Тильзитского мира; почти сатирически рисуется личность французского императора и его стремление к господству над европейскими государствами. Толстой характеризует эти годы как «время, когда карта Европы перерисовывалась разными красками каждые две недели», когда Наполеон «уже убедился, что не нужно ума, постоянства и последовательности для успеха».

и, не обдумывая, «делал то, что ему первое приходило в голову, подстраивая под каждый поступок систему и называя сам каждый свой поступок великим». Кроме прихотей, не было никакого смысла в его поступках, но «он верил в себя и весь мир верил в него». Не пада и Александр I, писатели разъясняют конфликт, приведший к войне. В наполеоновскую «чуждоту на карте» попали владения родственника русского императора, принца Ольденбургского, и он «вступился» за них. «Начались протесты, споры, переписка». Уже здесь ярко проступает отношение Толстого к государственным деятелям той эпохи, которую он готовился изображать.

Следующее вступление писалось тогда, когда начало действия в романе отодвинулось к первой войне России с Францией. Изменился и исторический период, охваченный во вступлении. «Сношения России с Францией были разорваны в 1804 году смелой и решительной нотой, посланной при отъезде из Парижа нашим поверенным в делах д'Убрилем вскоре после убийства герцога Энгиенского». Так начато вступление. Затем приведен полный текст обширной ноты от 28 августа 1804 года. В том же сатирически обличительном тоне, как и в предыдущем вступлении, представляется деятельность Наполеона, который не обращал никакого внимания на «строгие замечания, сделанные ему господином д'Убрилем. С тонкой иронией дана вслед за тем картина начала царствования Александра I, с его замыслами, преобразованиями и происходившей вокруг него борьбой старого и нового. «Дать конституцию России, освободить крестьян, дать свободу слова и печати были мечты — дети революции, исполнение которых казалось легко и просто молодому и восприимчивому императору». Как в первом вступлении Толстой, сохраняя внешне спокойный повествовательный тон, рассказывал о том, что Наполеон «вздумал» сделать Средиземное море французским озером, так теперь он сообщает, что «сделать Черное море русским озером и восстановить величие греческого храма Софии, остановить завоевания Бонапарта и восстановить законное правительство у французов казалось для внука Екатерины только исполнением заветов славной бабушки».

В третьем вступлении (оно писалось весной 1864 года) границы исторического периода раздвинуты: «Время между французской революцией и пожаром Москвы». Вступление состоит из двух частей: и первая — обзор «первых годов царствования Александра I в России и первых годов могущества Наполеона во Франции»; во второй — поставлен вопрос о роли государственных деятелей в историческом процессе. В нескольких замечательных сатирических строках представлена завоевательная политика Наполеона и почти в карикатурном виде нарисован сам завоеватель, этот «маленький человечек в серень-

ком сюртучке и круглой шляпе, с орлиным носом, коротенькими ножками, маленькими белыми ручками и умными глазами». Отношение Толстого к «могуществу» завоевателя дополнено замечанием, что этот «человечек» старался «раздуться в сообразное по его понятиям величия положение».

Покончив с Наполеоном, Толстой перешел к «молодому, любезному, красивому монарху» России, который «решил устроить судьбы Европы», но одновременно помнил, что после несомненной победы над Бонапарте «купленные имения эмигрантов останутся в руках владельцев». Деятельность обоих императоров — Наполеона, который «представлялся чем-то непонятным, то страшным, как антихрист, то смешным и гадким, как мещанин в дворянстве, то великим, как герои древности», и Александра I, который «горел одним желанием славы для себя и своего народа», — Толстой сравнивал с поведением ребенка, который, держась с позволения кучера за вожжи, воображает, что он правит «слихой и могучей тройкой». Этим образным сравнением Толстой воспользуется, когда будет заканчивать «Войну и мир», но только Наполеон будет держаться не за вожжи, а «за тесемочки, привязанные внутри кареты»¹. Во второй части вступления — полемика с официальными историками: они, записывая в свою летопись только события, отразившиеся в официальных документах, воображают, что пишут «историю человека». В заключение Толстой заявил, что героями его произведения будут не государственные люди, как Наполеон, Александр, Кутузов и Талейран, не те приближенные к ним, которые стремились «найти лишние рубли, кресты и чины», а обыкновенные люди, не замеченные историками. Они-то — в этом Толстой убежден — оставляют в истории глубокие следы. Так на раннем этапе работы был сформулирован основной тезис Толстого: содержание истории — «история человека», а не царей и генералов.

Ни одно из вступлений не удержалось. Толстой решил раскрыть эпоху в самом действии без предварительного публицистического введения, а историко-философские рассуждения автора войдут с самого начала в образную ткань повествования.

* * *

Поиски выдумки, которой предстояло связывать исторические события, были трудны и длительны. Как отмечено ранее, во всех вариантах начала действие открывается светскими беседами и спорами вокруг злободневных политических вопросов. Местом действия намечались то Лысье Горы — имение старого князя Волконского, то Петербург — бал екатерининского вельможи, то Москва — дом графа Про-

стою (имя это менялось: графа Плохого, Толстого и, наконец, Ростова), то опять Петербург, званый обед в доме молодого князя Андрея Волконского, то, наконец, салон Annette D., фрейлины императрицы Марии Федоровны. Где бы ни собирались героини и герои будущего романа, они обязательно начинали обсуждать создающуюся в Европе политическую обстановку. Темы бесед менялись в зависимости от времени действия.

Замысел начать действие в имени князя Волконского отражен в первой фразе о молодом Зубцове, гостившем в 1811 году у старого князя Волконского. Связывая эту фразу с последовавшими за ней выibarками, можно допустить, что молодой Зубцов должен был выполнить роль, впоследствии переданную князю Андрею.

Новый набросок озаглавлен «Три поры» и далее: «Часть I. 1812 год. И датный период, как явствует из заглавия, сохранялось еще намерение не ограничиться «историей из 12-го года». 1812 год — это первый «пора» (следующие две: 1825 год — восстание декабристов, и 1841 год — возвращение их из ссылки, т. е. то именно событие, которому посвящена начатая повесть о декабристе. Пока создается первая часть. Она начинается характеристикой старого князя, жившего в 1811 году в Лысых Горах с дочерью и ее компаньонкой французской². Упоминание о сыне еще не было. В таком виде краткий набросок отложен.

В следующем, третьем наброске появилась совершенно новая сцена — приданный бал. Написана только первая сцена перед «главным всем государю домом великой» на Английской набережной в Петербурге. Ждут приезда на бал императора. Действие опять не развилось.

Четвертый вариант открылся историческим вступлением, где обзор событий доведен до назревающего конфликта между Россией и Францией в 1811 году, и приведен текст письма, которыми обмениваются в это время два императора. Само действие в этом четвертом варианте открывается балом у екатерининского пельмочи, и в этот момент являлся ответ на письмо Наполеона «На бало должен был быть дипломатический торжес с м. Лористон и государь, который был отлучен. Причину же отлучения все знали только те немногие, которые были призваны в составлении ответа Наполеону. На бало присутствовали князь Куракин, только что вернувшийся от государя и знавший об это тревогах, сиюминутный князь Куракина, которых после того, «как начались недружелюбные переговоры между петербургскими и французскими дворами», князь выехал обратно в Россию из Парижа. Особенное внимание обращено на себя на бало: «ротмистр граф Зубцов, приехавший из турецкой армии и князь пропавший

и фангиль-адъютанты» (это тот самый Зубцов, который был упомянут в первой фразе романа): «урожденная Кляжикина, фрейлина, известная своей красотой, только что вышедшая за молодого князя Кушнев, одного из самых богатых людей России, числившегося при дворе, но вконец не служившего, потом известным повеса мейстер князь Куракин» и «мало известная дама, жена свитского офицера поручика Берга».

Все эти лица должны были, естественно, занять значительное место в произведении и напоминают некоторых из героев «Войны и мира». Граф Зубцов и князь Кушнев — друзья. Они обрадованы неожиданной встречей, и Кушнев немедленно начинает разговор о Наполеоне, которого «здесь называют императором Наполеоном», но Кушнев его не признает. На фоне преклонения перед всем французским резкие слова о Наполеоне сразу выделяют Кушнева из светской среды самостоятельностью суждений. Чтобы сильнее подчеркнуть это, Толстой заставил ротмистра Зубцова, «шутя, как будто испугавшись» слов своего друга, указать ему на проходившего недалеко французского посланника Лористона. Упомянут еще среди гостей «старичок» Волконский, с которым князь Кушнев вступил в ожесточенный спор о Наполеоне.

С достаточной долей вероятности можно допустить, что на этом этапе работы Толстой задумал передать сыну князя Волконского роль, предназначавшуюся молодому графу Борису Зубцову. Толстой вернулся к отложенному наброску «Три поры», ввел в семью Волконских сына, князя Андрея, и сообщил, что отец его знать не хотел, так как он «зепился бог знает на ком». Далее описан уклад жизни Волконских, кратко рассказано о княжне Марье и ее компаньонке m-me Silienne. Действие доведено до момента, когда в Лысых Горах ожидается приезда князя Андрея, — отец разрешил ему перед кампанией приехать прогоститься. Беременная жена князя Андрея уже находилась в Лысых Горах.

Заметки на полях рукописей вводят в круг авторских исканий. В апалинируемом наброске записи о Наполеоне и о пребывании французов в Москве подтверждают, что тема войны входила в план на самом раннем этапе работы.

Набросок пока опять отложен. В пятюм — действие начинается в 1808 году в доме графа Простого в Москве в день именин жены и дочери. Появляется заглавие к первым главам: «Именины у графа Простого в Москве в 1808 году». Первым вступает в действие «споривший юноша Леон». «Да никто вам не говорил, что я считаю Бонапарта хорошим христианином, я этого не сказал, я совсем этого не говорил, я говорю, что он великий человек». Такими словами начинается набросок. Этот

ской Фравцией, не описав наших неудач и нашего гонимого. Главной же «Божьей» причина нашего торжества была не случайна, но лежала в глубинах характера русского народа и вошла, то характер этого народа был выразиться еще ярче в эпоху победы и поражения. Таковы же и другие позиции автора.

«12 ноября 1805 года русские войска, под командой Кутузова, и Императорская сделанные отступления к Брюнну под напором всей Европы, Мюрата, в Ольмюце готовились на смотр австрийского и русского императоров» — так сразу с действия начался роман. В отдельных сценах и эпизодах с участием исторических и вымышленных персонажей, и их диалогам, а также в авторских отступлениях изображена обстановка накануне Аустерлицкого сражения. Не раз подчеркивается контраст: в штабе никакого единства, каждый поглощен своими корыстными интересами; в войске — абсолютное единство, нет отдельных людей, все слито, есть «только артиллерия, пехота, конница» и «каждый член этих громад помнит все и вполне забывает себя». Когда предстоит сражение «растравлено в приближенных много страстей — честолюбия, зависти, ненависти и страха», войско готовилось к сражению и, «страдав, поднималось духом». Выстрелы, которые послышались с аванпостов неприятеля, «отозвались в душе каждого человека русской армии. Все ближе и ближе подходила та торжественная, страшная и желанная минута, для которой перенесено было столько трудов, лишения, для которой по пятнадцать лет вымуштровывались солдаты, оставлена была семья и дом и на мужика сделан воин, для которого 80 тысяч человек жили в поле, без жен, матерей, детей, без участия во всех интересах гражданской жизни, жили и двигались в чужом неизвестном краю, в поле, на дорогах, в лесах, приобретая для себя и для всех всеми условиями привычной человеческой жизни». С каждым шагом вперед и с каждым звуком выстрела становилось «совершенно другое, звучнее, ставящее» — душа армии и неизменно «как шум моря» все слышнее и слышнее становилась каждому сердцу «страшная и величественная одна, все одна пота».

привших с воступлением, не понимая обстановки, говорят, что Кутузов был в тот день «совсем не тот главнокомандующий, каким его знали прежде в Турции и после при Бородине и Красном». С гневом обрушиваясь Толстой на австрийских колонновожатых, которых считал в большей мере виновниками Аустерлицкого поражения.

В этом романе и наброске впервые выведен парод как главный герой войны и высказано одно из главных убеждений автора, что «вопросы военных успехов» решаются не величием «военных гениев» и «не столько прелестью, пышностью и силой всех возможных соображений, сколько умением обращаться с духом войска, искусством поднимать его в ту минуту, когда высота его более всего нужна». Написанный в июне 1861 года набросок по содержанию, композиции, а также по идее и направленности можно считать эскизом будущей картины Аустерлица в повременном романе.

«Не один князь Андрей пропался перед войной» — так начал Толстой связку — «Юнона чувствовала тогда во всем, полки шли, подводы парились, ехали генерал-адъютанты, великие князья и сам государь проехал. Ему чинили дороги... Государь прокатил как по шоссе. В параде ходили толпы о Павлово, говорили, что он уже побил

[illegible]

Теперь естественный переход к войне, где вместе с историческими лицами действуют знакомые читателю персонажи, только что вырванные из мирной жизни. Рукопись об Аустерлицком сражении превратилась из начала произведения в закономерное продолжение. Так создавался восьмой вариант пьесы.

яются следующие четыре варианта начала (9—12). Толстой вернулся к форме первых набросков.

Пользуясь намерениями в разных набросках чертами, Толстой много раз описывал образы хозяев, в первую очередь князя Андрея, а затем главного гостя, Цыра, вокруг которого будет организован спор. Придирчиво искал Толстой характеры гостей, нужные для заострения темы. Сначала из пяти гостей был такой: живший в Петербурге «известный азиатский аббэ Piatoli», старушка, тетка княгини, свитский министр чиновник «спириваецец Сперанского». Толстой намечевался под общее рисковать о каждом из гостей, но по об их внешнем облике, да столько даже об их весе в обществе, сколько об их убеждениях. «Извозчик действительно считался замечательным молодым человеком в бюрократическом мире, скромный же чистенький старичок иностранец был еще более замечательное лицо. Это был l'abbé Piatoli, который тогда все ждали в Петербурге. Это был изгнанник, философ и политик, привезший в Петербург проект совершенно нового политического устройства Царства, которое, как сказывали, он уже имел счастье через князя Адама [Парфюшкина] представить молодому императору».

войну и «любимое» князя Андрей военное дело, беседой завладел князь Андрей. Он говорил о военном гении Наполеона, о его армии, но «несмотря на свой восторг к гению Наполеона» он не забывал, «как и все в Петербурге, Буонапарте». Разговор о войне с Францией и Пруссией о булавонском заговоре, о политическом событии: короновании Буонапарте в Милане, о конеп князя Андрей заявляет, что нет человека, который от войны «на-видел» и которым бы так «восхищался», как Наполеон. Многие уже найдено автором. В повести о начале войны, о войне, о графа Л. Н. Толстого. Роман должен состоять из нескольких частей. Первая озаглавлена: «1805-й год».

Двенадцатый вариант начала, открывающийся с вступлением Пьера Безухова, представляет особый интерес. Он не только содержит еще одним авторским свидетельством о непосредственном творческом связи между создаваемым романом и начатой в 1805 году повестью о декабристе, но в нем ясно указано, что этим декабристом был тот самый Пьер Безухов, который в начале царствования Александра I был «беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей». После характеристики Пьера, не раз появлявшегося в предыдущих вариантах начала, Толстой в четвертый и последний раз стал рисовать сцену обеда в доме молодых Волконских, используя предыдущую рукопись.

Художник опять недоволен. Он продолжает поиски. Создается тринадцатый вариант начала. Автор колеблется, начинать ли с вступления или непосредственно с действия. Но незавершенным обрывком фраз видно, с каким напряжением и темпераментом Толстой искал, с чего же начать. «В то время, когда после истощающего...» Толстой, видимо, собираясь коснуться убийства герцога Энгиенского. Не докончив фразы, начинает снова: «Во Франции...», но на первом же слове обрывает и начинает с сообщения о том, кого он намеревается выбрать героями своего произведения: «Читая историю, для нас стирается жизнь того времени настоящая и остаются уродства. Главное исчезает бесследно. Лучшие люди не те, которые...» За этой полемической фразой последовали еще три коротких наброска с описанием «маленького общества», собравшегося в 1805 году «в одном из покоев еще старого дворца». Дана характеристика времени «между французской большой революцией и пожаром Москвы», когда «идеи этой революция, повидному задавленная и отсчитывавшая, воплотилась в силу и давала каждому и каждую минуту себя чувствовать». Все эти заметки зачеркнуты. Создается новое, выше последнее большое вступление, а на полях рукописи появляется несколько перспективных заметок к первым главам. Среди них такая:

«Переписка о войне, война во всем». В соответствии с этой записью повествование начинается вступительной фразой. «В придворном кругу только чувствовалась война и принималась к сердцу: В старом Зимнем дворце все фрейлины судили о войне». Далее идет рассказ о фрейлине Аннет Б., которая «отпросилась» из царских покоев, чтобы вечером «сразу принять своих приятелей, приехавших из Москвы, и потолковать о войне». Сообщено, что «все друзья ее и постоянное общество были могущественнейшие люди мира». Среди съехавшихся гостей названы князь Василий с дочерью, княгиня Горчакова (будущая Друбичкая), граф Мортенар. Намечены темы бесед: убийство герцога Энгиенского, захват Гелуи, предстоящая война.

Тринадцатый вариант начала Толстой, видимо, считал наиболее удавшимся и дал его в переписку (ни один из предыдущих вариантов не копировался). Начался обычный для Толстого процесс исправлений и переработок. Появилась еще одна записка на полях: «Взгляд высшего общества на Буонапарта, на причину и необходимость войны». В этом плане развивается разговор фрейлины с первым приехавшим на вечер гостем, князем Василием. От темы политической, интересовавшей фрейлину, беседа перешла на «вопросы внутренних игр», более всего интересовавших князя Василия. Так в процессе правки создавался четырнадцатый и вслед за ним пятнадцатый вариант начала, открывшийся столь хорошо известными словами: «Eh bien, mon prince...» Приглашены были на вечер «по мнению фрейлины самые замечательные люди Петербурга, цвет общества», которым фрейлины «желала сообщить впечатления, произведенные в ней последними известиями о пребывании Буонапарта в Италии, вчера только полученными при дворе императрицы Марья Федоровны».

Поиски начала закончились. Толстой нашел то, что так долго и напряженно искал. Требования, которые он предъявлял к началу произведения, Толстой высказал однажды в связи с работой над романом о декабристах для начала должна быть найдена такая обстановка, чтобы на ней «как из фонтана», разбрызгивалось действие «в разные места, где будут играть роль разные лица»⁵. Таким «фонтаном» оказался вечер в придворном салоне в котором, по позднейшему определению Толстого, как нигде, «высказывался так очевидно и твердо градус политического термометра, на котором стояло настроение придворного легитимистского петербургского общества»⁶.

* * *

В поисках наиболее подходящей среды для развития действия, в воображении писателя постепенно рождались «и молодые и старые люди, и мужчины и женщины того времени», которых он намеревался

пропестя через исторические события 1805, 1807, 1812, 1825 и 1856 годов. Задача Толстого было не только показать исторические события в России первой четверти XIX века, но также осветить глубокие духовные моменты истории народов во тьме освещать глубокие духовные моменты истории народов в сознании людей. Надо было «выставить прочтены, происшедшие в сознании людей. Надо было «выставить в очевидности те «факты» изображаемой эпохи, отыскивать которые в действительности Толстого, «следы искусства»⁷.

Мы уже говорили, сколько ошибочных суждений стояли в раннем периоде работы Толстого над «Войной и миром». Не менее должно освещались характеры действующих лиц на этом этапе. Заявления «Откровения аристократический подход к изображаемому предмету не мог не сказаться на характере образов персонажей, замысла». Выхватывая из контекста отдельные черты, пытались утверждать, будто в ранней стадии работы Толстой создавал лишь образы дворян, которые «не лишены некоторых человеческих достоинств и недостатков, но в целом все прекрасные люди», что в основе образа Волконского лежало «не национальное чувство, не патриотизм», а «грубость, самоуверенность, аристократическая спесь»; а вся семья Волконских была якобы «мелочна и духовно обедненнее», Ростовы были «такие же как и все», Пьер Безухов «менее привлекательным», «светская жизнь» выглядит «вообще благовидной». Нет ничего общего между «честной и хорошей натурой» Алены Павловны Шерер и «пустой ничтожной фривольной» завершенного романа, а Курагина еще не были «по той бесцеремонной породе». Вообще высшее общество в ранних редакциях будто бы не было предметом обличения⁸.

Даже первые наброски не дают ни малейшего повода для подобных заключений.

Сохранились две примечательные рукописи, относящиеся буквально к первым дням работы, когда Толстой «пытался сначала придумать романтическую завязку и развязку» отношениям лиц, которые будут героями его исторического произведения⁹. В первом из этих своеобразных планов, хотя еще очень туманно, но уже проявляются некоторые характеры. «Волковский — гордый, дерзкий, разумный и богат его дочь, старая дева, спасающаяся самоотвержением, даровита музыкальна, поэтически, умная и аристократка, недоступная пошлости графа Толстого». Он «женат на плебейке воспитаннице. У него сын Николай, даровитый и ограниченный, и три дочери: старшая блондинка Лиза, умная, хорошая, дисциplinированная, заботливая, вторая, Александра, легкая, беззаботная, любящая, и третья Наталья, грациозная поэтесса. Это будущее Ростовы. Под именем Илья очень еще схематично выступает будущий Пьер. Он «единственный сын, богач».

«кроткой, умница». Намечена даже его несчастная женитьба — он «женат на красавице б...». Известно также, что «ее брат, дурак светской делает карьеру нечаянно». Эта роль будет передана Ипполиту Курагину. Упомянут еще «Анатоль, сын сестры графини Толстой, молодой пройдоха». Четко и навсегда определены имя и характер Берга: «ловкий немец, делает карьеру больше всех». Входит в список персонажей Мосальский, который «в 11 году был министром и имел двух сыновей: Ивана гордого (mortant), дипломата и Петра кутилу, сильного, дерзкого, решительного, непостоянного, нетвердого, но честного». В какой-то степени эти персонажи связываются с будущим князем Василием и его сыновьями, некоторые черты сыновей пока приданы намеченным ранее «дураку» брату жены Илья и Анатолию, племяннику графини Толстой. Сделана также попытка установить связь между всеми этими людьми. «Борис, Петр и Илья — друзья с молодости». «Берг женится на Александре [так осуществится в романе: Берг женится на старшей дочери Ростовых], Борис на Наталье, Иван на Лизе, Петр на кузине».

Вслед за тем Толстой еще раз попробовал рисовать контуры начинавших жить в его воображении людей.

Развернутые характеристики лиц составлены по определенным рубрикам: «Психическое», «Общественное», «Любовное», «Поэтическое», «Умственное», «Семейство». Кроме того, конспективно излагалась жизнь каждого «с 11 по 13 год» и указывался его возраст к началу действия. Эта своеобразная рукопись точно определила хронологические границы действия в романе по его первоначальному замыслу («История из 12-го года»).

Все в дальнейшем будет не раз пересматриваться. Однако при всех изменениях восемнадцать лиц из тех, мысль о ком возникла в первые дни работы над романом, сохраняются в нем. Будут реализованы и некоторые из задуманных положений.

Наиболее отчетливо представлялись автору старший князь Волковский с дочерью и семья графа Толстого (Ростова). Не только личная судьба героев отражена в конспективных характеристиках, но для каждого определена роль в самом главном историческом событии изобразимой эпохи — в Отечественной войне 1812 года и особенно в Бородинском сражении. Укажем каждого персонажа в войне обусловлено его личными свойствами: «Страстно любит Россию», «ненавидит лично Наполеона», «хочет все и имеет цель революцию и работает как вол в солдатах» — это относится к персонажу, который в наброске носит имя Петр, отдельные черты сближают его с Пьером. «В походе 12-го года получает важное назначение», во время отступления войск в первый период войны «все забывает под влиянием чувства долга,

командует полком: «Под Бородиным без фраз уже он хочет умереть», его ранят. В этих заметках нетрудно узнать будущую судьбу князя Андрея. Совершенно ясен Толстому Берг. Он «на бале в Вильпе блестящий офицер», «под Бородиным хватает пикагу в левую руку и сшибается с французскими» «субявляется заблаговременно из патриархия генералом и пачальником» «старому и старому Москвы и богатеет поручениями». Благородная роль «много и в старому» «ничего не хочет делать, разорать и адрут делает больше всех». Мария Волконская за ранениями ухаживает и «стает корнису». Старый граф Толстой «торопится увести все» «сбивается» из Москвы. «Наполеон не знает хвалить или ругать, и на подводах возит раненых». Сын его «не знает хвалить или ругать, и на подводах возит раненых». Иван Куракин Николай «просится на войну, делает все, что другие». Иван Куракин (вспоминает будущего Ипполита Куратина) «в 12-м году ничего не видит кроме спасения своего достоинства и карьеры». Анатолий «живет в Москве, бежит». Аркадиева жена «она преобразится в дальнейшем в Элен» — «у французов в Москве, в связи с генералом».

Разумеется, не все сохранилось так, как было намечено, по первоначальным заметкам интересны тем, что в них отразилось направление, в котором должны были развиваться характеры персонажей. Кроме того, они отражают замысел автора раскрыть характеры в их отношении к войне 1812 года.

В создавшихся затем набросках начала постепенно вырисовывались важнейшие лица. Образы будущих Болконских, старшего князя с дочерью, и уклад их жизни в Лысых Горах очерчены в наброске «При пороге», над которым Толстой работал трижды. Семья графа Простого (Толстого, Плохого, Ростова), изображенная в варианте «Дом в Москве», ясна автору и только один раз появилась в ранних вариантах начала. Больше всего занимал Толстого портрет маленькой Наташи. Сын же графа Николай появился еще раз в военной обстановке, и тогда вырисовывался его роль в Аустерлице. Рядом с Николаем выполнялся и в доме Ростовых и в военной обстановке Борис (Щетиный, Горчаков); как в окончательном тексте, так и в ранних набросках оба персонажа противопоставлены друг другу, с развитием действия это постоянно усиливается. Без больших исканий наметился образ матери — Бориса — княгини Щетиной, которая впервые появляется в доме графа Простого, затем возле умирающего графа Безухона. Рассказана ее биография, сообщено, что она умела «вести дела с сильными мира» и для своего сына была готова на все. Ради него она приехала к умирающему графу; молодому Безухону «сообщено» за нее.

С первых же набросков определяется семья Курагиных. Сначала дается характеристика сыновей: «оба были дураки. Старший вялый и ломющийся, второй простой и с плотскими наклонностями». Эти

черты останутся ведущими в характерах сыновей князя Василия. В дальнейшем Толстой развивает и усиливает эти черты и вытекающие из них поступки. Спустя два года после создания ранних набросков, но еще задолго до окончания первой редакции романа Толстой просил художника М. С. Башилова, начавшего иллюстрировать роман, подчеркнуть в портретах сыновей Курагина именно эти черты. «Пользя ли, подняв его верхнюю губу и больше задрал его ногу, сделать его более идиотом и карикатурнее». Так писал Толстой об Ипполите. Анатолия же просил сделать «покрунее» и «погрудастее», так как «он будет в будущем играть важную роль красивого, чувственного и грубого жеребца»¹⁰.

Но сразу появилась дочь князя Василия. На придворном бале выведена фрейлина Княжнина, жена князя Кушинева. Она «признанная первая красавица того времени», вызывает восхищение всех. Лишь позднее возник замысел связать жену Пьера с другими персонажами, и наилучшей средой для нее оказалась семья Курагиных. В одном из последующих набросков, где начало действия отодвинуто к 1808 году, упомянута дочь князя Василия «девочка — красавица, подросток», воспитывавшаяся «под руководством настоящей эмигрантки гувернантки». В последних вариантах начала романа она превратится в красавицу княжну, а затем в Элен с характеристикой, близкой к первым главам заверщенного романа. «Пластичная красота форм — ее характернейшая черта», — писал Толстой в том же письме к художнику М. С. Башилову. В одном варианте промелькнул еще один персонаж, барон Шульд, «наперсник» Петра Куракина, «высокой, красивой брюнета», одетый «точно в точь так же, как и Куракин». По отдельным штрихам можно допустить, что для Шульда намечалась роль, в какой-то степени напоминающая роль Долохова.

Чаще других действующих лиц Толстой выводит в своих ранних набросках троих: князя Василия, князя Андрея и Пьера. Они переходят из варианта в вариант, и путь, который прошли эти образы, убеждает, что Толстой не сразу нашел портреты их, и, разумеется, не могли еще отразиться в достаточной мере их характеры. Однако автор сразу, без колебаний, определил для каждого из них роль в произведении.

Впервые князь Василий появляется на бале. Он представлен как один из приближенных к императору и признанный «к составлению ответа императору Наполеону». Он изображен «в толпе женщин», где он «сыла т любви-погасами» в посмеивался «беззубым, но приятным ртом». Детально нарисована внешность князя, который «был весь как на пружинах». Рассказано об его «семейных заботах», связанных с сыновьями. Характеристики обоих сыновей дополняют только что созданный образ их отца. В следующих набросках князь Василий

изображен в доме графа Простого. Ему придана отталкивающая внешность: стоичок «в звезду» и белом галстуке с завалившимся лбом и выдвинутой обезьяньей нижней челюстью». Упомянуты некоторые сведения из его биографии, раскрывающие его внутренний облик: он был «в милости» у деспота Павла I, очутившись же потом «в немилости, сенатором в Москве», он «жил не так, как другие забытые сенаторы», а сумел пойти такую линию поведения, чтобы сблизиться с лицами, окружавшими Александра I, и благодаря этому снова «был вызван в Петербург к всемым вышней должности». Он «особенно сухо» обращался со всеми москвичами, «имеющими претензию на значение», и ласково обращался с графом Плохим именно потому, что «граф был добрый дурак, и на нем-то удобно было показать и другим, что новое назначение несколько нас не возгордило и не изменило». Хотя князь Василий был ласков с детьми графа Плохого, однако он был твердо уверен, что его сыновья, воспитанные за границей, «не будут знакомы с этими выкрутками и олухами». Тем не менее он «особенно радушно согласился приехать есть прекрасный обед графа».

Образ князя Василия дорисован через восприятие других персонажей. Его не любит старый граф Безухов, понимающий цель его приезда; граф Плохой считает его «ловким» человеком; очень резко говорят о нем Шенкилы, называя его «пролазом», приехавшим к Безухову только для того, чтобы «вытащить что-нибудь», а «ежели не вытащит ничего», то «женщина поймает для дочери». В споре о Наполеоне князь Василий представлен как человек «чуткой всады на политические *pot d'ordre*», поэтому он отстал от спора, который шел для себя неприличным, тем более что в это именно время «в Петербурге все возгорелось аптуизмом к Франции и Наполеону»; и князь Василий, получив теперь «назначение в Петербург, называл Бонапарта уже императором Наполеоном и профессионово к нему высокое уважение». Уже в самых ранних набросках князь Василий всегда несет с собой ненавистную Толстому атмосферу придворного карьеризма и приспособленчества. В последнем варианте начала, вводи князь Василий в салон Annette D., Толстой не столько сам говорит о нем, но заставляет его сначала самого раскрыться в беседе.

Образ фрейлины Annette B. [избородковой?] (впоследствии Annette D. и затем Анны Павловны Шерер) появился впервые только в последних вариантах начала романа, т. е. к концу первого года работы Толстого. Нет ни слова об ее внешности, но очень подробно сообщается о тех ее качествах, благодаря которым она была «одна из двух-трех любимых приближенных». Она была «умна, насмешлива и чувстви-

тельна и, ежели не была положительно правдива, то отличалась от толпы ей подобных своей правдивостью». Нетрудно почувствовать ту тонкую иронию, которой будет пропизано описание вечеров в салоне Анны Павловны Шерер. Толстой не преминул точно показать цену ее ума, чувствительности и правдивости. Никто не знал, «что она была по душе», сообщает автор. «Этот лок высшего тона, скрывающий качества дерева, которое он покрывает, так густо закрывал в ней все ее особенности, что трудно было понять, что за человек эта женщина». Только для того, кто «умел держаться в формах того искусственного мира», отношения с Annette B. «были самые приятные». Еще один важный штрих дан в первом наброске: «Все друзья ее и постоянное общество были могущественнейшие люди мира». Упомянуто также, что в фрейлины, и все ее общество говорили по-французски.

Так в первоначальных набросках постепенно рождались образы героинь и героев, какими они должны появиться в начале романа. Найдя, наконец, благоприятную среду для того, чтобы начать сразу с действия, художник смело вводил в салон придворной фрейлины, а затем в дом князя Безухого, Ростова и Болконского знакомых и уже близких ему, живущих в его воображении людей. Почти все сцены, которыми Толстой пытался начинать произведение, а также найденные в ранний период персонажи вошли в законченный роман. Это весьма существенно для анализа идейно-художественной концепции, на которую опирался Толстой, приступая к работе. Творческий материал самого раннего этапа работы уже отвечал той цели, которая осталась непоколебленной на протяжении всей сложной, трудной, длительной творческой истории «Войны и мира».

* дозвучи.

...и пишу и обдумываю, как я еще никак
бы не мог, и не мог бы...

И. Толстой

Если бы полностью был напечатан роман «Война и мир» в его равной редакции, он удивил бы всех тех, кто не переставал повторять, что на раннем этапе был создан семейный творчески роман «интимно-интимного типа». Он удивил бы стройностью композиции, количеством действующих в нем лиц, вымышленных и исторических, охватом исторических событий и, главное, отношением автора к предмету. Ранняя редакция, разумеется, сильно отличается от известной всем «Войны и мира», тем не менее это уже созревший плод ясного замысла.

Проследить шаг за шагом, как создавалась ранняя редакция, значит пересказать ее содержание. А это было бы слишком громоздко; ведь по подсчетам самого Толстого она занимает 66 печатных листов. Можно лишь в общих чертах рассказать, как развивался сюжет и строилась композиция этого огромного многопланового произведения после того, как автор уяснил себе основное направление романа, и проследить, что удалось автору сразу, а что потребовало длительных творческих поисков и труда.

После того как определилось начало произведения, Толстой стал уверенно создавать завязку своего романа. Первая сцена — придворный Петербург перед войной. Действие начинается в июле 1805 года на вечерах фрейлины. Многочисленные пометы на полях рукописи, служившие в большинстве случаев эскизами позднее созданных художественных картин, дают возможность следить за ходом мысли автора. «Вечер во всем разгара. Разговоры с разных сторон. С одной о идеалистическом направлении двора нашего и антипатии императрицы матери и Александра. С другой — рассказ о Енгисенском. С третьей о дворе и интригах. Все размерено». Так намечены темы бесед в салоне. А вот схема дальнейшего развития романа: «Обзор политических

событий и переговоры. Нота 28 августа. Новосильцев в Париже. Ругают Австрию. Благодеяния государя, тайная коалиция, войска». Еще одна запись намечает содержание беседы хозяйки вечера с первым гостем, князем Василием: «Винценгероде в Австрии. Не так делается его дипломатия. Зачем переговоры? Затем, чтобы потом задавить его. Пруссия будет видеть. Австрия подличает. На Англию надежды нет. J'ai vu Novosilzoff*. Они не понимают самоотверженности государя, но добродетель должна быть награждена». Эти самые злободневные политические вопросы в трактовке придворной элиты становятся известными из беседы двух ее представителей. Они первыми вступают в действие.

Князь Василий уже знаком и ясен Толстой, и характер его предстояло лишь развивать. Образ фрейлины Толстой начинает искать. Почти ничего не сказано о ее внешности. Первое, что мы узнаем о ней, — она была «одним из самых влиятельных лиц старого двора императрицы Марии Федоровны», представителем тех придворных, которые от долгого пребывания при дворе «делаются нравственными кастрами, не имеющими других интересов, как интересы своих покровителей, но которые взамен этого и утрачивают все дурное придворной жизни — зависть, интригу, страсть к повышению». Она была, продолжает Толстой, «серым слугою, как старая собака, старый дворовой, не признающий другой жизни, как жизнь при господине или госпоже»; эта преданная фрейлина «думала и чувствовала только то, что думала и чувствовала ее высокая покровительница».

Познакомив с хозяйкой салона, Толстой намечает план всего вечера: «Как держать дом? Княгиня Волконская брюхатая с работой. Ее муж недовольно смотрит на нее. Княгиня хлопочет о сыне. Morlemart. Как подать на блюде литератора. Рассказ о Енгисенском. Некоторые молчат и exclament**». Пользуясь найденными в первоначальных набросках чертами, Толстой без колебаний и новых поисков вводит в салон фрейлины знакомых ему людей: князя Андрея с женой, Пьера, Элен и Николая Курагиных. Князь Андрей «вошел с женой под руку с приемами человека, которому, несмотря на его молодость и неважные чины (он был в мундире гвардейского адъютанта), скорее будет скучно, чем весело, и который надеется встретить в этом обществе скорее низших, чем высших». Образ маленькой княгини сразу создан таким, каким и сохранился в романе. Княгиня производила на всех, кто ее видел, самое радостное впечатление, и только на князя Андрея вид ее оказывал «совершенно противоположное действие». Появляется

* Я видел Новосильцева.

** восклицают.

Пьер. Он изображен в том необычном для светской гостиной виде и в той роли, какие закрепились за ним в ранних набросках начала. «Все слушало с вниманием и уважением» рассказ виконта, и только один «хотел молодой человек с большой вытянутой влад...» словой, восторженный и рассеянный, видимо, не обращал никакого внимания на рассказ и рассказчика. Он вертелся на своем стуле».

Толстой намеревался было поднакомить со всеми гостями и прямо об этом заявил: «Прежде чем передать историю виконта, весьма рас пространенную впоследствии я должен описать некоторых из слушателей его, тем более что эти некоторые, кроме того, что замечательны сами по себе, не раз встретятся читателю в продолжении этой истории». Однако изолированное описание действующих лиц противоречило художественным принципам Толстого. Незадолго до начала работы над романом Толстой осудил эту практику в литературе и ставшую «невозможной» манеру описания «для чисто распорядительных: сначала описания действующих лиц, затем их биографии, потом описание местности и среды, и потом уже начинается действие». И главное дело, — все эти описания, иногда на десятках страниц, мешают знакомству читателя с лицами, чем неизбежно бросаются художественная черта во время уже начатого действия между вовсе неопределенными лицами»¹.

Толстой избрал второй путь. Зачеркнув обещание «описать некоторых из слушателей», он на полях делает помету для себя: «Кто слушает и как» и рисует выразительными штрихами образы гостей. Облик дочери князя Василия (в этом варианте она фигурирует под именем княжны Sophie), так же, как и впечатление, производимое ею на всех, почти полностью совпадает с тем, что известно по печатному тексту. Образ брата ее, Ипполита, также близок к окончательному, но в этой редакции больше подробностей, подчеркивающих отрицательный характер персонажа (во всем — во внешности, в манерах, в costume).

Не забыл Толстой напомнить, что «только такие дамы высшего общества, как Annette D., умют в лучшем виде «сервировать» значительных гостей», она сумела подать своим гостям виконта «как что-то сверхъестественно утопченное». Так же беспопотно автор проливает и над «изящным» рассказом виконта об убийстве герцога Орлеанского и над «красивым кружком» слушателей.

«Различные реплики, которыми слушатели перебивали рассказ виконта свидетельствовали об единодушном мнении всех о Наполеоне», которого, как и предполагалось в этот период, «никто из присутствующих не только не признавал... императором, никто не признавал его даже человеком. В глазах vicomte'a и его слушателей это был какой-то изверг рода человеческого, Cartouche, Пугачев, Кроуфорд, до сих пор ускользавший от заслуженной петли».

На фоне «единодушного мнения всех» резко выступают совершенно иные взгляды князя Андрея и, главное, Пьера. Оба они, как все наиболее прогрессивное дворянство, признавали Наполеона в первые годы его деятельности великим полководцем и носителем идей революции. Вокруг Наполеона пачался спор, затеянный Пьером. Он доказывал, что «революция была великое дело» и что Наполеон — «представитель великих идей». Никто из гостей «не одушевился» речами Пьера; Annette D. не могла себе простить, что пригласила этого юношу. Она не знала, что «он такой mal élevé * бонапартист». Автор добавляет здесь с явной симпатией к спорщику, что этот «молодой человек был хуже, чем mal élevé и бонапартист. Он был якобинец». Только князь Андрей любовался и «не нападал», а, напротив, поддерживал Пьера, который «огрызнулся на всех», доказывая, что Наполеон «желает мира и равенства».

Разногласию высказанных суждений Толстой дополнил своим мнением. Улучив минуту, когда разговор в гостиной «рассыпался на мелкий говор и язвительных проклятий и ругательств на бедного Наполеона», автор вставляет ироническую реплику: «Плохо было бедному Наполеону. И хорошо, что он не слышал этих разговоров. Он, впрочем, не любил таких разговоров. И часто за такие переданные ему разговоры во Франции так наказывали маркизов и виконтов, дюжес и графинь, что они ... молчали. Тех же маркизов и виконтов, которые вели себя хорошо и не рассказывали таких историй, он награждал званием камер-сержант, камер-фрейлин и т. д. при своем дворе. И таких, ведущих себя очень хорошо, было очень много... все так охотно пошло в придворную службу и прекратили рассказывать истории, что Бонапарт огорченно выразился, вспоминая свой призыв к дворянству Франции во время Египетской кампании и их отказ, что quand je leur ai montré le chemin de la gloire, ils n'en ont pas voulu. J'ai ouvert mes antichambres, ils se sont précipités en foule**». Так что, — заканчивает Толстой, — в то время, как у Annette D. его так брали, он жил спокойно в Луаре, считая себя самым лучшим человеком Франции и законным наследником Карла Великого».

Заканчивается рукопись эскизами наброском дальнейшего текста. В нем намечены и сцена разъезда гостей, поведение Ипполита Курагина, провожающего маленькую княгиню, и презрение князя Андрея к нему и приезд Пьера к молодому Волконскому, в беседа между ним и князем Андреем — все, вплоть до оргии у Анатоля, в которой Пьер принимает участие. Конспективной характеристикой Анатоля Курагина

* душно воспитанный.

** когда и показывал им путь славы, они не хотели. Я открыл им мою переднюю — они бросались толпой.

заключивается текст. А вот **«тягость для радости. Он как красивая кукла, ничего нет в глазах»**

Исправляя написанное, Толстой более всего задержался на характерах Пьера и Андрея; они оба равно выделялись на общем фоне общества, но важно было показать своеобразие каждого из них. Князь Андрей был «высокомерен в приемах, но вместе с тем утонченно умен, отчего высокомерие его еще более было замечено». Он мог «считаво» выслушивать миссия, не ссорившиеся с его взглядами. Но не мог этого делать Пьер, который был «вполне неприличен и резко отличался от всех бывших в гостиной» (особенно неприлично хозяйку), когда Пьер от всех бывших в гостиной стал говорить о Наполеоне как о «величайшем человеке мира». Причем испуг происходил, как подмечает автор, «не столько от слов, произнесенных молодым человеком, сколько от того, что слышавший, неосторожно и совершенно неприлично», которое выражалось в чертах юности. Не скрывая своей симпатии к «неприличному юному», Толстой изложил спор его с виконтом и завершил его своей оценкой и гостей и неуместных в этой обстановке персонных людей. В таком роде говорил много и долго Мг Рюрик только так как думать тогда многие образованные молодые люди. Странно было только то, что говорил он все это в таком обществе. Никто не слушал его с «уважением». Только князь Андрей «с ласковой и вместе насмешливой улыбкой поглядывая на него, то на хозяйку все ра». Утром следующего вечера, разсед гостей близки к завершению в описанных чертах.

До сих пор Толстой писал маленькие главы сразу перерабатывая их и медленно двигался вперед. Теперь, по видимому, изменив ход повествования настолько продумав, что автор, не отрываясь, создал большую рукопись, содержащую сцену в доме князя Андрея после вечера у Шерер, беседу его с Пьером, раскрывающую характеры двух друзей, их сходство и различия. В первом варианте беседу эпизодично пространнее, чем в завершеном, и охватывает бо́льший круг вопросов. Кутеж у Анатоля Курагина, куда, игнорируя общепринятую князю Андрею, приехал Пьер, в паре Долохова с английским офицером, читают главы «В Петербурге». Разговоры в придворном салоне дают представление о времени действия, о назревающей войне и о предстоящем развитии повествования. Выявлены центральные фигуры произведения и достаточно громко звучит голос автора. Затем действие переносится в Москву: именины у Ростовых и смерть графа Безухова.

* * *

Прошло два месяца после вечера в салоне Анны Павловны. «В Москве у графа Простого праздновались именины жены». — начал было Толстой, но на первой же фразе оборвал странный рассказ

и, прежде чем перейти к картинам Москвы, написал небольшую главу (в анализируемой рукописи 36-ю), резко вырывающуюся из всего созданного в этом моменту текста. Это полное полемическое задора отступление, в котором автор пытается разъяснить читателю, почему до сих пор речь шла «только о князьях, графах, министрах, сенаторах и их детях», и предупреждает, что, вероятно, и впредь в этой истории не будет других лиц. Объясняя, почему он не может угодить вкусу тех читателей, которым «интереснее и поучительнее истории мужиков, купцов, семинаристов», автор заявляет, что «жизнь купцов, кучеров, семинаристов, каторжников и мужиков» представляется ему «однообразною, скучною», что все действия этих людей ему представляются «вытекающими большей частью из одних и тех же причин: зависти к более счастливым состояниям, корыстолюбия и материальных страстей», что «трудно их понимать и потому описывать».

Нельзя рассматривать это неожиданное заявление Толстого изолированно от всей его деятельности и от творчества предыдущих лет.

Вряд ли будет правильно, опираясь только на стоящее особняком заявление, делать решительные выводы об идеальных позициях Толстого в то же время писания «Войны и мира», не сопоставляя заявление со всем тем, что было написано за полтора, примерно, года работы над «историей из 12-го года».

Рукопись, в которую входит эта глава, создавалась не позднее первой половины 1861 года. До этого времени Толстой около года состоял мировым посредником, притом мировым посредником первого призыва. Это было «интересно и увлекательно» для Толстого, но все впечатление «возмущающее» его «всеми силами души». Дворяне, землевладельцы Крапивинского уезда, подали заявление предводителю дворянства, сообщая, что «все действия и распоряжения» Толстого «увязочны и оскорбительны» для дворян, возбуждают в крестьянах «враждебное расположение к помещикам» и принесут дворянам «огромные потери их достоянию».

В начале шестидесятых годов Толстой был охвачен делом, которое, по словам Д. И. Писарева, «сделалось современным жизненным вопросом, обратившим на себя внимание лучших людей нашего общества», — это было народное образование. «Народное образование в настоящее время для нас, русских, есть единственная законная сознательная деятельность для достижения наибольшего счастья всего человечества», — заявил тогда Толстой. «Цель одна — образование народа», — записал он в дневнике. И не видел тогда «другого средства содействовать образованию, как самому учить и отдаваться совершенно этому делу».

Три года жизни Толстой буквально отдал школе для крестьянских детей в Ясной Поляне и организации таких школ по всему

русскому полю. До того полемического отступления в романе написаны и опубликованы «Аутопомичка», «Поликушка», в которых Толстой проявил исключительный интерес к жизни народа и делал попытки решить основной вопрос, разделивший тогда общество на партии — вопрос об освобождении крестьян. «Невозможность жизни правильной помещика — единственного нашего века — с рабством» была, по свидетельству Толстого, «главной мыслью» «Романа русского помещика». В педагогических статьях того же периода работы над романом, ясно высказано убеждение, что «в допотопных работников лежит и больше силы и больше достоинства, чем в поколениях баронов, банкиров и пролетариата».

В этих и в других статьях Толстой впервые печатно заявил о том, что именно в народе заложены огромные духовные силы, и в том, что именно в народе заложено искусство. Толстой решительно высказался в начале пятидесятых годов свое ничем никогда не поколебленное убеждение о преимуществе народного искусства перед извращенным искусством привилегированных классов. Нельзя не вспомнить созданный Толстым еще до установления связи с народом роман о Севастопольской эпопее: героем их был «народ русский», и Толстой, как никто, сумел показать, что сила любви к родине, истинный героизм и мужество свойственны именно народной массе. А главный герой незаконченного произведения о декабристах, приведшего автора к «Войне и миру», — это «сила России в нас — в народе». И лишь только до «Декабристов» и «Войны и мира» — так же общенародная деятельность их автора — Толстой высказал, что «любовь выкапывала мысль, близкую самому автору».

Воспоминания Толстого в печати несомненно, убеждают, что, начиная с пятидесятых годов писатель занимал в русской литературе позицию такую и демократическую позицию, и мысль его «направлялась» к «народу» и к «крестьянским массам» (М. Горький).

В романе «Война и мир» продолжала ту же линию глубокого интереса к народу. А то общество, к которому Толстой в этом романе с гордостью причисляет себя, он то и дело с необычайной резкостью обличает, всегда только в том смысле, в каком эта среда своих главных «вымышленных» героев — Пьера и Андрея Болконских — хотя бы внешне — связывал с аристократическим кругом,

го (Пьер даже внешнеюстью не подходит к этому обществу; в одном из вариантов Толстой пытался сделать Пьера внешне похожим на «мужика»: руки его были приспособлены вращать пудовиками, он даже заставлял Пьера «ковырять в носу», чтобы резко всем поведением отличить его от изысканного, но насквозь лживого общества. Кстати, эти именно манеры, которые для Пьера в устах автора служат положительной характеристикой, упоминаются в полемической главе совсем в ином плане. Автор заявляет, что не может «верить в высокий ум, тонкий вкус и великую честность человека, который ковыряет в носу пальцем и у которого душа с богом беседует». Зачем же понадобилось приписывать «некультурность» именно Пьеру, в «великую честность» которого автор так убежденно верил?

За год до появления полемической 36-й главы был создан седьмой вариант начала романа, где описано Аустерлицкое сражение: лицемерие, фальшь, ложному патриотизму и карьеризму штабной верхушки противопоставлено отрешение простых солдат от всего личного, высота духа русской армии, охваченной истинно великим порывом. Идеино связан с героической армией, а не с аристократической верхушкой Андрей Болконский, который лишь по внешним манерам оставался изысканным аристократом. А еще раньше в одном из набросков предисловия автор объявил, что задачей нового произведения было показать, как «сущность характера русского народа и войска» проявилась и в период неудач в первых войнах России с Наполеоном и как она же была причиной торжества России в 1812 году.

Как бы там ни было, но остается бесспорным факт, что в текст произведения, задуманного как «величественное, глубокое и всестороннее» по содержанию, врезалась глава, противоречащая всему предыдущему в деятельности и творчестве Толстого. Написана она почти одновременно с полемической комедией «Зараженное семейство», направленной против «Современных людей» (так называлась комедия в одном из черновых вариантов)². Кроме того, существует признание Толстого, сделанное им еще в октябре 1863 года в письме к тетке А. А. Толстой: «Доказывает ли это слабость характера или силу — я иногда думаю и то и другое — но я должен признаться, что взгляд мой на жизнь, на народ и на общество теперь совсем другой, чем тот, который у меня был в последний раз, как мы с вами виделись. Их можно жалеть, но любить, мне трудно понять, как я мог так сильно»³.

Вряд ли можно, отбросив все предшествующее и все последующее, признать только на основе одно мгновения существовавшей главы и этого заявления в письме, что таково было мировоззрение Толстого в первый период работы над романом. Объяснение следует искать в крайней противоречивой натуре писателя. Вся почти деятельность

его в начале шестидесятых годов была непосредственным откликом на то идейное движение, которым жила тогда самая прогрессивная часть русского общества, однако Толстой считал, что он все делал по своим внутренним мотивам, не связанным с направлением эпохи. В старости уже на вопрос своего биографа П. И. Бирюкова об отношении к общественному движению шестидесятых годов Толстой ответил: «Что касается до моего отношения тогда к возбужденному состоянию всего общества, то должен сказать (и это моя хорошая или дурная черта, но всегда мне бывшая свойственной), что я всегда противился всякому влиянию паники, эпидемическим, личным, внутренним мотивам, действующим в то время особыми, личными, внутренними мотивами, которые привели меня к школе и общению с народом». Это был характерный для Толстого, неизменно в нем сохранившийся инстинктивный протест против общепринятых авторитетов, против всего, что несло характер массового движения. «Вообще я теперь узнаю в себе, — говорил Толстой П. И. Бирюкову, — то же чувство отпора против всеобщего увлечения, которое было и тогда, но проявлялось в разных формах».

Инстинктивным чувством отпора против всеобщего увлечения шестидесятых годов правильнее всего объяснить и это полемическое авторское отступление, резко противостоящее создаваемой эпопее. Интерес к нему тут же пропал. Листы с 36-й главой были тогда же отброшены. Еще раз Толстой сделал было попытку вернуться к этой теме спустя несколько месяцев в одном из черновых, тут же отброшенных вариантов перешедя к первой части. Позже ни в процессе работы над романом, ни в дальнейшем творчестве Толстого мысль о пренебрежительном интересе к жизни графов и князей не появится никогда.

• 2 •

Рассел за этим неожиданно проявившимся отступлением Толстой вернулся к Москве в канун войны. Три персонажа из части «В Петербурге» и являются теперь в Москве, связывая тем самым два круга событий жизни лиц Анна Михайловна Друбецкая, добившись в Петербурге от князя Василия перевода сына в гвардию, вернулась в Москву к богатому родственнику Ростовым, у которых воспитывался ее сын. Кроме того, в Москве она рассчитывала получить какую-то долю наследства от жестокого отца ее сына графа Безухого. Князь Василий пришел в Москву в надежде получить наследство того же Безухого. Наконец, третий персонаж. Пьер, появившись теперь и у Ростовых, в доме умирающего отца Материалом для этого раздела послужил вариант начала, озаглавленный «День в Москве». Ясны и душевно

близки были автору добрые незамысловатые Ростовы, и изображение их не требовало больших поисков.

В том же варианте начала были во многом решены сцены в доме умирающего графа Безухого. Хотя Толстой не пересматривал роли князя Василия и княгини Друбецкой, однако главы эти потребовали немало труда. О психологически правильном поведении Пьера более всего заботился автор. Центральным эпизодом — борьба за «мозаичный портфель» с завещанием и интриги вокруг этого. Все участники борьбы выявлены через восприятие Пьера. Он «ужаснулся», увидев лицо князя Василия. Он «молча смотрел на борьбу за портфель и не узнавал ни князя Василия, ни Анны Михайловны, которая, как палачка, окрысившись, тянула портфель». Смертью графа Безухого завершилась тема «В Москве» летом 1805 года.

Иппиется третий цикл — «В деревне». Это — жизнь Болконских в имении Лысые Горы осенью 1805 года. Хотя Толстой был «недоволен» тем образом старого князя Болконского, какой сложился в варианте «Три царицы»¹⁰, тем не менее он воспользовался многими ранее найденными чертами старого князя, княжны Марьи и ее компаньонки. Без особых усилий (об этом всегда позволяют судить рукописи) созданы были главы о Болконских. Последний эпизод — прощание князя Андрея с родными. В волнующем напутствии отца сыну выказались характеры Болконских, какими они обрисованы в ранней редакции. «Помни одно: коли тебя убьют, где следует, хоть и с Буонапарте теперь дерется, а и его пушки бьют, — коли убьют, скучно мне будет старику, скучно. — Он неожиданно замолчал. И вдруг крикливо голосом продолжал: — А коли узнаю, что князь Андрей Волконский хуже других, мне будет стыдно. А мне до семьдесят второго года стыдно не бывало. Это помни». Сын ответил: «Вам не будет стыдно». Отъездом князя Андрея в армию закончилась первая часть.

Создалось композиционно стройное повествование. Действие происходит в Петербурге, в Москве и в Лысых Горах в июле — сентябре 1805 года. Все пронизано темой надвигающейся войны. Но зная рукописей, трудно было бы представить себе, как четко была продумана на раннем этапе работы стройная композиция этого огромного произведения. С первых строк определялись четыре линии развития действия: в Петербурге, в Москве, в деревне, война. Они сталкивались, перекрещивались, неоднократно перемежались историко-философскими рассуждениями автора. Планомерное чередование сюжетных линий, обеспечившее непрерывность и одновременность действия, ни разу не нарушилось.

Заканчивая первую часть, Толстой предложил напечатать в журнале «Русский вестник» свое «писание», которое, как он говорил, он

«особенно любил» и которое ему «стоило большого труда»¹¹. В январе — феврале 1865 года под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год» была напечатана первая часть будущего романа «Война и мир». Группы глав получили названия: «В Петербурге», «В Москве», «В деревне». На очереди «Война».

* * *

Начата новая часть, на данном этапе работы — вторая¹². «От Аустерлида до Еллынта» — так Толстой позднее определил ее содержание. Но сначала коротко рассказал о жизни Пьера в Петербурге в новой для него роли богатого наследника, окруженного заботами князя Василия, который жаждет женить Пьера на своей дочери. Полностью оформился в ранней редакции рассказ о том, что привело Пьера к женитьбе на Элен. Князь Василий со своим беспутным сыном Анатолом, намереваясь женить его на богатой княжне Марье, приезжает в Лысые Горы. Это дало Толстому возможность еще раз показать Лысые Горы. Толстой стремится углубить психологическую тему. С одной стороны, «мучительные вопросы и сомнения», возникшие в душе княжны Марьи, ее мечта о семейном счастье, о детях; «бездна рассуждений» старого князя о том, «решится ли он когда-либо, для того, чтобы княжна Марья могла испытать счастье семейной жизни, расстаться с нею и отдать ее мужу». С другой — порочность Анатоля, который на жизнь смотрит, как на «восточную *partie de plaisir*», и столь же легкое, как у сына, отношение князя Василия к трудному серьезному делу женитьбы.

В это время князь Андрей уже находился в Ольмюнце. В Ольмюцкий лагерь перенесено действие. Сохранялся пока первоначальный замысел: войну 1805 года представить только генеральным Аустерлицким сражением, разгром русских войск. Так рождался замысел Толстого: прежде чем говорить о горьком грядущем России и борьбе с наполеоновской Францией, показать, как «сущность характера русского народа и войска» проявилась во времена поражений. Значительные совпадения, порой текстовые, между созданным год назад седьмым вариантом начала и новой рукописью убеждают, что ранний текст служил канвой для художественного описания войны. Это подтверждают пометы на полях первой рукописи: «Толки солдат из старого», «Строгая поща из старого», «Разговоры с плевными из старого». Содержание было определено, и композиционное решение найдено. Все известные по законченному роману эпизоды содержатся в ранней редакции: Ольмюцкий лагерь, приезд гусара Николая Ростова и встреча его с гвардейцами Друбыцким и Бергом, столкновение Николая Ростова с адъютантом

Болконским, затем смотр, стычка при Витшау, военный совет у Кутузова и, наконец, Аустерлицкое сражение. Сильнее, чем в раннем эскизе, проступает тема обличения иностранного командования: оно заботится лишь о том, чтобы «австрийские начальники не были под командою русских», чтобы «в тяжелые невидные места» посылать русских, австрийцев «приберегать для тех мест, где должна была решаться участь сражения», чтобы «слава завтрашней победы не могла быть отнята самопадными русскими варварами». Разумеется, ни в одном из исторических сочинений Толстой не мог найти подобных сведений. Сопоставляя все известные фактические данные, глубоко проныкая в суть вещей, пришел художник к этим исторически верным выводам.

Неизбежно возникает обличительный тон, когда рассказ переходит к «вышним сферам армии», где большинство людей было занято не завтрашним сражением, а «совсем другими интересами», только личными. «Сатиры штабных» хлопотали о том, «как бы им завтрашний день находиться в свите императоров»; некоторые добивались этого с мыслью, что «там, где будет император, менее всего опасности, некоторые из того соображения, что при императоре более всего будет награды». Совершенно иное настроение в армии — все было «пропитано чувством единства», в душе каждого «билося одно и то же чувство воинской предприимчивости и самоуверенной надежды» и, глядя «на эти громадные массы», строно двигавшиеся в одном направлении, каждому «становилось самоуверенно и весело на душе, и чувствовалось, что-то предпринимается великое и значительное». Авторское рассуждение не дошло до печати, но выраженная в нем мысль сохранилась.

В ранней редакции больше рассказано о тревогах и сомнениях князя Андрея в канун битвы. Ему стало ясно, что «решают сражения» не те приготовления, которые он наблюдал в штабе, а «единство мысли и действия, энергия и воодушевление, единство силы» в армии.

Картина самого боя, портреты Наполеона и Кутузова во время боя, поведение князя Андрея и других участников, ранее эскизно намеченные, облекались теперь в высокохудожественную форму. Важно отметить, что по созданному теперь варианту в Аустерлицком сражении участвует Тимохин — он идет вместе с князем Андреем — и, главное, Тушина и его батарея, стрелявшая картечью. Образ Тушина совсем не разработан, но роль его, роль народа в сражении определена. Кроме того, Толстой явно намерен связать Тушина с князем Андреем. «Жалкая и милая симпатическая фигура Тушина, с своей трубочкой ковылявшего между орудий» — было последнее, что видел князь Андрей в момент ранения.

В ранней редакции автор дал также разбор плана сражения и анализ диспозиции, предварившие картину разгрома русских войск, и видел

¹¹ Ужасительную прогулку.

короткий эпизод трагедии на плотине Аугеста, где «выказался» весь «дух дна». На этом страшном месте появляется Наполеон, «все в том же сюртуке, той же шляпе и тем же безучастным лицом» и безучастным выражением, с каким он смотрел на живых, он разглядывал «неподвижные и движущиеся тела» на поле сражения. «Господа его свиты, — пишет Толстой, — содрогались, пожимали плечами, перешептывались при виде некоторых страшных изуродованных трупов, но на его лице не выражалось ничего». Так изображен Наполеон в вычеркнутом позднее отрывке. Но настроение, с которым он написан, и ни разу не изменилось. Сцена, участником которых был Наполеон, и ни разу не изменялось.

Все, связанное в процессе поисков начала, использовано. Вероятно, в это время был составлен подробный конспект дальнейшего действия, начиная с того момента, когда на Аустерлицком поле раненый князь Андрей видит близко «своего героя» Наполеона, который представляется ему «еще теперь ничтожным и жалким». Все основные события жизни вымышленных героев отражены со множеством деталей в этом конспекте. Сюжет романа доведен до конца. Судьба действующих лиц завершается следующим образом: «Князь Андрей командует полком под Гродном обложив солдатами». Пьер «женат на Наташе». Николай Ростов «стоит в полку у княжны Марьи»¹³. Следуя конспекту, Толстой воссоздавал жизнь своих героев и исторические события, происходившие после окончания первой войны с Наполеоном — вплоть до Тильзитского свидания двух императоров.

Без сомнения, как что-то хорошо известное, рисует Толстой обед в Английском клубе в честь Багратиона, устройством которого был князь граф Ростов, столкновение Пьера с Долоховым, дуэль и затем смерть Пьера и Элен и, наконец, разрыв его с женой и отъезд в Петербург. Более всего задерживал Толстого митущийся Пьер, который, как и сам не мог найти себе душевной опоры и неожиданно обрел ее в мимолетной встрече с княжной Вяземской в ранней редакции некий старик масон издает в Петербурге в гостиницу к Пьеру с намерением «обратить» его к религии. Пьеру его ошибки в личной жизни, заинтересовал его масонство и через неделю был назначен прием Безухова в Петербургскую ложу Северного сияния». Масонский ритуал и зародившиеся в нем сомнения Пьера пока еще не описаны.

Но в преддверии писателю и жизни Волконских в Лысых Горах после Аустерлица считали князя Андрея погибшим. Хорошо известно по роману сцена — неожиданный приезд князя Андрея в Лысых Горах, роль мальчишки княгини и ее смерть — без существенных изменений дошедшим до печати кратким обзором военно-полити-

ческих событий за полтора года, когда кончалась вторая война России с Наполеоном, когда «все сословия России уже не шутя начинали оцепеневать». Хотя князь Андрей «оставался верен своему слову не служить больше в русской армии», они оба с отцом, «как ни различны и ни спорны были их взгляды», следили «с жадностью» за ходом политических и военных событий.

Иная атмосфера у Ростовых: гостеприимный дом, влюбляющаяся молодежь, предложение Долохова Соне и ее отказ, прощальная пирушка у Долохова и проигрыш Николая Ростова. После уплаты долга Николай уехал в свой полк «тихий, задумчивый и печальный», а старый граф с семьей «переехал в деревню, где его присутствие, как он думал, становилось необходимо, вследствие совершенного расстройств дел производимого преимущественно последним неожиданным долгом в 42 тысячи». Нет пока тапцевального вечера у Иогеля, оживленного вечера молодежи с Денисовым, пения Наташи и предложения Денисова. Эти сцены, без которых трудно теперь представить дом Ростовых, появятся немного позднее.

По первоначальному замыслу теперь в 1806 году князь Андрей впервые встречается с Наташей. По поручению отца князь Андрей отправляется к предводителю дворянства графу Ростову (тот не выполнил приказа об отправке ополчения). Так подготовлена нужная Толстому встреча. Но это еще не та памятная всем поэтическая встреча. Князь Андрей увидел престного мальчика с черными кудрями — это была пятнадцатилетняя Наташа в костюме мальчика (она готовила роль для домашнего спектакля в день рождения отца). Это все еще только неясные эскизы того, что искал художник. Но уже запечатлены важные для дальнейшего сюжета: семья Ростовых с первого раза расположила к себе князя Андрея, все в их доме «трогало» его и «все, что он видел, слышал, ярко отпечатывалось в его памяти, как бывает в торжественные и важные минуты в жизни».

Сразу меняется авторский тон, как только повествование переходит к придворному Петербургу. С нескрываемой иронией сопоставлены события, происшедшие между вечерами в салоне фрейлэйн, и то настроение, которое по-прежнему царило в салоне. «Сотни тысяч людей погибли под Ульмом и Ауегерлицем», — пишет Толстой. Буонапарте был признан императором, «уничтожил в две недели прусскую армию под Пеною, вступил в Берлин» и, объявив войну России, «обещался уничтожить ее новые войска так же, как и под Ауегерлицем». Но Анна Павловна независимо от каких бы то ни было событий, «давала в свободные дни у себя такие же вечера» и точно так же воспринимала все происходящее события только как желание европейских государей и полководцев «потворствовать Наполеону, чтобы сделать ей и вдовствующей

императрице эту нравственную неприятность и огорчение». Разговор на вечере фрейлины шел, разумеется, о политических злободневных новостях: не обошлось без осуждения Кутузова; на него в высших сферах азиатской линии за позор Аустерлица. В этой части, как и в следующих, изображение знати не требовало длительных поисков. Отношение автора было ясным, и слова отыскивались без особого труда. При последующей отделке текста чаще всего приходилось приглушать слишком резко звучащий авторский голос.

Заключившаяся эта часть свиданием Александра I с Наполеоном в Тильзите. Весь рассказ до Тильзитского мира, включая встречу двух императоров, не только по содержанию, но местами текстуально совпадает с окончательной редакцией. Главное отличие ранней редакции от завершённой — подробное описание самой встречи; почти скрупулезно восстановил Толстой по мемуарам свидетелей все детали этого свидания. Толстому важно было со всей остротой показать глубину различия в восприятии Тильзитского мира «высшими сферами армии», где немедленно переменились суждения о Наполеоне, и самой армией, где все было раздражено и возмущено позорным для России миром. Мнения высших сфер выражает в романе Борис Друбецкой, а болью войны — Николай Ростов. Почти тридцать лет спустя Толстой вспоминал: «как ему важно было описать свидание двух императоров в Тильзите. Но это не выходило так, как ему хотелось. «Это свидание», — говорил Густав, — получалось все время в стороне от всех событий, и мне никак не удавалось его с чем-нибудь связать. Неожиданно случилось само по себе, по ходу романа, что Николай Ростов должен был по делу Денисова передать прошение государю и с этой целью ехать в Тильзит, а раз уж он поехал в Тильзит, я мог подробно представить это свидание двух императоров»¹⁴.

Признание Толстого чрезвычайно интересно в нескольких планах. Прежде всего оно подтверждает, что историческая тема входила в замысел с самого начала работы над ним. Намерение описать Тильзитское свидание Наполеона и Александра возникло независимо от развития сюжета, и случившаяся «сама по себе» поездка Ростова в Тильзит дала возможность включить это историческое событие в общую ткань произведения.

Столь же важна вторая сторона этого признания. Оно лишний раз напоминает о том, что в истинно художественном произведении не может быть по убеждению Толстого, искусственных ситуаций, что события должны разворачиваться сами собой по строгой логике развития и вытекать одно из другого с той же естественной последовательностью, как и в самой жизни. Как бы ни было важно событие для выражения идеи, художественное произведение изолировано,

без связи, без сцепления с другими. Многие исторические факты и события, включенные в раннюю редакцию, были, как увидим дальше, исключены именно потому, что оказались в стороне от развития сюжета.

Рукопись с тематическими границами «от Аустерлица до Тильзита» закончена в декабре 1864 года.

Не удается установить, как и когда возникла мысль еще раз отодвинуть хронологическую границу начала военной темы, т. е. начать ее не с Аустерлицкого сражения, а с первых дней войны 1805 года. Быть может, Толстого натолкнули на это исторические документы, которые он изучал зимой 1864 года. Среди них были письма генерала Федора Петровича Уварова, участника войны, сочинения французского дипломата Жозефа де Местра, в одной из книг которого перечислены, как он определяет их, «пять замечательных сражений» Кутузова, предшествовавших Аустерлицу¹⁵. Вернее же всего, Толстому представилось более правомерным показать русскую армию не только в Аустерлицком поражении, но и в Шенграбенской победе. Известно только то, что, закончив описание Тильзита, Толстой не стал продолжать роман, а вернулся к первым дням войны, начал создавать своего рода пролог к Аустерлицу¹⁶.

Первая часть первого тома, к этому времени уже напечатанная, заканчивалась отъездом князя Андрея из Лысых Гор на войну. Первый набросок создаваемой второй части начинается словами: «Князь Андрей догнал главнокомандующего князя Кутузова на польской границе...» Показан князь Андрей в штабе Кутузова в Браунау перед началом военных действий. В главной квартире князь Андрей чувствовал себя «в том же, столь надоевшем ему петербургском мире питриг, женищ, французских фраз и пустоты». Штабные офицеры «возбуждали в нем чувство не только презрения, но отвращения и гадливости своей грубостью, грязностью и пошлостью занимавших их интересов». Напротив, находясь в командировках или при Кутузове во время смотров, он испытывал сильно одушевлявшее его чувство при виде «симметричных двигающихся масс». Впечатления князя Андрея позволяют узнать обстановку главной квартиры, да и сам автор рассказывает о «враждебной, но учтивой дипломатии австрийских и русских властей», о невыгодном положении Кутузова при австрийском дворе, о начале военных действий в октябре 1805 года, о предписании Кутузову идти на помощь Маку. На этом рукопись обрывается.

Толстой еще несколько раз начинал новую часть, пока нашел удовлетворившее его начало: стоянка Кутузова в Браунау и подготовка пришедшего полка к смотру.

По новому замыслу, парод на войну впервые будет изображен не в Аустерлице, а в начальный период войны. Толстой стремится показать национальный дух армии в тот момент, когда она впервые появляется в действии. Вдохновенно говорит Толстой о том, как войска проходили польские деревни и города, Богемия и все так же «с русскими песнями, русским говором, русскими мыслями и русскими привычками... проносилась русская душа... и чем дальше уходили, тем плотнее сжимался этот точно кусок России, который оторвался от нее и пошел с штыками и пиками, пешком и верхом ходить по разным землям, и чем дальше, тем беззаботнее, и веселее, и русее казался этот оторванный кусок России. Все, что было слабого, ленивого, трусливого, — все оставалось по голытилам сади». Такова сущность характера русского войска, которая будет выказываться во всем военном действии.

Два плана и ряд конспективных записей¹⁷, относящихся к создаваемой новой части, говорят о том, что в мыслях она уже созрела. Однако, судя по черновикам, большие творческие усилия понадобились для того, чтобы в художественных сценах разоблачить австрийские придворные и военные круги и показать, какое трудное положение создали они для Кутузова и его войска.

Образ князя Андрея, его идейная эволюция были также предметом напряженного труда. Своего героя, подвиг которого под Аустерлицем уже был предпринят, Толстой вел к вере в силы народа. Он сталкивал его с различными кругами людей, вводил его в такую атмосферу, которая толкала и переменяла его прежних взглядов на войну и роль народа в войне. Решающая роль в предстоящей перемене взглядов была предназначена Тушину в Шенграбене. Однако психологически правильно воплотить этот замысел удалось лишь после многократной переработки глав, предшествующих Шенграбенскому сражению. В черновом варианте читаем схематически набросок размышлений князя Андрея после Шенграбенского сражения: «Я все могу. Могу найти смысл в этих толлах и мыслях». Далее от лица автора: «Князь Андрей в избе записывает, ему приходит мысль, что Тушин прав, но он стремится разумом объять все».

Шенграбенское сражение, атака, в которой участвовал Николай Ростов, так же как и все окончание второй части, и по содержанию, и по художественной форме удалось Толстому почти сразу.

Вторая часть напечатана в том же «Русском вестнике» в феврале — апреле 1866 года под тем же заглавием «Тысяча восемьсот пятый год» с подзаголовком «Война». На этом печатание романа прекратилось. Толстой решил не печатать по частям незаконченный роман, а выпустить его отдельным изданием, после завершения его.

Толстой вернулся к отложенной рукописи «от Аустерлица до Тильзита», которая стала теперь третьей частью. «Весь день хорошо обду-

мывал много, писал мало», — отметил он в дневнике. Тогда же писал А. Е. Берсу: «Я свеж, весел, голова ясна, я работаю — пишу по 5 и 6 часов в день... Дописываю теперь, то есть переделываю и опять и опять переделываю свою 3-ю часть».

Третьей частью Толстой считал теперь ранее созданный текст «от Аустерлица до Тильзита», к которому он приступил снова после того, как закончил и сдал в печать возникшую новую, вторую часть. Необходимо было прежде всего привести в соответствие эти две части. Когда военная тема открывалась Аустерлицем, Шенграбенское сражение упоминалось в разговорах персонажей, и лишь таким путем вводились некоторые данные о нем. Теперь, когда Шенграбенское сражение полностью изображено в действии, разговоры о нем оказались лишними. Главное, из описания битвы под Аустерлицем пришлось исключить эпизод с батареей Тушина, так как он стал центральным событием, решившим участь Шенграбенского боя.

Кроме того, по всей рукописи была проведена обычная для Толстого огромная стилистическая правка. Вписаны новые главы — Ивер в киевских имениях, князь Андрей в Богучарове и встреча обоих друзей после 1805 года.

Так создались три части ранней редакции романа — от вечера у Шерер накануне войны 1805 года до Тильзитского мира включительно.

* * *

«Романа моего написана только третья часть, которую я не буду печатать до тех пор, пока не напишу еще шесть частей, и тогда, лет через пять, издам все отдельным сочинением»¹⁸ — так писал Толстой в конце 1865 года. К этому времени относится намеченное Толстым распределение романа на части:

1 ч. — что напечатано.

2 ч. — до Аустерлица включительно.

3 ч. — до Тильзита включительно.

4 ч. — Петербург до объяснения Андрея с Наташей включительно.

5 ч. — до эпизода Наташи с Анатолом и объяснения Андрея с Pierre'ом включительно.

6 ч. — до Смоленска.

7 ч. — до Москвы.

8 ч. — Москва.

9 ч. — Тамбов.

Проставлена еще цифра 10, но содержание десятой части не раскрыто.

Первые три части готовы; содержание остальных намечено. Пользуясь подзаголовками опубликованных частей, Толстой наметил композиционную схему:

В Петербурге	} 9 л.	В Москве	} 3 л.
В Москве		В деревне	
В деревне		В Москве	
За границей	7 л.	В Петербурге	} 3 л.
В Петербурге	} 4 л.	В деревне	
В деревне		Тильянт	
В Москве		Письмо	} 5 л.
Аустерлиц	5 л.	В Петербурге	
		В деревне	
		В Турции	3 л.

Эта схема важна в том смысле, что она дает самое точное представление и об объеме написанных к тому времени частей и о вполне сложившейся стройной композиции всего произведения. Перенос действия из Петербурга в Москву, в Лысье Горы, на чередовые позиции, опять в Петербург, Москву, деревню, Толстой связывал жизнью своих героев с военными и общественно-политическими событиями в стране.

Без отрыва пера пишет Толстой дальше свой роман до конца. Сохранилась единая рукопись — автограф; в ней 363 листа, исписанных с двух сторон¹⁰. Рукопись открывается обзором событий после Тильянтского мира и заканчивается кратким конспектом событий после Тильянтского мира и заканчивается кратким конспектом замыслу. Внешний вид рукописи автору по первоначальному замыслу, на огромном творческом подъеме. Толстой не задерживается больше в работе, не дает по частям в переписку. Он движется вперед, делая тут же на полях многочисленные заметки как для исправлений и дополнений только что написанного, так и для того, о чем предстоит писать.

Четвертая часть — «Петербург до объяснения князя Андрея с Наташей». Как установилось, каждая часть открывается небольшим вступлением, посвященным тому историческому периоду, в пределах которого будет происходить действие. Теперь надо рассказать о жизни России в 1808—1810 годах. «Никто уже не помнил о Буонапарте — корсиканском выходе и антихристе: не Буонапарте был, а был великий человек Наполеон». Так начал Толстой вступление к четвертой части. Характерная обстановка всеобщего преклонения перед Наполеоном. Дружба «двух пластилинов мира» дошла до того, что когда Наполеон объявил войну Австрии, то русский корпус выступил на границу для содействия своему прежнему врагу Буонапарту».

Такова внешнеполитическая обстановка. Главное же внимание русского общества обращено не на войну, а на «внутренние преобразования, которые были производимы в это время императором во всех частях государственного управления». Толстой дал подробный анализ внутренних преобразований, проводившихся Александром I, указав на то, что примером для подражания служила «отчасти Англия, отчасти наполеоновская Франция», указав на разногласия между «неповоротливыми» во главе со Сперанским и противниками преобразований, как Карамзин с его запиской о старой и новой России.

Действие открывает князь Андрей, несколько возрожденный душевно после встречи с Пьером, после удачных реформ в своем имении Богучарово. По рекомендации Пьера князь Андрей был принят в масоны. Живя безвысадно в деревне, князь Андрей следил за преобразованиями Сперанского и постепенно начинал тяготиться своей уединенной, казавшейся ему неплодотворной жизнью.

Появляется эпизод с дубом как символ душевного возрождения князя Андрея. Толстому сразу удалась картина ранней весны, рисунок «корявого», «презрительного» дуба, а затем того же дуба, зазеленевшего и «подавлявшего своей красотой и счастьем березовые деревья. Над весенним счастьем которых он прежде так мрачно смеялся». Мысли князя Андрея о дубе уже в этом варианте связывались с воспоминанием о Наташе, о той девочке, которую он мимолетно видел в Отрадном. Однако символический и глубоко психологический эпизод с дубом еще не занял того композиционно важного места, которое ему отведено в завершенном романе.

Обострившийся интерес князя Андрея к общественной жизни привел его опять в Петербург, куда, упомянул кстати автор, уехали и Ростовы; «дела старого графа так расстроились, что он поехал искать места на службе».

Толстой знал уже, что в Петербурге князь Андрей встретится с Пьером и будет вести с ним задушевные беседы; знал, что князь Андрей увлечется деятельностью Сперанского и вскоре разочаруется в ней; знал, наконец, что произойдет встреча Болконского с Наташей, — но не сразу нашел форму для столь четко продуманного содержания.

«Все предполагавшееся тогда переустройство России, готовившееся к началу 10 года», казалось князю Андрею «существенным благом для народа и первым на очереди вопросом». Участие князя Андрея в преобразованиях Сперанского позволило Толстому осветить деятельность Сперанского, высказать свое отношение к нему, то самое, к которому придет князь Андрей, и дать широкую картину государственной и общественной жизни в 1809—1810 годах. Для того чтобы работать со Сперан-

ским, князю Андрею «надо было верить, что все скверно старое, и князь Андрей верил в это».

В первой редакции «Войны и мира» Толстой отразил все главные вопросы, входившие в план реформ государственного управления: политическое переустройство государства, крестьянский вопрос, преобразование просвещения, суда и администрации. Во всех этих областях Болконский работал «с охотой, упорством и успехом». Затем Толстой схематично наметил, как закончится деятельность князя Андрея: «Он дружески разошелся с Сперанским и стал составлять общее законодательство и для того поехал учиться за границу». В этой же записке отмечена поездка Болконского на бал и перемена в его настроении: «Он почувствовал себя счастливым и готовым к счастью». Эта схема потом во многом изменится.

Не сразу Толстой нашел место для встречи князя Андрея с Наташей. Сначала встреча происходит на свадьбе Веры Ростовой с Бергом. На семейном вечере присутствует и Анатолий Курагин, который в то время был «львом Петербурга». Так подготавливалась «история» Наташи с Анатолем. Такой план отпал, и в той же рукописи появился придворный бал. Сборы Ростовых на бал, самый бал, впечатление, произведенное Наташей на Болконского, визит князя Андрея на следующий день к Ростовым, признание Пьеру в своей любви к Наташе, визит Пьера к Ростовым, чтоб «высказать свою радость», ночной разговор Наташи с матерью, вечер у Бергов и далее до предложения князя Андрея и отъезда его к отцу в Лысые Горы, а затем за границу — в такой последовательности создавалась сюжетная линия четвертой части ранней редакции. Много трудился Толстой, стремясь раскрыть душевные переживания Наташи и князя Андрея после их встречи на балу и вплоть до обручения, передать внутреннее состояние Пьера, который, испытывая растущее чувство любви к Наташе, боролся с ним.

Толстой подошел к пятой части. Центр ее — «эпизод Наташи с Анатолем». Но этому предшествовали картины отраденской жизни Ростовых, приезд их в Москву и жизнь в Москве отца и дочери Болконских. Появившийся в это время конспект опять рассказывает, как много уже обдумано было Толстым. Первым вступает в действие Николай Ростов, который «сидел в полку эскадронным командиром. Он испытывал то перемещение интересов и ту военную поэтическую праздность, которую нельзя описать, ежели не испытал ее». Жизнь Николая в полку прерывается письмом от матери: «Отец медлит, дом не продан, приезжай, помоги нам». «Вдруг весь взгляд на вещи изменился: награда, эскадрон, песенники далеко, впереди только дом, Наташа, Соня». Таков конспект. Нетрудно вспомнить, что именно так развивалось действие и в законченном романе. Отражены в этом конспекте и гнев

Николая Ростова на управляющего Митиньку, и тоска Наташи после отъезда князя Андрея за границу, ее требование: «дайте мужа»; намечена и охота. Заканчивается конспект отъездом старого графа с Наташей в Москву, где произошла встреча с Анатолем. «Наташа кокетничает», она «пишет письмо Андрею, что она погибла». Программа ясная. По намеченному эскизу создавалась картина жизни Ростовых в деревне и затем в Москве: приезд Николая Ростова в отпуск, жизнь семьи в Отрадном, охота, святки, возвращение Николая в полк, отъезд графа с Наташей и Соней в Москву — все это не только по композиции, но и по содержанию почти совпадает с законченным текстом.

Интересны лишь несколько разнотечий. В ранней редакции картину отраденского быта Ростовых дополняют слепой сказочник, который «рассказывал на ночь графине сказки»²⁰, и «два шута в золотых бахромах», которые «приходили к столу и чаю и получали полоскательные чашки с чаем, с сухарем» и «говорили свои заученные, мило смешные речи, которым из снисходительности улыбались господа». На святках ряженная молодежь Ростовых едет не к соседям Мелюковым, а к дядюшке, и о гаданиях им рассказывает Апполинария Федоровна. Богатая невеста, на которой ради поправления дел графиня хотела женить Николая, была не Жюли Карагина, как в печатном тексте, а Жюли Ахросимова, которая упоминалась в наброске начала среди гостей Ростовых и пока еще оставалась в романе.

От Ростовых автор переходит к другим персонажам, к тем, с кем Наташа встретится в Москве, — к Пьеру, к Болконским (старому князю и княжне Марье), находящимся в это время тоже в Москве.

Как всегда, когда действие переходило к Пьеру, на первое место выступала психологическая тема, отнимавшая у автора много творческих сил. Предстояло поведать об углубляющихся сомнениях Пьера в масонстве, об его душевных тревогах, связанных с чувством любви к Наташе. Как он ни боролся с ним, оно усилилось и особенно волновало Пьера после обручения Наташи с князем Андреем. Не до конца были в первой редакции решены эти вопросы в теме Пьера, но они уже достаточно были развиты.

Без больших поисков складывались картины жизни в Москве княжны Марьи с отцом, который «сделался тотчас же предметом особенной почтительности москвичей и центром московской оппозиции правительству». Ближе к печатному тексту описание обстановки их старинного дома, рассказ о «внутренней домашней жизни», которая за последнее время стала так мучительна для княжны Марьи, что «она уже не скрывала от себя тяжесть своего положения». Откровенная беседа княжны Марьи с Пьером о себе, ее расспросы о Наташе, сцена обеда

в девяти ямении старого князя, разговор за обедом на политические темы - все было найдено при работе над первой редакцией произведения.

Только один эпизод - столкновение старого князя с «вошедшим в моду» французским доктором Метивье - по форме отличался, по существу же и этот выдуман для образа Болконского эпизод был тогда же решен: старый князь, «вондя в бешенство», выгнал доктора с криком: «Вон! Шпыон! Вон!»

В пятой части немалое место заняли Друбецкие. Расчетливый брак Бориса Друбецкого и Юлии контрастен высокой любви князя Андрея к Наташе. Все детали женитьбы Друбецкого как в завершенном романе, так и в ранней редакции направлены только на то, чтобы показать, что Юлии было нужно «сделаться женою флигель-адъютанта», а Борису брак пужки был «для того, чтобы с меланхолической невестой получить нужные три тысячи душ в Пензенской губернии».

Освещая жизнь некоторых московских обитателей, показав затем «общество кутила», «холостого мужского света», где первенствовали Додохов и Анатолий Курагин, Толстой вернулся к Ростовым.

Хотя замысел «истории Наташи с Анатолем» был отражен в набросках буквально с первых дней работы над романом, однако в воображении писателя этот важный «узел», как он называл его, все еще не сложился. Подходя теперь к нему вплотную, Толстой, видимо, не смог изобразить его так, как хотелось, и ограничился пока конспективным наброском. Короткая сцена в театре, где Анатолю приглянулась Наташа. Их знакомство произойдет совершенно при иных обстоятельствах, чем в законченном романе. Но ранней редакции события развернулись в Отрадном, куда старший граф пригласил Анатоля, познакомившись с ним в Москве. Наташа признается Соле в своей любви к Анатолю. Соня требует объяснения у Анатоля, обвиняя его в непорядочности. Анатолю ужасно, а Наташа пишет князю Андрею письмо с отказом. Тут многое не досказано, условный эпизод личной жизни героев остался недоработанным.

Катастрофа с Наташей, пока еще только намеченная, - последняя тема пятой части ранней редакции (по завершенному роману - пятая часть второго тома). Толстой заметил конспективно и реакцию князя Андрея: узнав об измене Наташи, он был ослеплен «на весь мир».

Оставив почти в конспективном виде окончание пятой части, Толстой перешел к шестой. В начале ее описана жизнь князя Андрея весной 1812 года в Турции, где он, отказавшись от штабных должностей, которые ему предлагал Кутузов, служил командиром батальона пехотного полка (Этот эпизод не вошел до окончательного текста.) Он не переставал мечтать о Наташе и намеревался оставить военную службу, чтобы скорее начать новую жизнь с Наташей (об измене ее он еще не знал).

Тема князя Андрея закончилась письмом Пьера, в котором «рассказывалась неосторожно история падения Сперанского и всех планов конституции и писалось о предстоящей войне 1812 года». Письмо взволновало князя Андрея. Первая мысль его была: «Неужели он не примет участия в этом деле, решающем участь отечества?»

В конспекте, которым закончилась предыдущая часть, отражено настроение Николая Ростова в это же время: «Отечество прежде всего».

Итак, тема Отечественной войны 1812 года вошла в роман, но Толстой пока не стал ее развивать. Надо было дорисовать судьбы «вымышленных» героев, которые должны стать участниками войны. На них и сосредоточилось внимание Толстого. Писатель ограничился пока пространным конспектом второй половины всего романа, включая эпилог, и вернулся к неудавшейся ему истории Наташи с Анатолом. Ни одна из военных сцен, ни одно из рассуждений о войне и военной истории (кроме эпилога) не требовали такой сложной многократной перестройки, как этот эпизод, о чем красноречиво рассказывают листы рукописи. Лишь после долгих творческих исканий вандей психологически правдивый поворот темы, хотя в созданном тексте есть еще значительные отличия от заверщенного.

Вслед за историей Анатоля с Наташей идет рассказ о пребывании князя Андрея в Турции. Там он получил письмо Наташи с отказом. Вновь тревожные сомнения — «что же правда?» — захватили князя Андрея.

Князь Андрей снова в России. Пьер тщетно убеждает его простить Наташу. Через Пьера князь Андрей возвращает Наташе ее письма и портрет. В услужливое отношение Пьера к больной после всего пережитого Наташе теперь явно врывается не вполне еще осознанное чувство любви к ней.

Так закончилась первая половина романа. Уяснились личные судьбы «вымышленных» героев в 1812 году. Предстоит художественное отображение «славной для России эпохи», интерес к которой и породил замысел «Войны и мира».

* * *

Условные моменты военной темы определились в конспекте: «Наполеон подходил к Неману, война неизбежна», «Смоленск взят», «В Москве приезд государя», «Московское собрание», «Бородино», «В. Денисов партизан», «Государь завидует Кутузову». Кроме основных исторических вех, довольно подробно намечена жизнь различных кругов общества и жизнь главных персонажей.

Старый князь Болконский «сидит с Воюиелле, и забота мучает его больше и больше. Вооружает, укрепляет». После известия о том, что

«Смоленск взят и занята деревня французами», у старого князя ночью наступает горячка, и он умирает. Княжна Марья, услышав от Бурьени, что «Бонапарт идет в Лысые Горы и что одно средство — принять», немедленно «сзывает людей и вооружается». Намечалось, что в это время приезжает князь Андрей и «увозит ее дальше», но немедленно возник другой замысел: княжна Марья сообщает брату о положении в Лысых Горах, но он отвечает, что «не может и едет в Смоленск». Обращают на себя внимание записанные здесь же слова княжны Марьи: «Тихон, скажи, как это стреляют?» Видимо, у Толстого мелькнула мысль заставить княжну Марью активно действовать при появлении французов. О князе Андрее узнаем, что после наташинского отказа он «написал просьбу о своем определении в действующую армию». Известно также, что он поехал в Смоленск. Нет никаких творческих наметок о поведении князя Андрея в Бородине, есть намек лишь на встречу раненого князя Андрея с Наташей и, наконец, совсем другой финал личной темы: выздоровев после ранения, князь Андрей узнает, что Пьер любит Наташу, «уступает» ее ему, «плачет и уезжает».

Еще скуднее, нежели князь Андрей, представлен в конспекте Пьер. В Слободском дворце, на собрании купцов и дворян он «кричит ура»; в Бородине «ездит под огнем»; приезжает в Тамбов, куда вехали Ростовы, «и вдруг узнает, что может любить». Дополнительная записка, важная для образов князя Андрея и Пьера: «Риетго говорит о самопожертвовании, а Андрей делает, не говоря».

О Ростовых узнаем: в московском собрании старый граф «сидит продирается, не слышит о чем, но плачет и кричит»; после Бородины «Ростовы слышат гул, и привозят им раненых»; «Ростовы уехали в Тамбов». Отдельно намечена личная линия Николая Ростова. Родители получают от него письмо из Лысых Гор. «Он любит княжну Марью»; «Nicolas Ростов и княжна Марья обручены, получили согласие брата».

Несмотря на краткость заметок, достаточно выразительно выступает в конспекте высшее петербургское общество: «Щерер, Румянцев. Князь Василий за мир». «Растерянность, ненависть к Кутузову».

По этому конспекту развивалось действие в первой редакции. Историко-философские отступления стали по мере расширения исторического действия занимать все большее и большее место. Вся сюжетная схема от перехода Наполеона через границу до приезда Кутузова в Цареву-Займице в качестве главнокомандующего полностью совпадает с главами заверщенного романа.

Повествование о 1812 году начато обзором политических событий в канун войны. В обзор включены полностью письма, которыми обменялись Наполеон и Александр весной 1812 года. Опираясь на эти письма,

Толстой развивал свои рассуждения о фатализме в истории и заключил оба в выводом: «То, что имело совершиться, должно было совершиться».

Вилью Толстой ищет, как начать действие. В первом наброске оно открывается сценой гуляния в Вильно, где около месяца находился Александр I с военным двором. Гуляние происходило 11 июня, т. е. накануне того дня, когда Наполеон перешел русскую границу. На гулянии Борис Друбецкой в «с иголочки новом мундире с одним эполетом и аксельбантом, с той гордой и спокойной особенностью придворного молодого человека, для которого мир существующий ограничен весьма малым количеством придворных людей», встречается с Hélène, которая сидела «в шелку, кружевах», в коляске, запряженной «великолепным польским цугом», и была окружена генерал-адъютантом и графом польским и русским.

Борис подошел к ней (Толстой особо останавливается на этом), «потому что хорошо было с ней иметь вид близкого». Они поговорили о предстоящем бале, который придворные затеяли даже государю в «прекрасном загородном доме Беннгсена; она обещала ему второй котильон, и они разошлись».

По первому наброску ясна намеченная для Бориса и Элен роль в великом историческом событии. Они — с придворными кругами («*Une femme du monde — она, un homme du monde — я**», — так думал об Элен и о себе Борис Друбецкой).

Описав гуляние, Толстой намеревался сразу перейти к вечернему балу, но, не докончив первой фразы, изменил план, решил подчеркнуть смысл событий приемом контраста — парадному гулянию в Вильно противопоставить событие на Немане. «В то же самое утро, как происходило это гуляние в Вильно, в это особенно замечательное прекраснейшее летней погодой после грозы утро 11 июня польский майор Сухаревский, в первый присад Непле в Бартешистени очень близко знакомый с нею, теперь, находясь в службе у императора Наполеона и отделенный от Непле и всего русского, несмотря на близость расстояния, больше чем океаном — цепью часовых, стоял с своим полком недалеко от Ковно на берегу Немана».

Затем действие перенесено к Наполеону. Он готовится перейти через Неман. Уже многое сказано. Ясна оторванность придворных кругов России от жизни страны. В то время, когда в аристократических кругах России ничто не предвещало тревоги, Наполеон полагает на русскую границу.

Блестящее гуляние и предстоящий придворный бал, с одной стороны, и начало войны — с другой создают явный автору контраст.

* светская дама... светский человек.

Очень важно для основной мысли автора противопоставление: «особенно замечательное прекрасной летней погодой утро» — и начинающаяся война, т. е. то, что, как говорит Толстой в своих рассуждениях, «противно самому человечеству и потому не может происходить по его воле».

Это начало сменилось другим. 11 июня 1812 года Наполеон вместе с Бертье приезжает к стоявшему у Немана полку улан. Так и вошло в окончательный текст, но в законченной редакции кратко изложено решение Наполеона перейти Неман, здесь же подробно повествуется о настроении Наполеона в это историческое утро: Наполеон находился «в том же состоянии, в каком он был в памятное утро Аустерлицкого сражения». Вслед за этим эпизодом — бал, на котором русский император узнает, что французские войска перешли через Неман. Описание первых дней войны (отъезд Балашова к Наполеону, встреча его с Мюратом, характеристика Даву, прием Балашова маршалом Даву и затем Наполеоном) почти дословно совпадает с окончательным текстом. Нет только пока внешнего портрета Наполеона, но весьма подробно рассказано об его внутреннем состоянии и о том, с каким волнением готовился он принять Балашова.

Почти дословно совпадают с окончательным текстом сцены приезда в Москву Александра I, встреча его на Красной площади, восторг Пети Ростова, находившегося в толпе народа, прием дворян и купцов в Слободском дворце. Настроение Пьера после собрания дворян в Слободском дворце настолько естественно вытекает из его характера, что Толстой легко нашел для него форму. Так же стройно вылился рассказ о первых впечатлениях князя Андрея, приехавшего в главную квартиру в Дриссе (различные партии в армии, план кампании, теоретик Цфуль, военный совет). Под впечатлением всего увиденного князь Андрей решает не служить в штабе, а перейти в полк.

Николай Ростов «храбр в Островно» — отмечено в наброске плана. Картина сражения при Островно появилась в первой редакции и не подвергалась позднее серьезным поправкам.

Жизнь Наташи в эти дни наполнили два чувства: религия и патристический подъем, те самые чувства, которые она в себе раньше не осознавала. Такое же настроение Наташи отражено и в печатном романе.

Пьер в эту пору бывает часто у Ростовых, рассказывает Наташе о военных событиях, о предсказаниях апокалипсиса и делает вычисления, связанные с его именем и именем Наполеона.

События начального периода Отечественной войны, до занятия Смоленска, составили в первой редакции романа шестую часть. Седьмая часть (соответствует второй части третьего тома завершеного романа) посвящена кульминации войны — событиям августа 1812 года, от взят-

тия Смоленска до Бородинской битвы исключительно. Начинается седьмая часть историко-философскими рассуждениями о роли исторических, главным образом военных деятелей и итоговом обзором первого периода войны, изображенного в предыдущей части.

«Что должно было совершиться, то должно было совершиться», — так начал Толстой свои рассуждения. Ведущая мысль их — «военное дело более всего подлежит муравейным неизбежным законам». Показав, в каких условиях неприятель проник в глубь России, Толстой заключил обзор выводом: «Так надо было... Это надо было для того, чтобы поднялся народ». Вот что в первой редакции стремился показать Толстой.

За авторским обзором следует рассказ о Лысых Горах, об отъезде Алпатыча в Смоленск, о Ферашовом, бомбардировке Смоленска, встрече Алпатыча с князем Андреем, который отступал позади своего полка. Впечатления Алпатыча ранее были намечены так: он «сидел у порога и смотрел, ни во что не верил, даже в бомбы, — это не озабоченные — все пустяки, и бомбы не посмели тронуть его. Он верит в победоносность русских». В этом направлении создавался теперь текст об Алпатыче в Смоленске.

В отличие от заверченного текста, Алпатыч не только наблюдает, как жители уничтожают свое имущество, но и сам активно действует. Но еще не было в первой редакции художественной картины бомбардировки города и ухода жителей, были только местами конспективно вложенные впечатления Алпатыча.

Интересен эпизод, не дошедший до печати: в Смоленске появляется городничий Тушин с оторванной рукой. Он случайно в этот день приехал в Смоленск и «ходил под ядрами с своей трубочкой и завидуя раненым; запах пороха возбуждал в нем тревожное восшое чувство, и он завидовал тем, которые дрались».

Сцена встречи Алпатыча с князем Андреем пока лишь намечена. На полях заметка: «Князь Андрей в свете огня радостен». Словом, в ее элементы, из которых создавалась позднее волнующая картина народного гнева при сдаче Смоленска, полностью даны в первой редакции. Однако Толстой не задерживается на обработке этого раздела, а переходит к повествованию дальше.

Вслед за Смоленском действие переносится в Лысые Горы. Служит князь, возбужденный после возвращения Алпатыча из Смоленска, приказывает княжне Марье с Николушкой ехать в Москву, а сам решает оставаться в Лысых Горах. Все это по содержанию близко к окончательной версии. Отличие от нее, старый князь умирает от первого удара в Лысых Горах, княжна Марья с племянником и гробом отца уезжает в Богучарово. На похоронах князя присутствует Тушин, «к которому

потом княжна Марья естественно было обращаться за советом и помощью». Когда княжна Марья, разгневанная письмом французского полковника, убеждающего ее остаться, решает «умереть, дожидаясь помощи, но не сдаваться», в событиях опять участвует Тушин. Описан совет между Тушиным, Алпатычем и Дроном, сходна богучаровских крестьян, которые уже «были готовы принять Наполеона, освобождая их и платившего по 10 рублей за воз хлеба фальшивыми ассигнациями. Но когда услышали слова княжны Марьи и Тушина, один поближе локко и удобно сумел выразить, что они — куда княжна, туда и они, и все заговорили то же и разошлись с мыслью, что они молодцы».

Толстой, видимо, намеревался сохранить в своем романе истинного героя войны 1805 года. Поскольку Тушин не мог после увещания участвовать в войне, Толстой нашел ему место в тылу и, видимо, не случайно включил его в круг жизни Болконских, как бы продолжая тем самым роль Тушина в 1805 году для князя Андрея. В окончательном тексте Тушин в 1812 году не появляется. Он остается среди центральных героев первой войны и лишь упоминается после второй войны. Николай Ростов, приехав к Денисову в госпиталь, увидел «маленького, худого человека без руки, в колпаке и больничном халате с закушенной трубочкой» — это был Тушин.

Первоначально после богучаровских событий следовал рассказ о движении французов к Москве, эпизод о Наполеоне и Лаврушке, затем был показан Петербург того времени. Не продолжая романа, Толстой вернулся к Болконским, вписал главу о приезде князя Андрея после отступления от Смоленска в опустевшие Лысые Горы. Несколько замечены были и богучаровские события. Теперь в имени Болконских случайно появляется Николай Ростов. Он-то и выручает княжну Марью.

Французский историк Тьер упоминает о встрече Наполеона с русским пленным казаком. Толстой ввел этот случай в свой рассказ. Роль пленного казака поручил денщику Николая Ростова Лаврушке. Эпизод этот создан легко и как в окончательном романе, так и в ранней редакции помогал едва высмеивать Наполеона.

Так же без особого труда созданы картины петербургской придворной жизни с неизменными гостиницами, где толковали о назначении Кутузова главнокомандующим.

Намечая в одном из конспектов салонные разговоры о Кутузове, Толстой написал «Кутузов делает свое дело и едет». Приездом Кутузова в Царское Село начинается следующий раздел, в котором действие вновь перенесено на военные позиции. После свидания с Кутузовым князь Андрей почувствовал успокоение, он понял, что Кутузов делает все, что нужно «для общего дела». И «на этом же чувстве» — пишет Толстой, — которые более или менее смутно испытывали все, и основано

было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало избранию Кутузова и главнокомандующие». При всех своих тревогах о сестре и сыне, которые после смерти отца остались «без покровительства», князь Андрей решил остаться в армии, «исполняя долг и защищая отечество».

Дальнейшее вплоть до Бородинского сражения, хотя и содержит основные вехи повествования, известные по роману, но значительно отстает по содержанию и по-инному решено композиционно. Схематично в переводе на главы окончательной редакции композиция ранней может быть представлена так: главы XVI, XXVI, начало XIX, XVII, XVIII, XX — XXV, XXX — XXXII, XXXVI, XXXVII. Сцены приезда Кутузова к армии сменялись сценами с участием Наполеона в кануны Бородины. Почти карикатурно представлена его внешность. Чрезвычайно интересен не дошедший до печати эпизод атаки Шевардинского редута. Нет картины самой атаки, нет ни намека на действия сражающихся. Тон рассказа определяется хорошим настроением Наполеона. Легко дал Наполеон распоряжение об атаке, «слез с лошади, чтобы спокойнее любоваться зрелищем», и после того как было «убито и ранено около 10 тысяч человек с обеих сторон», Наполеону подали лошадь, «и он шагом поехал ужинать». За такой, якобы спокойной, картиной атаки последовали взволнованные раздумья автора о Шевардинском и Бородинском сражениях.

Сюжет подведен к центральному событию Отечественной войны, к Бородинскому битве. Сложившаяся к тому времени обстановка в стране освещена равносторонне. Показан Петербург с его придворными кругами и светскими салонами, где болтали о войне и о Кутузове, рассказано о патристическом народном подъеме в Смоленске, описана штабная жизнь, захваченная только личными интересами, и на этом фоне резко выделяются тревоги и размышления князя Андрея, его решение служить в армии, а не в штабе. Достаточно развенчан Наполеон и выдвинут Кутузов, который был именно тем, кто был в данный период войны нужен.

Ничего еще не было сказано о московском обществе в эту пору, о Ростовых, о Пьере. Теперь Толстой рисует Москву. «24 августа 1812 года вечером уезжал в Москву, что французы в 60 верстах по Смоленской дороге и сражаются с русскими. В Москве уже все волновалось, каждый день выходили растопыренные афишки, иностранцы все были высланы, с утра должен был быть готов шар, который полетит в лагерь французов, и многие уезжали по направлению к Нижнему и Тамбову».

Пьер приходит к Ростовым. Когда он сказал, что едет в армию. Наташа «изменилась и не спускала с него глаз». Пьер, в эти дни испытывавший «радостное беспокойное чувство» оттого, что изменяется, нако-

пец, «ложный, но всемогущий быт, который заковал его», решает ехать к армии, чтобы «своими глазами увидеть, что такое война». Уясняется это Пьеру не при объезде позиций вместе с генералом Беннигсеном в кануны боя, а при встречах с солдатами и более всего в беседе с князем Андреем. Над этой беседой, которую в одной из записей Толстой назвал «философией Пьера и Андрея», он упорно работал. Мысли Толстого о войне, высказанные в его исторических рассуждениях, почти дословно повторял князь Андрей, который был раздражен накануне боя. Князь Андрей говорил о войне, о военной истории, о славе, о неизменных законах, по которым все делается, о ничтожности штабной верхушки, где думают, что решают судьбы России, и, главное, о том, что нынешняя война не та, что прежние войны. «Теперь», когда дело дошло до Москвы, до детей, до отцов — мы все, от меня и до Гимона, — мы готовы». Так сложилось уже в ранней редакции.

Наутро произошло Бородинское сражение. Нет еще ни подробных данных о расположении войск, ни плана сражения, ни развернутой картины боя и разгара его, мало еще действия. Картина Бородины составляется пока только из разрозненных впечатлений Пьера. Тем не менее уже проявляется, как трактует писатель центральное событие Отечественной войны. На строгих лицах людей, занятых «каким-то немощным, но важным делом», Пьер видел «отпечаток озабоченности», он слышался и звук выстрелов, и ему показалось, что они раздались близко и торжественно. Князь Андрей (Пьер увидел его скачущим впереди полка) «защелкался от волнения и радости, двигался вперед». В минуту душевного подъема князя Андрея раят.

Как бы в ранней редакции освещен дальнейший ход сражения, были ли изображены Кутузов, Наполеон во время боя, сказать нельзя, так как двенадцать страниц автографа утрачены.

Окончание Бородинского сражения, как и начало его, показано под углом зрения Пьера, который к концу сражения «устал, устал физически и нравственно» и не мог «ни двигаться, ни думать, ни соображать». На всех лицах, которые он видел, одинаково па тех, которые шли туда и которые возвращались, была видна такая же усталость, упадок сил и, главное, сомнение в том, что они делают.

Далее авторское отступление как бы развивает переживания Пьера. «Собравшись тучки, и стал накрапывать дождик на убитых, на раненых, на испуганных и на изнуренных, и на сомневающихся людей. Как будто он и говорил: «Довольно, довольно, люди, перестаньте, опомнитесь, что вы делаете?» Но нет, хотя уж и вечеру сражения люди чувствовали весь ужас своего поступка, хотя они рады бы были перестать, уже истощив свою потребность борьбы, но данный толчок еще двигал этим страшным движением, запотевшие в порохи и крови, оставшиеся

по одному на три, артиллеристы, хотя и спотыкались от усталости, приносили заряды, заряжали, наводили, прикладывали фитили, и злые холодные ядра так же прямо и быстро и жестоко перелетали с обеих сторон и расщепляли человеческое тело». Этот отрывок почти дословно вошел в печатный текст. Заканчивается авторское отступление выводом: «Русские отступали с половиной позиций, но стояли так же твердо и стреляли остающимися зарядами».

Определилось самое для Толстого важное: роль главного героя, дух армии. После того как Наполеон «с покрасневшим от насморка носом» выехал за Шевардинский редут и, глядя на густые колонны русских, распорядился «продолжать бой, 350 орудий продолжали бить, отрывая руки и ноги и головы у столпившихся и неподвижных русских». Мысль о непоколебимости, стойкости и мужестве русского войска с большой силой прозвучала в ранней редакции романа.

Все меньше становится в ранней редакции законченных художественных сцен, чаще и чаще стройное повествование прерывается комментариями, авторскими рассуждениями. Поля рукописи пестрят набросками дальнейшего. Толстой как будто торопится хотя бы в основных чертах довести произведение до конца. Однако все главные эпизоды, анакомы по окончательному тексту, намечены, а некоторые даже в какой-то мере разработаны: жители оставляют Москву; раненые во дворе Ростовых; порыв Наташи; старый граф, взволнованный поступком дочери, громко, весело кричит: «Швырий, к черту, с подвол, накладывай раненых!» Среди раненых князь Андрей, но Наташа «не знала, кто лежит умирая около нее». Пьер решает остаться в Москве, чтобы убить Наполеона, «виновника всех злодеяний». Не было еще известной встречи Пьера с Наташей у Сухаревой башни, но встреча предусмотрена. В день ухода жителей из Москвы Пьер приходит к Ростовым, осмелившись теперь, когда «все на краю гроба», признаться Наташе в своей любви к ней.

Изображение светской жизни Петербурга в эти трагические для России дни, «спокойной, роскошной, тщеславно пустой жизни», которая независимо от «опасного и трудного положения государства» шла по-старому, почти без исправлений дошло до печати.

Совсем эскизно намечено дальнейшее действие, но голос антира звучит с прежней силой. Рисуя Наполеона, глядящего на «знаменитый азиатский город», Толстой комментирует: «Этому узкому уму ничего не представилось кроме города, добычи и его великого завоевательства», и он «с хищной и пошлой радостью смотрел на город». Пьер в опустевшей Москве и затем в плену показан пока совсем по-иному, и главное, нет Платона Каратаева, упоминают лишь солдат сосед, научивший Пьера завязывать веревочкой на щиколотках чужие панталоны.

Для окончания романа создана развернутая канва. В нее вошли рассуждения автора о фляговом марше Кутузова, описание хода войны после бегства французов из Москвы, Тарутинский лагерь, «неимоверный беспорядок и растерянность во французском войске, дух которого, — пишет Толстой, — уже упал, когда они подходили к Москве», и «еще больше упал вследствие пожаров и грабежей московских». Кутузов же уверен в победе. 13-го числа, когда Кутузову сказали, что французы выступили из Москвы, он захлипал от радостных слез и, перекрестясь, сказал: «Уж заставлю же я этих французов есть лошадиное мясо, как турок».

Не столько по объему, сколько принципиально большое место уделено партизанским отрядам, которые «брали по 10 тысяч пленных, не теряя 100-й доли людей. А кто был на войне, тот знает, что только бегущего раненого медведя можно безобидно убить рогатиной, а не целого и смелого. Кузнецов один знал это».

Показаны Петя Ростов в отряде Денисова, отряд Долохова, Тихон Шестипалый (вместо Шербатого), русские пленные на походе, и среди них Пьер и старый солдат, который ослабел. Отстал и был пристрелен (в завершённом романе так кончится жизнь Каратаева). Отряд Долохова, захватив депо Блявкара, освобождает партию пленных, среди них и Пьер. Пьер приезжает в Тамбов в то время, как князь Андрей, оправившись от ранения, вернулся в армию. Князь Андрей встречается с Николаем и Петей Ростовыми в Вильно, где стояла армия. Кутузов прощается с войсками. присутствуют при этом князь Андрей, Николай и Петя Ростовы. Кутузов поздравил войска с победой. «Из 500 тысяч нет никого, и Наполеон бежал. Благодарю вас. Бог помог мне. Ты, Бонапарт, волк, ты сер, а я, брат, сед ²¹, — и Кутузов при этом снял свою без козырька фуражку с белой головы и нагнул волосами к фронту эту голову... — Ураа, аааа — загремело 100 тысяч голосов, и Кутузов, захлебываясь от слез, стал доставать платок».

Так кончается первая редакция «Войны и мира». Рукопись завершилась конспектом части эпилога, относящейся исключительно к личной жизни центральных героев. Намечены две свадьбы: Пьера с Наташей и Николай Ростов с княжной Марьей; отъезд Николай Ростова в полк, с которым он вступил в Париж, «где он вновь сошелся с Андреем». Вся семья Ростовых, Пьер с Наташей и графиня Марья с племянником Николенькой Болконским прожили лето и зиму в Отрадном, дожидаясь возвращения Николая Ростова и князя Андрея.

«КОНЕЦ» — крупными буквами написал Толстой на последнем листе рукописи.

«Тысяча восемьсот пятый год»²², и непосредственно продолжившие их

две большие рукописи, содержание которых кратко изложено выше, и со-
ставляют первую полную редакцию, создававшуюся в течение трех лет.

Что же представлял собой роман в его первой полной редакции? Было ли завершенное произведение «Война и мир» в корне отличным от первоначального замысла или органично развилось из него? Чтобы уяснить это, необходимо установить, каковы отличия этой редакции от опубликованного романа и что общего между ними. Для изучения истории создания любого произведения в равной мере важно определить, что удалось автору сразу и что потребовало напряженного труда.

Сравнивая первую полную редакцию «Войны и мира» с законченной, убеждаемся в следующем: хронологические границы, охваченные в ранней редакции, те же, что и в окончательной (лето 1805 года — конец 1812 года). Нет только последних семи лет, обзору которых посвящены первые главы законченного эпилога. Географический охват тот же: действие происходит в Петербурге, в Москве, в деревне (Тысье Горы, Богучарово, Отрадное) и во всех пунктах, в которых проходили основные военные действия в 1805—1812 годах. Отобраны те же исторические факты, но только не все они еще разработаны с одинаковой полнотой, а некоторые лишь конспективно намечены. В то же время в ранней редакции полно освещены такие военные события, которые в окончательном тексте только упоминаются. Таковы, например, подробные описания сражений под Кремсом, Амштеттеном, Ламбахом, анализ плана сражения под Аустерлицем и другие. В самом отборе ж, главное, в осмыслении исторических фактов с достаточной ясностью выражены идейные позиции автора.

Все исторические лица, действующие в «Войне и мире», введены в раннюю редакцию романа в тех же ролях и с теми же авторскими оценками. Из «полувывмысленных» героев не только главные, но второстепенные и даже эпизодические персонажи — все участвуют в ранней редакции; нет только Платона Каратаева.

Ранняя редакция «Войны и мира» — это многоплановое произведение. В историко-философских рассуждениях голос автора уже звучит громко и отчетливо. Писатель дает теоретическое обоснование своим взглядам на историю, дополняя ими художественное воплощение исторических событий. Публицистические отступления не выделяются как нечто чуждое из общей канвы, а сливаются с художественным замыслом в единое целое.

* * *

Завершив роман в его первоначальном виде с «благополучным» пока для всех героев окончанием войны, Толстой дал ему бессмертное заглавие «Война и мир».

Как возникло это заглавие? В рукописях романа его нет. Оно впервые упоминается в письме А. Е. Берса к С. А. Толстой. В рукописях встречаются два заглавия: «Три поры» — так заглавил Толстой один из самых ранних вариантов начала, затем «С 1805 по 1814 год» — заглавие двенадцатого варианта начала. В 1866 году, когда роман в его первой редакции близился к завершению и Толстой начал задумываться о заглавии, у него явилась мысль назвать свое произведение «Все хорошо, что хорошо кончается»²³. Только год спустя было, наконец, найдено заглавие «Война и мир». Первый раз оно собственноручно написано Толстым в проекте договора с Катковым на печатание романа, составленного тотчас же после окончания первой полной редакции его²⁴. В журнальном оттиске первой части, который служил наборной рукописью для первого отдельного издания, поверх печатного заглавия «Тысяча восмисот лятин год» неизвестной рукой вписано красным карандашом новое заглавие «Война и мир».

По поводу заглавия выдвигались различные догадки. Возникло предположение, что заглавие могло быть подсказано выражением из книги С. Глинки «Записки о 1812 году»: «мир и война шли рядом». Другое предположение связывает заглавие романа Толстого с исследованием Прудона «La guerre et la paix» — русский перевод его вышел в 1864 году под заглавием «Война и мир»²⁵. Документально ни одна из догадок не подтверждается. Известно лишь признание Толстого: «Названия вообще я никогда не умею придумывать и прискипываю большей частью, когда все написано»²⁶. Не всегда так случалось; например, для двух следующих романов заглавие определилось на более ранней стадии работы. Но, действительно, так вышло с «Войной и миром». Заглавие «прискипано», когда роман был в первой его редакции написан.

О происхождении заглавия можно выдвинуть еще одну догадку. В проекте договора с М. Н. Катковым Толстой написал заглавие: «Война и миръ», т. е. через *i*. Одно из значений слова «миръ» — все люди, весь свет, весь народ. Можно допустить, что, давая заглавие своему произведению, главным героем которого является народ, Толстой имел в виду не «мир» как противопоставление войне, а вкладывал в него понятие общей жизни всех людей, всего народа.

Такую догадку позволяют выдвинуть также и то, что в тексте романа слово «миръ» неоднократно употребляется в смысле «народ».

«Наташа любила слушать «миромъ господу помолимся», думая, как она соединяет себя в одно с миромъ кучеров и прачек». Так было в ранней редакции. Этот текст уточнялся потом. «Она старалась понимать и счастлива была, когда она понимала некоторые слова, как «миромъ господу помолимся...» Она понимала их по-своему. Миромъ значит парв-

не со всем, со всем миром». В окончательном тексте еще более углублен смысл который вкладывала Наташа в слова молитвы «Миромъ господу помолямся» «Миромъ» — все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью).

Особенного внимания заслуживает следующий пример. В ранней редакции, в главе о деятельности князя Андрея в Петербурге, Толстой рассказывает, как преобразования Сперанского увлекли даже князя Андрея, жившего долго в деревне, видевшего «и войну и миръ в самой действительности». Не говоря уже о самом написании этого слова, здесь бесспорно в него вложено понятие «народ», жизнь народа, которую князь Андрей видел «в самой действительности». В приведенном примере особенно важно, что даже в сочетании слов «война и миръ» «мир» никак не означает противопоставления войне, это не имело бы смысла в данном контексте; если бы имелась в виду мирная жизнь, неоправданно было бы упоминание о жизни князя Андрея именно в деревне, тем более, что в деревне князь Андрей жил и во время второй войны с Францией.

Наконец, еще один существенный пример — в главе о Богучаровском бунте. «Взглянув на Дропа, он (Алматыч) тотчас понял, что ответы Дропа не были выражением мысли Дропа, но выражением того общего настроения богучаровского мира, которым староста уже был заражен». (Текст этот вписан в корректуру ²⁷.)

Денис Давыдов в «Дневнике партизанских действий» в работе, которую Толстой особо выделял из других изучаемых им исторических книг, — словом «мир» назвал однажды свой партизанский отряд: «... Я созвал мир и объявил ему о миниме прибытии большого числа наших войск...» Отряд Денисова состоял не только из крестьян, в него входили разные сословия. Денисов пишет: «С нами пошли: отставной мичман Николай Храповицкий, титулярный советник Татаринов, шестидесятилетний старец и землемер Макаренчик; прочие помещики остались дома, довольствуясь ношением охотничьих кафтанов, препоясанные саблями и с чистолетами за поясом». Таков был «мир» Денисова.

В «Походных записках артиллериста» И. Радожницкого, которыми Толстой чрезвычайно широко пользовался, изображая войну 1812 года, также употреблено слово «мир» в отношении партизанских отрядов²⁸. Для исторически естественного, хорошо наученные Толстым, могли подсказать ему заглавие для романа, в котором он стремился показать роль народа, разных классов его в войне за родину.

Заглавие «Война и мир», т. е. «война и народ», больше соответствует основной идее романа, так как задача Толстого — показать великую роль народа в Отечественной войне, и вовсе нет в романе сопоставления

[Faint handwritten notes, mostly illegible due to fading.]

Проект Вол. с. 124 и надписи: "Министерство финансов
Заведующий делами Т. Соколов"

ПУТЬ К ЗАВЕРШЕНИЮ РОМАНА

воинской в мирной жизни. Из 17 частей романа только в трех (т. II, ч. 3-5) события происходят в период между двумя войнами — войной 1806—1807 годов и Отечественной.

Именно в этот период, в 1906—1907 годах и, следовательно, появившийся тотчас после выхода последнего шестого тома романа «Накопец, знаменитый роман» (Война и мир). Но вероятно, некоторые любознательные читатели на в мире ознакомились с содержанием и ждали бы спросить: почему же этот роман остаётся в неизменном и жалком бы спростить: почему же этот роман называется «Война и мир»? В продолжении всех шести томов автор объясняет сам безысходную ситуацию, а мир то когда же будет? И, конечно, там же и что-то не говорится.²⁹ При жизни Толстого роман делится на 12 томов, а в издании 1906 года, по сохранившимся спискам, выходящих совершенно иным томом, по сохранившимся документам, а также в рукописях. В поздних изданиях лишь однажды, в 1910 году, П. П. Бирюков и биограф Толстого, издав роман под заглавием «Война и мир».³⁰

Не в последнюю очередь заключается отличие ранней редакции от опубликованного романа «Хулиганский процесс» — наличие в нем «предисловия», которое, к сожалению, так и не появилось. Чтобы оно появилось, только тогда оно может быть равносильным и по отношению к своему автору. Таковы принципы творчества. И как всегда у Толстого о каждой даже, как бы, незначительной вещи приходится думать и думать. На хулиганский процесс, конечно, не было никакого влияния. Но в предисловии, которое появилось в третьем издании, появилось предисловие, которое было готово к печати. На это потребовалось еще три года.

Эта последняя работа отдела очень трудна и требует большого напряжения; ..на этой работе есть своего рода вершина, которой достигнуть — трудно, уже нельзя остановиться, и не останавливаясь катишься до конца дела.

Роман представлялся Толстому настолько готовым, что он считал возможным начать печатание его отдаленным изданием, и ему казалось, что для дальнейшей работы потребуется немного времени; к осени 1867 года Толстой считал закончившим печатание. Толстой ошибся. Только в декабре 1867 го вышел первый том, а в декабре 1869 года - последний. «За меня только крупно и нет от латышского много печатания»¹, писал Толстой в письме к Крупной и Петру от латышского много печатания в про- цессе работы над ним. Только после отдачи и сдачи в печать очеред- ного тома Толстой переходил к следующему.

Возвращаясь к началу романа, мы найдем, что Толстой в «Русском вестнике» чистей-

[illegible]

Закрепившаяся в ранней редакции композиция обусловила построение каждого тома. В частности том, посвященный определению отсказываемых, входили все четыре плана: «Изменения», «Друга свидетели», «В Петербурге», «В Москве», «В деревне», «Война».

В ПЕТЕРБУРГЕ — это придворные салоны, в которых собирался «цвет общества», в которых разговор происходил «на том особенном французском языке, секрет которого, по мнению знатоков дела, теперь уже утрачен», и где высказывались признанные суждения. Роль салонов в романе многообразна: немало исторических фактов, злободневных новостей вводится посредством салонных бесед, в них высказывается настроение официальных кругов.

Эта тема без колебаний была решена в ранней редакции. Более или менее выраженная, но всегда ирония, подчас злая ирония — таков основной тон автора в изображении «сливок общества». Он появлялся в ранних набросках и ни разу не пересматривался автором. В этом убеждает сопоставление салонных сцен ранней редакции и завершённой. С салона Анны Павловны Шерер началось развитие действия. Правкой этой сцены началась подготовка первого тома к печати. Что изменялось в этой сцене, созданной почти три года тому назад? Тогда Анна Павловна с князем Василием обсуждала «самую свежую новость дня» — депешу Н. Н. Новосильцева о захвате Наполеоном Генуи и Лукки. Теперь взамен появилось краткое замечание о том, что между фрейлиной и князем Василием шел разговор «про политические действия», а депеша Новосильцева лишь упоминается. Бить может, подробное обсуждение депешы исключено потому, что оно затягивало первую сцену, не входя в художественную ткань дальнейшего повествования. Вероятно, из тех же соображений значительно сокращен рассказ виконта об убийстве герцога Энгиенского.

Исправления не затронули характера хозяйки, который был ясен автору с самого начала. Прежними остались и характеры ее постоянных гостей, таких, как Курагины, Друбецкие, а также эпизодических — виконт, аббат.

Вновь действие происходит в салоне той же фрейлины «в начале зимы с 1805 на 1806 года», накануне Аустерлицкого сражения. Вечер «был такой же, как и первый, только воинкою, которую утачивала Анна Павловна своих гостей, был теперь не Мортенар, а дипломат, приехавший из Берлина и привезший свежайшие подробности о пребывании государя Александра в Потсдаме и о военных действиях». Таков был первый вариант и так дошло до печати с тем лишь отличием, что вместо подробностей «о военных действиях» дипломат сообщал о том, как «два высочайшие друга поклялись» в Потсдаме «в неразрывном союзе отстаивать правое дело против врага человеческого рода».

По ранней редакции, Анна Павловна «более всех» выказала разбогатевшему теперь Пьеру «перемену, происшедшую в общественном взгляде на него», и так же точно Анна Павловна, «пахнувшаяся в раздраженном состоянии полководца на поле битвы, когда приходят тысячи новых блестящих мыслей, которые едва успевают приходить в исполнение», позаботилась о том, чтобы пригласенный ею Пьер был все время возле Элен, назначенной ему князем Василием и Анной Павловной в жены. Так сохранилось в законченном романе.

Когда действие подошло ко второй войне с Наполеоном, опять выступила очередная тема — «В Петербурге». Показав тот же придворный салон. «С первого вечера, как Пьер так неуместно защищал Наполеона в гостиной Анны Павловны, прошло много времени. Первая коалиция была уничтожена, сотни тысяч людей погибли под Ульмом и Аустерлицем. Буонапарте, столь возмущавший Анну Павловну своим дерзостью присоединения Генуи и владения себе на голову сардинской короны. Буонапарте этот с тех пор посадил своих двух братьев королями в Европе, предписывал законы всей Германии, был признан императором всеми европейскими дворами, кроме России и Англии, устроил в две недели прусскую армию под Еной, вступил в Берлин, взял поправившуюся ему армию Фридриха Великого и отослал ее в Париж (это последнее обстоятельство более всех других раздражало Анну Павловну) и, объявив войну России, обещался уничтожить ее войска так же, как и под Аустерлицем. Анна Павловна же давала в свободные дни у себя такие же вечера и точно так же, как и прежде, подшучивала над Наполеоном и недоумевающие говорили на него и на всех европейских государей и полководцев, которые ей казались, нарочно соглашались потворствовать Наполеону, чтобы сделать ей и идущей императрице эту нравственную неприятность и огорчение. Но Анна Павловна и ее высокая покровительница считали себя выше такого поддразнивания».

— Тем хуже для них, — говорили они и все-таки высказывали приближенным свой, на этот счет, неприятный образ мыслей.

Салон А. П. Шарера. Силуэт В. В. Гильмерсена.

Этот первоначальный текст вошел потом в исправленном виде во второй том романа. Правка направлена была на то, чтобы сократить обзор исторических событий, происшедших в перерыве между двумя вечерами фрейлины, и несколько приглушить слишком открытую критику по адресу хозяйки вечера.

Настойчивые упоминания о том, как поведение Буонапарте «возмущало» и «раздражало» Анну Павловну, заменились в окончательном тексте общей характеристикой вечеров фрейлины: на них, как видно, выказывался «градус политического термометра, на котором стояло устройство придворного легитимистского петербургского общества». Пользуясь формулировками из цитированного выше авторского обзора, Толстой сообщил, какой же «градус политического термометра» указывал обществу на этом вечере: «мнение наше насчет Буонапартия не может измениться».

Но ранней редакцией, на этот вечер был приглашен Пьер. Цель Анны Павловны была — увещевать его вернуться к оставленной им Элен, но в приглашительной записке Анна Павловна сообщала, что у нее имеются известия об его другом князе Андрее. Появление Пьера в салоне существенно отличало ранний текст всей сцены.

«В тот вечер, когда Пьер взойшел на крыльцо Анны Павловны, его встретил тот же придворный пухлый лакей, с тем же ласковым и торжественным видом отворил дверь и провозгласил его имя, когда он входил по ковру в ту же бархатную масака гостиную, в которой на том же кресле, с тем же безучастным видом сидела безмолвная тетуха,

ка, во всех своих чертах и позе олицетворяя тихую и преданную печаль о безбожных успехах Буонапарте». В этот вечер Анна Павловна «сугащивала» собравшиеся у нее общество «не эмигрантом Мортемаром», а «известным московским сочинителем и масоном», который на днях «имел честь не в качестве масона, но в качестве сочинителя и благотворителя представляться ее величеству вдовствующей императрице». Так в ранней редакции охарактеризовал Толстой салон и его хозяйку. «Мало изменилось» и общество Анны Павловны, «не было в нем только князя Андрея с женой и князя Василия с дочерью». Ясно из всего описания вечера, что князь Василий не мог быть только потому, что Анна Павловна намеревалась говорить с Пьером об Элен. Но были в гостиной «тот же старый генерал, та же тетуха, тот же Пинюлит, и французский эмигрант Мортемар был теперь в русском гвардейском мундире вместо своего дореволюционного кафтана». В числе гостей назван еще «молодой гвардейский офицер, только приехавший из армии». Он был «как бы *entré*» для большого и существенного блюда, которое составлял московский мудрец. Молодого человека расспрашивали о последних новостях и новости эти предлагали обсуждать сочинителем».

Сначала Толстой намеревался сохранить за Пьером его обычную роль спорщика, и на вечере Пьер «в азарте» ругал всех. Затем позиция Пьера по воле автора, изменилась. Он лишь наблюдал за происходившим в салоне, ему казалось, что перед ним «только тени картины, а не живые люди» и он пришел к выводу «(они) и все уроды, или я урод, но мы чужие».

В следующей рукописи замысел эпизода изменился. Пьер не остается на вечере, а после безуспешной попытки Анны Павловны примирить его с женой уходит. От Анны Павловны он узнал, что князь Андрей жив. Не удержав и этот набросок до окончательному тексту романа Пьер не участвует в сцене вечера, а светское общество осуждает Пьера, оставившего жену. Остатки и труны изменения в этой сцене. Среди гостей оказался лишний «московский сочинитель и масон» (он нужен был к первому варианту ради Пьера, который согласился остаться на вечере только из желания «увидеть этого знаменитого нового своего собрата»). Упоминанье ранне «молодой гвардейский офицер» был заменен Борисом Друбецким. С этого вечера он входит как свой в придворный салон, где собиравлось «все высшее и значительнейшее»: там были «все те допотопы и посланники». Эта злая насмешка над высшим кругом не попала в печать. «Лицо, которым, как новинкой, угащивала в этот вечер Анна Павловна своих гостей», был не масон, а Борис Друбецкой.

На вечере присутствует Элен, которая «выказала» к рассказам Бориса «более всех внимания». С того времени Борис и «сделался близким человеком в доме графини Безуховой». Так сложилось в завершённой редакции.

В картинах жизни героев после Тильзитского мира Толстой опять рисует придворный круг. У него теперь на приёме два салона. «Как и всегда, и тогда высшее общество, несмотря на то, что все соединялось вместе при дворе и на больших балах, подразделялось на несколько кружков, имеющих каждый свой оттенок. Был, хотя и небольшой, но ясно определённый кружок недовольных союзом с Наполеоном, кружок легитимистов, Joseph Maistre'a и Марии Фёдоровны (и кружок тому, само собой, принадлежала Аня Павловна). Был кружок М. А. Нарышкиных, кружок, которого характером было светское изящество, без всякого политического оттенка. Был кружок деловых людей, более мужской — либералов Сперанского, Кочубея, князя Андрея, был кружок польской аристократии, А. Чарторижского и других, и был кружок французский — наполеоновского союза, графа Раушдана и Селла неонг'а, и в этом кружке один из самых ярких персонажей Элены». До окончательного текста не дошли характеристики всех «кружков». Отмечено лишь кратко, что, «как и всегда» и тогда высшее общество, соединяясь вместе при дворе и на больших балах, подразделялось на несколько кружков, имеющих каждый свой оттенок. В числе их самый обширный был кружок французский, наполеоновского союза, и в этом кружке «одно из самых видных мест занимала Элена».

В ранней редакции романа первоначально был пространно изображён вечер у Элен, которая «только пришла из Эрфурта», и «близкий разговор среди гостей» шёл преимущественно о Эрфуртском свидании, бывшем новостью дня. Прозвучали «восторженные речи о Наполеоне, том самом, который прежде предавался проклятиям». Теперь же «еще было достаточно восторга и почтительности, чтобы говорить об этом тоне», и кроме того выражался «восторг вообще к французам». На вечере присутствовал князь Андрей, который «вступал и даже перёживал разговор, весело и колко противореча». Находился тут и Пьер, который «путая и изредка блеском своей французской беседой, несмотря на невинное, подлое лице мужа и гостиную жены, обращал на себя внимание. «Да, то ничего, не обращайте внимания на этого молодого», при этом говорило выражение лица графини».

Мысль дать картину одного определённого вечера графини Безуховой глупее, чем отпала. Возник замысел рассказать о характере её вечеров вообще и о положении Пьера в салоне жены Пьера и теперь вместе с женой в Петербурге общим домом, но жизнь каждого шла

своим руслом. Пьер крайне угнетён после разрыва с петербургскими масонами и примирения с женой. Он понял, что искренне соединиться с нею он не в состоянии, и устроил в общежитии своём или в большом петербургском доме свою отдельную половину в низеньких комнатках третьего этажа. В душе Пьера «происходила за все это время сложная и трудная работа внутреннего развития», приведшая его «ко многим духовным радостям и сомнениям»; в глазах же света Пьер был «большим барин, муж знаменитой жены, добрый малый, умный тузак, хотя и ничего не делающий, но никому не вредящий». Иногда, особенно когда бывали гости, Пьер «сходил обедать и часто присутствовал на вечерах жены, на которые собиралось все весьма замечательное, часть самого высшего петербургского общества». Быть принятым в этом салоне «считалось дипломом ума, молодые люди прочитывали книги перед вечером Элен, чтобы было о чём говорить в её салоне, и секретари посольства, и даже посланники поверяли ей дипломатические тайны, так что Элен была сила в некотором роде». Только Пьер, «который знал, что она была очень глупа», присутствуя иногда на вечерах жены и слушая разговоры «о политике, поэзии и философии», испытывал «чувство, подобное тому, которое должен испытывать фокусник, ожидая всякий раз, что вот-вот обман его откроется». Далее автор резюмирует: «обман не открывался», и репутация «женщины прелестной и умной» так «непоколебимо» утвердилась за Элен, что «она могла говорить самые большие глупости и глупости, и все-таки все восхищались каждым её словом и отыскивали в нём глубокий смысл, которого она сама не подозревала». Так в окончательной редакции, и она только стилистически несколько отличается от ранней.

Ещё два раза (так в ранней редакции и в завершённом романе) упоминает Толстой в отношении петербургские салоны, всякий раз напоминая, что никакие события, потрясавшие страну, не нарушали жизни высшего света. «В числе бесчисленных подразделений, которые можно сделать в жизни, можно подразделить их все на такие, в которых преобладает содержание, другие — в которых преобладает форма. К числу таковых, в противоположность деревенской, земской, губернской, даже московской жизни, можно отнести жизнь петербургскую, в особенности салонную. Эта жизнь знаменитая. С этого вступалась почти до конца повторявшегося в печатном тексте. Толстой начал зарисовку салона Анны Павловны Шерер в июле 1812 года, т. е. в начале Отечественной войны. «С 1805 года мы мирились и ссорились с Бонапартом, мы читали конституции и разделяли их, а салон Анны Павловны и салон Элен были точно такие же, какие они были семь лет, другой пять лет тому назад. Точно так же у Анны Павловны говорили с недоумением об успехах Бонапарта и видели во всем единственную

цель антихриста побеспокоить императрицу Марию Федоровну. Точно также у Hélène, которую сам Румянцев удостоивал своим посещением и считал замечательно умной женщиной, с вздохами сожаления говорил о печальном разрыве с великой нацией и великим человеком.

И, наконец, в последний раз салон показан в день Бородинского сражения. Особенно резко звучит на этих страницах рассказ о петербургской жизни вообще, а также о вечере фрейлины, — ведь ему предшествовали картины сражения, того самого, во время которого русские, «умиравшие наполовину», сделали все «для достижения достойной народа цели».

В это же время «в высших кругах с большим жаром, чем когда-нибудь, шла сложная борьба партий: Румянцева, французов, патристическая — Марья Федоровна, оскорбленная самим государем, и беспристрастная — цесаревна, заглушаемая и усиливаемая трубением труб. Но спокойная, роскошная, тщеславно пустая жизнь, озабоченная только признаком жизни, шла по-старому, и из-за этой жизни надо было делать большие усилия, чтобы созидать опасное и трудное положение государства. Те же были выходы, даже балы, французский театр, интересы двора, интриги службы и торговли. Только в самых высших кругах делались усилия напомнить то положение, в котором находилось государство». За общей характеристикой последовал рассказ о вечере, происходившем «в самый день Бородинского сражения».

Как в ранней редакции, так и в окончательном тексте сарказм пронизал эту сцену. Собравшихся в день Бородина занимали два вопроса: «повестью дня» была болезнь Элен, о которой рассказывали «с соболезнованием». Автор вслед за тем комментирует болезнь: «Она выкинула, и доктора отчаивались в ее излечении. Злые языки говорили, что странно ей выкинуть пещеру, когда она 9 месяцев как в разлуке с мужем». Исправляя рукописный текст, Толстой по-иному осветил болезнь. «Все очень хорошо знали, что болезнь престарелой графини происходила от псевдобства выходить замуж сразу за двух мужей». «Цветком вечера» должно было быть «чтение письма престарелого, посылавшего государю образ Сергия». Чтение это, акцентировав автор, «как и все вечера Анны Павловны, имело политическое значение». Все это происходило в день Бородина!

Последний вечер Анны Павловны настолько удался Толстому с первого приступа, что в ранний текст были внесены впоследствии лишь единичные поправки.

Без малейших колебаний развивалась в ранней редакции романа сюжетная линия «В Петербурге». Не доставила она автору забот и при подготовке романа к печати. Она с самого начала определялась как боковая линия в общем сюжете. Главное действующее лицо этого

раздела — собирательный образ — высшее светское общество. Оно не участвует в жизни страны. В самые ответственные моменты общественной жизни автор ненадолго переносит действие в петербургские салоны, противопоставляя их «тщеславно пустую» жизнь опасному и трудному положению государства и народа. Авторская оценка этого общественного круга в то время, когда он впервые введен в роман, и тогда, когда роман заканчивался, оставалась единой.

Резко отрицательным отношением Толстого к обществу придворных салонов обусловлено то, что князь Андрей и Пьер появляются на вечере фрейлины один только раз (в начале романа), когда это нужно было для завязки сюжета, причем они заняли там обособленное место. У Толстого были еще попытки ввести своих героев в салоны, и опять в той же обособленной роли сторонних наблюдателей. То он показал Пьера в гостиной Анны Павловны Шерер, на вечере, состоявшемся после первой войны; Пьер не выдержал той обстановки, ему казалось, что перед ним не живые люди, а тени. То автор задумал обрисовать сквозь восприятие князя Андрея петербургский дом Элен Безуховой. То, наконец, промелькнул замысел опять соединить Пьера вместе с князем Андреем в салоне Шерер через четыре года после первого посещения фрейлины (они должны были высказать нужное автору суждение о свете). Однако ни одна из попыток, отраженных в ранней редакции, не осуществилась и быть может потому, что слишком пережитым и неоправданным было бы появление в этом застывшем «свете» духовно выросших в много перестрадавших Пьера и князя Андрея. И только один раз упомянут Пьер в гостиной Элен, где он выглядел чужаком и удивлялся той важной роли, какую выполняла в обществе его глухая и порочная жена. Некоторые представители петербургского света участвуют в других сюжетных линиях, но они всегда несут с собой атмосферу пустоты, ала и порока.

Жизнь страны шла мимо «высшего света». Толстой вместе с передовыми людьми того времени осудил паразитирующую прослойку общества Гакова и в ранней и в окончательной редакциях миссия сюжетной линии «В Петербурге».

В МОСКВЕ центр сюжетной линии — Ростовы. Детство в Москве началось с дома Ростовых. Когда они переезжают на время в Петербург, их «провинциально-московский дом» несколько смещен в столице. В Москве Ростовы сталкиваются и с Друбецкими, и с Курагиным, и с Болконскими, старым князем и княжной.

Больше чем с Петербургом, связана с Москвой жизнь Пьера. Здесь он чувствовал себя «дома, в тихом пристанище», здесь ему было «покойно, тепло, привычно и грязно, как в старом халате».

Когда Наполеон был у ворот Москвы, «все население, как один человек, бросая свои имущества, потекло воп из Москвы, показывая этим отрицательным действием всю силу своего народного чувства». После изгнания неприятеля к Москве, «как кровь к сердцу», приливал «народ, самый разнообразный».

Москва в 1812 году — символ родины.

Таков объем тем в романе Толстого, входящих в понятие: «В Москве».

Хотя в основных чертах сюжетная линия «В Москве» определялась в ранней редакции, тем не менее при подготовке романа к изданию тема Москвы, особенно во второй половине, расширилась, поскольку раздвигались рамки всего романа.

Именины у Ростовых и смерть графа Безухова — эти два действия первого тома происходят в Москве летом 1805 года. Они были опубликованы в журнале под заглавием «В Москве». Толстовская правка этого раздела при подготовке первого тома к печати свелась почти исключительно к сокращениям и коснулась только молодежи. Исключены целком сцены, где Борис Друбецкой венчается в детской с Наташиной куклой, где Николай Ростов поет «песенки Кавелина» после именинного обеда.

Кроме того, большой правке подвергся портрет Бориса Друбецкого и его манера поведения, особенно в гостиной. Слишком явно проскальзывали в портрете юноши те отрицательные черты его характера, которые разовьются впоследствии. Толстой смягчил их и сильно ослабил противопоставление двух «не похожих друг на друга» друзей детства — Бориса Друбецкого и Николая Ростова.

Этим ограничились внесенные в журнальный текст изменения в теме Москвы.

Второй том первого издания романа охватывает период с 1806 года по 1808 год, т. е. он открывается приездом в отпуск Николая Ростова и обедом в Английском клубе в честь Багратиона, а заканчивается Тильзитским миром. В этом томе большое место занимает Москва, главным образом опять семья Ростовых. Первые главы первой части — приезд Николая Ростова из армии вместе с Денисовым, встреча его с родными, хлопоты старого графа, отвечающего за парадный обед в клубе, — не пришлось переделывать; Толстой был им доволен и занимался только отсылкой. Был также до конца решен в ранней редакции эпизод игры в карты с Долоховым и проигрыш Николая. Не было лишь хорошо известных по опубликованному роману картина жизни молодежи в доме Ростовых в зиму 1806 года, не было рассказа о царившей там особой атмосфере веселья и влюбленности.

Только один эпизод входил в раннюю редакцию: Денисов влюблен в Наташу. Но показано это лишь отраженно. Николаю Ростову, вернувшемуся после отпуска в полк, Денисов рассказал, что влюбился в его сестру, и прочел ему написанное для Наташи стихотворение: «Волшебница, скажи, какая сила...»

Когда Толстой готовил к печати рукопись второго тома, у него возник замысел заменить краткое признание Денисова сценами оживления и веселья, царивших в доме Ростовых, когда Николай и Денисов проводили отпуск в Москве.

Пометился следующий план: «Дух любовный у Ростовых», «Бал у Егения», «Вечер с музыкой». Денисов волшебницу топчет пальцами». В центре всех намеченных сцен Наташа, ради нее появились они. Наташа создавала в доме атмосферу веселья и особенного юношеского духа влюбленности. Танцевальный детский вечер у известного в начале XIX века московского танцмейстера Погеля, мазурка, которую Наташа танцевала с Денисовым, влюбленным в нее, затем оживленная молодежь дома после танцевального вечера, пение Наташи живо были нарисованы, и первый вариант после стилистической шлифовки вошел в заверченный роман.

Новым рассказ о молодежи Ростовых объединен с эпизодом карточной игры у Долохова. Таким образом создавалась завершенная компо-

вечер, танцевальный вечер, пирушка у Долохова и проигрыш Николая Вернувшись после проигрыша, угнетенный Николай застал дома веселье, пение Денисова. «Как ни мал был голос, но выходило то самое, что хотел сказать Денисов. Барышни смеялись, ласково слушая его, но он не обижался и был счастлив». Чистая юношеская влюбленность Денисова в Наташу резко контрастирует с отношением Долохова к Соне, на которую он смотрел «такими глазами, что не только она без краски не могла вытерпеть этого взгляда, но и старая графиня и Наташа краснели, заметив этот взгляд».

На этом же этапе работы вписана сцена предложения Денисова Наташе и отказ, полученный им от графини-матери. Сцена предложения, дополняя характеры Наташи и Денисова, создает одновременно контраст нравственной чистоты Денисова и порочности Долохова плутовски обманувшего Николая в отместку за отказ Сони.

В объяснение Николая Ростова с отцом после проигрыша внесены были поправки, относящиеся к Николаю и главным образом стилистические.

Отъездом Денисова и Николая Ростова в полк, всей семьи Ростовых в деревню надолго прервалось действие в Москве.

Чтобы не разрывать темы Ростовых, напомним только, что после 1806 года жизнь Ростовых представлена в Отрадном, где произошла первая встреча Наташи с князем Андреем, затем в Петербурге. Первый бал Наташи, встреча с князем Андреем и Пьером, предложение князя Андрея Наташе и их помолвка — все это входило в первую часть третьего тома. Разбитая над этими эпизодами, включенными уже в раннюю редакцию романа, Толстой стремится углубить характер Наташи, завязку и развитие ее отношений с князем Андреем.

Вторая часть третьего тома почти целиком посвящена отраденской жизни Ростовых в 1810 году после помолвки князя Андрея с Наташей. Картины Отрадного также были созданы в ранней редакции. Вернувшись к этому разделу при подготовке рукописи к изданию, Толстой исправил старый текст, причем опять больше всего занимает его Наташа, с ее грустью, нервисткой веселостью, тревогами и тоской по князю Андрею.

О том, как развивался образ Наташи, будет рассказано в отдельной главе, ей посвященной.

Закачивалась четвертая часть отъездом Илья Андреича Ростова с Наташей и Соней в Москву зимой 1811 года. Вместе с Ростовыми действие романа перенесено в Москву. Жизнь главных героев в Москве посвящена пятой части третьего тома. Кульминация новой жизни — история Наташи и Анатолия и перемена в отношениях Наташи с Болконским. Так было решено и в ранней редакции романа. Историю увлече-

ния Наташи Анатолием Толстым считал «узлом», разумея, конечно, узел не всего произведения, а узел его романтической темы «История» эта действительно была «узлом», в котором переплелась личная жизнь главных вымышленных героев, она оказалась поворотным пунктом в жизни каждого из них.

Центр «узла» — Наташа, и ей, разумеется, всего больше уделял внимания автор и тогда, когда создавал раннюю редакцию, и теперь, когда отделял прежний текст. «Историю» Наташи не изолировал. Творческая работа над этой историей естественно отразилась на образах тех, с кем сталкивалась Наташа в тот несчастный для нее проезд в Москву.

В Москве в это время жил Пьер. «Как только он въехал в свой огромный дом, ...как только он увидал, просыхав по городу, эту Иверскую с свечами, эту площадь с неизъезженным снегом, этих извозчиков, эти лачужки Сивцева Вражка, увидал стариков московских, все ругающих, ничего не желающих и никуда не спеша доживающих свой век, увидал старушек, московских барынь и Английский клуб, он почувствовал себя дома в тихом пристанище».

Такая картина Москвы в восприятии Пьера была нарисована в ранней редакции и почти без изменения вошла в окончательный текст. Ею началась последняя часть третьего тома. Душевное успокоение, которое испытал Пьер, радушно встреченный московским обществом, создавало иллюзию спокойствия, тогда как каждый из главных участников предстоящего действия переливал душевные тревоги. Сам Пьер испытывал неудовлетворенность своей жизнью и беспрестанно видел «какою-нибудь стороною» тот «запутанный страшный узел жизни», который он не мог распутать. Душевное состояние Пьера в Москве и затем его роль в истории с Наташей были предметом большой работы Толстого.

В Москве в то же время жил Борис Друбецкой; он «в нерешительности между двумя самыми богатыми вешками Москвы», князьном Марьей и Юлией Ахросимовою. Так было в ранней редакции. Там же существовал еще один эпизод с участием Бориса (его женитба на Юлии; Наташа в театре увидела его с невестой и испытала что-то неприятное, но не могла дать себе отчета, что именно это было). Тем не менее над ним Толстой пришлось много трудиться. В новой рукописи Толстой отделился от мысли, чтобы Юлией была дочерью Марии Дмитриевны Ахросимовой. Но ранней редакции, Марья Дмитриевна Ахросимова — все такая же прямая, но збитая душевно потерей сестры и преданная в душе столь непохожую на нее дочь, с нетерпением ждала случая «быть ее». Слишком разные роли выполняли в романе мать и дочь Ахросимовы. Толстой решил не соединять их родством. Юлией

Куратина не связана теперь ни с кем из персонажей родством; она осталась только бывшей подругой и корреспонденткой княжны Марьи. Самым образом Жюли не перерабатывался, но дополнительными штрихами усиливались с одной стороны «меланхолия» жениха и невесты (меланхолия была тогда модной манерой ухаживания), с другой — те истинные соображения, которые объединяли молодых людей: «страстное» желание 17-летней Жюли выйти замуж и «пензенские» и нижегородские именина невесты, привлекавшие Бориса и его мать, которая «наводила справки о том, что отдавалось за Жюли» и «с преданностью» воле providения и умилением смотрела на утолченную печаль, которая связывала ее сына с богатой Жюли». Подведи рассказ к решающей сцене предложения. Толстой нашел меткое сравнение, «Однажды Борис приехал утром и привез меланхолическую книгу. Но пузырь меланхолии совершенно сошел, лопнул и из него неожиданно показалось другое». Речь показать фальшь Друбецких — такова цель правки, продолжавшейся и в рукописи и в корректурах.

В театре, куда Наташа пришла после оскорбительного приема в доме Болконских, она увидела Бориса с невестой. Реакция Наташи теперь не та. По ранней редакции, она почувствовала «что то неприятное» теперь в ложе, где сидели Борис с матерью и невестой, «стояла та атмосфера — жениха с невестой, которую так знала и любила Наташа. Она отвернулась, и вдруг ей вспомнилось все, что было удивительного в ее утреннем посещении Болконских». Так эпизод женитьбы Друбецкого оказался маленьким звеном в цепи тех впечатлений, которые подготовляли катастрофу Наташи.

Элен, Анатолий и Долохов — вот вторая группа людей, с которыми столкнется Наташа в Москве, и встреча эта окажется для нее злополучной.

То был особый мир «с ложами, ярким светом, графиней Безуховой», тот мир, в котором — так чувствовала Наташа после театра — было возможно то, что случилось с ней. Изображению «особого мира» служил далеко не спокойный рассказ о московской жизни Анатолия, о стараниях Элен помочь Анатолию в его интриге с Наташей. С одной стороны, Элен искренно любила следить за процессом любви, кроме того, добавил Толстой «устроив эту интригу, она сразу отплачивала материнский долг Наташе, в Петербурге отвлеченной от него Бориса, и делала несчастие Болконского, который, она знала, не любил ее».

Помогал Анатолию также Долохов, который, как добавил Толстой, «еще тянул Ростовых, потому что с ними связывались для него тяжелое воспоминание об обыгранном Николае, так искренно любившем его, и оскорбительное воспоминание об отказе Соли. Он увидел Соню, заме-

тил впечатленье, произведенное Наташей на Анатолия, и у него составился план действия. Он восхищался Наташей, подмывался на Анатолия, дразнил его тем, что ему перебил дорогу Болконский, рассказывал, как он в Финляндии увез от матери девушку невесту и били об заклад, что Наташа не обратила внимания на Куратина».

Однако личные мотивы, которыми руководились Элен и Долохов, помогая Анатолию, были и ключены из текста. Откровенное упоминание о том, что знакомство Анатолия с Наташей несет несчастье Болконскому, а также намеки Долохова на увоз девушки невесты заранее раскрывали дальнейший ход событий. Этому Толстой всегда старался избегать.

Следующая сцена — на другой день после театра к Ростовым приезжает Элен, «свежая с мороза, сияющая улыбкой из соборной», она приглашает графа Ростова и барышень к себе на вечер, разговаривает с Наташей, к которой испытывала «покровительственную нежность». Доработка сцены направлена главным образом к тому, чтобы еще раз показать пагубное влияние порочной женщины. То, что растрепанной после театра Наташе представлялось «страшным», теперь под влиянием Элен опять «показалось прочным и естественным». (Это вставлено в наборную рукопись.) Далее реплика автора: «Элен была только тогда добра и ласкова, когда дело касалось любви мужчины и женщины». И теперь она «жила на любоваться» на любовь Наташи и своего брата.

Во второй редакции были вписаны две новые главы, посвященные неудавшемуся похищению Наташи Анатолием. Объяснение Марьи Дмитриевны с Наташей включено в текст только в последней рукописи перед сдачей ее в набор.

Углубленно работал автор над ролью Пьера в истории Наташи с Анатолием, нужно было противопоставить разврату Анатолия скрыто парадоксальную трогательную любовь Пьера. Черновые тексты более подробно показывают, как крепка эта любовь. В последних корректурах была дописана заключительная глава о дружбе между Наташей и Пьером и об «ирке» в комете 1812 года, которую Пьер увидел в Москве над Пречистенским бульваром, возвращаясь от Ростовых.

Так закончилась сюжетная линия «В Москве накануне Отечественной войны 1812 года».

Толстой начал работать над четвертым томом, включавшим период от 12 июня до 26 августа, т. е. от перехода Наполеоном русской границы до Бородинского сражения.

Действие этого тома переносится в Москву, в первый раз — начале войны, в те дни, когда в Москве был получен манифест и воззвание царя, а затем — когда приехал в Москву из армии Александр I

Предметом очень больших творческих поисков было поведение Пьера и оставляемой жителями Москве и встреча с Наташей в «последний день Москвы». То Пьер приходит в дом Ростовых специально для того, чтобы повидать Наташу, то, встретив на улице карету Ростовых, останавливается около нее и после отрывистого разговора со стариками Ростовыми признается Наташе в любви к ней; то уезжавшие Ростовы видят на улице Пьера, а он не замечает их. Но скоро появилась запинающаяся калыму встреча у Сухаревой башни.

Выехав жители Москвы и все Ростовы, но действие романа продолжается в Москве.

Только на данном этапе работы появились в романе уличные сцены и ощущение города, показаны участники их — то «беднейшее население», которое не могло выехать. В окончательном тексте изображены толпы людей, дышащие в кабаках, драки на улицах, саночки, «худые истомленные люди», возмущенные тем, что хозяин уехал, не расплатившись с ними. Со всех сторон слышались разговоры об оставлении Москвы («ли взаправду наша не взяла сила?») и о последней растопченной афишке. Массовая сцена кончается криками бегущей за дрожками полицмейстера толпы. «Пущай отчет подаст! Держи! Что ж, господа да купцы повыхали, а мы за то и пропадем! Что ж, мы собаки что ли! — слышалось чаще и чаще в толпе». Эта эмоциональная сцена один только раз прерывается репликой автора. Она относилась к растопченной афишке, текст которой был «цензурно-понятным» и несозвучен «пониманию народа», которое было «настроено на высокий лад».

В черновых вариантах общий тон эпизода тот же и участники те же, но большое место занимал авторский комментарий. Показав толпы, появившиеся в разных концах города, Толстой говорил о том, что «подобно физическому закону притяжения канальных жителей», толпы соединились между собой, к толпам примыкали отдельные личности. «Нумеровые числа толпы уничтожились о дельные интересы и вливания общины, хотя и не высказываемый, интерес настоящей минуты». В рукописи перечислены все людские слои, составлявшие эти толпы: «мушкетеры, ильичики, дворовые люди, мелочные торговцы и торговцы, частные солдаты, фабричные, кузнецы, иностранцы, духовные». О возмущенной толпе, окружившей дрожки полицмейстера, автор говорил: «Кто почтительно и скромно, кто сердито и грубо, но все выражали один вопрос о том, что им всем делать, и упреки за то, что все господа и купцы повыхали, а они остались».

Отдавая текст, Толстой исключил свой комментарий. До сих пор шла живая сцена, в которой поведение участников, их речи и интонации сами по себе выражают мысль автора.

Убийство Верещагина и преследование Растопчина сумасшедшими были в черновиках описаны значительно короче. Перед сценой томя в набор Толстой расширил страшную сцену убийства Верещагина и много гневных страниц посвятил Растопчину, которому «казалось, что Москва была какая-то машина или даже лошадь, от которой он держал в руках поводья». Он «не знал, что Москва — не город Москва, а 300 тысяч человек, из которых каждому дана от бога та же власть жить, страдать, надеяться и думать, как и Растопчину».

В завершенном романе эта мысль выражена иначе, и она опирается не на частный случай поведения Растопчина в Москве. Толстой создал обобщенный художественный образ: «Пока историческое море спокойно правителем-администратору с своей улоной лодочкой, упирающемуся шестом в корабль народа и самому движущемуся, должно казаться, что его усилием движется корабль, в котором он упирается. Но стоит подняться буре, изволиться морю и двигаться самому кораблю, в тогда уж заблуждение невозможно. Корабль идет своим громадным независимым ходом, шест не достает до движущегося корабля, и правитель вдруг из положения властителя, источника силы, переходит в ничтожного, беспомощного и слабого человека».

Этим образом освещена не только деятельность Растопчина в Москве, но и мощь корабля народа.

Тогда же перед отправкой рукописи в типографию были дописаны три главы. На зарево первого пожара в Москве «с разными дорог и с разными чувствами» смотрели убежавшие и уезжавшие жители и отступавшие войска. Из Мытищ видели Ростовы и уехавшие с ними люди горящую Москву. С этого начался рассказ о Ростове, остановка на воях в Мытищах и свидание Наташи с князем Андреем в эту ночь. Написанные по эскизу ранней редакции главы о Ростове создавались настолько хорошо, что без серьезных исправлений доведены были до печати.

В заключение кратко упомянуто, что никто из Ростовых, и даже сами Наташа и князь Андрей не говорили о восстанавливающихся отношениях между бывшими невестой и женихом, видный вопрос жизни или смерти не только над Болконским, но над всею Россией, заслонял все другие предположения.

Наставленные затем главы, посвященные периоду части пятого тома, писались уже после отправки всей рукописи первой части пятого тома и посланы были дополнителем.

Пьер остается в Москве — это позволило Толстому показать злую и неприятную сторону человека, который, так же как и Ростовы, не думал в это время ни о чем личном. Его «огромная быстро движавшаяся фигура» возбуждала удивление всех. Даже французы

«с недоумением смотрела на эту барскую походку, мрачное умное лицо и то, свое откорюченное тело, одетое в узкий мужицкий кафтан».

И Ростовы и Пьер находились на том самом «корабле народа», который шел своим громадным независимым ходом.

В первый же день Пьер был взят в плен. В нем совершился тот переворот, который дал его мятущемуся духу успокоение. Пьер почувствовал, что «все те условные преграды — рождения, воспитания, нравственных прищипок» — были уничтожены. Он сблизился с своими товарищами — солдатами, крепостными, колодниками. «И в этом сблизившись нашел новые еще не испытанные им интерес, спокойствие и наслаждение». Этот мотив провозглашает описание жизни Пьера в плену.

Одновременно Пьер решает и другую авторскую задачу. Его наблюдения за жизнью Москвы, занятой французами, сочетаясь с толстовским анализом деятельности Наполеона в Москве, должны подтверждать, что французское войско «распадалось и гибло с каждым днем лишнего пребывания в Москве». Такой замысел появился при работе над первым параграфом этих глав и осуществился в романе. Выразительно подчеркивалось это в черновых вариантах глав, посвященных русским пленным. Пьер благодаря знанию иностранных языков «особенно ясно чувствовал те видоизменения, которые происходили в положении французских войск в Москве и отражались на них, пленных, и на караульных солдатах, которые были для Пьера представителями положения всего французского войска. Пьер невольно следил за тем порядком, который чуть не погубил его, и замечал, как этот порядок понемногу ослабевал и исчезал, вероятно, под влиянием каких-нибудь внешних причин».

Пьер заметил, что в этой «силе», которая ослабевала, «проявилось колебание, нерешительность, и Пьер стал верить в то, что время разрушения этой силы порядка — и вследствие того его освобождения — близко». Появился в ранних вариантах этих глав пейзаж, сбитый с душевным состоянием Пьера и с приближающимся бегством французской армии из Москвы. «Погода стояла ясная, теплая, тихая — так называемое бабье лето. Весь лес уже обвалился с деревьев, трава засохла, все приготовилось к зиме, а небо было теплое, голубое и солнце грело, как летом. Трава и почки деревьев и вся природа как будто не знали, что им делать, идти или ретуаться. То чувство смятения и страха, которое было в душе Пьера, усиливалось этой погодой, которая выражала то же чувство нерешительности и ожидания».

Признаки ослабления французов Пьер угадывал в том, что пленных хуже кормили, караульные солдаты стали отнимать у пленных отходы. Это дополняет обобщенный рассказ автора о мародерстве во французских войсках. Главным же «признаком для Пьера состоял в том, что прек-

де словоохотливые караульные рассказывали Пьеру кое-что об общем ходе дел», а теперь «или молчали, или сердились, когда Пьер спрашивал их».

Так было первоначально. В следующих рукописях признаки разрушения французских порядков замечает не только Пьер; между всеми пленными «распространилось убеждение о том, что французам плохо приходится и что на днях они уходят из Москвы. То, что французы отнимали сапоги, шили себе рубашки, то, что везде на поле выдвигали повозки и укладывали их, то, что чаще двигались войска — все подтверждало эти предположения».

Несколько раз перерабатывая этот текст, Толстой в конце концов решил показать признаки наступившей гибели французов не косвенно через восприятие Пьера и всех пленных, а прямо в самом действии. Он создал сцены сборов французов к выходу и самого бегства из Москвы. Под углом зрения Пьера передан «характер движения» французов из Москвы. Пьеру он представлялся «однообразно стремительным и поспешным». Все эти «люди, лошади как будто гнались какой-то невидимой силой туда, вперед по Калужской дороге, помимо их воли». Впечатления Пьера подтверждали вывод Толстого о «паническом страхе», охватившем французов после Тарутинского сражения: войско «побежало» из Москвы, думая «только об одном, как бы поскорее уйти и спастись». Положение французского войска Толстой уподоблял «положению раненого животного, чувствующего свою погибель и не знающего, что оно делает».

Бегство французов — это последнее военное действие в Москве. О Москве после освобождения России от нашествия в ранней редакции нет ничего, о ней рассказано в последних главах, которые создавались в период работы над корректурами последнего, шестого тома. Эти главы посвящены возрождению Москвы и встрече Пьера с Наташей и княжной Марьей.

Не сразу была найдена та композиция, какая известна по завершённому роману. Первоначально после анализа деятельности Кутузова была сразу вставлена картина возрождения Москвы. Позднее она была перенесена к концу части.

Подобно тому, как удалась Толстому с первого же приступа картина опустошения Москвы, которую он сравнил с пустым «домовитием обезмолвленного улья», так создалась сразу панорама восстановления Москвы. «Народ самый разнообразный, влекомый — кто любопытством, кто делом службы, кто расчетом, — домовладельцы, мужики — высшие и низшие чиновники, торговцы, ремесленники, без малейших колебаний было найдено сравнение Москвы с раскиданной муравьи-

ной кочкой: обитатели ее свуют вокруг, и по их цепкости и энергии видно, что «разорено все, кроме чего-то неразрушимого, невещественного, составляющего всю силу кочки». В Москве тоже было разрушено все, «кроме чего-то неразрушимого, невещественного, но составляющего всю силу России». В таких торжественных словах выразил Толстой в первом варианте основную мысль. В ней проявился пафос не только этой главы, но всего романа.

Прислав после освобождения из плена три месяца больным в Орле Пьер возвращается в Москву. Его чувства опять согласны с чувством автора.

По дороге в Москву Пьер видел во всем «необычайную могучую силу жизни, ту силу, которая и снегу на этом пространстве поддерживала жизнь этого целого особенного и единого мирового ядра». Это чувство Пьера почти в точности повторено в печатном тексте. Пьер ехал «по пожарницам Москвы и видел красоту».

В Москву из Ярославля приехали после смерти князя Андрея сдружившиеся княжна Марья и Наташа. В московском доме Болконских встретились Пьер, Марья и Наташа. Пьер рассказывал о Пете, которого он видел убитым; княжна Марья и Наташа вспоминали последние дни князя Андрея. При этой встрече пробудились и закрепились отношения Пьера с Наташей, а посредником между ними была княжна Марья.

Возрождением Москвы и возрождением к жизни героев романа прошедших через большие испытания, закончилась тема «В Москве» и завершилась «история из 12-го года».

В ДЕРЕВНЕ — это сюжетная линия Болконских, главным образом старого князя с дочерью. На протяжении всего почти романа Болконские представлены в своем имении Лысые Горы. Только ненадолго перед войной они появляются в Москве. В дни наступления французов на Смоленск они в Бонючарине, а после смерти старого князя в разгар войны княжна Марья с племянником покидают деревню. В эпилоге ведущие герои романа встречаются в последний раз в Лысых Горах.

Повествование о жизни Болконских в 1805—1811 годах было в большой своей части даже стилистически закончено в ранней редакции романа. Только некоторые эпизоды, связанные со стариком Болконским, потребовали переработки. Прежде всего — отношение старого князя к жеманнице сына. По первой редакции князь Андрей, сделав предложение Наташе, говорит ей, что отец требует отсрочить свадьбу на год и уезжает, согласно воле отца, за границу. Так и утвердилось во в следующей рукописи добавлен один эпизод: княжна Марья получает из Швейцарии от брата письмо, где он признается в своей любви к Наташе и объясняет, почему он, будучи в Лысых Горах, не сказал ей об этом. Он добавил, что Наталья Ростова хотела бы, чтобы он вернулся скорее и просил сестру смягчить отца. Толстой задумал сыграть Пьера с этим важным для князя событием. В конце письма Андрей просит сестру, чтобы она вместе с Пьером переговорила с отцом, так как «мы бы: добрый Петруша Безухов, которого одного из всего молодого поколения побил отец», мог бы оказать на него влияние. Вскоре после этого письма приехал в Лысые Горы Безухов, и княжна Марья, не решившись одна заговорить с отцом, прибавила на помощь Пьера «Старый князь был до-прежнему ласков с Петей и при нем даже ласков с княжной Марьей, но как только Рюге заговорил о жеманнице Андрея.

старик нахмурился и, не дав договорить Риег'у, разразился своим гневом. — Мало ему одно... ну да бог с ним... Какая служба с такой женой Сиди, карауль... Нужно жену, возьми короткую, а не на жизнь... Пусть делает, как хочет. Мне что? Законы для России писать хочет, а для себя не умеет... Женись, женись, голубчик, благодарить будешь, — и для себя не умеет... Женись, женись, голубчик, благодарить будешь, — и кто ходатаяствует... Ты? Хорош ходатай. Скажи ты ему, дураку, чтоб подождет — скоро умру, тогда покойнее будет... Но дождется»

После гневной вспышки старый князь не говорил больше о желании сына, а княжна Марья и Пьер написали Андрею и просили его не отчаиваться, «все решится в Москве, где на будущую зиму будет князь и Ростовы». Толстой раздумал затем вводить сюда Пьера, и не повздорившая теперь в письме князя Андрея просьба к «доброму Петруше». Сократилась и речь старого князя, которая обращена только к княжне Марье.

Можно допустить, что Толстой исключил Пьера из этого эпизода ради подлиннее снапы в доме Болконских в Москве. Там княжна Марья, готовясь к встрече с Наташей, впервые расспрашивает Пьера о нем, и Пьер чувствует ее недоброжелательство к Наташе. Это было бы возможно, если бы Пьер еще раньше приезжал в Лысые Горы для разговоров о женитьбе. Естественно, что тогда бы княжна Марья и расспросила Пьера, и у нее уже составилось бы свое мнение.

Для характеристики старого князя важно его столкновение с модным тогда французским доктором Метивье, навещавшим князя в Москве. Это второй эпизод, над которым пришлось Толстому много работать. В ранней редакции он был краток, позднее Толстой стал разбивать его. Введены авторские реплики, из которых выясняется, что француз-доктор специально вызывал князя на политический разговор «Он ждал, что князь, как обычно вещь, оживится в своем ослеплении к Бонапарту и начнет желчно и резко обсуждать его поступки». После нескольких неудачных попыток заставить князя заговорить «Метивье потер лицо руками и с улыбкой, выражавшей уверенность в том, что теперь он верно достигнет цели, начал тот разговор, который, он знал, никогда не оставит князя спокоинным». После того, как старый князь «не выдержал и начал говорить на свою любимую тему о значении востока для России, о взглядах Екатерины и Потемкина на Черное море», в новой рукописи опять появляется реплика: «Метивье, достигнув своей цели, чуть заметно самолюбиво улыбнулся». Эта «самодовольная» улыбка доктора как будто насторожила старого князя, он «вдруг» замолк и «встремился прищипываемые отчасти бровями злые глаза на доктора». По первой редакции, старый князь говорит, что понимает цель доктора навязать его на политический разговор. В новом варианте князь не выска-

зывает вслух своих подозрений; взамен этого его речь на «любимую» политическую тему прерывается внутренним монологом: «Кому говорю все это? — вдруг подумал он. — Француз, раба Бонапарта. И зачем я стал говорить это? Зачем он подделывался ко мне?» И лицо, и улыбка Метивье, и интерес, с которым он слушал, показались ему вдруг оскорбительными. «Он заставил меня говорить. Он играет со мной. И кто? Со мной этот французишка...»

«Все эти мысли в одно мгновение промелькнули в его голове и разразились следующими словами, сказанными сдержанно бешеным голосом:

— За визиты благодарю вас, господин, за ваши визиты дворецкий заплатит сейчас. Прошу не ездить больше. Меня раздражаете. Прощайте. Идите...

— Я не понимаю, — с тихим удивлением начал Метивье.

— Не понимаешь? — кричал князь. — А я понимаю. Ты шпион. Французский шпион. Бонапартов раб. Вон из моего дома, вон, и говори. — Князь одной рукой звал, другой угрожающим жестом указывал на дверь».

Разработав во всех деталях эпизод с доктором, Толстой полностью зачеркнул написанное и создал новый вариант — тот самый, который дошел до печати. В нем не только нет самого разговора, пропущенного между князем и доктором, но даже не упомянута тема с о Пет, естественно, никаких авторских реплик. Сцена краткая: княжна Марья, сидевшая и тихонько у двери, слышала то голос доктора, то голос отца, потом оба голоса затихли вместе, и затем — финал: старый князь «в коныше и халате с изуродованным бешеным лицом и опущенными краешками глаз» выходит доктора. От предыдущего варианта сохранились только гневные слова, с которыми старый князь выгоняет француза. Вместо пространного рассказа осталось впечатление о настроении старого князя Болконского накануне войны 1812 года.

Переставшая во второй редакции и сцена обеда в тот же день между князем. За обедом политические разговоры обнаруживали позиции всех соображений. В первую очередь самого князя Болконского. По ранней редакции Пьер замечал, как во всех осуждениях своих эти старики останавливались у границы, где осуждение могло касаться самого государя, с которого не переходили этой границы. Но после этой редакции, автор (а не Пьер) сообщает, что за обедом «рассказывали о событиях... и было много подтверждений то, что все шло хуже и хуже». Как рассказчик воспринимался или был огорчен, как рассказчик «ослаблялся» могло относиться навстречу... раз на той границе, где осуждение могло относиться к лицу государя императора». В политическом разговоре, разумеется, коснулись ноты, «посланной к дворам и отстаивающей права герцога

Ольденбургского». Как в ранней, так и в последней редакции этот вопрос затронут Растопчиной. Реакция же старого князя была Толстым изменена. В первой рукописи, перебив Растопчина, князь «резко и сенсационно» заявил, что «войны не будет», и пояснил свою уверенность тем, что «людей нет. Кутузов стар». Затем князь Болконский удивленно переменял разговор. «В последнее время он не мог говорить о Бонапарте, потому что он постоянно о нем думал. Он начинал не понимать в этом человеке. После того, как он в прошлом году женился на дочери австрийского кесаря, старый князь не мог уже больше уверенно презирать его, не мог и верить в его силу. Он не понимал, терпелся в догадках и был смущен, когда говорили о Бонапарте».

Во второй редакции сомнения князя Болконского заменились твердостью. Пьер Александрович по поводу захвата Наполеоном владений герцога Ольденбургского Болконский высмеивает: «Предложили другие владения вместо Ольденбургского герцогства, — сказал князь Николай Андрей — Точно я мужикон из Лысых Гор переселился в Богучарово и в рыцарские так и он герцогом». В связи с нотой старый князь с раздражением упоминает государственные реформы «писак», которых много развелось в Петербурге, где пишут «не только ноты, — новые законы все пишут». «Несчастенно» замечившись, он добавил: «Мой Андрюша там для России целый волком законов написал». Вместо краткого заявления о том, что войны не будет, князь «высказал свой образ мыслей насчет предстоящей войны. Он сказал, что войны наши с Бонапартом до тех пор будут посчастливы, пока мы будем искать союзов с немцами и будем соваться в европейские дела, в которые нас втянул Тильзитский мир. Нам ни за Австрию, ни против Австрии не надо было воевать. Наша политика вся на Востоке, а в отношении Бонапарта одно — вооружение на границе и твердость в политике, и никогда он не посмеет переступить русскую границу, как в седьмом году». Так окончательно определились убеждения старого князя Болконского накануне войны 1812 года.

Совсем небольшая стилистическая отделка потребовалась для последней сцены в доме Болконских, где княжна Мария открывает по беседе с Пьером о своем трудном положении в доме, о тяжестях, о потерях отца. Вплоть до корректур сохранялся по ранней редакции их разговор. Княжна Мария знала о предстоящем приезде в Москву Ростовых и сообщила Пьеру свой план, ничего не говоря о том, что она постарается сблизиться с Наташей для того, чтобы князь, «любящий и полюбивший» Так сохранилось в завершённом романе. Пьер же тем рассказывать свой план, княжна Мария расспрашивала Пьера о Наташе и он по «вечному инстинкту» чувствует «недоброжелательство» княжны Марии к ее будущей невестке. Появление этой недоброй

ноты меняет сцену визита Ростовых к Болконским. Поведение старого князя почти дословно взято из ранней редакции, а встреча княжны Марии и Наташи дополнена их первыми впечатлениями: они «молча смотрели друг на друга и, чем больше они молча смотрели друг на друга, не высказывая того, что им ну, по было высказать, тем недоброе впечатление они думали друг о друге». Визитом Наташи к Болконским завершался в ранней редакции рассказ о жизни Болконских в Москве в 1811 году.

На следующем этапе работы над этой частью Толстой ввел еще один эпизод. В отличие от первоначального замысла, Наташа получает письмо с отказом не князю Андрею, а находившейся в Москве княжне Марье. Записку ее m^{lle} Bougienne «похитила» у княжны и вручила старому князю. Когда князь Андрей приехал в Москву, отец передал ему письмо Наташи, добавив при этом «рассказы о похищении» Наташи. Видимо, желая подчеркнуть, насколько это потрясло князя Андрея, Толстой думал было рассказать, как старый князь отнесся к горю сына: «Даже жестокий отец, передав сыну письмо и подробности о похищении, не решился другой раз говорить о том сыну и воздержался от всяких шуток. Про все это дело ни княжна Марья, ни отец, ни князь Андрей не говорили ни слова, как будто этого не было, но всякую секунду, при каждом молчании они все знали, что они думают о том, что случилось, и страдают. На другой же день князь Андрей решил опять поступить на службу и ехать к Кутузову в Бухарест. План этот предложил старый князь, а сын принял его».

В завершённом романе не раскрывается состояние отца и сестры в эти дни. Оно лишь косвенно показано. Пьер, который с первой же редакции участвует в этом трагическом эпизоде, видел по лицу княжны Марьи, как она была рада тому, что случилось; отец казался ошеломленнее обыкновенного. И, глядя на них, Пьер «понял, какое презрение и злобу они имели все против Ростовых, и понял, что нельзя было при них даже и упоминать имя той, которая могла на кого бы то ни было променять князя Андрея».

Такова была жизнь Болконских накануне войны.

После начала войны первыми вступают в действие Болконские, которые вернулись к этому времени из Москвы в Лысые Горы. Князь Андрей, после разрыва с Наташей служивший в турецкой армии, переходит в западную армию и по дороге проезжает в Лысые Горы.

Стилистически так построено и в ранней редакции романа «У отца был старый дом, но только значительно хуже, чем прежде». В ранней рукописи теперь короткая фраза замечается картиной «лысогогорской усадьбы. Князя Андрея, в жизни которого было «так много оборотов» со времени его последнего в 1810 году пребывания

в имени отца «страшно и неожиданно поразило при въезде в Лысье Горы все точно то же, до малейших подробностей точно то же течение жизни». Усадьба представлялась князю Андрею «заколдованным заснувшим замком». Он увидел тех же, но несколько постаревших людей. Только сын его Николайшка вырос, переменился: он «не слушался закона неизменности в этом заколдованном, спящем замке».

Все в Лысых Горах оставалось по старому только внешне; князь Андрей увидел, что «внутренние отношения лысогогорских обитателей изменились. Тяжелая атмосфера в семье Болконских, страдания княжны Марьи, ссора князя Андрея с отцом из-за Бурьени, которую старик князь приблизил к себе, заступничество князя Андрея за княжну Марью, его разговор перед отъездом с сестрой и, главное, угнетенность князя Андрея достаточно полно были представлены в ранней редакции; текст ее с большими совпадениями вошел в окончательный роман».

Дальнейшая жизнь в Лысых Горах показана в те дни, когда Наполеон подходил к Смоленску. В ранней редакции о Болконских в эти дни больше рассказывалось — теперь изложение автора во многом заменилось действием. Так закрепилось в завершенном романе, но не дошли до него многочисленные подробности, говорящие о встревоженном состоянии князя перед смертью. Изображено оно более всего через впечатление, какое он производил на окружающих: «старый князь казался очень усталым», все домашние видели, как странно беспокоен был князь в последнее время. Княжне Марье «тяжело было думать, что все это знают и про это умалчивают». Хотя «привычная насмешливая» улыбка князя казалась выразительной, «эта улыбка была только привычное положение личных мускулов, не имеющее никакого значения». Алпатыч, принимая приказания, удивлялся: «никогда князь так много подробно, мелочно, торопливо не доходил до всего».

В этой же рукописи более подробно рассказано о княжне Марье и ее отношении к отцу. «Ее странническое платье давно было отдано одной из странниц, и мечта о странствовании была ею оставлена. Теперь, как ей ни страшно было — теперь, когда отец так заметно слабел и увядал, она, хотя и не признавалась себе в этом, втайне жила счастливо, что в таком положении отдаления ее, продолжавшегося уж около полугода, и пристрастия к *Mlle Bourienne* отец ее не останется долго, она знала, что он возвратится к ней, знала, что на остаток жизни ее, эта заблуждающаяся [и пр.] любовь к ней, к княжне Марье, и жила в это время». Далее «Николай Андрей не думал о войне. Семейные заботы, беспокойство и страх за отца, за свое состояние отца занимали все его время. Кроме того, он не смел о войне подумать, что князь смеялся над этой войной и никогда серьезно не говорил о ней». Рассказ о княжне Марье позднее тоже подвергся

перестройке, т. е. разъяснения автора исключены, а показано само действие.

Озабоченность против врага, разгоравшаяся в русском народе и войске, охватывала всех. О том, как у Болконских — отца и дочери — у каждого по-своему проявился духовный подъем в дни надвигающейся опасности, многое было рассказано в ранней редакции. Толстой продолжал рассказывать. Вначале показана тревога старика князя, доведенная слухами о приближающейся войне «до высшей степени». После отъезда Алпатыча в Смоленск беспокойство князя усилилось, но оно «не было обращено на возможность опасности, напротив, он сердился, когда ему напоминали об этом». Толстой попытался было отметить, что в это время старый князь отдавал своим слугам и дворовым приказания «самые мелочные, забываемые им», но даже не дописал фразы; в такую минуту надо говорить не о расслабленности старика, а об его неосознанном внутреннем смятении. Толстой нашел психологически верную деталь: тревога старого князя в эти дни проявлялась именно в тех хозяйственных вопросах, которые всегда интересовали его. «Он беспокоился о том, что не успеет нынешним летом окончить постройки нового корпуса, так как не успеешь извести, о том, как бы Алпатыч не напился пьян и не растерял задвижки, и о том, что не едет землемер для размежевания».

Все сильнее выступает и физическая слабость старого князя. Ее усилить надо было для того, чтобы разительнее стало дальнейшее поведение князя. Когда Алпатыч привез известие, что «Смоленск сожжен и занят неприятелем, что войска отступают и что Лысье Горы через несколько дней могут быть заняты неприятелем», старый князь преобладает. Каким образом быть. Николай Болконский, не могши подойти к нему замедленная реакция, вызванная физической слабостью.

Неверно прозвучали следующие слова, введенные было в рассказ: он «молчал, все с той же презрительной улыбкой принял эти известия и, сидя в кресле, заснул еще в то время, как Алпатыч, взволнованный всем тем, что он видел, не кончил докладывать ему». И живые, «проснувшись перед обедом, князь, казалось, в первый раз понял все. Немедленно доложил ему эту новость князь в первом толпе прочитал рассказ о нем. Основной характер сохранился в печатном тексте, хотя убавили некоторые подробности. После доклада Алпатыча, казалось, «сказалось, что князь и прежде не был способен к размышлению, и теперь, когда он был в состоянии разума, и Николай и Николай с сестрой и братом князем, отправившись в Москву, послать во все деревни требования, чтобы чарово и оттуда в Москву, послать во все деревни требования, чтобы с трех тысяч один мужик молодой на лошади явился в Лысье Горы».

д. павловец. вызвать городничего и отправить двух посланных — одного к главнокомандующему войсками, другого к исполненному главкомандующему. Письмо князя к главнокомандующему содержит в себе больше подробностей, нежели в законченном романе. Князь сообщил (в первоначальном тексте), что, «несмотря ни на что, он не уйдет из Лисых Гор, хоть бы французы стояли у ворот дома, что защищать Лисые Горы весьма легко, ежели ему дадут только 10 батальонов пехоты и две роты артиллерии, что он сам возьмет командование над ними, и, присоединяя к ним своих ополченцев и тех, которых он трезубет от ополченного главнокомандующего, он уверен, что ни на шаг не уступит французов». Одновременно князь написал приказ губернатору о высылке людей, городничему — о высылке оружия и ополченному начальнику о требовании немедленно явиться к нему».

Перед нами не слабый, беспрестанно засыпающий старик, каким был князь по изысканию Смоленске, он возбужден, он «казался своею и одиознее, чем все эти дни. Он ходил по комнате, пил воды и ботинки брови, не переставая, вылились по сто линий». Внешность преобразилась под влиянием глубоких внутренних переживаний — это очень характерно для толстовских образов, особенно — образов положительных людей.

Многое приближалось к законченному варианту, но еще сохранился от ранней редакцил рассказ о душевном состоянии княжны Марии, против воли отца оставленной вместе с ним в Лысых Горах. Княжна испытывала потребность «действовать». Она не могла молиться «она чувствовала, что ее признавал теперь другой трудный мир действительности, совершенно противоположный правительственному миру молитвы; она чувствовала, что, предаваясь последнему, она потеряла последние силы действовать. Она не могла и не стала молиться». Чувство это направлено на то, чтобы «следить» за отцом, «а в ту минуту, которая, она чувствовала, быстро приближалась, — быть готовой на помощь».

Состояние «ясности и деятельности», в которое физически ослабевший князь был приведен известиями о надвигавшемся опасности, завершилось ударом и смертью. Такая схема определена в поэме редакции. Более всего пришлось в дальнейшем работать над собранием последних дней жизни старого князя и смерти его. Интересовал процесс болезни, и, замедлив действие, он попытался за шагом проследить развитие болезни старого князя. В эту редакцию введен рассказ о том, как старил князь разговаривал на ночь за ее отказ уехать без отца. Это потребовало и дальнейших изменений.

В ранней редакции старый князь ночью приходит в комнату дочери и разговаривает с ней. Теперь создается новая сцена. Княжна Мария в эту ночь «не могла молиться, не могла спать» и до рассвета прислушивалась к тому, что происходило в цветочной, где ночевал отец, которому тоже не спалось. Осталась неизменной, как и в ранней редакции, характерная для больного князя особенность — он смешивает давно прошедшее с событиями сегодняшнего дня: но этот путанный разговор князь ведет теперь не за столом с семьей, а с Тихоном: княжна Мария прислушивается из соседней комнаты.

По-иному изображен и момент удара. Задремавшая под утро княжна возбуждена, все время рвется к действию и узнала от Дуныши, что князю коляску подают. Они, должно, к началу едут. В мундире сейчас приходили. Желе и исправник здесь. И мушкетеры ополченные на лугу собраны. Ружья привезли. Радавать хотят. Из окна княжна Марья увидела «коротенькую» фигурку отца в скатертинском мундире с орденами, вытравившуюся быстро по дорожке в сад. Ей виден был луг и боляки, шедшая толпа мушкетеров без шапок, двигавшаяся навстречу князю. Вдруг она услышала «раскаты голоса князя, кричавшего что-то». Вдруг она услышала «раскаты голоса князя, кричавшего что-то». Вдруг она услышала «раскаты голоса князя, кричавшего что-то».

Так под откосил Толстой сцену удара. Когда «выру-
зались» и княжна Мария выбежала в сад, «навстречу ей по аллею выд-
вигалась фигура ее отца, с трудом, покрытой орденами, и красным ворот-
ником. Его вели, почти нести под руки». Детально рисуется внешность
пораженного параничом князя, который, «не переставая, хрипя, бор-
могал что то». Еще три раза исправляя действия, исключив некото-
рые подробности, дав картину более резкими штрихами. Незамени-
мые при всех многократных переработках остались наглядная — смер-
же варианты и сохранившийся в печатном тексте кульминация — смер-
тельный удар поражает князя Волконского в момент наивысшего пат-
ристического подъема. Автор хотел и в дальнейшем показывать стрем-
ление к активной деятельности. Отмечено было, что он
«не столько боялся князя как активный деятельности. Отмечено было,
что княжна Мария оставалась с отцом в Богучарове потому, что он
«не столько боялся князя как активный деятельности. Отмечено было,
ведущий к которому он «в полупомешательстве, в котором он нахо-
дился», принимал из Алыче Горы» Это отпало вместе с другими подроб-
ностями только о физических, но и о нравственных страданиях

Рассказ не только о физических, но и о нравственных мучениях князя, как смягчается характер отца, проявляется любовь к жизни. На этом же этапе работы (вторая редакция) — прерывающийся рассказ о гибели князя «Погибца Россия» от злодея — прерывающимся произносит князь. Следующий вариант — вместо

103

В завершенном романе сохранились и слухи, привезенные Карпом, в бумагах французского генерала, а даже название деревни — Висло-ухова, по имя хозяйки ее, Телянина, отпало. По видимому, участие горюшничего Гулина в Ботучарове, не увязывалось с общей сюжетной канвой, было искусственною натяжкой, и чувство меры, которое так ценит Толстой, вероятно, подсказало исключить случайные эпизоды.

1. первой рукописи определились основные события «бунта» Алпатыч приказал собрать подводы — Дрон отказался. Алпатыч «удивлен», он посмотрел на Дрона, не понимая смелости его возражения». Княжна Марья вызывает Дрона. Он вошел в комнату с «выражением тупого недоверия». Раздорения княжны он слушал, «видимо, не желая исполнять их». Разговор княжны с крестьянами также ничто не дал. Княжне Марье было страшно и нелепо. Она хотела «облагодетельствовать» мужиков, а они «враждебно» смотрели на нее. В толпе раздавались крики. «Не согласны», «Чего соглашаться-то?», «Что ж нам еще браться то?», «Вишь научила ловко, за ней в крепость идти». «Дома все разорено, да в кабаку и ступай. Как же! И хлеб, мол, отдам, — с проищеским хохотом протворил старик с дубинкой».

Образовавшееся в напавшем на старика с двумя кошками чужом хитром и протворном старике с двумя кошками. Толстой переходит к князю Марье. Два трагических события обрушились на князю: смерть отца и приближение врага. Как же это должно отразиться на ее духовном строе? В старой редакции была дана немедленная реакция княжны Марьи на совет m-He Вонгеппе остаться с французами. Она соглашалась, испугавшись. — Так что вы хотите, чтоб я ... чтоб я приняла в этот дом французов, чтоб я ... нет!» В новой редакции совет m-He Вонгеппе послужил толчком, который вывел осиротевшую князю Марью из угнетенного состояния. «Требования жизни, которые он, считая уничтоженными со смертью отца, вдруг с новой еще неизвестной силой возникли перед князю Марьей и охватили ее». Теперь слова француженки вызвали гневное раздражение княжны Марьи, и последовала немедленная реакция: «ехать, ехать скорее». Княжна Марья испытала ужас при мысли о том, как подействует на князя Андрея известие о том, что она остается у французов.

В окончательном тексте размышления княжны Марьи расширены. Она представила себе, в каком оскорбительном положении очутится, бы, оставшись у французов. Одну еще черту под конец добавил Толстой к характеру княжны Болконской: она чувствовала себя «присвоенницей своего покойного отца и князя Андрея» и «невольно овладела их мыслями и чувствовала их чувствами».

Толстой колебался, каким будет расположение духа княжны Мэри после бесплодного разговора с крестьянами, отказавшимися

с нею. Первоначально мысли княжны Марьи сосредоточены на потрясении ее горе — смерти отца. «Ей все казалось, что он идет, вилекая туфлями. О мужиках она не помнила и не думала». Тотчас же автор изменял такое соотношение двух событий: живые воспоминания об отце стали сливаться с обостренным чувством жизни. «Сначала она думала о мужиках, о странном говоре их и непонимании, думала о неприятеле, о ужасе покорении России французом». Думы о настоящем перебивались мыслями об отце «Все к лучшему, он бы не мог пережить этого». На княжну Марью «нашел страх». Она испытывала «сначала страх мужиков, страх французам, потом беспричинный страх чего то таинственного и неизвестного».

В следующей рукописи реакция княжны на поведение крестьян почти полноразлична к первому варианту. Погруженная в свои мысли об отце, она хотя и прислушивалась «к звукам говора мужиков, допоявшимся с деревни, но она не думала о них». Возник психологически сложный замесет — раздумья об отце допознить мечтой «о возможном для себя любви и семейного счастья». Княжна Мария представляла себе, как бы она любила своего будущего мужа. «Она представляла себе того человека, которого она будет любить, совсем противоположным тем двум мужчинам, отцу и брату, которых она знала ближе всех и на которых она сама была похожа (она представляла его себе не очень умным (она не любила ум), не очень чувствительным, по очей переселым, малым, рыцарски благородным и великодушным» Голстой заставила княжну Марию не ограничиться отвлеченными мечтами. Первые наиреальнейшие и топот чобядей, отправляемых в ночное, придает мечтам реальное направление. «Кто знает, может быть, это мое положение теперь, тесно и в опасности сведет меня с ним — подумала княжна Мария и начинала к топоту лошадей. — Может быть, это он идет теперь». Такие мечты не удержались в романе. Слишком совпадают мечты и вслед за тем свершившееся событие — приезд в Болучарово Николая Ростова.

Многие из этих переработки привели к такому итогу: княжна Марья в эту пору не помнила о музиках. «Она чувствовала, что сколько бы она ни думала о них, она не могла бы понять их». Ее полностью личная горе. В ее воображении оживали картины болезни и смерти отца. Так в завершённом романе.

Хотелось бы отметить, что в романе княжны Марья и Анастасия, связанные между собой, душевная настроенность которых меняется одновременно. Толстому переделявать сцену сходки боярского и царского эпизода, в котором Анна Каренина грубый

Хотелось бы отметить, что многие сцены, связанные между собой, душевная настроенность богучаровского эпизода меняться одновременно. Не раз приходилось Толстому переделывать сцену схода богучаровских крестьян. В окончательном тексте Аняты гообщает случаю в Богучарово Николаю Ростову, что «грубый

107

народ идущий не желает выпустить госпожу из имения и угрожает отпирать лошадей». От лица автора затем рассказано о том, что предложение княжны Марьи выдать крестьянам хлеб и просьба ехать вместе с ними «так испортили дело», что крестьяне решили подчиниться приказу французов «не вывозиться» и не выпускать княжну. В рукописях вместо авторского изложения была короткая сцена. Угромы княжна собралась ехать, «еще лошади не подъехали к крыльцу, как толпа мужиков приблизилась к господскому дому и остановилась на выгоне». Аппатыч, скрывая от княжны истинные намерения крестьян, советует ей просить у русского воеводского начальника конвой, «так как по дороге могут встретиться неприятели». Княжна Марья отказалась. Она видела, как после этого Аппатыч «пошел к мужикам и что-то стал говорить с ними. Поднялись крики, маханья руками. Аппатыч отошел от них, но не вернулся к княжне. Михаил Иванович, архитектор, вошел к княжне и задыхающимся голосом передал ей, что в народе бунт, что мужики собрались с тем, чтобы не выпускать ее из деревни, что они грозятся, что отпрягут лошадей, но что ничего худого не делают барыне, и повиноваться ей будут и из барщины ходить, только бы не уезжали». Княжна Марья в оцепенении сидела в зале. Она ничего не понимала из того, что делалось с нею. «Вот оно и наказание», — думала она. В этот момент приехали Ростов с Ильичем.

В следующей рукописи, введя мечты княжны Марьи о семейном счастье, Толстой изменил и эпизод с крестьянами. Добавлены новые подробности, усиливающие напряженность и действие. В начале сказано, что испуганный уже обещал Аппатычу прислать конвой солдат необходимыми еще только для того, чтобы проводить княжну Марью, но из-за того, чтобы с помощью воеводы вытребовать нужные для подъема обоза подводы». Подчеркнуто, что во время разговора с княжной Марьей Аппатыч «мрачно» стоял перед ней, «скакал и не решаясь сказать ей всю правду». Авторское изложение рассказа архитектора о «бунте» заменено короткой сценой, усиливающей впечатление от всего эпизода. «Дуняша вбежала к княжне и задыхающимся голосом передала ей, что в народе бунт, что мужики собрались с тем, чтобы не выпускать ее из деревни, что они грозятся, что отпрягут лошадей». Далее прямая речь Дуняши: «Они говорят... они, что ничего худого не делают и повиноваться будут и из барщины ходить, только бы не уезжали. А ж лучше не ездить княжна матушка! что с нами! — говорила плачущая Дуняша».

Усиливают напряженный характер сцены упоминания о том, что «в задних комнатах слышны были беготня и шептанье», что «кучера и мужики, приведшие было к крыльцу лошадей, увели их назад».

«что «к мужикам подъехала телега с бочонком», которую «толпа окружила», и слышался «громкий говор и веселые крики».

По-иному выступает в этом варианте и сама княжна Марья. Она не пласива, как было в предыдущем, не ограничивается раздумьем о заслуженном показании, а готова решительно действовать. Узнав о настроении крестьян, княжна Болконская не испугалась. «Но я не покорюсь так вдруг, — сказала она, вставая. — Я пойду к ним, я вею закладывать и поеду. Пускай они останавливают меня! Дуняша, няня, чего вы боитесь? Отчего вы спрятались? Велите укладывать, а я пойду к ним». Решительность княжны Марьи не подействовала на ее испуганных слуг. «— Матушка, Христос с тобой! Они — пьяны, голубушка! пропади мы, — уговаривали и плакали и стопали Дуняша и няня. Михаил Иванович с растерянным лицом и Тихон вошли в комнату». Несколько голосов говорили вместе, особенно голос прачки Натальи «наполнял комнату». Хотя княжна Марья «чувствовала, что, глядя на эти растерянные лица, она сама теряется, но известное ей самой в себе чувство оскорбленной гордости и злобы поддерживали ее».

Эта законченная художественная сцена не дошла до печати. Быть может, тогда ее и, главное, душевный подъем княжны Марьи плохо удавался с неожиданным появлением Ростова. По рукописному тексту Ростов застал княжну в крайнем возбуждении; ее некрасивое лицо неприятно поразило Ростова, тем более, что она, стараясь скрыть волнение «при появлении ожидаемого рыцаря, казалась хотелою и торжественною». По замыслу автора, это знакомство послужит завязкой отношениям княжны Марьи и Николая. «Что то романтическое» предстало Ростову в их неизбежной встрече. «Беззащитная, убитая горем девушка, одна оставленная на произвол трубых бунтующих мужиков». Разум и, подобное впечатление не могла произвести на Николая Ростов не только решимости княжны Марьи. Можно допустить, что этими ображениями в какой-то мере вызван следующий вариант. Марья Болконская сидела в зале «потерянная и бессильная». Такой и увидел ее Ростов.

Ростов и Николай Ростова с мужиками также перерабатывалась, и в рукописях Дрон изображен более уловительным. Даже Николай в первый момент «не совсем спокойно говорил с ним. Так вину была представительностью и спокойствием Дрона». Он «шаркал ногами» говорит с офицером, а когда Ростов схватил его за плечо, «челюсти мужика задрожали, он дернулся». «Ей, барчук, не бойся, — сказал он». Толстой хотел было показать, что приказание Ростова «схватить бунтарей быстро подчинило Дрона», «Иди за подводами», — начал Дрон». Не закончив фразы, Толстой отказался от своего

намерения. Теперь Дрон продолжает стоять на своем: «Сказано: нет подвода», — повторил Дрон и, «не сопротивляясь вязанию ему рук, даже помогая ему, не изменяя выражения своего бледного лица. — Что ж, видите. Подвод нет». Почти в таком виде сохранился эпизод в романе.

Ни было в первой редакции конфликта между крестьянами: с одной стороны — староста Дрон с другой — Карп и другие крестьяне, недовольные Дроном, припомнившие ему и «кубышку», которую он накопил себе, и отправку их сыновей в рекруты. В описании «бунта» этот конфликт вошел на следующем этапе работы Толстого, и он был необходим. Не будь раздора внутри крестьян, вряд ли так быстро удалось бы Ростову подчинить их себе.

Окончание богучаровского «бунта» закрепилось по ранней редакции и передельям не подвергалось. Все крестьяне вместе с самим Дроном укладывали вещи княжны Марьи, помогая ей уехать.

Смертью старого князя и отъездом княжны Марьи из Богучарова надлежало прерываться сюжетная линия «В деревне» в прямом смысле этого понятия, но не прерывалась тема Богучарских. Так же случайно, как и Богучарове, произошла вторая встреча княжны Марьи с Николаем в Воронеже, где она жила с племянником и куда Ростов приехал в командировку.

Вечер у воронежского губернатора, где присутствует Николай Ростов, был написан без больших переработок. Задержал Толстого только разговор губернаторши с Николаем о княжне Марье и об его отношении к Соне. В первом варианте сам Николай рассказывает губернаторше, знакомой Ростовых, о материальных затруднениях семьи, осложняющих его решение жениться на Соне. Губернаторша предлагает посватать его к княжне Марье. Николай Ростов возражает, он уверяет — так и в окончательном тексте — что его любовь к Соне неизменна и что он женится на ней. Однако тон признаний опровергает искренность его отношения к Соне. «Я, по правде вам сказать, женюсь на ней с радостью, но я знаю, что это убьет маман, и правда, что раски дом и подмосковная не продадутся, наши дела совсем разойдутся. И для Софи какая же жизнь будет — мать в отчаянии, в бедности, но я обещал, и жениться на другой это убить Софи. Ужасное положение!»

— Ah, mon cher, mon cher. Les mariages d'amour *, это бел Ростов, почти не скрывая, выказал готовность освободиться от обещания Соне.

«— Но что вы мне посоветуете?

* мой дорогой, мой дорогой. Браки по любви

- Ты женишься на княжне Марье, ежели Софи откажет тебе?
- Да еще вопрос, пойдет ли за меня княжна Марья?
- Нет, ты женишься?
- Обещать не хочу, а...
- Ну, хорошо».

Еще раз Толстой обнажил мысли Николая Ростова, заставив его на следующий день вспомнить разговор с губернаторшей. Курьер из Москвы привез сообщение, что русские оставили столицу. «Известие это влечет новую горю, в особенности тех, которые писли дома и родных в Москве. Nicolas с тем же курьером получил письмо от матери накануне отъезда, в котором она между прочим [писала] о том, что последняя надежда их рушилась, что дом и подмосковная остались не проданы и что теперь все имение должно пойти за долги. Невольно, получив это известие, Nicolas вспомнил о разговоре накануне с губернаторшей».

Такая явная неприкрашенная корысть в молодом Ростове сильно снижала его облик — подобные расчеты годились бы только для Берга, и возможно, что эти причины вызвали немедленную, в те же рукописи, перестройку всей беседы между губернаторшей и Ростовым. В новом варианте, не Ростов говорит о материальных трудностях в семье, препятствующих его женитьбе на Соне, их высказывает почти в тех же выражениях губернаторша, а «Nicolas молчал, ему приятно было слышать эти доводы, но говорить нечего». Такое поведение естественнее для Николая Ростова.

Но иному намечались и обстоятельства, вызвавшие письмо Софии, в котором она просила Николая «считать себя свободным». Не по настояниям графини Ростовых (как в окончательном тексте) София «освободилась». Николай, а получив письмо губернаторши, о выезде его Соне о положении Николая и всего семейства Ростовых, о выезде его брака с княжной Марьей, София ответила, что просит Николая считать себя свободным от обещания. Тот же курьер привез Николаю Ростову письмо матери о том, что они выезжают из Москвы и вместе с ним — и Андрей. Николай Ростов решил отправиться к княжне Марье — «он сообщил «о ране князя Андрея и о том, где он находился».

Виде Николай Ростова к княжне Марье в Воронеже тоже был создан в этот же период. Увидев ранее княжну Марью в Богучарове и слышав ее «робкий рассказ», Николай Ростов думал: «И такая кротость, благодать в ее чертах и в выражении». Теперь, при второй встрече, которая привнесла в их отношения, княжна Марья должна произвела на него более сильное впечатление, он должен почувствовать глубину ее духовной красоты.

На окончательному тексту. Ростов в первый же момент понял, что «мужество, бывшее перед ним, было совсем другое, лучшее, чем все то, что ранее он встречал до сих пор, и лучшее, главное, чем он сам». По первоначальному варианту, «первое чувство, возбужденное в Николае княжной Марьей было чувство жалости. Она видимо тщетно боролась с своим волеизъявлением и с желанием не показывать его в то время, как она была готова то есть. Она опустила глаза, когда он вошел. И увидев он что она была притворилась, что она дура. Но как только она заметила что на него своим глубоким страдальческим видом, сознание что она была не дура».

Так же наряду с архаичным неуклюжим внутренним стилем облик княжны Марьи. «В лице ее, прекрасном, как прекрасны бывают лица поряны без освещения, был зажжен огонь, и огонь этот освещал и играл на всем, что окружало ее». То различие характеров княжны Марьи и Николая Ростова, которое позднее особенно сильно выразится в их семейной жизни, упомянуто теперь. Рисуя облик княжны Марьи при встрече с Николаем, Толстой сообщил, что «в лице ее, в глазах (глаза были все ее лицо) не было того ясного невинного простого света, который бывает у людей не страдавших, не думавших, не изучавших себя и потому довольных собою, той светлости, которая в высшей степени была в Николае, но в ней был неутолимый свет, застигаемый внутренней, вечно недовольной собой работой».

При создании этого варианта возник замысел сравнить лицо княжны Марьи с освещенным изнутри расписным фонарем. Прежде всего на полях рукописи появилась лаконичная запись: «Фонарь». В переработанном варианте этот замысел был воплощен. Лицо княжны Марьи с того времени, как вошел Ростов, «вдруг преобразилось так как преобразуется расписной фонарь, в который ставят свечку». Опроче «лице «расписной» фонарь оказалось недостаточным. Толстой усложнил образ. Лицо Марьи напоминает фонарь «с непрозрачными стенками, с самой искусной, сложной, художественной на них работой, которая вдруг во всей своей тонкой красоте выступает только тогда когда яркий свет зажег в них. В первый раз этот свет зажег был теперь в лице княжны Марьи, и вся та чистая духовная внутренняя работа которой она до сих пор, выступила наружу. Лицо ее, образ был найден, и понадобилась только стилистическая отделка его».

В завершённом тексте этих глав рассказано о совершенно особом чувстве, которое испытывал Ростов к княжне Марье. В раннем варианте это чувство определено как «совершенно особенное от всех прочих отношений с другими женщинами». А в свиданиях Николая Ростова с княжной Марьей было «что-то не только тяжёлое, но грустное».

печное. В том же черновике раскрыто значительно подробнее чувство самой княжны Марьи. Там сказано: «Так же она никогда не мечтала о нем, так же она при нем подчинялась какой то невидимой силе, которая руководила ею, и так же она до подробностей изучала его и не в том смысле, хорошо ли он танцует, не играет ли он в карты и нет ли у него долгов, постится ли он и ходит ли к обедне, а в изучении его задавала себе относительно его самые странные общие вопросы. Она по словам и выражениям его добиралась, есть ли у него снисходительность к слабостям других, есть ли привязчивость к месту, есть ли любовь к детям (эту последнюю она нашла в нем), как будто ей нужно было знать все это». Только в корректурах сокращён был этот придирчивый, любовью подсказанный анализ характера Николая.

В остальном рассказ об отношениях между Ростовым и княжной Марьей был уже в рукописях близок к печатному тексту.

Княжна Марья — один из тех цельных персонажей, которые ведут историю действия романа. Она пришла к нам вместе с Николаем и Ростовым в Иреке-Патаре, где находится умирающий князь Андрей. Она становится свидетелем смерти князя Андрея близким другом Платона Вдовина, в Лысых Горах, имении Марьи и Николая Ростовых, происходит последнее действие романа, его эпилог.

ВОЙНА И НАРОД НА ВОЙНЕ — это четвертая, центральная сюжетная линия романа. Когда в «Русском вестнике» появилась первая часть «Тысяча восемьсот пятого года» с подзаголовком «Война», А. А. Фет писал Толстому: «Главная задача решена: выворотить историческое событие панцирку и рассмотреть его не с официальной шитой золотом стороны парадного кафтана, а с сорочки, т. е. рубахи, которая к телу ближе и под тем же блестящим общим мундиром у одного голландская, у другого батистовая, а у иного немская бумажная ситцевая». Роман с этой стороны блистает первоклассными красотами, по которым сейчас же узнаешь его: «царские леопарды»^{*}. Несомненно, Толстой не раз говорил с А. А. Фетом о задаче своего исторического произведения, так образно сформулированной Фетом. При правке журнального текста направление не пересматривалось, и авторский труд свелся главным образом к сокращениям. Сжат рассказ о стоянке Павлоградского и дла, особенно сцены в палате у Денисова и в кабинете Телянилова. Характеристика юного офицера Николы Ростова, который, «несмотря на все его желание быть в полке гусаром и товарищем», еще не мог «пить больше стакана вина, не делаясь боным, и засиная за картами». Подобные черты проявлялись в самом действии, а не в авторском изложении.

Отбрасывая несколько пролищески звучащие сокращения журнальной публикации — о Шенграбенском сражении, исход которого был не только русских, французам, но и самим австрийцам. Остатки повествования начались «die Heidersees»^{**}, сам Багратион в это время получил «большие награды от австрийцев и вскоре прибывшего в Ольмюц

русского императора». Общей концепции романа исправления не затронули. Не понадобилось для старого текста никаких дополнений.

Аустерлицкое сражение и война 1806—1807 года также не были предметом новых поисков или кардинальных перемен.

Война 1812 года, хотя в ранней редакции был заготовлен для нее очень большой материал, потребовала огромных творческих трудов. Долго искал писатель, как начать действие, как высказать свое суждение о событиях. По ранней редакции, 1812 год открывался полным текстом двух последних писем, которыми обменялись Александр I и Наполеон. Вплотную подошла к воссозданию эпохи, Толстой сохранил их, значительно расширив следовавшее за ними рассуждение о неизбежности этой войны, о причинах движения европейских народов с запада на восток в 1812 году. Используя тексты писем, Толстой старался доказать, что «600 тысяч европейского вооруженного народа неуклонно двигаются с запада на восток и 12 июня вступают в пределы России» не по воле одного из монархов. Это «страшное, противное разуму» событие происходит, несмотря на «уверения Наполеона о том, что он не желал и не желает войны», несмотря на то, что «император Александр идет во всем деле только недоразумение и говорит, что от воли Наполеона зависит спасти человечество от бедствий новой войны и остановить пролитие крови наших народов», несмотря «на сильную партию мира в России, во главе которой стоит Румянцев, и такую же еще большую партию в пользу мира во Франции, несмотря на посредничество Австрии, на усиленные хлопоты дипломатов, старающихся предотвратить войну».

Авторское рассуждение не удержалось, именно было начало рассказа о войне 1812 года. В следующей рукописи он открылся не письмами императоров, на которых было построено рассуждение, а, как установилось в композиции предыдущих томов, кратким обзором событий, предшествующих войне. Читая новое начало: «Более года перед началом 12 го года усиленно работали дипломаты, перенимаясь между кабинетами, снакали курьеры с депешами из Парижа и Берлина в Вену и обратно, десятки тысяч писем были написаны Александром Николаевичем и Наполеоном Александром, и все эти действия имели единственной целью сохранение мира между двумя державами, а именно на то, с каждым днем и каждым часом убеждались отпослаемые в войсках армии и считавались в немцах с востока и запада, и, когда сошлись оба войска, война началась».

Черная фигура волею судьбы, стоящая в 74-й главе, создает, пагубная события одно за другим, ощущение большой напряженности в политической обстановке перед войной. Повторяя ту же мысль, что не по воле Александра или Наполеона началась война, Толстой выдвигает вопрос,

* по коттам льва (лат.)
** толща героев (нем.)

в самой постановке которого содержится ответ автора «Неужели, — спрашивает он, — от воли Александра, Наполеона, от искусства Меттерниха, Талейрана, Румянцева зависело совершение или несовершение этого громадного злодейства народов? Неужели стоило Александру написать: «Monsieur mon frere, je me rapelle de Tilsit et d'Erfurt et je consens à l'indemnisation que vous me proposez pour le duché d'Oldenbourg» * или Наполеону написать: «Monsieur mon frere, je consens à retirer mes troupes de la Vistule» ** или Меттерниху, Румянцеву и Талейрану между выходом и разом написать покусуснее бумажку, и не было бы нашествия на Россию и всего того, что совершилось, не было бы того противного разуму и человеческой природе убийства и изувечивания сотен тысяч невраждебных друг другу и невинных людей, не было бы бесцельного сожжения и уничтожения богатств человеческих и не было бы совершено того бесчисленного количества злодеяний, обманов, выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, убийств, которого и целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые в этот период времени люди не смотрели как на преступления».

Как бы отвечая на этот вопрос, Толстой вновь развил те мысли о причинах исторических событий, которые входили в круг его размышлений в первом наброске и основная идея которых проведена через весь роман. Так создалась первая глава.

Полемизируя далее с историками, прежде всего с Тьером, Толстой продолжал доказывать, что, приехав 10 июня к Вильковскому лесу, Наполеон «еще не решил в своем уме вопроса о том, начнет ли он сейчас войну или подождет последнего ответа Юриксона», что 12 июня «никто, еще менее сам Наполеон, не знали того, перейдут или нет войска через Неман и начнется ли война», что Наполеон приехал «только для того, чтобы осмотреть местность переправы». Увидав же «этот Неман, на котором пять лет тому назад он обнимал Александра, теперь требовавшего от него постыдного отступления за Вислу, увидав эти стены Московии, открывавшиеся за рекою, этих скифов казаков, гарцующих в этих степях, обнимавших себя с Александром Македонским перед его походом в Индию, почувствовав опять этот волшебный и опьяняющий мир для славян и восторженных криков вояска, он неожиданно для всех приказал вступить в него и на другой день переход через Неман». Но странствованием собрали, не хитроумно объяснил Толстой неслыханное начало войны, а неизбежностью, хотя указывал в то же время на тщеславие Наполеона. Приведенный текст появился во второй редакции. В следующей — усилена все та же точка зрения, что «быстрый пере-

ход» не представлял для Наполеона «никаких выгод в военном отношении, как показали последствия». Перед сдачей рукописи в печать Толстой сильно сократил вводную часть (т. е. две первые главы), а основную мысль свою о «невыгодах» для Наполеона заострил латинским изречением: «Quos vult perdere — dementat» *, завершившим авторское вступление.

Художественное изображение перехода Наполеона через Неман должно подтвердить идею автора о неизбежности свершившегося.

Подойдя к готовым материалам следующих глав, Толстой задержался на портрете Наполеона в сцене приема Балашова. Исправления, которые вносились в раннюю редакцию, сосредоточивались на том, чтобы утвердиться Наполеона в собственном величии возможно резче противопоставить его отнюдь не внушительную, почти жалкую внешность. Малообразительное лицо, некрасивая фигура французского императора и при этом тщательное вырисованный парадный костюм, не соответствующий такой внешности, — создали нужное автору впечатление. «Наполеон был в синем мундире, раскритом над обозначившимся животом, в белых лосинах, обтягивающих жирные ляжки коротких ног, и в ботфортах». Раскрытый мундир и обтянутые лосины резко противопоставляют толстую малорослую фигуру Наполеона. Та же скрученная против отдаления в рисунке голова Наполеона («Коротко обстриженная против отдаления в рисунке голова Наполеона, лбом была горда под нята над выступавшими толстыми плечами»). В завершение портрета вырисовывается лицо и, главное, выражение глаз, слушающее, как всегда в портретах толстовских персонажей, раскрытию внутреннего существа человека. Лицо Наполеона Толстой показывает в начале его разговора с Балашовым. Каким же представился Наполеон и этот, казалось бы, важный и решительный момент. «Держа в руке шпату и перчатки, он быстро подошел к Балашову, твердо взглянул на него своими большими «слепыми» глазами, твердо смотревшими из налитого желтым жаром лица, и остановился против русского посла». Когда он говорил, «только нижняя часть его облик живого желтым жаром лица содрогалась, а верхняя оставалась мраморно неподвижной. Глаза его смотрели на Балашова, но было видно, что они не видели выражения лица собеседника и не выражали ни предвидения, ни опасения того, что скажет Балашов, вообще всего того, что тогда происходило вне души императора».

Соблюдая портретное сходство, Толстой отразил убогую духовную сущность Наполеона, какою она представлялась ему. Резкими и порой грубыми мазками написанный портрет не удержался. Создав другой

* «Государь, брат мой, я помню Тильзит и Эрфурт, и я согласен на все, что вы мне предлагаете за герцогство Ольденбургское».

** «Государь, брат мой, я согласен отвести мою войска за Вислу».

* Кого хочет погубить — у того отнимает разум. (лат.)

вариант. Нет ни описания головы с прядью над лбом, ни напного затылка зиром лица. Отдельные черты заменены общим определением: «Вся его юная, юная короткая фигура с толстыми плечами, с несколько выставленным вперед животом и грудью, имела тот представительный осанистый вид, который имеют в юности живущие 40 летние люди». Имя автора сопровождает Наполеона: «представительный, осанистый вид» трудно связать с юной короткой фигурой и выставленным вперед животом. Имя и рисунок лица Наполеона. К глазам добавлен элемент «стальных», значительно усиливший впечатление неподвижности лица. Нижняя часть его юного лица содрогалась в то время, как он говорил, верхняя часть лица и выражение стальных глаз оставались неподвижны.

литесь» — так начиналось историко-философское вступление в ранней редакции, где со всей определенностью было высказано суждение автора о роли личности в истории. Теперь, частично используя готовый текст, частично создавая новый, Толстой стремится сформулировать свое отношение к трем факторам: фатализму в истории, роли личности и, главное, роли народа в историческом процессе.

На полях новой рукописи появилась помета: «Ужас Смоленска». Она определила колорит батальной зарисовки. Вдруг «раздался страшный, близкий свист и удар, другой, третий, и как будто пушечный выстрел на дворе соседнего дома и дальняя канонада, заставляя дрожать все стекла, слиться в один общий усилившийся и непрерывающийся гул, как раскаты близкого грома. Алпатыч и Ферапонтов молча смотрели друг на друга, не понимая того, что это значило. Кухарка сунулась в окно, и пронзительный, отчаянный женский крик ее осветил вдруг весь ужас того, что происходило». Так в новой редакции показана бомбардировка города. И далее постепенно нагнетались факты, усиливавшие «ужас Смоленска». «По улице бежали толпы солдат и парадов; один солдат с окровавленной головой упал у ворот Ферапонтовых», «стоявший у лапki мушкетер упал и пошел по улице жалобно крича и волоча за собой что-то кровавое, красное». Ряды пехоты шли с измученными, строгими лицами, «навстречу пешей пехоте бежали дружные солдаты, некоторые из них были в крови. Один, хрипя, упал у ворот Ферапонтовых», «Заслышались хрипенья и стоны».

Алпатыч растерян (что менее резко выражено в ранней редакции и что вовсе нет в окончательной). Алпатыч «бросился вперед с солдатами. Его вытолкали на рядов, и он, припав к углу, обантовился».

Отцы, родные, то «дубинки, налитые Россию православную», — говорит Алпатыч, крестьяне и нищие кланяются. Некоторые из прохвостов их «сидят «оглядываясь на этого благообразного старика и, не переметая строгого выражения, проходили мимо».

Позднее Толстой освободил картину бомбардировки и пожара Смоленска от отдельных фактов, но сохранил ее пафос — «ужас Смоленска» и патристический подъем. Когда вспыхнуло пламя пожара, оно «осветило оживленно-радостные и измученные лица людей, стоявших вокруг пожара». Среди них были князь Андрей и Алпатыч. По завершающему тексту — «яркое веселое лицо его молодого барина».

Из бородинских в ранней редакции последующие события — действия и отсутствия в Смоленске и князя Бородинским боем. Сохранив, но разрывая редакцию, подводящие к Бородину рассуждения о «Шварцском и Бородинском сражениях, бесславно князя Андрея с Пьером в канун Бородине, ранение князя Андрея и сцена на перевалочном пункте, а главное, генеральным отступлением пехоты».

Высота, которой достиг дух воина, обрешивший, но убежденно Толстого, победу, и внутренняя связь Кутузова с войском — это фундамент, на котором возводились картины Бородине, фундаментом и на тех документах истории, в которых Толстой чувствовал правду

Подойдя к главам о Бородинском сражении, Толстой прервал писание, у него возникла потребность самому увидеть поле исторической битвы. 22 сентября 1867 года он выехал из Ясной Поляны в Москву и 25 сентября из Москвы в Бородино, где провел два дня. Из воспоминаний его юного спутника, двенадцатилетнего брата его жены Степана Берса известно, что на месте и в пути Толстой разыскивал стариков, живших в эпоху Отечественной войны и бывших свидетелями сражения, но «поиски были неудачны». Толстой «догадывался», узнав, что сторож памятника на Бородинском поле, бывший участник боя, скончался несколько месяцев назад. Жаль, что не запомнил Степан Берс рассказов и объяснений Толстого, «где стоял во время сражения Наполеон, а где Кутузов». По его признанию, он не соизволил всей важности работы Толстого и во время его рассказов «с увлечением играл с собачонкой хозяйки».

В Бородине Толстой испытывает душевный подъем от сознания, что «делает дело». Всей красноречивее о пресыщенности Толстого на Бородинском поле рассказывает сохранившийся среди рукописей лист с замечками, сделанными в Бородине. На этом листке — схематический план всей местности: линия горизонта с лесами, расположение деревень Горки, Бородино, Семчиновское, Татаринково, Псарьво, русла рек Колоти и Воины. Отмечено движение солнца во время боя. Толстой отметил даже такие подробности, важные для предстоящего посещения художественной картины сражения. «Даль видна на 25 верстах». Прогнозирует Толстой, что к началу сражения на востоке солнца от лесов стрелы и курганов дождет черная тень, что «солнце встает влево, назад», т. е. назад русских войск, а «французам в глаза солдате».

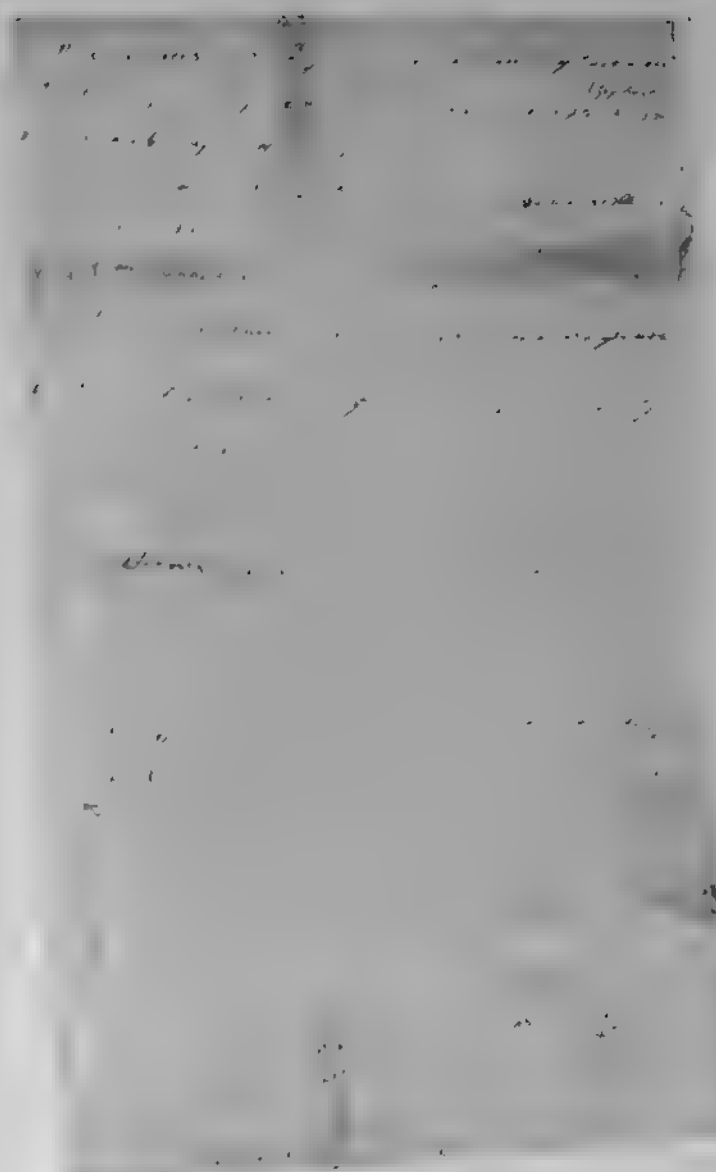
На этом же листке возникает образный конспект сцены, которая, видимо, зародилась в воображении Толстого, когда он осматривал Бородинское поле. «В Бородине — Пьер вперед и в редутах, без битвы наступит, без битвы наступит, без битвы наступит, без битвы наступит». Багратион ведет своих и князь Андрей. Изумительное предание в этих странных словах движение на поле брани. Назван только Пьер, как будто он один, и в то же время сказано впечатление миссии и сцены.

В тот день Толстой «встал на заре, объехал еще раз поле», чтобы яснее представить местность в тот миг, когда началась историческая битва. Быть может, именно в это утро художник пометил на своем плане «гитры» о свете и тенях при восходе солнца. Он был «очень доволен», что своей «гитрой» В его воображении, должно быть, живо рисовалась картина боя. «Только бы дал бог здоровья и покоя, — писал а я напишу такое бородинское сражение, какого еще не было», — писал

он же не». Ясно представляя теперь место исторической битвы и соединяя личные впечатления с документами истории, Толстой смело начал описывать позиции, собственноручно начертил по источникам планы намечаемого и действительного расположения русских и французских войск во время боя и, как свидетельствует внешний вид рукописи, без напряженного труда дал свои анализы этих планов. Художественными сценами Толстой должен подтвердить верность высказанных им принципов.

Главная задача, доказать, что Бородино — победа народа и Кутузова. Этому подчинено все, рассуждения автора, размышления и впечатления Шера и князя Андрея, их беседа в канун битвы и самая картина битвы. Толстой рисует ее в трех планах: Наполеон в канун и во время боя, Кутузов тоже в канун и во время боя, войска и ополченцы в бою. Каждая часть была предметом длительной работы, но ведущая идея каждой части уяснилась с первых вариантов.

Толстой начал с Наполеона. Но вводились пока ни приказ Наполеона по армии, ни диспозиция боя (текст обоих документов включен в роман в последней наборной рукописи), не было еще уничтожающего толстовского разбора диспозиции по пунктам. Однако оценка всех действий Наполеона и его документов выражена в черновиках ярче, чем в печатном тексте. Познакомив с распоряжением Наполеона накануне боя, Толстой сделал вывод: «одним словом, он не сделал никаких распоряжений, а велел войскам, как они стояли, идти на русских и стрелять в них». Положив кратко пока содержание «генеральных» диспозиций Наполеона, писатель это проигрывает и над ними. Против каждой из частей русских войск, стоявших на виду, была направлена соответствующая часть французских войск, вот и все, что было в диспозиции». Потом, продолжает Толстой, «он написал генеральный приказ, в котором сказано, что Наполеон, наконец, исполняет страстное желание армии быть убитой и раненой на 1/2 части и, сходя до их желания, дает сражение. Кроме того представляет им удостоверение в том, что после сражения потом он скажет о каждом из воинов, что он был в великой битве под Москвою». Перечислив в таком же «сводном» деле «великого» человека, Толстой в манере, уже близкой к завершённому портрету, изображает самого Наполеона в ночь накануне Бородина, приводит заимствованные из исторических документов разговоры его с де-Воссе и Раппом, обстановку, в которой происходят эти разговоры. Во всем сцене настойчиво звучит мотив расставленных шахматных фигур. Художник старательно вырисовывает личность Наполеона с его насморком в канун генерального сражения. Тем средствами надо показать несоответствие фигуры этого человека его претензии на величие.

Записи и план, сделанные Толстым на Бородинском поле. Пером восемь записей рукой С. А. Берса, очевидно, под диктовку.

Хотя Толстой, работая теперь над второй редакцией своих рассуждений о роли исторических деятелей, продолжал настойчиво доказывать, что не по воле Кутузова или Наполеона произошло Бородинское сражение, а оно было неизбежно по ходу войны, что, давая и принимая сражение, Кутузов и Наполеон поступали произвольно, Кутузов, однако, представлен накануне боя совершенно иначе, чем Наполеон, иная роль звучит у автора. Французский император давал распоряжения, составлял диспозиции и в то же время чувствовал «заколдованное бессилие», вызывавшее в нем «сознание ужаса». Русским главнокомандующим, напротив, «слушая все советы и предположения и не высказывая своего мнения, которого и не было, предоставил делать то, что показывала необходимость». Кутузов «до своим опытом своим апал, что армией никогда не управляет и не может управлять один человек, что одинаково вредно и избыток советчиков и недостаток в них, и он не боролся против советчиков и предоставлял им придумывать, раздумывать, шипировать, спорить». Толстой упоминает в то же время «решительность», с какой Кутузов, принимая командование войсками, отделил от себя влиятельных особ, которые могли мешать в деле. Толстой возвеличивает качества, по его убеждению, самые важные для главнокомандующего, — умение Кутузова «прислушиваться к смыслу событий и руководить «духом войска».

Возникшая перед сражением рассказом о душевном состоянии тех, кому предстояло руководить им, передать тревогу Наполеона и уверенность Кутузова. Толстой ввел беседу Наполеона с генералом Раппом, тот напоминает Наполеону пословицу «Le vin est tiré, il faut le boire»*, которую французский император произнес в Смоленске. «Воспоминание Смоленска, — пишет Толстой, — видимо, неприятно подвизало на Наполеона. Ему опять живо представилось то странное похолодание, которое испытывали люди в сражениях, впечатление, что рука его, — его могущественная, как ему казалось, разрушавшая царства рука — поднималась с самого Немана для удара, долженствовавшего поразить врага, и, как во сне, мигая, бессильная, как подушка, не доставала врага, не попадала в цель, не вредила ему, и это заколдованное бессилие возбуждало в нем сознание ужаса, который испытывает человек во сне, когда не в силах, удар его падает бесцельно и мертво». Так было во второй редакции.

Текст не удержался. Быть может, звучало маловероятным, что перед самым сражением Наполеон мог столь явственно отдавать себе отчет в своем бессилии. Кроме того, такое состояние Наполеона как бы предвещало исход боя и тем самым ослаблялась напряженность повествования.

* Вино откупорено, надо его пить.

Отдельные факты, штрихи, реплики Раппа сами по себе, без комментариев, говорили о том, что у французского императора нет (хотя он и не вполне сознавал это) твердой уверенности в победе, и во всей сцене звучит какая-то фатальная неизбежность сражения. «Le vin est tiré, il faut le boire» — эта пословица, ставшая исторической, в рукописных вариантах звучит по-иному, нежели в печатном; ее повторяют и сам Наполеон и Рапп. В завершённом тексте после напоминания о Смоленске Наполеон «пахмурился и долго молча сидел, опустив голову на руку».

Тот же процесс претерпел рассказ о Кутузове в канун боя. Сначала Толстой вписал, что Кутузов накануне боя, благодаря тому, что умел проникать в суть происходящего, малодушно, что «надо дать сражение (надо, хотя и неразумно), что надо выиграть сражение и что для того, чтобы его выиграть, надо быть убежденным, что мы его выиграем, и быть убежденным, что бы ни случилось, что оно выиграно. И он выиграл сражение». Этот текст, с таким вдохновением написанный, Толстой затем искленил. Вернее всего, он сделал это потому, что заранее известное состояние полководца как бы предсказывало исход сражения и он убавляет напряженность дальнейшего повествования. В ходе сражения будет показываться, как Наполеон и вся его армия постепенно теряют уверенность в успехе и войку к победе; у Кутузова же и у всей русской армии, напротив, уверенность в победе, ощущавшаяся всеми еще в канун сражения, крепнет в ходе битвы. Авторские рассуждения о душевном состоянии французского императора и русского полководца завершат победную для русских картину.

Отъезд Пьера из Москвы, его прибытие в армию, осмотр позиций накануне боя, свидание с князем Андреем и беседа двух друзей о войне — все это с достаточной полнотой изображено в ранних редакциях романа. И все же Толстой много трудился над этими эпизодами с той же целью, правдивыми художественными средствами и образами подтвердить справедливость своих исторических воззрений. Большей подлинности справедливости своих исторических воззрений Толстой достиг в эпизодах, посвященных Пьеру. В анализированной второй редакции Пьеру дано больше возможности наблюдать военную обстановку, обострять свои впечатления. Каждое новое соприкосновение с действительностью будет разрушать отвлеченные представления Пьера о войне.

Автор продолжает вести своего героя к тому, чтобы сознательно решаящую роль в битве тот увидел не в противоречащих один другому всякий раз командующих, а в войске, духовный строй которого всякий раз поражал Пьера. «Вид войск, которые проезжал Пьер, был очень серьезен и сосредоточен. Не было слышно ни криков, ни ругательства, ни песен. Но особенно опеченцы занимали Пьера. На их лицах он в особенности отыскивал разрешение того вопроса, который занимал его».

Впечатления Пьера в канун сражения завершились его встречей и беседой с князем Андреем.

Душевное состояние и раздумья князя Андрея «в августовские вечер 2-го числа» не потребовали существенной правки, так же как и самая встреча князя Андрея с Пьером, который вызвал своего друга на разговор о «глубоко занимавшем» его войне. Их беседа в ее ранней редакции содержала основные взгляды князя Андрея, которые по существу развивали идеи автора. Князь Андрей доказывал Пьеру, что отвлеченные понятия о войне слишком отдалены от действительности, что успех сражения определяется не предварительными распоряжениями, а «все решается мгновенно» в ходе сражения. В словах Волконского звучала уверенность, что война 1812 года — это особая война; «когда дело дошло до Москвы, до детей, до отцов», — такая война «другого плана» (Эти слова ранней редакции романа сохранились и в наборной рукописи, но там больше купты слова «до детей, до отцов», т. е. все личное, и оставлено только общее: «до Москвы».)

В ранней редакции беседы нет вопросов о роли главнокомандующего. Работая над второй редакцией, Толстой добавил большой разговор о Кутузове, с приходом которого в армии «свет увидали», и о Барклае-Толле, который, по утверждению князя Андрея, «не способен быть главнокомандующим в этой войне», — он «не главнокомандующий тогда, когда война в России». Князь Андрей разъясняет Пьеру, что у Барклая «есть рассудок, а нет чувства; русского чувства, которое влечет сделать невозможное возможным, как завтрашний день». Пока Россия была здорова — он, чужой человек, прекрасный министр, и мог служить, но как только мы в опасности, так нужен свой родной человек, а не рассудительный и аккуратный, но чужой немец, и его прогнав и прекрасно сделали».

Князь Андрей уверенно указывает свои сокращения мысли, задача автора, чтобы именно эти убеждения князя Андрея помогли Пьеру увидеть в высказанном им вопросе о войне, то, ради чего и приехал в Бородино. Но из разговора с Волконским Пьеру открылся новый вид на войну вообще и на нынешнюю войну в особенности. «Смутно представлявшаяся ему весь этот день вопросы теперь вполне определились».

В следующей (наборной) рукописи дополнены рассуждения князя Андрея. Он теперь не только утверждает, что во время сражения все решается мгновенно, вне зависимости от распоряжений, но и делает предельно свой вывод применительно к завтрашнему (Бородинскому) сражению: завтра, по его убеждению, «все будет зависеть от того, какою чуждою, что называется духом войска». Дух войска, — говорит Кутузов, — но главный фактор на войне. Такого духа нет ни у самого Толстого.

В той же наборной рукописи Толстой хотел усилить уверенность князя Андрея в победе. «Судьба сражений зависит не от количества, места, позиции, вооружения войск, не от главнокомандующего, а от чувства, которое одушевляет войско, и теперь выгода на нашей стороне и завтра будет победа». Этими словами Толстой дополнил речь князя Андрея. Но как предваряющая сражение уверенность Кутузова в победе, так и уверенность Волконского была исключена.

Пьер «слушал князя Андрея, испытывая чувство, подобное тому, которое испытал бы человек, перед которым подняли бы красивый занавес и открыли глубинные, неопределенные и мрачные перспективы. Вопрос, занимавший его со времени его выезда из Москвы, представлялся ему теперь совершенно ясным». Наконец, в корректуре выдано выразительное определение до глубины вскрывающее впечатление Пьера. Не только тревожащий его вопрос представился ему теперь «совершенно ясным и вполне разрешенным», но «он понял теперь весь смысл и все значение этой войны и предстоящего сражения. Все, что он видел в этот день, все значительные странные выражения лиц, которые он только видел, осветились для него новым светом. Он почувствовал скрингу (tante), как говорится в флике, теплоту патриотизма, которая была во всех тех людях, которых он видел, и которая была близка ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти».

На очереди Бородинское сражение. Поездка Толстого в Бородино помогла ему не только подкрепить пламя и их анализом своих суждений о том, как действительно произошло Бородинское сражение, но, главное, вдохновила на создание величественной панорамы сражения.

В ранней редакции описание Бородино было настолько эскизно, что могло только частично служить теперь канвом. Панорама Бородино в большей части пишется заново. Сохранена найденная в ранней редакции форма: Бородинское сражение показано через восприятие Пьера.

Написаны ранней рукописи появляются записи, отражающие основные этапы Бородинского сражения: «Пьер видит: 1 — обилие, потом 2 — твердость, потом 3 — усталость, потом 4 — омерзение, потом 5 — отчаяние». Другая запись говорит о том, как намечалось изображение — «отчаяние». Вначале спокойствие и даже даже спокойствие в разные стадии боя. Вначале спокойствие и даже даже спокойствие. В два часа он идет смотреть поле «Le champ de bataille est superbe» *. Далее «квонит некоторые элемент трепания, говорит он на русских, они стоят». Наконец, третий этап «Страшные, говорит он

* Поле сражения великолепно.

Батареи и так стреляют и стреляют до тех пор, пока устали артиллеристы, тогда все перестают, и генеральное сражение кончается».

На полях той же рукописи писется, кроме того, стройный выразительный конспект рассказа о поведении русской армии. Начинается он с напоминания Пьера на поле битвы. Намечены отдельные эпизоды боя, сконцентрированные в восприятии Пьера, они воспроизводят полную картину. Пьер смотрит с кургана, «видит раненых». Затем появляется трюк мысли: «Неужели не устоим?». После этого «Стрельба на мосту Котельни. Бородино занято. Ослепленный офицер». Подъем настроений: «Мы отобьем». Оно вновь сменяется тревогой: «Неужели не устоим? Раненые Не устоим. Тоже на волоске». И наконец, «все ждет, что скажут: устали и что на волоске. И вот все стоят». Таково содержание конспекта, точно передающего главную мысль: русские стоят — и в этой непоколебимости русского войска причина победы.

Помимо общей картины сражения конспект содержит несколько записей о Кутузове в последние минуты битвы. «Устал. Только Кутузов не устал. Он обаживает немца Вольфогена. Но все равно устал». На основе этого конспекта и создавалась вторая редакция описания Бородинского сражения.

Пьера ошудил гул орудий. В первый же миг он увидел Кутузова и его свиту. Так начинается теперь рассказ. Сначала только внешнее описание. Пьер увидел «толетую» спину Кутузова, сидевшего на лавке, и его седой затылок, утканый в плечи. Из следующих коротких фраз узнаем, что Кутузов сидел впереди остальных, смотрел в трубу и затем дал распоряжение «высокому красивому генералу» и «хоть и не мог знать, что там можно сделать». Вместе с генералом Толстой отправляет Пьера. И дальше Пьер ведет за собой читателя. Он следит за артиллерийским обстрелом, на его глазах взята французами и вновь отбита батарея Раевского. Глазами Пьера читатель видит все до конца битвы. Постепенно Пьер уясняет себе сущность сражения и доводит до читателя так или иначе, какое разделение с ним автор. Это — редакция описания Бородинского боя близка к завершению текста. Но не была еще еще пока та торжественная панорама Бородинского боя, так плененная Пьером в начале боя. Этот пейзаж создает величественную картину. Она послужила внутренней мотивировкой поведения Пьера, погнавшего вслед за генералом к центру битвы. Панорама появилась в следующей рукописи.

Первый набросок уже содержал все основные краски, и Пьер — мертв от восхищения перед красотой зрелища. Особенность этой панорамы в том, что вид войска служит составной частью своего рода сценического пейзажа. За «дальними лесами», заканчивающими панораму, показаны

войска, «внезаде от самого дальнего горизонта видневшиеся «не столько темными очертаниями своих масс, сколько неожиданными молниями света, то там, то здесь пробегающими по их штыкам и медам орудий». Пейзаж, в который вмонтированы «очертания» войска, а также игра света на орудиях, завершается словами: «и все это было прелестно, оживленно, величественно и неожиданно». В том же тоне восхищения представлено само поле битвы, которое «более всего поразило Пьера и составило то зрелище, которое ошеломило его и которое он никогда не забыл впоследствии». От себя автор добавил, что «там, где были эти дымы, эти блестящие штыки и пушки, это движение, эти звуки, — там, казалось, настоящая жизнь и красота». В последней, набросочной рукописи этот вывод, звучащий как авторское обобщение, был отнесен к Пьеру, теперь он так воспринял величественную картину поля перед началом боя. «Там, казалось Пьеру, была настоящая жизнь и красота, и, не думая о том, что там было и зачем он поедет туда, его странно тянуло туда, откуда виднелись эти дымы и слышались эти звуки». До печати дошла только концовка этого вывода: Пьер «захотелось быть там, где были эти дымы, эти блестящие штыки и пушки, это движение, эти звуки».

«Серое» утро Бородинского сражения заменилось рождеством и веселым утром с ярким солнцем и «молниями утреннего света», блестящими «то по воде, то по росе, то по штыкам войска». Пьер почувствовал, что все было «оживленно, величественно, неожиданно».

Участие князя Андрея в бою и сцена ранения были по существу решены в ранней редакции романа, но Толстой не переставал трудиться над их художественным воплощением. Уверенность Болконского и ополченного офицера «дядюшки» в бородинской победе слита в новом варианте с уверенностью самого автора. Помогая солдатам улаживать на носилки раненого князя Андрея, ополченный офицер спрашивает его: «Ну что ж, чья взяла? Говорят, паша, — чье дело марш, — сказал ополченец.

— Паша, разумеется, паша, — проговорил князь Андрей.

— Слава тебе, господи, — сказал ополченец. — Я и то говорю, что ваша».

Толстой разъясняет далее, что в ту минуту, когда князь Андрей упал и его пожимали, он «вовсе не думал о том, выиграно или проиграно сражение, но он, ни на минуту не задумавшись и не сомневаясь, отвечал утвердительно на вопрос ополченца, и не потому, что он считал нужным отвечать так, но потому, что он всем существом своим был убежден, что победа одержана нашими. Он за секунду перед этим был в себе, в своем движении с полком чувствовать эту победу. В нем убежден был и «ополченный офицер, дядюшка», который «под сильнейшим

огнем исполнял со своим ратниками дело хищной птицы. дожидаящейся смерти добычи, чтобы унести ее, и дядюшка, измученный физически и нравственно своей работой, несмотря на все ужасы дня, которые он видел более всех других, в глубине своей души был убежден, что победа должна принадлежать русским, и ожидал утвердительного ответа на свой вопрос».

Первоначально автор хотел и сам сразу дать такой ответ. «Вопрос этот о том, выиграно или проиграно сражение, лежал в том же, — так начал «ответ». Фраза осталась недописанной. Возник новый замысел: прежде чем дать «утвердительный ответ» на вопрос ополченного офицера дядюшки, надо показать состояние обеих армий, после чего ответ о несомненности победы зазвучит сильнее и убежденнее. Одной сложной и напряженной фразой в 243 (!) слова определено положение, создавшееся на поле боя: «Вопрос этот о том, выиграно или проиграно сражение теперь, в 4-м часу после полудня, после того как с той и с другой стороны было убито и ранено более 60 тысяч человек, после того, как русские отступили на левом фланге только на несколько сот сажень, после того, как в некоторых дивизиях русских оставалось по несколько сот человек и спутанные разныя полков толпы солдат беспорядочно бредли назад по дороге к Смоленску и на перевязочных пунктах не успевали перевязывать и отгонять столпившихся носильщиков, после того как то же самое происходило на задках французской армии и французские генералы с трудом собирали свои разбредавшиеся команды, ужасались мысли о новом наступлении русских, и с трудом приводили в порядок свой левый фланг, бросившиеся со всеми обозами бежать куда пошло, после атаки Уварова, после того, как у русских оставалось только 4 егерских полка и казаки, перестроения и по бывшие в деле, а у французов одна гвардия, которую, очевидно, петля было, не погубивши, пустить в огонь, была еще не разстроена, после того как с той и с другой стороны выбыло из строя по 30 генералов, все команды перепутались и капитаны начинали командовать полками, после того, как измученным без пищи и отдыха людям той и другой стороны, глядя на покрытое трупами и кровью поле, начинало одинаково приходить сомнение о том, следует ли им еще повиноваться своему полку, которая заставляла их истреблять друг друга, и на всех лицах было заметно колебание, и в каждой душе одинаково стоял вопрос: зачем и для чего мне убивать и быть убитому? Убить или не убивать, кто хотите, делайте со мною, что хотите, а я не хочу бояться».

Теперь ясно для каждого заключение автора: «После сражения как мысль эта одинаково созрела в душе каждого и не приводила к какому-либо решению ни с той ни с другой стороны только потому, что все люди были в толпе и нужно было только одному выразить эту мысль и все бы

побежали. После всего этого вопрос о том, кто выиграл сражение, не мог бы быть решен никем».

Гораздо детальнее, чем впоследствии в печатном тексте, Толстой развивает выдвинутый им тезис, доказывая, что «вопрос этот лежал не в фактах сражения, а в сознании сражающихся». И это «неразумное сознание того, что мы хотим и потому должны победить, лежало в душе князя Андрея, ополченца и многих людей русского войска. Сознание это было преимущественно у людей, сражавшихся в рядах войска, а не у штабных, лишенных прямого участия, и исключительно у русских людей, а не у людей других национальностей, в особенности немцев, бывших в русском войске» Такое сознание было причиной того, что русское войско, которое «стало в Бородине в положении, загромождающем дорогу к Москве», продолжало закрывать ее, потеряв половину войска. И люди, имея в это глупое, неразумное сознание о том, что сражение выиграно, несмотря на то, что мы отступили, сообщали его друг другу».

На втором пункте поставленного вопроса, т. е. на том, что «факт был в пользу французов», Толстой не задерживается. Он ограничивается сообщением, что «штабные и в особенности немцы», лишенные «неразумного сознания», считались только с «фактами сражения». Они, убедившись в «дело» дело, осмотрев разбитые части войск и видя, что мы уступили часть позиций, «разумно решили, что сражение проиграно, и сообщали о том друг другу».

Толстой отразил разноречивые суждения об исходе Бородинского сражения. «Но так как вся масса армии состояла из русских и рядовых воинов, испытывавших одно и то же неразумное чувство ненависти к врагу и оскорбления, то голоса людей неразумных вышли больше веса и большинство разделило глупое и неосновательное сознание того, что, несмотря на нашу разбитую армию, мы победили». Автор присоединился к «большинству» и тем самым дал «утвердительный ответ» на вопрос о Бородине. Сознание автора как бы сливается с сознанием князя Андрея и все те массы армии. Затем Толстой перешел к Кутузову, включив и его в число «неразумных людей».

Духовный, слепой, развратный неспособный Кутузов, как нам любил представлять его, в этот день, 26 августа, был в высшей степени одержимым неразумным сознанием того, что мы победили, несмотря на то, что мы были разбиты. Кутузов изображен на поле боя. Создана картина, по содержанию весьма близкая к печатной редакции. Главный герой — Кутузов — по поручению Барклая-де-Толли сообщает, что войско в полном расстройстве. Кутузов в гневе. Он «ни как главнокомандующий, ни как русский человек, не мог согласиться с определенным мнением Барклая-де-Толли о том, что сражение проиграно».

Как русский человек, Кутузов чувствовал, что потеря этого сражения есть потеря России, что проиграть его нельзя и что говорить о проигрыше сражения теперь, после всех понесенных трудов и потерь, есть то же самое, что бегство после выигранного сражения. Как главнокомандующий он, напротив, видел ясно, что сражение выиграно, выиграно превыше его ожиданий... Не только Кутузов, но ни один военный человек того времени не мог ожидать такого блестящего результата. Русская армия загораживала дорогу в Москву. Цель сражения со стороны Наполеона была снять, обойти, истребить эту армию, и он атаковал эту армию. Цель русских состояла в том, чтобы затопить дорогу в Москву. Несмотря на несчастное дело при Шевардине, в котором русские потеряли позицию левого фланга и без позиции должны были отбить всю французскую армию, направленную на левый фланг, после 26-го русская армия стояла в том же месте, точно так же загораживала дорогу в Москву. Так что же говорили Кутузову о потере сражения, против которого одинаково возмущалось и чувство русского и знание дела главнокомандующего? Так в черном варианте.

Несколько раз Толстой перерабатывал повествование о Бородине и начиная с первой редакции романа, неизменно повторял, что в Бородине произошло «явление, не имеющее примера в истории». Русское войско «стало в Бородине в положении, загораживающем дорогу к Москве». В ходе сражения русские «потеряли свою позицию, несколько раз отбивали ее, потеряли ее опять, потеряли ПОЛЮВНИХ своего полка», и точно так же русская армия, вся оставшаяся половина загораживала дорогу к Москве.

Тема Бородинской битвы решена, но в окончании тома нарушена стройность композиции, авторские рассуждения несколько раз прерывали художественные сцены. Кроме того, в историко-философских отступлениях автор заранее сообщал исход сражения, и это ослабляло восприятие самой панорамы боя. Художник переносит общие рассуждения в конец части, заключая ими картину Бородина. Теперь не автор, а Кутузов первым говорит о том, что сражение выиграно. Теперь Толстой сначала показывает в художественных сценах, а потом подтверждает своими выводами, что во время боя Наполеон и его генералы и солдаты французской армии испытывали одинаково частую ужаса перед тем врагом, который «потеряв ПОЛЮВНИХ вошел с охотой так же грозно в конце, как и в начале сражения».

Нравственное превосходство русских давало Толстому право говорить о полной победе. Он видел ее не в фактах сражения — факты были в пользу французов, потому что многие военные историки и не могли признать Бородино победой. Толстой видел победу «в созна-

нии сражающихся». Как определять такую победу? Первоначально это прозвучало так: «сознание того, что мы победили, хотя разбиты, усвоилось всей армией, и Бородинское сражение осталось навеки лучшим военным подвигом и лучшим победой из всех побед, которые когда-либо одерживали одни войска над другими». Тотчас же Толстой отказывается определять Бородино как победу в обычном понимании: «Бородинское сражение осталось навеки беспримерным военным подвигом, и не победой, потому что в понятие победы включается бегство неприятеля, а французы не бежали, и это от нас не зависело, а лучшим военным беспримерным в истории подвигом».

Снова и снова художник возвращался к этой мысли, пока нашел, наконец, те слова, которые отразили глубокий смысл и значение Бородинского сражения: «Победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородиным». Как ни страшна и ни тяжела была действительность, она была «величественная» и сложнее и глубже того приукрашивания, какое получило это событие в официальных речах. Толстой без прикрас показал тяжелую, но «величественную» правду о Бородине. Прямым следствием Бородинской победы Толстой считал исход всей кампании 1812 года, «беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия, и гибель Наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника».

Эта мысль и развивается в романе.

«Пробы» месяц в Москве, Наполеон и каждый человек его войска смутно чувствовали, что они погибли... За месяц тому назад под Бородином они были сильны, а теперь, после месяца спокойных и удобных квартир и удовольствия в Москве и ее окрестностях, они испуганные побежали назад. Когда Кутузову сказали, что французы выступили из Москвы «он захватил от радостных слез и, перекрестясь, сказал: — Уж заставлю же я этих французов есть топадное мясо, как уток». Так были сформулированы, и не мало развиты еще в русской редкости военные события после Бородина. Почти с сарказмом упомянуто там и о «сердом» Лористоне, привезшем письмо от Наполеона, который «особенно радостно засвидетельствовал свое глубокое уважение фельдмаршалу», и о генералах, которые «бегались, как бы не назвали Кутузова», и «толпились, когда он принимал Лористона. Но Кутузов, «как всегда, отложил все, отложил и Лористона, и Наполеон остался без ответа».

Таковы были исходные позиции для развития дальнейшего действия. Во отступлении, которым открывается новая часть, развивается та же мысль: хотя Москва сдана, Бородино — победа. Толстой ищет

средств «заострить» мысль. Найдено образное сравнение: русское войско, «как стрелок, выждавший минуту, нанесло смертельный удар врагу, но, выпустив заряд и не зная еще, поражен ли враг, и продолжая видеть его пугливое стремление, русское войско должно было отступить, как стрелок должен отбежать, ожидая действия нанесенного удара». Удар был «смертелен» потому, утверждает Толстой, что была перебита «главная артерия успеха войны», т. е. «нравственное сознание превосходства». Однако «под влиянием силы инерции, разъяренный бык, не чувствуя еще смертельности удара, докатился до Москвы и там, истекая кровью, почувствовал свою погибель». По этому варианту «охотник» не знает еще, «поражен ли враг». В следующем: «охотник знает, что он нанес смертельный удар врагу, он знает, что он победил его; но разъяренный зверь, хотя и смертельно пораженный, в своем разбеге еще раздает обессиленного охотника, и инстинкт охотника ведет его отбежать назад, ожидая действия своего удара». Так первоначально определил Толстой соотношение сил русских и французов. Образ стрелка и смертельно раненого зверя, так точно переданный мыслью Толстого, еще не раз возникнет перед читателем.

В том же выступлении Толстой говорит о роли Кутузова в последующем этапе войны. Он доказывает, что «великая» заслуга Кутузова — «и едва ли был в России другой человек, имевший эту заслугу, — состояла в том, что он своим старческим созерцательным умом умел видеть необходимость покорности неизбежному ходу дела, умел и любил прислушиваться к отголоску этого общего события и жертвовать своими личными чувствами для общего дела». В этом Толстой признает главную силу Кутузова как полководца. Не пассивность характеризует толстовского Кутузова, а его глубокое умение понимать общий ход дел. Именно поэтому на совете в Филях Кутузов дал приказ отступать без боя. Толстой уверен, что это было то, что должно было быть.

Военный совет в Филях закончился короткой сценой: Кутузов долго думал о «страшном вопросе» оставления Москвы. Но он уверен, что свершившееся неизбежно, и уверен в том, что враг будет и побежден. «Ударяя кулаком по столу», он кричит: «Будут же они лошадиное мясо жрать, как турки». Почти без изменений эта сцена, намеченная еще в ранней редакции романа, дошла до печати.

* * *

По первоначальной композиции совет в Филях сменялся разговором о жизни «вымышленных» героев: о Пьере после Бородина и Элен, жившей в ту пору в Петербурге. Вскоре композиция меняется. Рядом

с Кутузове, который выражал желания всей армии, Толстой поставил рядом с главами о московском градоначальнике Растопчине, деятельность которого, вытекавшая «из самых мелких, личных тщеславных и других целей», противоречила общему ходу действия. Не обращая внимания на его афиши, жители Москвы уезжали, потому что «под управлением французов нельзя было быть». Теперь резко выступил контраст между двумя различными типами исторических деятелей. Так установился порядок глав законченного романа.

С первого же варианта глава о Растопчине создавалась близкой к законченной редакции, но личное отношение автора к обоим историческим деятелям выражено в рукописи резче: оно проскальзывает в мелких деталях и особенно в не дошедшем до печати заключении главы: «Понятно было, — говорит от себя автор, — как Кутузову, выдавшему ночью над неизбежным оставлением Москвы, было неприятно слушать разговоры Растопчина, догнавшего его у Яузского моста и говорившего что-то о погибели столицы и своем горе. Кутузов, сидевший на своей лавке, посмотрел на него и отвернулся».

Толстой согласен с Кутузовым. «Все, что совершилось, вытекало из сущности самого дела, сознание которого лежит в массах». Таков лейтмотив толстовских рассуждений о войне 1812 года.

Создав картины Москвы после Бородинского сражения, сцены на улицах опустевшего города, Толстой подробно рассказал о жалком в своей роли Растопчине, который отдал на растерзание толпы и в чем не повинного купеческого сына Верещагина, а велел за тем выехал на своей дома, преследуемый толпой сумасшедших, которые кричали ему что-то «о смерти, убийстве и воскресении». Толстой вновь столкнул Кутузова с Растопчиным у Яузского моста. Это была заключительная сцена в романе перед занятием Москвы французами.

В первом варианте этой сцены отражено нравственное превосходство нахмуренного, унылого Кутузова над «гордым» Растопчиным «в генеральском мундире и в шляпе с плюмжем». «Кутузов взглянул на него и в лице этого беспокойного человека прочел сознание совершенного преступления; он с оглашением еще раз взглянул на него, как бы не так, то иной формулировки «сознания совершенного преступления». Поэтому варианту, Кутузов испытующим взглядом смотрел на Растопчина и сатирательно усиливается прочесть что-то особенное, написанное в эту минуту». Авторская мысль улавливается между строк.

В первом наброске показано, как в этот миг Растопчин невольно подчиняется Кутузову, который «спокойно и строго» приказал московскому генерал-губернатору «распорядиться очищением дорог для войск». И «гордый» Растопчин «беспомощно» выполнил его приказание.

В этом пафос всей сцены в первом варианте; им пронизана и законченная редакция.

Следующая часть — действия русских войск после выхода из Москвы. Отырывает ее полемика Толстого с историками о фланговом марше как единственной причине бегства французов и анализ положения обеих армий после занятия Москвы французами.

Вывод Толстого: позиция Наполеона была погублена и Россия была спасена не вследствие флангового марша, а потому, что «совершилось то, что должно совершиться». В том же рукописи Толстой разъяснил, какой смысл он вкладывал в это понятие. «Причина всякого события одна, и эта причина всех причин недоступна нам, но есть законы отчасти известные, отчасти неизвестные нам, по которым совершается историческое событие, и признание этих законов исключает признание одной какой-либо причины».

Наши были не планы, составленные в Петербурге, но преобразования и штабе армии, а качественные изменения в армиях, происшедшие вследствие естественных причин. «В Тарутинно каждый день подвозили провиант и подходили войска. У Наполеона же с каждым днем убывали войска и уменьшался провиант. И соответственно увеличению и уменьшению понимался дух одной и падая дух другой армии, т. е. люди армии смутно сознавая и то, что по неизвестным им, но существующим законам войны перекос должен быть отныне на стороне русских».

Таков был первый вариант начала новой части. В дальнейшем проходила обычная шлифовка текста.

«Этой ранней» зверя, французской армии, обличивши ее погубить», (так пользуется ранне найденным сравнением, Толстой определил передачу через Пристона просьбу Наполеона о мире) и твердит изменившееся соотношение сил обеих войск — «духа и чистоты». Уверенность Кутузова в своем правоте сказана и в его ответе Пристону: «И был бы проклят потомством, если бы ты меня смотри и как на первого зачинщика какой бы то ни было войны. Так же и ты, мой друг». В рукописи Толстой давал свою оценку этому документу. Кутузов «отвечал простыми, определенными все по положению делами, не имея историком столько всяких соображений, не имея, потерявшего сил и силы, была будет Россия, с радостным и гордым чувством при этом, и зная русские». Авторское пояснение отсюда, ответ Кутузова говорил о себе.

Без отрыва и ра написана первая половина второй части, о деятельности Кутузова и Наполеона вплоть до Тарутинского сражения и самое сражение.

Следует вспомнить, что хотя в ранней редакции романа Толстой Тарутинского сражения, но значение его определено. «Фланг» после Тарутинского сражения, как растерянный заяц, пошел вперед

на выстрел, а Кутузов, как промышленный стрелок, жалея заряда, не стал стрелять и отступил назад». С этой именно позиции Толстой осветил теперь последний период войны. Сначала события, происшедшие после Тарутинского, были изложены короче, но основные моменты были уже отражены. Прежде всего, Кутузов, «разделавшись с Бельгеном уехавшим из армии, чувствовал себя обеспеченнее от необходимости наступления, которого вред понимал он один во всей русской армии, и, как опытный охотник, водострелив зверя, спокойно ждал действия раны». Партизанский отряд Дотыхова выступает в Фоминском против дивизии Гурьева. Высoko оценил Толстой «тихое, незаметное, мужественное исполнение своего дела» Д. С. Доктуровым и П. П. Коновальцевым. В противоположность официальным историкам он сравнил этих скромных генералов с «шестерней машины, гораздо более существенной, чем та шумиха, которая выставляется вперед с знаменем или престол и шипит прокляты и диспозиция».

Валюха и то таяла приезд Болховитина и Летаевку с допущением Доктурова французы выходят из Москвы. Одна лишь, по весьма существенная деталь отличает первую редакцию сцену от окончательного. В первом читается: «Теперь Кутузов знал, что Наполеон погиб, и он ждал очевидных доказательств этой гибели». Заранее данная уверенность Кутузова ослабляет впечатление полученного известия. Замечательный текст создает другое настроение: «Нерешительный вопрос о том, смутит ли и не смертельная была рана, нанесенная в Бородине, уже целый месяц висит над головой Кутузова. Там сидит, забывшая впамятовать радость и гордость, когда он узнал, что свершилась «предвиденная и постигнутая» им «вперед» победа врага.

Сцена в Летаевке сменяется контрастной сценой по Смоленской дороге похоронной дивизии Наполеона и его армии по Смоленской дороге. В отличие от записанного текста в рукописи «сказал: «хлеб и соль» в сани, покатал один, оставив умирать товарищей». Толстой в этот момент «спасением степенно» подогнал и с тихим упрямством историков, которые даже это бегство «великого императора» героической армии» умудрялись оправдать.

Позднее полемика с историками периода войны. В общении с авторами романа периода войны.

* * *

Роман подходил к концу. За время переработки и печатания пяти томов сюжет настолько расширился и во многом изменился, что ранняя редакция не могла служить даже основой для окончания всей эпопеи

Петя Ростова. «Петя знал, что его герой, Денисов, был храбрее и благороднее всех людей, но эта новая замеченная в нем черта чувствительности в высшей степени тронула Петю». Отношение Денисова к пленному мальчику усилило в его глазах героизм Денисова и привело к размышлениям о том, что Денисову, «а не этому старому Кутузову» быть главнокомандующим. Детские рассуждения Толстой освещает добродушной иронией. «Петя имел очень низкое мнение о Кутузове». Ласка и мягкость самого Денисова к Vincent'у позволили Пете, не стесняясь слезы чувствительности, заботиться о пленном французском мальчике. Эпизод с пленным барабанщиком будет позднее еще более развит.

Рукопись перебелена, и автор вновь работает над ней. В центре его внимания опять Петя Ростов. Создается предыстория его появления в партизанском отряде. «Петя Ростов, покинув при выезде из Москвы своих родных и присоединившись к своему полку, скоро после этого из полка перешел в партизаны к генералу, командовавшему важной частью». Автор подробно анализирует душевное состояние юноши, впервые попавшего в обстановку войны. Поступив в действующую армию, Петя испытывал то тяжелое чувство не столько разочарования, сколько недовольства собой, которое испытывают все искренние и пылкие молодые люди, испытывая на деле войну, о которой, благодаря ложному ходячему мнению, у них составилось совершенно противоположное понятие».

Главная задача этого наброска — показать, в чем заключалось разочарование Пети, и рассказать, каким образом он попал в партизанский отряд Денисова. «Вместо торжественных с знаменами, музыкой сражений, Петя видел какую-то кутерьму. Вместо героя в полномышном он видел дряхлого старика, про которого рассказывали неприятные анекдоты. [Так Толстой напомнил об отношении к верхах армии к Кутузову в этот период войны]. Вместо сынов отечества, жертвующих собой, были генералы, иравные в бостон и ссорившиеся между собой, вместо общего мужества, большая часть людей боялась смерти и ран. Петя не знал тогда, что все эти генералы и даже его начальник, который почти всякий день был пьян и очень не любил быть под огнем, что все эти генералы будут описаны в племах и бронях, летающими перелетками. Петя не отдавал себе отчета о том, как все это было и не позволял себе судить о том, что он видел, но он испытывал недовольство собой, считал, что он виноват в том, что с ним не случается ничего героического. Он все время был как в тумане. Ему все казалось, что там, где его теперь нет, там-то совершается самое хорошее, героическое, и он все торопился поспеть туда, где его не было».

Стремление найти настоящее «героическое» привело Петю в партизанский отряд. «Когда в 20-х числах октября, — продолжает Толстой рас-

сказ о Пете, — его генерал, командовавший отдельным отрядом, пожелал послать кого-нибудь к Денисову, бывшему одним из партизанов в то время, Петя просил, чтобы послали его. Может быть, партизаны, в особенности Денисов — он помнил его с 1806 года — был самым героем. И боясь пропустить что-нибудь героическое в то время, как он будет в отлучке, и надеясь, что там-то, у Денисова, он найдет случай отличиться вполне, он поехал к партизанскому отряду Денисова».

Толстой наметил, как будут развиваться партизанские сцены. Определены эпизоды, в которых будет участвовать «неоцененный человек для партии» Гихон Щербатын: «Гихон с кавалеристами бежит, соперничает с казаками». «Его учат, а он притворяется». «Учит мужиков, как бить». И наконец, заметка, относящаяся ко всем партизанам: «Устали вечером, называясь, а нечего делать, опять надо идти».

Не в рассуждениях, а в действии показывает Толстой, как постепенно в новой обстановке, среди партизан изменялась психология Пети, его восприятие войны. «Петя, с первых же дней своего поступления в партизаны боявшийся и опасности и жестокости, теперь уже вполне усвоил себе тот охотничий дух, который чувствовался во всех первых людях». Как при описании чувств Николая Ростова во время первых людей, так и теперь Толстой передает ощущения Пети, сравнивая войну с охотой, причем не с охотой вообще, а с той знакомой охотой в Отрадном, где было передано в мельчайших подробностях напряженное состояние всех участников. С первого же дня, когда Петя «с казачьим офицером и 50 человеками засел в лес и выжидал французов, он, увидев их, почувствовал то же чувство, которое он испытывал в Отрадном, выходя из острога испугу».

Толстой продолжает углублять найденное сравнение: «Убивать людей и подгадывать свою жизнь было бы невозможно, если бы не было этого бессмысленного чувства охоты — охоты на людей». Петя, как показывает Толстой, «испытывал то же, как в охоте, погоняющие всех других чувств и мыслей одним желанием взять его — зверя, а теперь человека». И желание это было так сильно, что целая жизнь думать о себе и о нем, — надо его взять во что бы то ни стало».

Толстой стремится как бы проникнуться настроением Пети, пережить вместе с ним все необычные для него впечатления. Только так можно было психологически верно представить поступки юного героя. Пропиная вместе с Петем его короткий текст и создавая новый рассказ о перипетиях его жизни, Толстой отбросил много лишнего, оставив только самое главное. Пространственный текст и создал новый рассказ о перипетиях его жизни, Толстой отбросил много лишнего, оставив только самое главное. Пространственный текст и создал новый рассказ о перипетиях его жизни, Толстой отбросил много лишнего, оставив только самое главное.

В подготовленной к набору рукописи, история Пети заканчивалась так же, как в предыдущих вариантах: Петя вместе с Долоховым участвует в нападении на лагерь французов и в освобождении русских пленных, среди которых был Пьер. И эти минуты «были одними из самых радостных его жизни». Глав, посвященных нападению отряда Денисова на транспорт и гибели Пети Ростова, еще не было. Для решения задачи, которую выполнял в романе юный офицер, не нужна была его смерть. Неизвестности трагического конца была вызвана другими художественными требованиями, возникшими позднее

* * *

Проследить, как работал писатель над последующими главами «вины» мы не можем, так как сохранились только разрозненные отрывки черновых рукописей. Они содержат некоторые авторские оценки последнего периода войны, совпадающие с окончательными. Основная мысль романа о характере войны — сформулирована в одном из сохранившихся отрывков пространно и невыразительно: «Единственная цель, которую мог иметь народ и которую понимал один Кутузов и которая вполне достигли русские, состояла в том, чтобы выгнать французов». В печатном тексте она та же, но выражена ярко, афористично. «Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия».

По корректурам видно, что вслед за анализом действий русских и французских войск в последний период войны шли восемь глав, полностью посвященных Кутузову вплоть до его смерти. В них Толстой оценивал его историческую роль в войне 1812 года. Таким образом, вся первая часть последнего тома была посвящена только военно-исторической теме. Проявляя корректуры, Толстой перестроил композицию, подтачивая чередование тем: главы о Кутузове перешли в следующую часть, вслед за рассказом о Наташе и князьке Марье после смерти князя Андрея.

Смертью Кутузова закончилась военная тема романа («Война и мир»). «Главную для России эпоху» Толстой образил в художественных образах и картинах и искажал свое отношение к изображаемым событиям в истории философских рассуждениях, ставших постыдным и частью художественного произведения «Если бы не было этих русских людей, не было бы и описаний», — заявил Толстой, окончив роман.

эпизод создавался трудно¹⁰. Ранняя редакция романа закончилась конспективным наброском эпизода жизни действующих лиц. В разное время в конспектах стали появляться заметки к эпизоду, такие, например, записи: «У Наташи в брюхе ребенок, и она гримасит»; «Nicolas говорит, что не может жить без княжны Марьи, хотя никогда не любил ее». Подготавливались и общественные вопросы, наполнявшие жизнь героев. Тема наступившей политической реакции и будущего России появилась в набросках ранее других заметок, только спор об этом затеял с Николаем Ростовым не Пьер, а князь Андрей, который по первоначальным замыслам выдвигал после ранения в Бородине. Говорил о суждении князя Андрея, ведущая роль в эпизоде была передана Пьеру. Он «рассказывает о деспотизме Аракчеева», отметил Толстой.

В разное время появлялись конспективные заметки к историко-философской части эпизода. При всей законности и фрагментарности она четко раскрывает замысел автора «Эпизод в 15 году истории конгрессов. Улеглось движение народов, и они пишут и сходятся», — наметил Толстой тему начала эпизода. Промелькнуло упоминание: «Семеновцы». Спустя почти тридцать лет оценки «семеновцы» писал Толстой: «... (тогда) против жестоких наказаний» «В 1820 году... дах семеновские офицеры, цвет тогдашней молодежи, большие чины, масоны и т. д. и т. д. декабристы, решили не употреблять в своем полку жестокого наказания». Тем более важно было в эпизоде действующие лица — произошло в 1820 году, хотя бы коротко сказать об этих «таких людях» своего времени. Пьер и Денисов говорят о волнении в гвардии Семеновском полку в октябре 1820 года. Ставших известными декабрьских событий 1825 года. Во время работы над завершением романа возникла такая запись: «К эпизоду: Франция

еще раз, старая, должна была содрогнуться, и явился Наполеон

Ити наброски подтверждают, что к началу работы над эпилогом были определены автором его две основные темы. Они подводили итоги судьбам героев и всем рассуждениям о законах исторического процесса, «ловить и определять» которые составляет задачу истории.

* * *

Не сразу был задуман эпилог в двух частях, каким он известен по завершённой книге. Первая редакция его была написана тогда, когда последние части романа были далеко еще не закончены. Во всяком случае окончание первой части шестого тома еще не было завершено, а вторая часть не была написана. Бесспорное доказательство тому — вставка в тексте первого варианта эпилога: Петья Ростов жив и по-прежнему на военной службе, ему Николай Ростов передал все, что осталось от наследства отца. Следовательно, ранний эпилог был написан до того, как возникла мысль о смерти Пети.

Эпilog в его первой редакции состоял из небольшого историко-философского вступления и подробного рассказа о судьбе уцелевших после войны персонажей, которым поручено довести роман до конца.

«Прошло семь лет». Такой фразой открылся эпизод. Толстой начал с общего вывода, к которому его привели размышления над законами истории. Но раз писатель подыскивал для своих формулировок сравнения из области физики. Образное сопоставление он нашел и теперь. «Как каждое солнце и каждый атом, эфир есть шар, законченный в самом себе и вместе с тем только атом недоступного человеку по огромности целого, так и каждая личность носит несомненно в самой себе свои цели и между тем носит их только для того, чтобы служить целым обществу». И чем выше поднимается ум человеческий в открытии этих целей, тем очевиднее для него недоступность конечной цели. То же и с целями личностей и народов». Эта первая формулировка общего вывода почти дословно повторена в окончательном тексте.

Развивая эту точку зрения на роль личности в истории, Толстой рассматривает деятельность Александра I после войны с Францией. Он polemизирует с историками, которые приписывают Александру «важную спасения России и вину последующего направления». Делая вывод о «бессилии, действующем в истории», Толстой сделал еще один вывод о «силах, действующих в истории». Писатель утверждал, что личности царей «есть фокус наибольшего числа лучей человеческой деятельности», и только потому «значение их в общем ходе событий выпадает для нашего слабого умственного глаза». Задача историка — доказать, что

Толстой — не в том, чтобы обвинять или оправдывать исторических деятелей, т. е. личности, «стоящие в фокусе света» и потому видные; цель истории в том, чтобы «из фокуса света изучать лучи, соединяющиеся в нем».

Как шесть лет тому назад в одном из набросков вступления к роману Толстой в подобной же инсказательной форме требовал от историков изучения «вечно изменяющихся и возникающих каплей воды, составляющих русло», так и теперь он настаивал на изучении «лучей», т. е. истории народа, а не отдельных личностей, выдвигающихся в разные моменты исторического процесса. «Поднимается новая, непобедимая никому сила — народ, и царство гибнет», — так в одном из черновых вариантов к эпилогу Толстой определял роль народа в войне 1812 года.

Эти мысли дороги Голостому, и он будет над ними страстно работать. Пока же кратким вступлением и анализом роли государственного деятеля на примере Александра I ограничилась историческая часть эпизода. Она содержит краткий обзор событий в России между 1812—1820 годами. Предстояло рассказать о жизни героев за это же время. Так построен и весь роман.

Если вспомнить конец ранней редакции, станет ясно, что и тогда Толстой не намеревался говорить в эпилоге о тех людях, которые заполняли придворные салоны; их роль в романе уже сыграна. Не нужны больше автору Друбенки, Берги, Долохов. Об их судьбе после войны даже не упоминается. В наброске эпилога по ранней редакции участвуют только Болконские, Ростовы и Пьер Безухов. В эпилоге завершенного романа к ним добавлен Денисов.

При окончании ранней редакции у Толстого промелькнуло намерение поселить Натану с Ивером в Москве, в графиню Марью с тестем, помещиком и Соней в Отрадном. Лысые Горы как место действия не упоминались. Быть может, это вызывалось тем, что по прежнему плану оставался жив князь Андрей. Замысел, изменился. Автор сообщает теперь: «Натанна жила с мужем в Москве, в Петербурге и в подмосковном деревне и у матери, т. е. у Николая». Николай Ростов с графиней Марьей, матерью, Соней, Николаем Болконским и Десалем, его воспитателем, посетился в Лысых Горах, «серьезно занимаясь хозяйством».

Последнее действие романа происходит в Лысых Горах в 1820 году. Так определено в первой редакции эпизода и так должно дойти до печати. «Зимой 1820 года Наташа, жена Пьера Безухова, гостила со всем семейством в имении своего брата», — этим начался рассказ о судьбе персонажей.

Толстой настолько сроднился с героями (с ними он прожил семь лет), что жизнь каждого из них в новых условиях, через семь лет после

перелом ее душевностью, перед тем почти недоступным для Николая воз-
раст, в котором всегда жила его жена.

Марье казалось, что муж ее слишком много знает о хозяйственных делах, ей хотелось сказать ему, «что не о едином хлебе живет человек», но она знала, что этого говорить не нужно и бесполезно. Слушая рассказы мужа о хозяйстве, она «понимала все, что он говорит». Однако она «делала для этого большие усилия, потому что ее несколько не интересовало то, что он говорил». Тем не менее она «чувствовала покорную нежную любовь к этому человеку, который наконец не примет всего того, что она понимает, и как бы от этого она еще сильнее, с оттенком страстной нежности, любила его». Таково семейное счастье Ростовых.

По-настоящему были счастливы Безуховы. Наташа, как и Мария, поглощена семейно-раскаленной о том, насколько «опустилась» Наташа после замужества, Толстой полемизировал с движением за женскую эмансипацию, обострившимся в России в конце шестидесятых годов. Он предварял новый портрет Наташи ядовитой фразой: «Наташа жила в таком отсталом веке и была так непорочна, что ей приспелось то, что чем больше она вникала не умом, а всей душой, всем существом своим в занимавший ее предмет, тем больше она сосредотачивала на нем свои силы. Не «самку» в грубом смысле избирал Толстой в Наташе, как это в большинстве работ отмечено. Хотя он сам говорил, что в нем чаще «видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка» но на самом деле в образе Наташи создан тот идеал женщины, который соответствовал мировоззрению Толстого

Наталья погрузилась в семью, но несколько иначе, чем Мария «Посл. рождая, кормя детей», она в то же время принимала «участие в каждой минуте жизни мужа». В этом были ее сила

Пьер с самого времени женитьбы, после необычайных открытий, сделанных им о том, что настоящее супружество есть подвластность, с удовольствием покорился своей участи и в этой подвластности напел новые силы и опору.

Рассказ о Безуховых пронизан мыслью о том, что они во всем всегда интуитивно между собой согласны. Интересы Пьера, его участие в общественной жизни, его мировоззрение близко и дорого Наташе. «Всему, что было уместным, отвлеченным делом мужа, она приписывала, не понимая его, огромную важность и постоянно находилась в страхе быть помехой в этой деятельности мужа». Ради того, чтобы подчеркнуть душевное единство супругов, создана короткая сцена в детской после возвращения Пьера из Петербурга. «Несмотря на много интересное, что нужно было переговорить, ребенок в колясочке, качаемый няней, поглощал все внимание Пьера». Тут же отмечено отличие

Пьера от Николая Ростова, для которого грудной ребенок был «кусочек мяса»; по выражению графини Марьи, он нежный отец, «но только тогда, когда уже год или этак...»

Заключительная сцена этой части эпилога закрепляет стержневую идею рассказа о молодых Безуховых. Пьер и Наташа остаются вдвоем. Они разговаривают о совершенно различных предметах, «с необыкновенной ясностью и быстротой понимая и сообщая мысли друг другу». Такое «одновременное обсуждение многого не только не мешало ясности понимания, но, напротив, было вернейшим признаком того, что они вполне понимают друг друга».

Хотя «предмет, в который погрузиться вполне Паташа, так же, как и Мария, был семья, они — обе прекрасные в изображении Толстого женщины — различны по своему духовному складу. Судьба графини Марии закончена семей. Кроме того, в ней по-прежнему сильно религиозное чувство.

Роль Нагати, этой «самки», выходящая за пределы семьи. Если бы осуществился замысел романа «Декабристы», судьба Нагати стала бы судьбой жены декабриста.

Идея декабризма связала эпизод «Войны и мира» с задуманным, но неосуществленным романом. Уже в первой редакции эпизода появились «интересные рассказы» Пьера, приехавшего из Петербурга. Пьер говорит не о том Петербурге с его аристократическими салонами, который прошел через роман. В эпизоде нет тех персонажей романа, которые создали с собой придворную атмосферу. Он рассказывает о общественных настроениях, царящих в Петербурге, о волнении в лейб-гвардии Семеновском полку, о возмущении реакцией, арестованным, о мистических кружках и «духовных союзах» баронесс Чевининг, о мистических кружках и «духовных союзах» баронесс Чевининг, об Александре I, который «ни во что не входит» и «весь издан этому мистицизму». Пьер — с ним согласен и Денисов — говорит о том, что «судьба истинно натянута и непременно дойдет».

Она и артем «стемнуемого» перевороты» завершилась в злылое сква
ная линия «В Петербурге». Оно же связ. о пришло и измощили
«Вон и я, с расщепленной доверью о декабристе.
От писателя декабристе Толстой пришел к «Войне и миру» Приб.

От поездки с декабристами, в котором должны были участвовать Толстой и Дависов и, главное, сын князя Андрея Николаевича, закончена «Война и мир». Только помещик Николас Ростокин, а все с теми, кто ждал переворота и радовался ему, задумавшись, что его дочь — попавшая в плен, и т.д. — готовый с удовольствием идти с эскадроном и рубить тех, кто противился его правительству. Однако это не в полной мере убедило Николая. Только на вечер он признавался жене, что в споре с Пьером

«погорячился». На следующем этапе работы над этой частью эпилога Толстой добавил суждение Наташи об ее брате: «У Николеньки есть эта слабость, что если что не принято всеми, он ни за что не согласится». Наташа тут же сопоставила Николая с Пьером: «А я понимаю, ты непременно дорожишь тем, чтоб никто не сатлёт *», — сказала она, повторяя слова, раз сказанные Пьером».

Завершает эпилог (как в первой редакции его, так и в окончательной) пятнадцатилетний Николенька Болконский. Своего дядю Николая он любил, но «с чуть заметным оттенком презрения». Предметом его «восторжения и страстной любви» был Пьер. Николенька «не хотел быть ни гусаром, ни георгиевским кавалером, как дядя Николай, он хотел быть ученым, умным и добрым, как Пьер».

Он слушал спор Пьера с Николаем, и «всякое слово Пьера жгло его сердце». Ему важно было узнать, согласился ли бы с Пьером его отец. Пьер подтвердил это.

Взволнованный мальчик спор превратился в страшный сон, увиденный им в ту же ночь. Он видел себя и Пьера в скаках впереди огромных коней, «чуждо и радостно несущихся к цели». Пьер вдруг замедлил шаг, который «таскал и жалел» сына. Проснувшись от рыдания, Николенька думая о том, какой «чуждый человек» дядя Пьер, и мечтал о том, что он сделает то, чем бы отец его был доволен. В эпилоге нет князя Андрея; его роль продолжит сын, будущий декабрист.

Когда, милого детства Толстого спросили, доказан ли был бы Николенька Болконский выступить в романе из эпохи декабризма. Толстой «с улыбкой, осветившей его лицо, сказал: — О, да! Конечно!»¹¹

Повествование о судьбе «вотчужденных» героев романа закончено. Оно вылилось из-под пера автора строно и не подвергалось перделкам ни в плане идейном, ни композиционном.

* * *

Много сложнее проходила работа над историческим разделом эпилога. Признание Толстого, что все, что написано, особенно в эпилоге, «не выдуманно» им, а «выворочено с болю» из его «утробы»¹², относится к исторической части.

Рукописи дают основание утверждать, что, приступив к переработке первой редакции эпилога, Толстой отложил пока ту часть рукописи о материалах, которая содержала рассказ о героях. Он удалил творческие усилия Толстого направлены на то, чтобы изложить свои исторические воззрения и доказать их справедливость

Надолго задержало автора то небольшое историческое вступление, которым открывался эпилог. На анализе воин России с Францией первой четверти XIX века Толстой стремится теоретически обосновать и решить общие вопросы, касающиеся предмета истории, задачи истории, связи масс с историческими деятелями, взаимосвязь жизни народа с деятельностью государственных лиц. Эти вопросы стояли перед Толстым, когда он только что начал писать «историю из 12-го года». Завершив роман (пока еще без эпилога), он в художественной форме ответил на них. На очереди — подвести итог историко-философским размышлениям.

В эту пору Толстой конспективно сформулировал свое мнение о современных ему исторических теориях: «Как в астрономии, так и в истории ошибка в том, чтобы большее заставить вращаться вокруг меньшего». Доказательству обратного посвящена историческая часть эпилога. Своего рода героем ее выступает главный герой романа — народ.

После длительных поисков создался текст, составивший впоследствии первые четыре главы первой части эпилога. Новая рукопись как самостоятельная часть была послана в набор, но Толстой продолжал работать над обоснованием своей теории о силах, движущих народы, т. е. над тем текстом, который составил впоследствии вторую часть.

Рукописи и многочисленные корректуры говорят об огромном труде, который Толстой положил на доказательство своих убеждений. Для Толстого бесспорно, что «история монархов и полководцев всегда будет историей монархов и полководцев, а не историей народов, жизнь которых не может вместиться в жизнь монархов», что «интерес лежит в массах, но не в массах, и предмет изучения суть законы, общие всем массам, что вся деятельность Наполеона не объясняет и не может объяснить законов движения масс».

Толстой говорил, что его мысли и взгляд на историю «по случайный парадокс» и «эпизод всей умственной работы» его жизни и составляют «верное зерно» часть того мироощущения, которое был один знает, каковы труд и страдания выработались в нем и дали ему «совершенное спокойствие и счастье»¹³.

* открыть поприще.

Я бы хотел, чтобы вы полюбили моих этих детей. Там есть славные люди. Я их очень люблю.

Л. Толстой

Начиная с первых набросков, постепенно рождались «полувывмышленные» герои романа. Некоторые персонажи романа восходят отдельными чертами и фактами их биографии к действительным лицам¹. Через много лет после окончания «Войны и мира» Толстой сказал однажды: «Я чисто пишу с натуры. Прежде даже и фамилии героев писал в черновых работах настоящие, чтобы яснее представлять себе то лицо, с которого я писал». Так было и при работе над «Войной и миром».

Разумеется, Толстой не ставил задачи в образах романа описывать определенных лиц; живые люди, которых Толстой знал лично или по семейным преданиям, а иногда по другим материалам, служили подчас основой для создания образов. Заимствуя главные черты характера или внешности, писатель создавал силой творческого преображения художественный образ, имевший свою судьбу, не связанную с жизнью и судьбой личности. Работая над «Войной и миром», Толстой же раз говорил, что старается наблюдать людей. Он воспользовался своим приездом в Москву для того, чтобы оживить в себе воспоминания о людях, которых становилось в нем «слишком отвлеченным». «А мне нужно, — писал он, — иметь более или менее верно судить людей, потому что я их стараюсь описывать». Ему интересно было познакомиться с теми, где он видел много «различных господ и дам», которые для него «все типичны».

«Я думаю, — говорил Толстой, — что если писать прямо с натуры одного какого-нибудь человека, то это выйдет совсем не типично, получится нечто единичное, исключительное и не интересное. А нужно именно взять у кого-нибудь его главные характерные черты и соединить их с характерными чертами других людей, которых наблюдал. Тогда это будет типично. Нужно наблюдать много однородных людей, чтобы создать один определенный тип»².

Ближайшие предки Толстого, жившие в эпоху 1805—1812 годов, подсказали образы Болконских и стариков Ростовых. Характерные черты деда Толстого по матери, Николая Сергеевича Волконского (1753—1820), «умного, гордого и даровитого человека», и многие детали его жизни перенесены на старого князя Болконского. Мать Толстого, Марья Николаевна Волконская (1790—1830), оставшаяся двух лет после смерти своей матери и жившая частью в Москве, частью в деревне с отцом, воспитывавшим ее, дала жизненный материал для образа княжны Марьи. В наброске начала «Три поры» Толстой указал даже точный ее возраст в 1811 году — 21 год. Взаимоотношения с отцом, уклад их жизни отразились в «Войне и мире». Частично в облик княжны Марьи внесены отдельные черты характера, главным образом религиозность, теплоту Толстого Александра Ильича Остеев-Сакел (1797—1841), портрет которого нарисован в тех же «Воспоминаниях» Толстого. В образе компаньонки княжны Марьи m-ле Вонгенье выведена компаньонка матери Толстого француженка Пеннеленко, с которой М. Н. Волконская была дружна. Для описания быта Болконских Толстой воспользовался, как свидетельствует старший сын его, С. Л. Толстой, рассказами В. А. Волконской, двоюродной сестры его матери, выживавшей князя Н. С. Волконского³.

Дед Толстого по отцу, граф Илья Андреевич Толстой (1757—1820), «человек ограниченный, очень мягкий, веселый и не только пыдрый, но бестолковый-матоватый, а главное, доверчивый» — это точный прототип старого графа Ростова. Жену его, бабушку писателя, Пелагею старую графиню Ростова, Николаевич Толстой, «недалекую, малообразованную, очень забавную», легко узнать в образе графини Ростовой. Не сводительству Е. А. Кузминской, некоторыми чертами графиня Ростова детельству Е. А. Берс, мать Софии Андреевны Толстой. Отдельные черты отца Толстого, Николая Ильича Толстого (1795—1837), участника Отечественной войны 1812 года, внесены в образ Николая Ростова.

Так Толстой художественно воскрешал жизнь своих предков. В облике некоторых персонажей, не живших в эпоху войны 1812 года, — в описании Толстого, его помощники в переписке «Войны и мира», сестры Софии Андреевны, да и она сама. 11 ноября 1862 года С. А. Толстая писала сестрам: «Дочка скажу вам по секрету, пишу не говорю, — может быть, нас опишет, когда ему будет 50 лет». Вряд ли это описание молно и какой-нибудь мере связать непосредственно с обликом «Войны и мира», но оно свидетельствует о том, что в сестрах Толстого он действительно чувствовал хороший материал для художественного претворения, и, начал вскоре большое произведение он воспользовался им.

князь Андрей — это тот самый молодой блестящий человек, который по первоначальному замыслу должен был погибнуть под Аустерлицем. Слетел молодой человек на войне, очутившись в новых условиях жизни и столкнувшись с новыми для него простыми людьми, солдатами, пересматривает свои убеждения, внутренне преображается, совершает героические подвиги и гибнет. Об этом Толстой говорит тогда, когда начало действия в романе было перенесено к 1805 году. Разумеется, это не просто сюжет, а идейное решение задачи.

Первые наброски, относящиеся к замыслу писателя «историю и 12-го года», позволяют предположить, что и тогда автору был нужен блестящий молодой человек, совершающий подвиги в Бородине. Эта роль, по-видимому, предназначалась молодому Зубцову, с которого началось писание романа. Он же отчасти Борис в списке персонажей, он же Борис Зубцов на цу-вицском бале. Ряд пера, определивших роль графа Зубцова, потом перешел к князю Волконскому (будущему князю-сыну), на которого и будет возложена роль блестящего молодого человека.

На бале 1811 года впервые появляется в действии роман — граф Зубцов, «приехавший из турецкой армии и нынче приехавший в флигель-адъютанты». Он назван среди лиц, «собравшихся в этот вечер в флигель-адъютанты». В двух плавах рисует он портрет Зубцова. По уточненной внешности красивого флигель-адъютанта с «мелкими носовыми аксессуарами», «одеждой, которую, «сидящая, «идея» — много». В то же время к его внешности автор стремится добавить некие внутренние достоинства, выделяющие его из общества. Он «невольно обращал внимание не столько красотою, но и характером особенного, своеобразного ему достоинства молодого человека, несколько скромного, чистотой и девственностью в делах

внн, которые можно было только сохранить в походах и которыми он резко отличался от молодых людей Петербурга». Отличие Зубцова от петербургской молодежи, представленной на бале Иваном и Петром Куракиными и Бергом, явилось лучшей характеристикой графа Зубцова. «В лице, в стане, в движениях его и в особенности в детской способности краснеть до ушей видна была свежесть еще неистраченной молодости. Кроме того, видно было, что ему, как приезжему из армии, бал и женщины были в диковинку, и он серьезно веселился и своим успехом, и видом красивых женщин, и светом, и музыкой, и предстоящими танцами, к которым он готовился, заготовив в кармане две пары свежих перчаток». Не говоря уж об общих чертах внешности и характера, даже детали, вроде танцев, сближают Зубцова с князем Андреем и более всего в сцене петербургского бала в 1810 году, где он также назван «лучшим танцором».

На бале Зубцов встретился с князем Кушневым и «был рад встрече с товарищем». На лице Зубцова «было выражение радости и вместе добродушной и ласковой насмешливости при виде чужака, который в большинстве людей возбуждал это самое чувство». Друзья говорили о Наполеоне. Затем разговор коснулся женитьбы Кушнева. По характеру эта сцена весьма сильно напоминает первую встречу князя Андрея с Пьером в салоне Анны Павловны Шерер.

Граф Борис Зубцов, появившись в цитированном четвертом наброске начала, навсегда исчезает, а блестящий молодой человек вновь встречается среди героев произведения в то время, когда начало действия в романе отодвинулось к 1805 году. Так как «нелегко описывать ничем не связанное с романом лицо», Толстой решил сделать его сыном старого Болконского. Так появился князь Андрей.

В новой наброске князь Андрей впервые выступает перед читателем не на бале по возвращении из армии, а в военной обстановке в Ольмюце, и дни перед Аустерлицким сражением. Первая сцена с участием Андрея разыгрывается в квартире его двоюродного брата Бориса Горчакова (будущего Бориса Друбецкого); тут же находится гусар Федор Простой (будущий Николай Ростов). Чтобы познакомить с новым персонажем, автор сообщает, что гусар Простой «слышал про него как про гордого, чопорного французского юношу рыцаря, как его звали, и человека с характером, идущего против воли отца жениться на бедной, ничтожной дочери помещицы. Он был адъютантом главнокомандующей и теперь сидит в тапную квартиру и получил оттуда письмо, извещающее о рождении сына».

Рисуется портрет героя. Каждая черта говорит об его аристократическом происхождении: «красивый, тонкий, сухой с маленькими белыми, как у женщины, ручками и раздушенный и эlegantный до малей-

ших подробностей своего военного платья». Из дальнейшего текста известно, что Волконский говорил по-французски с особенным изяществом. Из его бесед с Борисом выясняются некоторые семейные подробности: «жена родила сына и благополучно. Сестра пишет, что надеется скоро свести отца с женою». В беседе с гусаром Простым князь Андрей говорил о Бонапарте как о лучшем полководце мира, чем возмущил молодого гусара, который к тому же насмешливо назвал «героем Трахнау-ского бегства», и Простой решил вызвать этого «адыгантина» на дуэль. Волконский спокойно ответил: «На дуэли я с вами драться не стану, потому что это теперь не хорошо. Хотя и разобьет нас, все надо, чтобы было нас и больше». В конце разговора Волконский «вдруг так добродушно, приятно улыбнулся, так осветилось его красивое, чисто честное, тонкою милою улыбкою», что Простой молча смотрел на него, а после ухода признался, что он ему «очень, очень нравится».

Затем князь Андрей показан в служебной обстановке: в приемной генерала; в этот день он был дежурным адъютантом. «Честолюбивого юношу Борису», приехавшего к Волконскому в Отрадное, «поразила уверенность и важность своего cousin», но когда Волконский подошел к Борису, «лицо его из официального приняло то трудное и деловитое кроткое [выражение], которое обвораживает всякого». Так же преобразается лицо князя Андрея и в предшествующем наброску его портрета, и эта характерная черта дойдет до заверченного текста.

В создаваемой сцене раскрываются идеалы, позиции Волконского и глубина его чистого патристического чувства, отчасти уже затронутые в разговоре с гусаром Простым. В беседе с Борисом Волконский, «видимо, был усталый», так как «он не спал эту ночь, ездивши с приказаниями на ярмарку». — сообщает автор. Тем не менее «он был так же бел, нежен и, как всегда, маленькие усики его и волосы были так же прибраны волосок к волоску». (Портрет напоминает портрет графа Зубова на бале). Здесь появляется важная подробность, раскрывающая внутреннюю сущность Волконского: «а тогда же, что не было...» Борис, он «как будто похудел от сильной болезни, и глаза его блестели лихорадочным блеском, хотя дышенье было так же вялое и женственное». Эти две линии в облике Волконского — внешняя аристократическая изысканность и глубокое внутреннее чувство — ведутся параллельно.

Причины тревоги Волконского выясняются из его рассказа о сестре. Накануне Ахерсбергской сражения: «никогда не бывало так, чтобы он был так же бел, нежен и, как всегда, маленькие усики его и волосы были так же прибраны волосок к волоску». Князь Волконский сочувствует Кутузову, который не может перенести всех тех «мелких и незначительных» дел, которых требует главная квартира. «Вся сила там около государей. Атам. Дельгаты и прочие...»

Князь Андрей Волконский.
Академик К. В. Гуданова.

все, а мы чернорабочие». Насмешливо «передразнивая немцев», сообщает Волконский свое впечатление о военном совете накануне Аустерлицкого сражения. Неоднократно подчеркивается возбужденность Волконского во время разговора — он был «в особенно оживленно говорливом состоянии духа», он говорил «так живо и одушевленно, как не видал еще его Борис».

В третий раз в том же наброске Волконский появляется в разгар Аустерлицкого сражения. «Кутузов был уже давно на лошади и в сопровождении своих адъютантов и женоподобного Волконского сам вел войска на Праценские высоты». Кутузов «любил Волконского», именно его он посылает выяснить обстановку. При дифференциации разных людей, находившихся в главной квартире, особо выделен Волконский: «1) кто старался все делать медленно и обдумать все, до чужого; 2) кто торжился, искал повеления [?]; 3) кто был глупее и тупее обыкновенного; 4) кто готовился на подвиг всеми силами души; 5) кто ничего не видал, не слышал, все было в тумане; 6) кто был, как всегда, болтал по-французски и ничего не понимал; 7) кто уже перестрадал и был спокоен, как Волконский». Одно из этого отрывка было бы достаточно, чтобы уяснить отношение автора к герою. Как намечено в конспекте, Волконский в начале боя наблюдает за двумя императорами и их свитой, видит испуг и страх на лицах. «Волконский к Кутузову. Кутузов говорит: Посмотрите, они бегут. Волконский все понял. Волконский испугался, как никогда в жизни, и ему стало стыдно и гадко. Он бросился вперед собирать солдат». Император Толстой «видит, как Волконский лечет на лошади и улетает с знаменем. Он взглянул на Толстого. Этот взгляд был и мир, и любовь и уважение». Волконский «исходит кровью». Так закончен набросок.

Осуществлен замысел автора: блестящий молодой аристократ князь Волконский в минуту серьезной опасности оказывается среди толпы безумных, а затем с Кутузовым, собирая солдат, бросается вперед и погибает. В седьмом варианте начала пронаблюдания разрыв между князем Андреем и войском.

Работая над следующим вариантом, т. е. перерабатывая набросок «Три порты», Толстой снова рисует князя Андрея, но совсем в иной обстановке в доме отца в Лысых Горах, куда он привез беременную жену перед своим отъездом в армию. В образ князя Андрея вносятся черты, проявляющиеся и в отношениях с отцом и в обращении с служащими в имении; акцентируется сухость, холодность и гордость князя Андрея. Совсем иные черты выступают, когда он остается один с сестрой. Она была единственным существом, с которым «горды, хотишь на вид» князь Андрей «не стыдился показывать все то, что было у него в сердце».

Создана семья, в которой живет князь Андрей, нарисован портрет, раскрыты основные черты характера, определены, хотя и схематично, отношения с женой, отцом и сестрой, промелькнула дружба с Пьером и решена благородная роль князя Андрея на войне. К этому времени относится новый замысел Толстого не ограничивать роль князя Андрея Аустерлицким сражением. Для него, как говорит Толстой, нашла роль в дальнейшем ходе романа, и Толстой решил, что в Аустерлице он будет не убит, а только тяжело ранен.

Появляются одна за другой новые зарисовки портрета молодого князя Волконского. Действие открывается теперь в его доме в Петербурге. Автор старательно выписывает внешность и манеры человека аристократической среды, но необходимо помнить, автору уже ясно, к чему он ведет своего героя.

В новых набросках прежде всего освещена нравственная чистота князя Андрея, который «как холостым, так еще более женатым человеком» вел жизнь «безупречной нравственной чистоты в противность обычаям тогдашней молодежи. Он держал себя всегда далеко от всех товарищей, особенно удалялся кутил, и за всю его жизнь никто не мог сказать, чтобы знал за ним хоть ничтожный долг, или вечер, проведенный за вином или картами, или волокитство за замужней женщиной или девишкой, на которой бы он не имел намерения жениться». Отдельные метательные детали, художник вновь создает портрет все того же выхоленного бестяпного молодого аристократа: «Молодой человек был невелик ростом, худощав, но он был очень красив и имел крошечные тонкие и руки необыкновенной нежности и белизны, которые, казалось, ничего не умели и не хотели делать, как только поправлять обручальное кольцо на безымянном пальце и приглаживать волосок к волоску причесанные волосы и потирать одна другую. Молодой человек и в том обществе, в котором он жил, поражал необыкновенной отчетливостью и подлинной чистотой своей osoby».

В следующей рукописи князь Андрей представлен сначала как «маленький аристократический человечек с сухими красивыми чертами и выражением лени и изнеженности во всех движениях и позах». Еще раз портрет изменен: «свежий, красивый молодой человек с сухими чертами лица и глазами, в которых свет казался потухшим». Глаза, в которых «свет казался потухшим», но в которых загорался огонь, когда князь Андрей был чем-либо заинтересован, будут в дальнейшем характерной выразительной чертой его облика.

Вот та повторяющаяся во всех эскизах деталь портрета Волконского — улыбка. «Князь Андрей улыбался редко, но когда улыбался, то красивое лицо его делалось неожиданно милым, и вольно

приходило в голову, что этот молодой человек был бы гораздо приятнее, ежели бы он не говорил так отлично и вяло, всегда по-французски, не был бы так хорошо надушен и прилажен и не напускал бы на себя такого неприятного вида равнодушия и лени и женственности, за которые враги его прозывали его Шюшкю». Из всех людей, с которыми встречался князь Андрей, никогда, никто, даже жена, не вывели так молодого князя из его состояния «усталости и апатии, никто не мог вызывать на его лице той милой, доброй и обаятельной улыбки» как Пьер. Дружба князя Андрея с Пьером закрепилась с самых первых набросков.

Уже в первоначальных набросках сказано, что князь Андрей по душевности семейной жизнью. Без труда был найден образ жены Болконского, «первой по красоте и богатству невесты Петербурга». Она была хорошенькая брюнетка, «оживленная и веселенькая», «одна из тех всегда улыбающихся снежных брюнеток, у которых блеск зубов и глаз затмевает все остальные подробности лица и производит одно общее впечатление веселья и привлекательности». Все черты и поминуют «маленькую княгиню» окончательного текста. Сохранился и характер отношений мужа и жены: в них «заметна была не только холодность, но и недоброжелательность, которая только при посторонних отвлекалась заботами хозяйина дома».

В анализируемые наброски включены начальные для характера князя Андрея штрихи — интерес его к «любимому» военному делу, которое он «ввал очень хорошо», и к Наполеону, которого он, «как-то странно соединяя эти два понятия, ненавидел, как врага законной монархии, и обождал, как величайшего полководца мира». В раннем варианте набросков войны при создавшейся политической обстановке князь Андрей высказывает мысль, что «кроме науки войны, которая учит нас тому, что победа остается за тем, у кого больше пехоты и кто их лучше расставит, есть еще «бог войны и есть гений, которым одарен этот необыкновенный человек». Подробно, «видимо, по основательному изучению», князь описал «все преимущества всего состава французской армии», говорил об «огромном полете», который составляет силу Наполеона. В заключительном разговоре князь высказал откровенные мысли о Наполеоне: «Нет и «свете человека, которого и так бы ненавидел, и которым бы так восхищался, как им». При этих словах, которые князь Андрей произнес по-французски «взгляд его затормозился таким ярким блеском, что видно было, что он говорил не только то, что думал, но что чувствовал всем существом».

В одном из исторических вступлений к роману Толстой пишет, что в начале первой войны России с Францией «великая революция, воплотившись в попытку диктатуры, перестала быть идеей, с которой можно

спорить, рассуждать, соглашаться или не соглашаться, а стала силой, с которой надо было не спорить, а бороться или подчиняться ей». Но было тогда «еще много людей, которые не могли понять, что червячок идеи революции давно уже превратился в бабочку военной силы и что поэтому прошло время рассуждать, а надо драться».

Мнения этих «многоих» людей выражают князь Андрей и Пьер. В их суждениях о Наполеоне в начале его деятельности звучит вера либерального дворянства в то, что Наполеон рожден революцией, и в их глазах его окружал ореол республиканизма.

Тексты первых набросков доказывают, что еще в ранней стадии работы Толстого определились основные черты характера и политические убеждения князя Андрея, те самые, которые отражены в начале романа.

Когда установилось, что действие романа начнется в придворном салоне, Толстой заново пишет портрет князя Андрея, используя определенные в ранних набросках черты внешности и характера. Первое, что сообщил автор, вводя его в гостиную: «новое лицо» отличается от остальных гостей. Князь Андрей пошел «с приемами человека, которому, несмотря на его молодость и неважный чин (он был в мундире гвардейского капитанта), скорее будет скучно, чем весело, и который не желает встретиться в этом обществе скорее низших, чем высших». Он порывался «свернуть и выйдти, изнеся свою и неприступно геронд осанкою», видно было, что «ничто в мире не могло этого невысокого, с маленькими руками и ногами человека заставить смутиться, затормозиться или иначе «забыть» голову, плечи, как сверху, смотреть на всех в мире». По описанию черты и манеры князя Андрея обнаруживал эристократизм всей его фигуры. Он шел, поднося ко свету ногу паркету своим саблем, то есть, как вояка напоминает автор, «этот «вышеженный человек, как вояка, не мог и подняться», он шел, «оползавшая маленькими серебряными пирамидами на маленьких женских ножках».

В следующем рукописи воспроизводится тот же портрет, noticeably подчеркнуто отличие героя от других гостей салона. Они «надеялись, что он выйдет, что он не будет смотреть на них и слушать их. «потому что он вперед знал все, что будет». Он поцеловал руку Анны Павловны «с таким видом, как будто готов был бог знает что дать, чтобы избавиться от этой тяжелой обязанности». Он шуршал и морщился жены, казалось, больше «приветствовал» ее, чем ее. Лицо его хмуренькой жены, казалось, больше «приветствовал» ее, чем ее. Он отвернулся от нее «с кривой стабильной гримасой всех «приветствую»». Он отвернулся от нее «с кривой стабильной гримасой всех «приветствую»». Лицо его хмуренькой жены, казалось, больше «приветствовал» ее, чем ее. Он отвернулся от нее «с кривой стабильной гримасой всех «приветствую»». Лицо его хмуренькой жены, казалось, больше «приветствовал» ее, чем ее. Он отвернулся от нее «с кривой стабильной гримасой всех «приветствую»».

раз при встрече с Пьером лицо князя Андрея светлеет, выдавая его подлинный характер.

Толстой колебался, как изобразить князя Андрея в общей светской беседе. Первоначально был замысел показать, что герои только слушают «своим всегдашним видом превосходства. Как будто он знал вперед все, что они скажут, и знает, что во всем этом было мало интересного», и «не находил нужным высказывать свое мнение». Не дописав фразы, Толстой, напротив, заставил князя Андрея вступить в беседу о войне и заявить свое, противоположное общему, мнение о Наполеоне первых лет его деятельности. Он называет его «величайшим полководцем», тогда как общее мнение о нем было как об «изверге рода человеческого». Тут же Толстой вернувшись к первоначальному плану, и князь Андрей в гостинице не высказывает своих суждений; эта миссия перешла к Пьеру.

Князь Андрей, любясь своим другом во время его спора с гостями, «зажиг огонь» в своих глазах.

Таким и выведен князь Андрей в первой публикации первой части. Правя через три года журнальный текст, Толстой сохранил только общее определение, «восьмь красивых», отметил небольшой рост и определенные сухие черты. Штрихами, рассеянными по тексту, обрисована уточненно аристократическая внешность, а на реплик князя Андрея становится ясным, что убеждения его совершенно отличны от взглядов царящих в придворном салоне.

Болконский согласен только с одним Пьером и сочувствует его необычным для гостиницы речам, тревожившим Анну Павловну. Во время горячего спора между Пьером и виконтом о Наполеоне князь Андрей «с улыбкой поглядывал то на Пьера, то на виконта, то на хозяйку» и, «видимо, усталая этим неожиданным и непривычным разговором».

Таким последовательным поведением предстает читателю князь Андрей. Облик жены молодого князя, найденный в предыдущих набросках, был без авторских колебаний повторен в сцене у Анны Павловны Шерер. «Маленькая княгиня» вызвала у всех, кто ее видел, чувство «обаяния и нежности». На князя Андрея вид ее «приводил сдержанно против воли к мысли», что отражалось на его лице «чтобы его вдруг прижимали строгий склад, и брови чуть изменяли положение, и появлялась презрительная морщинка на чистом высоком лбе». Он чувствовал, что за внешним блеском и опьянением в нем что-то нечуждое не было. И в ярких глазах его при виде из-за плеча «как будто потухнул кем-то давно свет и нужно было много его, чтобы зажечь его».

Долго Толстому не удавалось показать взаимоотношения князя Андрея с женой. Писать диктовалась сложностью характера героя. Как впервые возникает в «Войне и мире» семейная тема.

Чтобы противопоставить нравственную чистоту Болконского порокам света, Толстой выводит представителя светских молодых людей, Ипполита Курagina, посвятив ему в черновых набросках даже специальную главу. «Князь Ипполит, как настоящий светский человек, очень эстетичный, не мог не знать, что человеку его сорта прилично иметь любовную связь в свете». Это ключ всей главы об Ипполите. Именно Ипполит ухаживает за маленькой княгиней. В отличие от законченного текста, где показано высокомерие и презрение Болконского к Ипполиту Курагину, в черновых вариантах намечалась «страшная сцена» гнева и возмущения Болконского, вызванных ухаживанием «этого идюта» за княгиней. Князь Андрей должен был вызвать Ипполита на дуэль. Однако графский семейный конфликт не вяжется с образом гордого князя Андрея. Толстой трижды перерабатывал эпизод и все же отбросил его. Взаимоотношения князя Андрея с женой будут развиваться в дальнейшем так, как в окончательном тексте.

Как в законченном произведении, так и в рукописях князь Андрей после светской гостиницы показан в тот же вечер у себя дома в откровенной беседе с Пьером. Тут раскрывается душевная красота и возвышенное мировоззрение главных действующих лиц. Толстой много думал над этой беседой. Темы ее в первом варианте: искусство (это не дошло до печати), семья, военное дело. Вспомогательные на искусство оказались различными. Князь Андрей признает поэзию Русселя, любит Вольтера, любит Руссо, но только не «Новую Элоизу» а «Общественный договор». Их он считает великими. «Эту поэзию я понимаю», — заявляет князь Андрей. «Я понимаю и твоё одушевление к революции, — говорит он Пьеру. — Я аристократ, да, но я люблю великое во всем. Я не разделяю этих мыслей, но тут есть поэзия, я понимаю. Я понимаю, как можно обожать такого человека, как *le petit caporal* *, хотя и не обожаю его, и с удовольствием хочу драться против него. Эту поэзию я очень понимаю. А баллады Гете Болконскому скучны, «все это неправдиво, утрировано»; «Илиады и Шекспира» — «для дамских альбомов», все это «неясно», а «признак величия — ясность».

Пьер «с ужасом слушал святотатственные для него речи своего приятеля», жалея, что друг его «лишен большого счастья». Он возражал: «Я понимаю и Гете и Вольтера, и «*Nouvelle Héloïse*» ** и «*Contrat Social*» ***. Отчего же ты только одно?» Спокойной улыбкой князь Андрей давал чувствовать собеседнику, что он угадывал и ждал этого возражения, он понимал, что Пьер при таком отношении к жизни

* мате́рский капитал.

** «Новая Элоиза» [Руссо].

*** «Общественный договор» [Руссо].

Самый момент, когда Болконского ранят, дан с первого варианта почти теми же короткими фразами, благодаря чему создается впечатление стремительности: «Вдруг, как бы со всего размаха крепкою ногою кто-то на бегущих солдат ударил его в левый бок» — и все. Нет ни слова о физических ощущениях, сказано только, что «немного» и «больно было», а главное, неприятно, потому что боль эта растекалась по всем столь интересным в это время наблюдениям. Но вот странное дело: и эта его «падающая каблуком» лиму, подкалываются, и он падает. Подружатся нет, кроме страшечного клочка ливня с землей соломой, и того дыма и ту, ничего нет, кроме тишины, молчания и успокоения».

На том же месте, где он упал, князь Андрей показан еще раз в конце боя, когда Наполеон, проезжая по полю битвы и «с безучастным выражением» разглядывая «неподвижные и движущиеся тела», наехал на «свалившегося с оброненным подло него древком знаменем» князя Андрея. «Во, молодой человек, который хорошо умр», — сказал Наполеон. И далее рассказ идет о князе Андрее: «Болконский не был убит, он даже слышал все, что говорил Наполеон, стоя над ним. Он слышал похвалу, отданную ему Наполеоном, но он был так же мало возмущен, как если бы ему, предвзятому гадливому, кто-то ударил по груди, и он чувствовал, что он исходит кровью».

Здесь впервые упомянуто о физических страданиях князя Андрея, но не о них смысл повествования сцены. Теперь, когда князь Андрей «самой горькой и двусмысленной, и самой чувствительной, слыша и думать», он думает и эту минуту «с такою ясностью и прилежанием вспоминал свою жизнь, которую он не думал со времени своей женитьбы». Тогда же глубоко изменилось его восприятие жизни и вместе с тем — отношение к его герою, к Наполеону. Контраст был поразителен.

Вместе с автором показаны перемены в восприятии Наполеона — не выраженные в первом варианте этой сцены. В конце того же боя, когда князя Андрея среди других раненых переносили в госпиталь, он услышал разговор князя Репнина и поручика Сухтелена с Наполеоном и вторично увидел Наполеона. На вопрос Наполеона: «Как вы себя чувствуете, мой brave?» — князь Андрей, «прямо устремив свои глаза на Наполеона, молчал, с легка презрительно улыбаясь. Ему так ничтожно казалось все в эту минуту, так глухи казались все эти напыщенные искусственные разговоры Репнина и Сухтелена, так мелок и ничтожен казался ему сам герой его, теперь издали видный и потерявший всю ореолу таинственности и неизвестности, так ничтожен казался он ему с этим мелким тщеславием». Князь Андрей «все казался так — так же ясно и ничтожно в сравнении с тем строгим и величественным строем мысли, который вызвали в нем ослабление сил от истекшей крови, страдание и близкое ожидание смерти... Глядя в глаза Наполеону,

князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих».

Если в начале заключительной сцены в Аустерлице некоторые подробности отличали черновой текст от законченного романа, то последние из приведенных размышлений князя Андрея почти полностью совпадают в черновой и окончательной редакциях.

Так завершена судьба князя Андрея в войне 1805 года: под влиянием пережитого произошёл перелом в его мировоззрении, изменился его душевный строй.

* * *

Князь Болконский решил начинать военную тему романа не с генерального Аустерлицкого сражения, а с первых дней войны 1805 года, создавая своего рода предисторию Аустерлицкого сражения. По новому композиционному замыслу и идее автора относительно князя Андрея. Прежде стремительный переход из атмосферы светских гостиных на Аустерлицкое поле боя — герой теперь показан в армии в начальный период войны почти два месяца перед Аустерлицем — наблюдает войну уже лишь с первых дней.

Первый набросок новой части: князь Андрей в штабе Кутузова в Браунау перед началом военных действий. Болконскому «страшно было видеть в этом маленьком городке установившуюся светскую, праздничную и роскошную жизнь с дамами, экипажами, музыкой и праздниками, как будто война уже кончилась или никогда не должна была начаться». Не только в городе шла светская жизнь, но и «в главной квартире» князь Андрей чувствовал себя все в том же, столь знакомом ему петербургском мире интриг, лежаний, фразеологических фраз и пустых Штабные генералы «спихивали в нем чувство не только презрения, но омерзения и даже отвращения перед грубостью, грязью и пошлостью занимавших их интересов». Наоборот, в кавалерийских или с Кутузовым «интересов». Наоборот, в кавалерийских или с Кутузовым «интересов». Наоборот, в кавалерийских или с Кутузовым «интересов».

Ясно выраженные новые впечатления князя Андрея, хотя и являлись еще не полностью на чувство «гадливости» к штабным, ни одушевление при виде массы воиска. Этот просчет автор вносит в Браунау наброске, когда начинается действие подготовка приказа главнокомандующему полка к атаке. Князь Андрей призывает приказ главнокомандующему, чтобы полк был на смотре в том виде, в каком он «еще находится». Таким образом, Болконский впервые показан на войне не в штабе, как в предыдущем наброске, а среди войска.

Внешне князь Андрей здесь такой же, каким казался в гостинице. Он старается не допустить «попытки фамильярности полкового командира», «тенило» слезает с лошади, «сердитым тонким голосом» приказывает казаку взять лошадь (первоначально было «своим резким и звучным голосом»), на батальонных командирах поляка «таким взглядом, каким он смотрел на засохшую траву под вогами».

Случайная встреча с давним знакомым, майором Ахросимовым, позволила автору показать героя не только внешне, но и в откровенном разговоре. Хотя Болконский считал этого майора «не больше как безобидным *clair a sapeur*»*, он был рад случаю о многом расспросить майора. Они говорят о трудном положении русского войска, о том, что Кутузов недоволен политикой австрийского командования, оба, и Ахросимов и князь Андрей, на стороне Кутузова.

Князь Андрей расспрашивает о состоянии полка, Ахросимов «с вежливостью» и «одушевлением» говорит о своих солдатах. «Не знаю, как и других полках, а наши мушкетеры, это такие молодцы-солдатики, это братья, а не солдаты. Все ниномчем». Рассказы Ахросимова князь Андрей слушал «внимательно, не спуская глаз», и «с тем видом, с которым слушают не человека, с которым разговаривают, а человека, который читает стихи или поет».

Исправляя набросок, Толстой вводит чрезвычайно важный штрих: князь Андрей говорит Ахросимову, что хотел бы «вернуться в простой пехотный полк. Взять батальон и служить просто». Его интересует, какие люди в полку, какие отношения с командиром и можно ли «служить порядочному человеку, чтоб не загрязниться?» Он говорит Ахросимову: «только покажите мне полк, где бы я нашел порядочных людей и я завтра батальонный командир, как и вы».

Автор будет постепенно по ходу действия показывать князя Андрея с «разными военными крупами», «отдельными талантами», и каждая из них будет отталкивать князя Андрея от «блестящих сфер армии», приближать к солдатам.

Своеобразие характера князя Болконского проявляется во всем и везде. Где бы он ни появился, личные качества всегда возвышают его над окружающими. В штабе Кутузова князь Андрей «своей особенной генидой и утиной манерой» умел себя так поставить перед «богатыми и влиятельными гвардейцами», что на него смотрели как на «человека особенного, только временно занимающего должность адъютанта и неприятного товарища», но, несмотря на то, что «многие с ним были на ты, его все-таки уважали».

* — пушечное мясо

В походных условиях князь Андрей был «так же как и в России, неистовым, точно женщина, занят собой и аккуратен». Уехав из Петербурга, он «вступил в новую эпоху деятельности и как будто вновь переживал молодость. Он много читал и учился, книги, приобретенные за границей, раскрывали для него новые интересы». На первом месте было искусство, «она, «кроме своего внутреннего интереса была для него одним из тех недостатков гордости, на которые он так был склонен падать перед другими людьми». Это был «такой поездка, с которого он мог чувствовать себя выше и таких людей, как сам Кутузов, а чувствовал он это настолько необходимо для душевного спокойствия князя Андрея».

Резко выделяет князь Болконский из среды штабных офицеров в ссоре, но позиция я разбитый австрийский генерал Мак. Много раз переребавлялась эта сцена, пока Толстой нашел правильный фокус, чтобы показать борьбу в душе князя Андрея между его преклонением перед Наполеоном с одной стороны и его глубоким патристизмом с другой. Первоначально, узнав о том, что под Ульмом разбитая австрийская армия, он «в досаде и против самого себя чувствовал радость за торжество своего египетского героя».

Исправляя, Толстой ослабил впечатление князя Андрея перед генералом Наполеоном, разъяренным, что это была «радость за посрамление самого действия австрийцев, которое он предсказывал, и, главное, он чувствовал радость от того, что теперь скоро придется и русским войскам вступить в дело с столь страшными для всех французами». Исправивши текст, зачеркнул, и ощущения князя Андрея выражены по-иному — теперь их не столько яростное отношение к тому, что «попущены старым фанатиком Маком бороться с величайшим гением после Кесаря», хотя мысль эта оставалась, сколько «восторженное радостное чувство при мысли о посрамлении самонадеявшихся австрийцев, о завоевании, надежда принять участие в столкновении русских с французами и способствовать на одну сторону высшей и своей доли любви к славе и равнодушия к жизни».

Размышляя о князе Андрее продолжает автор, рассказывая, что «вопреки всем воспоминаниям века Екатерины и сам участвовавший в битвах и сражениях русских в Гурции, князь Андрей никогда ни на мгновение не сомневался в том, что русские войска — лучшее войска в мире. И представлял себе — это была его любимая мечта — как он с значительной ролью ведет полк на обманным картечью мост или вал укрепленный. Он чувствовал, что этим поиском ничто препятствовало не может, что он был счастлив теперь надеждой на скорое осуществление своих мечтаний».

Осталась только одна мысль, смущавшая князя Андрея, — он боялся, что «генерал Бонапарта» окажется «сильнее всей храбрости русских

в армию кратко ответил по-французски: «Я простой офицер, исполняющий свой долг». В окончательном тексте князь Андрей ничего не ответил, а подумал: «Еду для того, чтобы спасти армию».

Князь Андрей возвращался из Брюнна «в твердом решении просить Кутузова дать ему батальон и с батальоном стоять против французов до последней возможности и, вероятно, умереть». А объезжая перед Шенграбенским сражением позиции передовой цепи, князь Андрей под впечатлением «бодрого оживленного лагеря» вспомнил иронические презрительные слова Билибина о русском войске и сам себе сказал: «Le православное воинство n'est pas déjà tellement mauvais. Il n'a pas trop mauvais mine. Mais du tout, du tout» *.

Итак роль Брюнна для развития образа князя Андрея падена. Блестящая атмосфера двора не увлекла его, не послужила благоприятной средой для усиления его честолюбия, а вызвала внутренний протест и закрепила его план, взяв батальон, сражаться в рядах войск.

Встреча накануне Шенграбена с армянским капитаном Тушиным окончательно закрепила изменившиеся взгляды князя Андрея. Так определилось с первоначальных набросков центрального эпизода. Однако главы, посвященные Болконскому и Тушину, стоили Толстому большого труда. В черновых вариантах подробно прослеживается, как князь Андрей во время беседы с Тушиным накануне Шенграбена начинает чувствовать, что «офицер этот, несмотря на свою смешную фигуру, говорит необыкновенно просто, умно, дельно». Особенно поразили князя Андрея его мысли о войне, которая, по мнению Тушина, «есть крайняя степень неразумности человеческого, есть проявление самой бессмысленной стороны человеческой природы, и ни на что никак не причины, убивают друг друга». Записав это, князь Андрей мысленно Тушина о диспозиции. При слове «диспозиция» Тушин улыбнулся, сказав, что еще двадцать раз переменял и толковал орудия и что все может случиться, только не то, что пишут в диспозиции. Тушин говорил о том, что «высшие начальники» никогда не видят, «как дело делается на месте, а потом по слухам опять подведут все под диспозицию». На вопрос князя Андрея, отрицавшего такую предусмотрительность, предвидение в войне, Тушин ответил: «Так как же может быть, расчет, предвидение, действительно, война, которая сама по себе бессмысленна».

Те именно вопросы, которые тревожили самого Толстого, затронуты в беседе Болконского с Тушиным. Мотивы скромности и сомнения в авторском решении их. К сожалению, в окончательном варианте

ведет автор своего героя Болконского. Пока же Болконский «все более и более с удивлением и интересом» слушая разговор Тушина, «признавал в нем неожиданные им ум, образование и своеобразность» и подумал о том, как было бы хорошо, если бы многие из его товарищей так же думали и так же излагали свои мысли, как этот человек.

По воле автора, князь Андрей стремится обнять разумом философию Тушина. Она ему многое уясняет, заставляет чувствовать, что «мыслящий тонкий человек» Тушин прав.

Когда Толстой подошел к Шенграбену, у него возникла идея связать с «философией» Тушина неотвязно тревожившую князя Андрея мысль о смерти. Тушина (в ранней рукописи он назван Апаньевым) накануне боя волновала мысль «о смерти, о страхе смерти, о вечности будущего». Все время эта мысль, как свернувшийся винт, мучительно возвращалась назад, к вопросу о том, что такое смерть и что может быть после нее».

О смерти князь Андрей не говорил с Тушиным. Ради того, чтобы князь Андрей узнал об этой области «философии» Тушина, создается следующий эпизод: у офицеров оказался том «Вестника Европы» за 1804 год, в котором напечатана статья Гёте «Человек сотворен для ожидания бессмертия»¹². Один из офицеров не дочел статьи; Тушин, много думавший о смерти, стал разъяснять офицеру смысл статьи и читать отрывки из нее «и чем дальше читал, тем более дрожал его голос». Хотя и «не смысл слов, но волнение» Тушина сообщилось офицеру. Князь Андрей, случайно находясь в палате офицеров (так было в одном из вариантов), слушал их разговор о смерти и почувствовал, что они «слили и дороги ему». Чем ближе узнавал князь Андрей этих простых людей, которых раньше не замечал, тем сильнее проникался уважением к ним. «В его душе вдруг распустился цветок любви и сострадания к этим людям, открылось новое чувство участия к людям братьям».

В окончательном тексте нет этого эпизода. Сохранилось только краткое упоминание разговора Тушина с офицером о бессмертии. Был ли Андрей, находившийся на батарее у орудия, слышал их беседу? В окончательном тексте впечатления князя Андрея не раскрыты так, как в черновом варианте, только, что его поразила «здушевиный тон», он почувствовал, что «удовольствием признавая приятным философствовавший голос» капитана Тушина.

Когда князь Андрей и капитан Тушин под страшным огнем вместе занялись уборкой орудия, создан был вариант, в котором Тушин выразительно, что не понадобились переделки по существу, точно так же и сцена их прощания вошла в роман почти в том виде, в каком она появилась в первой редакции.

* «Простая правда: воинство вовсе не так плохо. Оно выглядит совсем совсем».

После Шенграбского сражения князь Андрей почувствовал, что он может «найти смысл в этих толпах и мыслях».

Первый месяц на войне, встречи с высшим кругом армии и приближение к рядовому войску были важным этапом в жизни князя Андрея. Подвиг Болконского на Аустерлицком поле стал теперь логическим завершением предпринимавших ему впечатлений и раздумий. За этот период переместились многие взгляды его на военное дело и, главное, на роль народа в войне.

Исправляя теперь ранее созданную часть об Аустерлице, Толстой много занимался Болконским, особенно в последнем эпизоде: раненый князь Андрей на Аустерлицком поле. Появились конспективные заметки, как всегда многое объясняющие: «Князь Андрей слышит, сражение проиграно вечно. Он думает: я все сделал, что от меня зависело, и все-таки ничего». Другая: «Князь Андрей лежит на Аустерлицком поле, страдает, видит страдания других и тут вдруг видит спокойное торжествующее лицо Наполеона, удерживает боль, чтоб презирать». В следующих показано новое отношение Болконского к Наполеону: «Бонапарт герой, но он ненавидит его». Князь Андрей увидел, что «Бонапарт с своим подбородком не человек, что в нем «нет жизни», а он «машинка». И наконец, главная мысль, пронизавшая последнюю сцену: «Он видел высокое безучастное небо, и строил мысли был сообразен небу. Наполеон казался маленьким».

Запечатленные в конспекте мысли развиты в последней главе, посвященной князю Андрею на войне 1805 года. По первому варианту сцены на Аустерлицком поле, единственное, что запечатлелось в сознании князя Андрея, когда он, раненый, упал, — это «ограниченный клочок жизни с пиятой соломой». Такой образ, создающий впечатление безнадзорности и ограничивающий события титон физической смерти, Толстой заменил небом. В исправленном тексте читаем: «И вдруг ничего нет, кроме неба — высокого неба с ползущими по нем сгустками облаками — ничего, кроме высокого неба».

Впечатление неба построено на возвышении над мысли князя Андрея. «Как же я не видал прежде этого высокого неба?» — подумал князь Андрей. — Я бы иначе думал тогда. Ничего нет, кроме высокого неба, но и того даже нету, ничего нет, кроме тишины, молчания и успокоения».

Теперь, когда на Праценской горе раненый князь Болконский увидел возле себя «человека в треугольной шляпе и сером сюртуке с счастливым, но вместо тем безучастным лицом», он не только был так же мало возмущен, как «еще бы муха прожужжала нас мимо», но он еще «видел, над собой далекое высокое и вечное небо». Сохранившиеся из первого варианта мысли князя Андрея о всей его жизни теперь

возникают как бы под впечатлением неба. И Наполеон отныне не просто безразличен князю Андрею, он казался ему «столь маленьким в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким и бесконечным небом с бегущими по нем облаками».

В конце того же дня, когда Наполеон остановился перед ним, князь Андрей, глядя на него, молчал и «думал опять о том высоком небе», которое он видел, когда упал. И Наполеон представлялся ему теперь не просто ничтожным, как ранее, а ничтожным «в сравнении с тем высоким небом».

Высокое небо не только останется для князя Андрея незабываемым впечатлением, но станет символом перемены на его жизненном пути. В самые решающие минуты жизни взору князя Андрея будет всякий раз вдруг открываться вечное небо, впервые увиденное им под Аустерлицем.

* * *

В подробном конспекте, содержащем схему романа после войны 1805 года*, намечена основная линия жизни князя Андрея и период между 1805 и 1812 годами. После выздоровления князь Андрей поехал в деревню «с одной мыслью не слушать, жить с отцом, и сном и ребенком» и, «как всегда после ран», ждал новой жизни». Приезжает он в Лысые Горы в тот самый час, когда начались роды маленькой княгини и так было задумано с самого начала: «Она умерла», — отмечено далее. После ее смерти князь Андрей встречается с Пьером. В открытой беседе должна выясниться уместность и разочарованность князя Андрея. «Все пустяки, все вздор, кроме дружбы. Любви мне не дано бы. Я был горд», — так записано в конспекте. Возникает чувство князя Андрея к Наташе, он не мог видеть ее и слышать ее голос «бы, умиления и улыбки». «Князь Андрей обнял «Первую балу». «Князь Андрей краснеет при Наташе, и что решает ее судьбу, она не боится его и любит». Предопределена в конспекте болезнь маленького сына князя Андрея; когда кризис благополучно разрешился, «князь Андрей с Марьей унывают под крылатком», — так и пошло в законченный роман. Намечено, наконец, потрясение из-за имени Наташи: князь Андрей «убит» этим и «едет в Турцию».

По намеченной схеме создавался рассказ о князе Андрее после Аустерлица. Промелькнуло у автора желание хотя бы упомянуть о том, что князь Андрей не погиб под Аустерлицем. Старый князь Болконский размышляет сына, но безуспешно, потому что «князь Андрей не сказал своего имени и под фамилией Ивалова был оставлен

* См. выше, стр. 44.

на излечение в австрийской больнице». Объяснено было даже, почему князь Андрей скрыл имя. Он «после раны избегал всех, стыдясь поражения, и убран был семьей Герпугут, у которых он лечился».

Любое, даже самое белое упоминание подготовило бы читателя к возвращению князя Андрея и уменьшило бы напряженность действия. Голстои отказался от прежнего намерения. Болконский «в числе других безнадежных раненых был сдан на попечение жителей» — вот все, что стало известно о князе Андрее. Это не только не ослабляет, а, напротив, усиливает впечатление той минуты, когда князь Андрей, которого считали погибшим и которому отец заказал памятник, вдруг появляется в Лысых Горах в метель, во время родов маленькой княгини. Самый приезд князя Андрея, его душевные переживания, связанные с родами жены, ее смерть и, наконец, крестины Никулины Болконского легко удалось Толстому без существенных изменений эти сцены вошли в опубликованный текст.

О дальнейшей жизни князя Андрея до его встречи с Наташей в Отрадном первоначально рассказывалось совсем мало. «В 1807 году жизнь в Лысых Горах много изменилась. Молодой князь безвыездно жил при отце. На половине покойной княгини была детская, и маленький князек жил там». Так в ранней рукописи начался последующий рассказ о Болконских. Царившее в семье настроение определено в двух плахах. В теме личной оно сосредоточено вокруг могилы маленькой княгини, над которой поспылился памятник часовни с мраморной статуей плачущего ангела. Старый князь, зайдя в часовню, «сердито ласмортившись, вышел оттуда». Князь Андрей «тоже не любил смотреть на этот памятник, ему казалось, вероятно, так же, как и отцу, что лицо плачущего ангела было похоже на лицо княгини, и лицо это говорило тоже: «Ах! что вы со мной сделали! Я все отдала вам, что могла, а вы что же со мной сделали?» Княжна Марья, напротив, «охотно и часто» ходила в часовню, водила с собой маленького племянника и «пугала его своими слезами».

В плане общественном настроение Болконских пропущено атмосферой второй войны с Наполеоном. «Как им тяжело было князю Андрею слышать торжества Н-ской победы и о первых успехах русских войск, в которых он не участвовал, он оставался верен своему слову не служить более в русской армии. Но зато с жадностью они оба с отцом, как и различны и их споры были их взгляды, следствием «холода политических и военных событий». Рассказано затем о болен Никулины, у постели которого дежурили князь Андрей и княжна Марья «измученные бессонницей и тревожными».

В дни самой сильной тревоги за жизнь сына князь Андрей получает письмо отца, который в 1808 году был определен одним из восьми

главнокомандующих по ополчению, назначенных тогда по всей России. Старый князь сообщил сыну о том, что «Бенигсен под Пултуском над Буонапартом якобы полную викторию одержал». Кроме того, он писал и о практическом деле по своей округе: «Корчевский предводитель некий Ростов граф» до сих пор не доставил добавочных людей и провиант. Старик Болконский просил сына немедленно ехать к Ростову с приказанием, «чтоб через неделю все было». Толстой воспользовался письмом, чтобы упомянуть о переменах в сознании героя. Для князя Андрея сущность письма состояла в том, что «судьба продолжала подпучивать над ним, устроив так, что Наполеон побежден тогда, когда он сидит дома, напрасно стыдясь Аустерлицкого позора». В другое время это письмо было бы «из самых тяжелых ударов» для князя Андрея, а теперь он «оставался совершенно равнодушен» и к этому сообщению и к требованию немедленного отъезда в Корчеву «к какому-то Ростову».

Сцены у постели сына во время кризиса, минуты страшной тревоги и затем счастья, охватившего князя Андрея и княжну Марью, местами дословно повторены в окончательном тексте. Переход к дальнейшему намечен так: «На другой день мальчик был совершенно здоров, и князь Андрей поехал в Корчеву исполнять поручения своего отца».

Вот все, что было по раннему варианту известно о князе Андрее после его возвращения в Лысых Горы и до поездки в Отрадное. Незавестно, как и чем жил князь Андрей в этот период, нет полного представления об его душевном состоянии. Можно только понять, что он стремился отгородиться от политики, хотя это не всегда удавалось.

Судя по создавшимся конспектам, угнетенному после пережитых потрясений князю Андрею предстояло возродиться к жизни. Одним из первых импульсов должна быть встреча с Наташей. Чтобы показать, насколько разительна была в нем перемена, необходимо было глубоко выявить его настроение до этой встречи. Правя созданию рукописи Толстой сделал большую ставку: Пьер едет в свои орловские имения и на обратном пути навещает князя Андрея в Богучарове.

По лето 1805 года в канун войны друзья не виделись. За прошедшие два года жизнь каждого шла по-своему. Встреча князя Андрея с Пьером дала полную возможность показать перемены, происшедшие во взглядах столь же близких, сколь и далеких людей.

Пьер возбужден и радостен. Его окрыляет искренившая вера в масонство, которое, как он считал, его «переродило», и те добрые дела, которые он делал, как ему казалось, жизнь крестьян в его имениях. Князь Андрей разочарен, во всем разочарован.

Пьер надолго задержался на обстановке жизни Болконского, на описании его нового имения. «Усадьба, дом, сад, двор, надворные

разрушать. «Знание к чему? Труд им необходим, как нам праздность», — они лошади».

Слушая мрачные суждения своего друга, Пьер «чувствовал, как ослабились его крылья». Князь же Андрей «высказывал все свое горькое и злое с особенным увлечением, как человек, долго не говоривший. Но ему становилось легче, чем больше он говорил».

Толстой подводит героя к перелому. Князю Андрею при всем его крайне мрачном раздражении «часто хотелось», чтобы Пьер «дал ему аргумент неопровержимый». В нем пробудился интерес к вопросам, которые в последнее время для него не существовали. Когда он и Пьер «прекрасным весенним вечером» сели в коляску и отправились в Лысье Горы, Андрей сам стал расспрашивать Пьера о его судьбе и, главное, просил друга объяснить смысл слов о том, что «масонство переродило его». А после того, как Пьер на пароме, «удивляя перевозчика», стал палатать «с жаром» значение масонства, «с жаром» говорил о том, что «в своей душе» он чувствует себя частью целого, что он — ступень, князь Андрей, «облокотившись на коляску, смотрел вдоль разлива, и в глазах его светилась жизнь — Да, если бы это было так, — сказал он. Но видно было, что он знает, что это было так».

Такая беседа друзей в первом варианте. Однако все еще мало отражены взгляды обоих «на жизнь и назначение человека». В той же рукописи первоначальный набросок заменен развернутой беседой, совсем близкой к законченному тексту. Ведущая роль отведена Пьеру. В начале князь Андрей, слушая Пьера, «молча глядел на него «своими потухшими глазами» и «кротко насмешливо улыбался». К вечеру, когда они поехали в Лысье Горы, князь Андрей «казался более оживленным»: изредка он прерывал молчание речами, «доказывавшими, что он находился в очень хорошем расположении духа». Сходя с парома, князь Андрей «взглянул на высокое чистое небо и в первый раз после Аустерлицкого поля, исходя кровью и умирая. Увидав это небо, он вспомнил и весь тогдашний склад мысли и удивился, как мог он потом, войдя в старую колею мелких забот жизни, забыть все это».

Для князя Андрея встреча с Пьером имела по существу такое же значение, как разговор с Тушиним накануне Шенграбенского сражения.

В ранней редакции Толстой не ограничился тем, что показал начавшийся в душе князя Андрея перелом. Он завершил встречу своих героев авторским выводом о том, что этот перелом произвели не «разумные доводы» Пьера (напротив, они поражали князя Андрея своей холодностью), а «любовное оживление» Пьера, «державшегося за свои убеждения, как за спасительную доску, его видимое желание передать свое испытываемое им счастье от этих убеждений своему

другу и более всего эта застенчивость Риег'а, в первый раз принявшего твою поучения с человеком, с которым он прежде всегда и во всем соглашался, — все это в соединении с чудным апрельским вечером и тишиной воды сделали то, что князь Андрей почувствовал опять высокое вечное небо и себя размятченным и с теми силами молодой жизни, бывшими в нем, которые он считал уже прожитыми».

По ранней редакции, силы жизни полностью пробуждаются в князе Андрее после встречи с другом. Это показалось автору преждевременным. Нужны условия более романтические — встреча с прекрасной чистой девушкой. Беседе с Пьером надлежало быть хотя и сильным, но лишь первым толчком. Автор исправил это в окончательном тексте. После беседы князь Андрей увидел «высокое вечное небо», которое только пробудило в нем «что-то давно заснувшее, что то лучшее, что было в нем».

Это чувство «исчезло, как скоро князь Андрей вступил опять в привычные условия жизни», но он знал, что оно «жило в нем». Свидание с Пьером «было для князя Андрея эпохой, с которой началась хотя по внешности и та же самая, но во внутреннем мире его новая жизнь».

Другое следствие встречи с Пьером — возродился интерес князя Андрея к общественной жизни. В одной из последних рукописей конспективно намечено признание князя Андрея в том, что ему «только гражданское интересно» и что он бы поехал в Петербург.

Дальше работа над образом шла в двух взаимосвязанных планах: личная тема (Андрей — Наташа) и общественная деятельность. Отношения князя Андрея с Наташей были predetermined автором на самом раннем этапе работы, но не сразу удалось найти завязку. До того, как была решена встреча князя Андрея с Пьером в Богучарове и их беседа на пароме, первым «толчком», поколебавшим состояние безнадёжности, оставалась почти мимолетная встреча с девочкой Наташей в Отридном, куда князь Андрей приехал вместе с графом Ростовым из Корчеви.

Граф Ростов «так был непохож на всех тех гордых, беспокойных и честолюбивых людей», к которым принадлежал, как пишет Толстой, сам князь Андрей и которых «он так не любил», что «старик ему особенно понравился». Понравилась и вся семья Ростовых. «Князь Андрей нашел в семени Ростова то самое, что он и ожидал найти... Ничего не было ни оскандаченного, ни почему все это, со всею своею ничтожностью и пошлостью до глубины души трогало князя Андрея? Было ли причиной тому его настроение, окрашивающее в эту минуту все поэтическим и нежным светом, или все, что окружало его, произвело в нем это настроение — он не знал, но все его трогало и все, что он видел, слышал, ярко отпечатывалось в его памяти, как бывает в торжественные и важные минуты в жизни».

Горжественность и важность минуты усилена особым приемом — самые серьезные моменты в жизни князя Андрея сопровождается упоминание о небе. В Отрадном князь Андрей взглянул на небо, которое он «в первый раз после Аустерлицкого сражения опять увидал». На этот раз над ним было «высокое, высокое, бесконечное небо, и оно было не с ползущими по нем облаками, а голубое, ясное и уходящее». Как на Аустерлицком поле вид неба связан с новым строем мыслей князя Андрея, так и в Отрадном он увидел небо тогда, когда «новое место, новые лица, тихая летнего вечера, спокойное воспоминание и какое-то новое, благодушное познание на мир, отразившееся с старого графа на него во время поездки, давали ему сознание возможности новой, счастливой жизни».

Князь Андрей одновременно увидал высокое бесконечное небо, услышал «отчаянный и веселый голос» и заметил «прелестного мальчика». Это была пятнадцатилетняя Наташа «в мужском костюме своей пьесы», которую дети готовили ко дню имени графа Ростова. С этой минуты все, что слышал князь Андрей, был «только аккомпанемент звука голоса мальчика-девочки, которая говорила, что ей стыдно».

Вечером князь Андрей, услышав от старого графа, что Наташа — «певица», обратился к ней со словами: «А вы поете?», сказав эти «простые слова, прямо глядя в прекрасные глаза этой пятнадцатилетней девочки. Она тоже смотрела на него, и вдруг без всякой причины князь Андрей, не веря сам себе, почувствовал, что кровь приливает к его лицу, что его губам и глазам неловко, что он просто покраснел и сконфузился, как мальчик. Ему показалось, что Наташа заметила это состояние, и другие также». На следующий день князь Андрей уезжает, обещая бывать у Ростовых.

Этой встрече с Наташей предстояло всколыхнуть изжитые силы Богучаринского. замысел не осуществился. Автор не мог не почувствовать, что минутное впечатление от девочки вряд ли могло глубоко расстроить князя Андрея. Пока сохранился лишь намек на то, что Наташа сделала чувство князя Андрея так, что теперь «звонче всех звуков» ему слышался голос этой девочки.

Позднее Толстой вернулся к этой рукописи и несколько больше рассказал о душевном состоянии князя Андрея после мимолетной встречи с совсем юной Наташей. Промелькнувшая перед ним девочка связалась в сознании князя Андрея с образом его покойной жены. «Он видел, как живое, перед собой ее лицо. — Что вы со мной сделали все? — говорило это лицо, и ему тяжело и грустно было на душе».

Воспоминание о покойной жене (при возвращении из Отрадного) вызвало у князя Андрея безнадежные мысли о том, что «есть надобность и молодость», но он сам «отжил», «кончил», он «старик». Во время

таких раздумий князь Андрей увидел, въехав в лесогорскую березовую рощу, дуб. Автор говорит, что еще по дороге в Корчеву князь Андрей заметил в уже распутившейся роще голый дуб и тогда задумался над ним. Так рисует Толстой первую картину с дубом: «Была клейкой, сочной и пушистой зеленью, в лесу пахло теплой свежестью. Около самой дороги, вытянув одну корявую нескладную руку над дорогой, стоял старый двойчатка дуб с обломленной корою на одной стороне двойчатки. Весь старый дуб с своими нескладными голыми руками и пальцами, с своей стоголегой корою, обросшей мохом, с своими болячками и голо торчащими ветвями, казалось, говорил про старость и смерть. «И опять мы те же глупости, — казалось, говорил он соловьям и березам, — опять вы притворяетесь в какой-то радости весны, лепечете свои старые, прискучившие, все одни и те же басни про весну, про надежды, про любовь. Все вздор, все глупости. Вот смотрите на меня: я угловатый и корявый, таким меня сделали, таким я и стою, по я силен, я не притворяюсь, но пускаю из себя сока и молодые листья (они спадут), не играю с ветерками, а стою и буду стоять таким голым и корявым, покуда стоитесь».

Теперь, возвращаясь, князь Андрей вспомнил о дубе, который думал то же, что и он о самом себе, и взглянул вперед по дороге, «отыскивая старика с его голом, набитой рукой, укоризненно протянутой над смеющимся и влюбленной весной. Старика уже не было: пригрело тепло, пригрело весеннее солнце, размячилась земля и не выдержал старик, забыл свои укоризны, свою гордость, все прежде голые, страшные руки уж были одеты молодой сочной листвою, трепавшей на теплом ветре, из ствола, из бугров жесткой коры вылезли молодые листки, и упорный старик полнее и величественнее и размягченнее всех праздновал и весну, и любовь, и надежды. — Молодец, — подумал князь Андрей».

Образ символического дуба найден. Но внутренней связи его с душевным состоянием князя Андрея еще не было. Слово «молодец» звучит пока только глухим намеком. Нет в этом наброске главного, нет вывода, который сделал для себя князь Андрей, неизвестно, совпадают ли теперь мысли князя Андрея о самом себе с распутившимся дубом.

Постепенно, как была видена встреча князя Андрея с Пьером в Богучарине — первый толчок к новой жизни, — потребовалось перестроить дальнейшее. Толстому надо показать, как под впечатлением открытого беседы с лучшим другом постепенно возрождается интерес князя Андрея к общественной деятельности.

В новой рукописи рассказано о жизни князя Андрея, который, «за неимением» короткой поездки в Петербург, где он был прият

в масонство, два года после Тильзита безвыездно прожил в деревне. У Толстого было намерение связать в эти годы князя Андрея с Ростовыми, у которых он, после первого приезда в Отрадное, бывал «в торжественные именины дни», изредка ночевал, но держал себя гостем, а не «домашним человеком», так что даже «самые проникательные барыни не могли вывести никакого заключения из его частых посещений».

Так не могло остаться в романе. Ставшие обычными визиты к Ростовым лишили бы предположимую встречу Болконского с Наташей в Петербурге той силы, которая была бы способна произвести переворот в душе князя Андрея. Попытка ввести Ростовых в последовательный рассказ о жизни Болконского немедленно отпала. Поездка князя Андрея в Отрадное пока оставалась в «е» первом варианте. Толстой обратился теперь к жизни князя Андрея в Богучарове после его свидания с Пьером. Это годы 1807—1809. Князь Андрей за это время «без заметного труда» осуществлял те «предприятия», которые в свое время Пьер «считал было у себя и бросил». Одно имение князя Андрея «в 1000 душ крестьян было отпущено на волю, в других барщина заменена оброком. В Богучарове была основана школа и ученая акушерка. Это было главное для князя Андрея». В те же годы князь Андрей «много читал, много учился, много переписывался с братьями [масонами], сидел за преобразованиями Сперанского, хотя и не приписывал им никакой важности, и начинал все более и более тяготиться своей тяжелой, ровной и плодотворной деятельностью, которая казалась ему бездельем в сравнении с борьбой и ломкой всего старого, которая, по его понятиям, должна была происходить теперь в Петербурге, центре правительственной власти».

Композиционно необходимо было наряду с возрождавшимся интересом к общественной деятельности показать начинавшееся пока еще неясное брожение в душе героя. Толстой вернулся к «дубу». Но по новому варианту, не по дороге в Корчеву князь обратил внимание на дуб, а живя в Богучарове, «два года каждую весну он наблюдал корявый дуб в березовой роще, всякую весну распускавшийся и подавлявший своей красотой и счастьем березовые деревья, над весенним счастьем которых он прежде так мрачно смеялся. Мысли неясные, неопределенные, невыразимые словами даже для самого себя и тайные, как проступления тайные (князь Андрей один на один краснел как дитя, когда он только думал о том, что кто-нибудь может узнать эти мысли), эти неясные мысли о дубе составляли сущность вопроса, вырабатывавшегося в душе князя Андрея, и весь интерес его жизни. Все его практические и умственные работы были только наполнение пустого от жизни времени, а вопрос о дубе и связанных с ним мыслях была — жизнь».

— улыбаясь, думал князь Андрей про дуб, — долго крепился, не выдерживал, как пригрело, — пригрело тепло любви, не выдерживал, размяк и послужил, чему смеется, и сам дрожит и млеет в темной, сочной зелени. Да, да, говорил он, улыбаясь и ступая, как бы он тут пел, грудной шаловливый и страстный голос Наташи, и видя ее свет перед красивое сухое и задумчиво умное лицо. Потом он отворачивался и смотрел на портрет покойницы Лизы, которая с à la Grecque взбитыми буклями нежно и весело смотрела на него из золотой рамки. Она смотрела нежно, а все-таки она говорила: «Что я вам сделала? Я всех так любила». И князь Андрей, заложив назад руки, долго ходил по комнате... передумывая мысли о дубе в связи с Сперанским, с слабой, с масонством, с будущим жизнью».

Весною 1809 года князь Андрей стал кашлять, и врач посоветовал «быть осторожнее и не запускать болезни». Убежденный, что ему остается недолго жить, князь Андрей поехал к отцу и, проезжая мимо распустившегося дуба, окончательно и несомненно решил тот тайный вопрос, который давно занимал его. «Да, он не был прав. И счастье, и любовь, и надежда — все это есть, все это должно быть, и мне надо употребить на это остаток моей жизни».

Толстой развив мысли князя Андрея. «Как это часто бывает с людьми около 30 лет, князь Андрей чувствовал, что кончается его юность, подумал, что кончается его жизнь, и твердо верил в близость смерти. Само собой разумеется, князь Андрей никому не сказал о своем предчувствии смерти, служившем продолжением его тайных мыслей, но он стал еще озабоченнее, деятельнее, добрее, нежнее со всеми и вскоре уехал в Петербург».

Жизнь в Богучарове, первая встреча в Отрадном с Наташей, дуб и поездка в Петербург, в центр общественной деятельности, были связаны между собой. В предшествовавших вариантах не чувствовалось такой крепкой связи этих тем. Не удавалось Толстому органически слить два сильных решающих впечатления: встреча с Наташей и дуб. А поездка князя Андрея в Петербург еще не была естественным следствием внутренней потребности князя Андрея изменить свою жизнь. Теперь Толстой преодолевает этот разрыв.

В следующих рукописях значительно пространнее, чем в предыдущих, рассказано о деятельности князя Андрея в деревне. Добавлено, что он перечислил 300 душ крестьян в вольные хлебопашцы — это «был и реальный пример в России». Добавлено и то, что князь Андрей пригласил священника, который «за жалованье обучал детей крестьян и делал их грамоте». Расширены темы теоретических работ Болконского. Хотя он и говорил Пьеру о своем равнодушии «к внешним событи-

ям мира», он усердно следил за ними. Несмотря на кажущееся безразличие к военным делам, он, «соображая условия происшедших кампаний», довольно был вовлечен в составление записки, «припавшей под копец размер трактата и проекта о недостатках наших военных уставов и постановлений».

Если в предыдущих вариантах не было серьезных внутренних побуждений для поездки князя Андрея в Петербург, то теперь естественно такое решение, тем более, что, как говорит автор, князь Андрей «знал все», что делалось там в это время. Толстой вновь раскрывает душевные глубины героя. «Князь Андрей сказал отцу, что он решил ехать в Петербург потому, что тяготится своим бездействием, и потому, что он хочет и надеется быть полезным. Он и сам так думал. Но это было не совсем справедливо. Не вследствие таких разумных и логических причин было принято им это решение, а вследствие других, более неясных, сложных и совершенно неразумных». Раскрытию «неясных, сложных и совершенно неразумных» причин послужил теперь дуб.

В третий раз Толстой пишет две картины: дуб, «старый сердитый и презрительный урод», каким его увидел князь Андрей по пути в рязанские имения, и тот же дуб, «сквозь жесткую, стелегнюю кору» которого «пробились без сучков сочные молодые листья», поразивший князя Андрея при его возвращении. Создана сильная впечатляющая картина поздней весны в лесу и изображение «презрительного сурового дуба», который был весь покрыт теперь «сочной темной зеленью» и «млеет, чуть колыхаясь, в лучах вечернего солнца» и «слышнее и светлее всех говорил о любви, о надежде и счастье». Возрожденный дуб «вдруг» воскрес в душе князя Андрея «целым роем мечтаний и надежд, давно забытых».

Наконец-то достигнуто внутреннее единство между ликованием жизни в старом дубе и неисчерпаемыми силами жизни и кипит Андрей. «Нет, жизнь не кончена в 31 год», — подумал князь Андрей. И «неясные мысли, связанные с дубом и Ригт'ом, составили сущность всей его жизни».

Мысль о Наташе пока лишь промелькнула в переживаниях князя Андрея, ему слышался «грудный шаловливый и страстный голос Наташи» — и только.

Возвратившись из рязанских имений, князь Андрей решил весной ехать в Петербург и поступить на службу и придумал «разумные причины этого решения».

В эпизоде с дубом как символом перемены в мироощущении князя Андрея все как будто ужилось. Но не решена еще проблема личного счастья. Есть пока только внешний повод: возрожденный дуб вызвал «неясные», «невывразимые словом» мысли князя Андрея, но ки-

ми событиями в его личной жизни не подготовленные. Мотив дуба все еще не переплетался с темой Наташи — независимо от Наташи князь Андрей решил ехать в Петербург. Толстой продолжал добиваться сцепления этих сюжетных линий.

Опять Толстой вернулся к обзору деятельности князя Андрея в Богучарове. За единичными разночтениями сошелся текст, совпадающий с печатным. Но все еще сохраняются обостренный интерес князя Андрея к освобождению крестьян. Кроме критического разбора «двух последних несчастных кампаний» и составления «проекта изменения и исправления всех наших военных уставов и постановлений», князь Андрей, подчеркивает автор, «устраивая своих вольных хлебопашцев... обдумывал общее дело освобождения рабов. Он составил записку и об этом предмете». Вскоре в этой же рукописи было уточнено, что Базюковский был занят «составлением проекта освобождения крестьян». Сообщая отцу о своем намерении поехать в Петербург, он сказал, «что у него есть проект нового устройства армии, который он желает представить государю. (О записке об освобождении крестьян он ничего не сказал отцу)».

«К весне 1809 года обе работы его приближались к концу», — так начался новый рассказ о намерении князя Андрея отправиться в Петербург. — «И чем ближе они приходили к окончанию, тем чаще ему приходила мысль, что он засиделся в деревне, что ему необходимо поехать в Петербург и видеть людей. Он не отдавал себе отчета, для чего это было ему нужно, но чувствовал эту потребность. Он был доволен собой за это время. Иногда ему приходила гордая мысль, что теперь он совершенно хорош и готов. Тут же появлялись сомнения: «Но для чего? для кого? — спрашивал он себя. — И в самом деле, хорош ли я? — спрашивал он себя. Только другие люди могут сказать мне это. Только примерившись к другим людям и испытав на них свое влияние, я могу испытать свою силу и убедиться, насколько я действительно вырос». Но как только он «живо представлял себя опять в этом водовороте жизни наравне со всеми, одним из толпы, как только он воображал себя лишенным того гордого спокойствия, которым он пользовался в деревне, он ужасался и откладывал свое намерение».

Князь Андрей сообщил отцу о своем намерении ехать в Петербург, но «ни а что» не служить. «Вот поезжай и станешь служить. Служить надо», — возразит ему отец. После того князь Андрей «окончательно» решил не ехать в Петербург, он «обдумал, как и кому он пошлет свой проект и как и чем он будет в деревне заниматься следующие лето и зиму».

Так практическая деятельность князя Андрея в Богучарове, его работа над двумя важными проектами не облегчили его душевного угне-

тения. Они не только не пробудили в нем желания принять активное участие в общественной жизни в Петербурге, а напротив, привели его к «окончательному» решению оставаться в деревне.

В таком состоянии князь Андрей едет в рязанские имения сына. Толстой воспользовался готовой рукописью с описанием посадки князя Андрея и картиной нераспустившегося дуба. Он только усилил мрак в настроении князя Андрея, согласного с «презрительным, злым и недоверчивым к весне и счастью» дубом. Вид дуба вызвал мрачные безнадежные мысли: «Наша жизнь кончена. Некуда мне идти и нечего искать. Буду доживать в деревне, стараясь не делать зла, и, чем умею, наполняя свой досуг».

К этому моменту Толстой приурочил теперь встречу князя Андрея с Наташей, уже шестнадцатилетней девушкой. По делам именина сына князь Андрей должен был повидать председателя графа Ростова. Подъезжая к отрадинскому дому, он увидел бегущую толпу девушек, и впереди, ближе других была «чернополосая, очень тоненькая, странно-тоненькая черноглазая девушка в желтом ситцевом платье».

Толстой уже близок к осуществлению своего замысла. Наташа всколыхнет в князе Андрее потребность личной жизни так же, как Илья — интерес к общественной деятельности. При виде Наташи князь Андрею «вдруг стало от чего-то больно. День был так хорош, солнце так ярко, кругом все так весело, — а эта тоненькая и хорошенькая девушка не знала и не хотела знать про его существование и была довольна и счастлива какою-то своей отдельной, — верно глупой, — но веселой и счастливой жизнью. «Чему она так рада? о чем она думает? Не об уставе военном, не об устройстве рязанских оброчных. О чем она думает? И чем она счастлива?» — невольно с любопытством спрашивал себя князь Андрей».

Пробудившийся интерес неожиданно оборвался. «За обедом князь Андрей видел ее, но не обращал на нее ни малейшего внимания. — Уездная барышня!» — подумал князь Андрей и, кончив дела, в тот же вечер уехал. На обратном пути он увидел преображенный зазеленевший дуб.

Впечатление, которое произвел на князя Андрея сдвинувший дуб, пока еще внешнее, но уже связывалось с Наташей. Толстой предлагал искать более поэтическую форму и более теснее сплести эти впечатления. На полях рукописи появляются записи, вводящие в ход мысли писателя: «Уложили спать в доме. Наверху в окне в лунную ночь — девочка не может спать. — Так бы полетела туда. Что за прелесть. Нет,

* Первоначально было: «За обедом князь Андрей видел ее, но не говорил с нею. Она даже не смотрела на него. Глупая уездная барышня!»

посмотри. Спят! — Тихо запела. Князь Андрей зашумел, они зашептали, она захлопнула окно. Князь Андрей долго смотрел на луну, но утром все вышло». Поэтическая сцена ясно сложилась. Появляется картина лунной ночи, беззвездного весеннего неба, на котором остановились глаза князя Андрея, услышанный им разговор Наташи с Соней, сидевших на окне, и неожиданная путаница молодых мыслей и надежд, волновавшихся в душе князя Андрея, — все это почти без изменения дошло до печати. Только сценой лунной ночи глава не заканчивалась, действие было продолжено. Первой мыслью князя Андрея, когда он проснулся, «была эта девочка в желтом ситцевом платье, которая хотела, натужившись и подхватив себя под колена, улечься куда-то с окна. Ему захотелось в первую минуту остаться обедать у Ростовых, чтобы ближе рассмотреть эту девочку». Князь Андрей борется с непосредственно возникшей мыслью: «Хорошо бы это было, — подумал он, презрительно улыбаясь над своей мыслью, — чтобы я, который решил сам с собой, что я ни для кого, ни для чего, ни даже для общего полезного дела не покину своей одинокой жизни, чтобы я находил удовольствие вести эту глупую деревенскую жизнь и рассматривать девочек в желтом платье».

Толстой нашел то, чего так долго добивался. Наташа первая растрогала князя Андрея, и готовый эпизод с возрожденным дубом, продолжая новую сцену в Отрадном, звучал так, как надо было автору: дуб и молодой князь опять «согласны». На князя Андрея, когда он взошел в березовую рощу, «вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления». Он «стал вспоминать: Ригге, масленица, небо высокое, моя записка освобождения рабов, девочка в желтом платье». И он решил: «Я не могу оставаться в деревне. Мало того, что я знаю себе цену и люблю себя, надо, чтобы и все знали это».

Воспоминания князя Андрея слились потребность личной жизни и общественной деятельности — отсюда логически вытекало решение ехать в Петербург. Неосознанной причиной поездки была потребность любви, осознанной же — глубокий интерес к преобразованиям Сперанского. Князь Андрей знал до малейших подробностей о том, что делалось Сперанским, и имел об этом свое особенное понятие. Он считал все существующее устройство таким безобразным, так презирал и ненавидел все правительственные лица, что революционная, ломающая все деятельность Сперанского была ему по сердцу. Сперанский, которого он никогда не видел, представлялся ему чем то вроде гражданского Писемского. Он радовался его возвышению, унижению прежних государственных лиц и из-за тех преобразований, которые делались, видел дарственных лиц и из-за тех преобразований, которые делались, видел всю общую основную мысль этих преобразований. Он видел освобождение крестьян, палаты депутатов, гласность судов и ограничение монархи-

ческой власти. Сперанский интересен ему был, как выражение новых идей и протест против старых».

Найдена, наконец, сложная мотивировка происшедшего в душе князя Андрея перелома. Она не только объяснила происходившее, но подготовила читателя к дальнейшим событиям в жизни героя.

* * *

Пребывание князя Андрея в Петербурге оказалось важной вехой в его жизни.

Толстому предстояло показать участие Болконского в государственной деятельности Сперанского и развитие его любви к Наташе. Два плана жизни князя Андрея решаются опять в единстве, причем об общественной деятельности рассказать было значительно легче, чем о личной жизни.

По окончательному тексту романа, жизнь Болконского в Петербурге началась с приема у Аракчеева и знакомства со Сперанским. В первоначальном варианте действие открывается встречей Андрея с Пьером. Прошло два года после их свидания в Болучарове. По звуку голоса, улыбке и в особенности по лучистому свету глаз Пьер «в мгновение, с чутьем любящей женщины понял, что друг его — другой человек и ожил». Они говорят то о государственных преобразованиях, то о личном. Пьер упомянул кстати, что Ростовы в Петербурге и что Наташа рассказывала ему о приезде князя Андрея в Отрадное. «Андрей смутился и не мог скрыть смущения. Pierre сторел как мак цвет». Для того и другого Наташа была тогда «лучшая надежда в жизни», и они набегали говорить о ней.

Толстой на предыдущем этапе работы определил, что в Петербурге князь Андрей вновь встретится с Наташей, но при каких обстоятельствах, выяснилось не сразу. Сначала появился такой эскиз: князь Андрей с Пьером приезжают к Ростовым в день свадьбы их старшей дочери с Бергом.

До этого в романе развивались параллельно три сюжетные линии: Пьер — князь Андрей, Пьер — Наташа, князь Андрей — Наташа. Теперь эти линии скрестились. В конспекте отражена встреча трех главных персонажей: увидав Пьера, Наташа «весело улыбнулась», увидав Андрея, «она задрожала от радости», но «как будто испугалась». Князь Андрей, говоря с ней «самые пустые ничтожные вещи», «слил лучистыми глазами». Пьер, видя это, «грыз пальцы» и «бессмысленно ревновал».

Эскиз не получил развития. Отпало намерение автора встречу князя Андрея с Наташей приурочить к первым дням его приезда в Петербург.

бург. В новом варианте сначала рассказано о оголтелом образе жизни князя Андрея в Петербурге, где он был «новинкою». «Заслуга его на известность теперь была в том, что он, интересный вдовец, бросил все и посвятил себя сыну и исправился [?], обратился на путь истинный, делает много добра в деревне и, главное, отпускает крестьян».

Толстой вводит ожившего князя Андрея в светский круг, где он не бывал почти пять лет. (Действие происходит в конце 1809 года) Изображен раут у Элен. В центре неизменных светских бесед на политические темы было на этот раз эрфуртское свидание императоров и «величии» Наполеона. Князь Андрей, для которого, как для Пьера, Наполеон был теперь «ничтожество, пустота, близкая к своей гибели», вступал в спор, «весело и колко противореча». Промелькнула попытка автора заставить князя Андрея заинтересоваться самой Элен. Он «после своего воскресения так оживленно чувствовал себя расположенным», он испытывал такое удовольствие быть «в изящно обставленном светском кругу», что ему «захотелось занять место в турнире» вокруг Элен и «попытаться победить всех». Но князь Андрей быстро опомнился. Столкнувшись в Петербурге с различными людьми, князь Андрей не мог разобраться в множестве новых впечатлений. «От сознаваемой им умственной неясности» он ощущал потребность «спастись в чувстве».

Так подготовлена теперь встреча с Наташей в Петербурге. Вместе с Пьером князь Андрей приехал к Ростовым в день свадьбы Веры. Он увидел Наташу, и для него вполне стали ясны «все эти вопросы, в которых он со времени своего приезда в Петербург тулствовал, что начинал заигрывать». И вопрос об успехе в свете, и о Наполеоне, и о семейном горе Pierre'a, и о преобразованиях Сперанского, и о миссии, и о назначении человека — все эти вопросы стали ясны и решены. Для князя Андрея стало ясно, что «есть один только вопрос о дубе, который все ближе и ближе приходит к своему разрешению». «Дуб» получил значение устойчивого символа.

Замысел свадебного вечера у Ростовых отпал раньше, чем Толстой дописал первую фразу о встрече князя Андрея с Наташей. Не решил пока, где они встретятся, Толстой перешел к общественной деятельности князя Андрея. Он был «забочен и занят с утра и до вечера, занимая важное место в комиссии составления законов». У Ростовых в Петербурге князь Андрей не бывал, боясь, сам того не сознавая, «их мовожаиреа-ного добродушного тона, боялся аканальироваться и вместе с тем боялся своих дубовых мыслей».

Восстановление о князе Андрее в Петербурге по содержанию и по форме стало близко к известному печатному тексту. Только характеристики некоторых государственных лиц более резки.

Главное направление общественной деятельности Болконского определилось без колебаний, тем более, что оно было подготовлено его работами в Богучарове. «Все предполагавшееся тогда переустройство России, готовившееся к началу 10 года, казалось ему существенным благом для народа и первым на очереди вопросом». Князь Андрей трудился «с охотой, упорством и успехом». Он составил записку, в которой, на основании того же Монтескье, которого цитировал Карамзин, он опровергал ходячую тогда по рукам записку Карамзина о старой и новой России. Министр двора и князь Кочубей, «как говорится, обласкали» князя Андрея, так как было известно, что князь Болконский «выпустил на волю своих крестьян. Это был тогда третий таковой случай. Случаи этот обращал тогда особенное внимание, так как ходили неясные слухи о том, что в числе преобразований находилось и освобождение».

Хотя вскоре князь Андрей стал разочаровываться в Сперанском и в других представителях его круга, однако «еще больше, ежели это было возможно, увлекся своим делом, участием в общем преобразовании. Окончив свою работу по гражданскому своду, он писал теперь проект освобождения крестьян и с волнением ждал открытия нового государственного совета, в котором должны были быть положены первые основания конституции».

Познакомив читателя с убеждениями князя Андрея той поры и с его активной деятельностью, Толстой свел Андрея с Пьером. Тема их беседы — масонство и реформа Сперанского. Потом, как всякий раз бывало при их дружеских встречах, речь зашла о личном. Пьер в конце беседы неожиданно стал советовать князю Андрею жениться. «И в эту же минуту ему пришла мысль, на ком надо жениться князю Андрею. Одна девушка, лучше которой он не знал, была достойна его лучшего друга. Это была Ростова».

Теперь-то и появилась у автора мысль о новом нем сцене, на котором князь Андрей встретится с Наташей. Быть может, это подсказано тем, что в обстановке семейного вечера Наташа не смогла бы произвести на князя Андрея того разнотипного впечатления, как на блестящем придворном бале, на котором она так издетиалась своей волеосредственностью и девичьей чистотой. Но одновременно у Толстого возникло желание предварить встречу на бале вечером у баронессы Зальцберг, пригласившей Наташу, голое которой был «замечен в Петербурге». Баронесса Зальцберг «приглашала ее к себе, ласкала и хвалила за все. На одном из музыкальных вечеров баронессы Зальцберг, «сказал Андрей, на другой день после своего разочарования в Сперанском. Наташа пела и пела чрезвычайно хорошо. Князь Андрей стоял в стороне не видя, кто поет, но, услышав голос Наташи, он вспомнил что-то весеннее,

радостное, иное от всего того, что он испытывал в это свое пребывание в Петербурге».

Подойдя к клавикордам, он увидел девочку, «судорожно» перебиравшую рукой в перчатке по крышке клавиатур. Это была «та самая девочка в белом платке, которая с грибами бежала ему навстречу в Отрадном. Она была такая же румяная, с теми же блестящими глазами, с тем же выражением полной сосредоточенности в то, чем она была занята, и довольства собою, болезненно, завистливо действовавшего на душу князя Андрея. «Нет ей до меня дела. А я хочу ей быть нужен». И вся весна прошлого года с своими ощущениями надежд, чего-то лучшего, чем жизнь, мгновенно воскресла в его душе. «А было же это хорошее время!» — подумал он.

После бала Наташу окружили, и князь Андрей заметил, что как с дворовыми девушками она была самая бойкая и веселая, так здесь она была самая грациозная и милая светская барышня. Вся эта светская ненатуральность была в ней, но даже и эта ненатуральность была в ней мила и естественна. На предложение хозяйки познакомиться его с «маленькой Ростовою» князь Андрей «сам не зная почему... отклонился от этой чести». Эпизод в доме баронессы был исключен, видимо, потому, что он ослабил бы силу того впечатления, которое произвела на князя Андрея Наташа на бале.

Закрепилось место встречи в Петербурге — придворный блестящий бал. Толстой без усилий создал картину бала, на котором князь Андрей обдало «поздней блестящего изысканного веселья», где он встретился с «замырающей от радостного волнения» Наташей. Танец с нею и даже «странная совершенно неожиданная» мысль о том, что Наташа будет его женою, если она «подойдет сначала к своей кухне, а потом к матери», — все это запечатлено в первой же рукописи.

Интересно промелькнувшее было намерение Толстого встречу с Наташей опять связать с дубом. Наметилось такое решение: как только во время вальса Наташа «улыбнулась и покраснела», в душе князя Андрея все вдруг воскресло: «Рябте на пароме, дуб, поэзия, вена, счастье». Но Толстой тотчас же отказался от этого. Именно новая встреча с Наташей должна произвести переворот в душе князя Андрея, и поэтому ее надо связать с его деятельностью настоящего времени, в которой, Толстой знает, он должен разочароваться. Первое, что писатель задумал показать, на утро после бала князю Андрею «в совершенно новом свете» представились четыре месяца, проведенные в Петербурге. Он вспомнил свою деятельность, историю своего проекта военного устава, о котором «старались умолчать единственно потому, что другая работа, о которой «старались умолчать единственно потому, что другая работа, хотя и не выдерживающая критики, была уже сделана и представлена государю; вспомнил историю своей записки об освобождении крестьян,

от обсуждения которой Сперанский постоянно уклонялся не потому, чтобы не разумно была составлена записка или не нужно это дело, а потому, что не время было этим занимать теперь внимание государя». Вспомнил о своей законодательной работе, об обиде своей на то, что работа его была отдана другому члену комиссии, и «ему стало смешно и совестно чего-то. Он живо представил себе Богучарово, знакомых своих мужиков, Дропа старосту и дворовых, и, приложив к ним статью о правах лиц, которых он распределял по параграфам, ему смешно стало, как мог он заниматься такой праздною работою».

Трудно допустить, что достаточно было короткой, хотя и взволновавшей героя встречи с Наташей для того, чтобы увлеченный работой князь Андрей стал вдруг пересматривать и решительно осудил так долго интересовавшую его деятельность. Впоследствии Толстой продлил и усложнил путь князя Андрея к отказу от участия в государственных преобразованиях. Встреча с Наташей сыграла большую роль, но не могла явиться единственной к тому причиной. По новому замыслу отмечена только некоторая взбудораженность и раздраженность князя Андрея на утро после бала. Он «ничего не мог делать. Он все критиковал, как это часто с ним бывало». Созданная к этому времени сцена обеда у Сперанского по ранней редакции предшествовала балу, теперь она перенесена на следующий день после бала.

Во время обеда Сперанский, с его «зеркальными, непроницающими к себе глазами», и все общество деятелей, собравшихся у него, темы их беседы и тон искусственного веселья уничтожили интерес князя Андрея к Сперанскому и его преобразованиям. Встреча с Наташей, пробудившаяся любовь к ней заставляют князя Андрея острее ощутить фальшивость круга Сперанского. Он невольно стал пересматривать свою деятельность в государственной комиссии и пришел к тем отрицательным выводам, которые выше приведены. Теперь они явились органическим следствием всей жизни князя Андрея в Петербурге.

Далее рассказ о петербургской жизни князя Андрея посвящен его отношениям с Наташей.

Первым, кому признался князь Андрей в своей любви к Наташе, был Пьер. Над этим эпизодом Толстой много работал. Но самым стояла трудная задача. Надо было показать душевный подвиг князя Андрея, глубину дружбы Пьера, который сам был влюблен в Наташу, и боялся проявить свою любовь.

Долго Толстой подбирал выразительные черты для портрета Болконского. То он имел «молодое, пыльное лицо, которое казалось помолодевшим», и наконец он изображен «с сияющим, оживленным и обновленным к жизни лицом». Оживленная речь князя Андрея допол-

няла такие определения. «Я влюблен, влюблен, как мальчик, как безумный», — говорил князь Андрей другу.

Дальнейшая повесть о князе Андрее и Наташе развивалась так, как она была первоначально намечена и как известна по завершённому роману.

Наташа вывела князя Андрея из душевного угнетения, в котором он находился после Аустерлицкой катастрофы и смерти жены. Наташе суждено было и довести его до полной безнадёжности.

По первой редакции, князь Андрей узнал об измене Наташи, находясь в Гурции. Одновременно с письмом Пьера о надвигающейся войне князь Андрей получил письмо от Наташи с отказом. «Всю ночь он ходил по двору, глядя на комету, которая как будто разлеталась и уперлась на одном месте, подняв кверху хвост». Вновь появляется мотив неба. Князь Андрей опять увидел то «далекое небо», на которое он выучился смотреть с Аустерлицкого поля, «понимать его и находить в нем успокоение». «Да, и это было заблуждение, — думал он, — как и прежнее. Но что же правда, где же то, что нужно моему духу, то, про что говорят мне эти звезды и эта остановившаяся и влипшая комета?»

План изменился. Письмо с отказом Наташа писала княжне Марье, и князь Андрей получил его, вернувшись из турецкой армии в Москву, где в то время жили Болконские. Через Пьера князь Андрей возвратил Наташе ее письмо. По первому варианту сцены встречи друзей, князь Андрей не мог скрыть свое волнение. Когда он передавал письма Пьеру, «губа его дрожала». На попытки Пьера примирить его с Наташей он «усмехнулся зло». При упоминании об Анатоле князь Андрей закричал: «Я не могу жить, пока он не задушит моими руками». Упав в кресло, князь Андрей «зарыдал, как женщина в истерике». Такая реакция, не свойственная гордому князю Андрею, тотчас же была заменена другой. «Страшный свет блеснул в глазах князя Андрея», когда он упомянул Анатоля. Разговор с князем Андреем даже о других вопросах, не связанных с Наташей, убедил Пьера, что слова и мысли его друга «могли выработаться только в пропитанной ядом отчаяния душе». Чтобы сильнее выказать гнев оскорбленного князя Андрея, Толстой написал было, что он, недовольный лакеем, ударил его, «чего с ним никогда не бывало». Но эта чуждая образу, нота была немедленно исключена.

В завершённом романе сцена с Пьером лаконична. Князь Андрей сдержан. По словам княжны Марьи, «гордость его не позволяет ему выразить своего чувства». Когда он передавал Пьеру письма Наташи, «лицо его было нахмурено и губы поджаты». Он «холодно, зло, неприятно, как его отец, усмехнулся», когда Пьер говорил ему о болезни Наташи. Он «резко закричал» и перебил Пьера, когда тот уговаривал друга

простить ее. Во время разговора за обедом о войне, приближение которой становилось очевидно, князь Андрей «казался оживленнее обыкновенного тем оживлением, которого нравственную причину так хорошо знал Пьер».

* * *

К началу войны 1812 года князь Андрей, выросший духовно за последние семь лет, приходит с изменившимися взглядами на войну и военное дело. Духовное состояние князя Андрея было к этому времени до крайности угнетенным; он был не только разочарован, как накануне войны 1805 года, но (что отмечено в одном из конспектов) «убит». Поэтому хотелось больше рассказать о князе Андрее после разрыва с Наташей. По первому варианту, князь Андрей «не жил, ничто его не интересовало, не радовало, не огорчало: ни наступление неприятеля в Россию, ни свидание с отцом, с сыном. Он и не думал о Госпоже Ростовой, ее не существовало для него. Он чувствовал только рану, такую большую, что он ни о чем, кроме о боли, не мог думать. Одно только ему хотелось — это увидеть *его* и убить его, этого ему хотелось, как хочется раненому расчесать свою рану». В этом и двух следующих вариантах давнего отрывка центром интересов князя Андрея оставалась месть Аватолу Курагину и только мельком упоминалось, что Болконский уехал в армию, куда был назначен Кутузовым состоять при штабе Барклай де Толли. Наконец в четвертом варианте наряду с «необходимостью» встретить Курагина, рассказано о прибывании князя Андрея в Турции в армии Кутузова. Когда появились слухи о близкой войне с французами, он попросился в Россию, чтобы принять участие в новой войне, но ничто не могло изменить его «общее настроение». Он «не мог видеть и жизни ничего другого, как искусство, чемнибудь напоитая досуг, дожидать до смерти».

При таком упадочном состоянии духа могли бы князь Андрей выполнять назначенную ему автором роль в Бородинском сражении? Необходимо было изменить душевный строй князя Андрея. Без надежды заменилась глубокой апатией. «Не измена невесты разочаровала его в жизни, но измена невесты была последним из разочарований». Его физическая рана зажила, но «нравственная беда все так же раскрыта». В таком состоянии князь Андрей приезжает в главную квартиру армии.

Несмотря на «равнодушие к жизни», князь Андрей все же довольно заинтересовался «спектром производящего огромной энергии». Из разговора с штабным он узнал, что «в управлении армией» «длиннохвостая такая путаница, которая даже князя Андрея, в настоящее время настроенного своим духом находящего все безобразное таким, каким оно действительно было, не мог себе представить».

Опыт убедил Болконского, что в военном деле «ничего не апачат самые глубокомысленно-обдуманые планы, как он видел это в Аустерлице». Теперь он вновь «старался вникнуть в характер управления армией, лиц и партий».

Впечатления Дрисского лагеря (эти главы были написаны с одного раза и почти дословно вошли в печатный текст) привели князя Андрея к решению не оставаться при штабе, а служить в полку. Приехав в Царев-Займище, Болконский подтвердил Кутузову свое решение служить не в штабе, а в полку, к которому он привык и который любил. После свидания с Кутузовым он, не зная, «как и почему это случилось», вернулся в полк «успокоенный насчет общего хода дел и насчет того, кому оно вверено было». Твердость князя Андрея в оценке благородной роли солдата и уверенность в том, что Кутузов именно тот, кто нужен, постепенно обеспечивали внутреннюю готовность князя Андрея к Бородину.

Промелькнула попытка автора показать хотя и мимолетные, но все же колебания князя Андрея: как быть с семьей? Все бросить и поехать на помощь сестре и сыну, оставшимся после смерти отца без покровительства? Это был первый порыв, «но потом ему живо представился общий характер мрачного величия, в котором он находился, и он решил, подчиняясь этому характеру, остаться» и «в темных рядах войска искать смерти, исполняя долг и защищая отечество».

Князь Андрей перед Шенграбенским и перед Аустерлицким сражениями напряженно думает, рассуждает — то с Тушиным (перед Шенграбенком), то сам с собой (перед Аустерлицем), причем характер его размышлений и выводы, к которым он приходит, находятся в единстве с основной идеей историко-философских рассуждений автора. В этом один из существенных элементов того, что выражено Толстого, цемента, который скрепляет роман. То же происходит с князем Андреем перед Бородинской битвой. Он был «раздражен», ему «хотелось думать» так же, «как он думал накануне Аустерлица». Он испытывал необходимость так же, как и тогда «сделать счеты с самим собой и спросить себя, что и зачем» — Он чувствовал, что «находится в одной из тех минут, когда ум так пронзителен, что, откидывая все ненужное, запутывающее, проникает в самую сущность вещи».

В отрывке от заверченного текста, князь Андрей обдумывает и решает, пригласившие в нем, и убеждается, что «ничего похожего не было в нем, каким он был в 1805 году». Для него не существовало «очарования войны» — напротив, он дошел до того, что война ему представлялась «самым простым и ясным и ужасным делом».

Он вспомнил Тушина, Тихонова, представителей рядового войска, которых так глубоко презирал прежде, к уважению которых он не

пришел и теперь, но которых все-таки предпочитал Несвицкому, Чарторайскому и т. п.» Неожиданно повторилась та мысль, которая была естественна для суждения князя Андрея до Шенграбенского сражения, т. е. до того момента, когда он понял, что решающая роль в сражении принадлежит солдату. Вопреки тем убеждениям, к которым он пришел после первой войны, князь Андрей называет Тушиных и Тимохиных «почти животными», но животными «честными, не лживыми», в отличие от «обманщиков, лгунов» штабных, «над смертью и страданиями людей вырабатывающих себе крестики и ленты». Быть может, такое суждение о низших частях армии должно было лишний раз подчеркнуть обиду угнетения героя, но все же оно не удержалось, потому что слишком сильно противоречило достаточно утвердившимся уже взглядам героя.

Из Москвы приезжает Пьер. Ни перед кем князь Андрей не мог так откровенно высказывать волнующие его думы. Беседами двух друзей Толстой очень дорожил, в них выражались задушевные мысли самого автора. И теперь встреча с Пьером дала князю Андрею возможность выразить свои изменившиеся после 1805 года взгляды на войну, воинскую историю, славу. Он говорил также о «вечных» законах, по которым «все делается», и о ничтожности высших сфер армии, где думают, что «решают судьбы России». Как ни перерабатывался текст беседы Андрея с Пьером и в первой редакции романа и позднее — сущность рассуждений не менялась, неизменно совпадая с теоретическими положениями Толстого. Вывод, сделанный героем романа, оставался неизменным. Князь Андрей сказал себе, что «война пошита и достойна только в рядах солдат без ожидания наград и славы». То же он повторил Пьеру: «Если бы что-нибудь зависело от распоряжения штабов, то я бы был там и делал бы распоряжения, а вместо того я имею честь служить здесь в полку вот с этими господами и считаю, что от нас действительно будет зависеть завтрашний день, а не от них». Высокое мнение князь Андрей высказывает и о «Тимохиных», которых не пытается больше называть «животными».

Под конец князь Андрей, устремив на Пьера «странные блестящие восторженные глаза», говорил об отличии нынешней войны от прежних войн: «Да, теперь война — это другое дело», — сказал князь Андрей, убежденный в том, что все оскорбленные за свою родину — и готовы встать на ее защиту. «Нас не нужно посылать. Мы готовы ринуться. Мы оскорблены. — И он остановился, потому что губа его задрожала». Таким в первой редакции романа показал князь Андрей накануне Бородина и таким выведен в завершенном романе.

Не только война занимала Волконского накануне боя. Он думал, мелькали мысли о смерти, как перед сражениями в 1805 году. «Нет, я этого не хочу, я боюсь еще чего-то», — так думал князь Андрей, и ему ясно

было, что он боялся смерти. Он вспоминал об отце, который «строил в Лысых Горах и думал, что это — его место, его земля, его воздух, щепку с дороги, толкнул и развалил его Лысые Горы и всю его жизнь». Князь Андрей думал о сестре и сыне. Более всего его мозг сверлила мысль о Наташе и ее измене. По первой редакции, князь Андрей злобно высмеивал свою перу «в какую-то идеальную любовь», которая, как он думал тогда, должна была сохранить верность Наташи на весь год. Теперь он понимал, что «все это гораздо проще. Она — сама. Он нужен мул, первый самец, который встретился и стал хорош для нее».

Раздраженные мысли о Наташе сменялись радостными. Он представлял себя «счастливым мужем» Наташи. И вновь понимался в нем гнев против Анатоля, и возникало одно желание — «убить этого человека и видеть ее».

В завершенном романе Толстой четко определил направление мысли, нахлынувших на князя Андрея накануне боя. «Три главные горя его жизни в особенности останавливали его внимание. Его любовь к женщине, смерть его отца и французское нашествие, захватившее половину России».

Почти дословно по предыдущему наброску повторились мысли об отце; в иной форме, но столь же определенно звучит страх смерти. Думы о Наташе освещены другим чувством. Нет больше злых мыслей, не называет князь Андрей столь любимую им раньше невесту самкой. Он вспоминает только лучшее в ней. «Я поднимал ее, — думал князь Андрей. — Не только понимал, но эту-то душевную силу, эту искренность, эту открытость душевную, эту-то душу ее, которую как будто связывало тело, эту-то душу я и любил в ней... так сильно, так счастливо любил». Трогательные воспоминания прервались мыслью об Анатоле, который «ничего этого не видел» в ней и «не понимал», а «видел в ней хорошую и свеженькую девочку». Как только он подумал об этом, «как будто кто-нибудь обжег его».

Нет в новом варианте страстного желания убить соперника, и Наташа пробуждает в Андрее не злость, как было в первой редакции, а только грустные воспоминания, не порочащие, а украшающие образ погубившей свое счастье девушки.

Наутро произошло Бородинское сражение. В состоянии наивысшего духовного подъема, оразившегося и в беседе князя Андрея с Пьером, и в его блестящих восторженных глазах, показав князь Андрей в день боя. Пьер увидел своего друга в тот момент, когда выступил его полк. На коней он смотрел вперед «своими блестящими из бледножелтого лица и лучистыми глазами». Скакал впереди своих солдат, он громко крикнул «Не отставать!» Он «задышался от волнения и радо-

сти, двигаясь вперед», он чувствовал себя «ожившим, счастливым, гордым и довольным теперь, когда чаще и чаще слышались свисты пуль и ядер, когда оглядывался на своих солдат, видел их веселые глаза, устремленные на него, и слышал удары спарядов, вырывавших его людей, и чувствовал, что эти звуки, эти крики только больше выпрямляют ему спину и выше поднимают голову и придадут непонятную радость его движению».

Князь Андрей — в состоянии наивысшего душевного подъема, и в этот миг его тяжело ранят. Все последующее вплоть до смерти на перелазном пункте без существенных переработок дошло от ранней редакции до завершеного текста.

Роль князя Андрея в плане общественном решена в первой редакции романа, которую мы только что рассмотрели. Далее Толстой работает над темой личной жизни героя. Как намечено в предварительных конспектах, раненый князь Андрей случайно вместе с другими ранеными попадает в дом Ростовых и вместе с ними выезжает из Москвы. На первой остановке на постоялом дворе происходит встреча с Наташей.

Долго не удавалось найти правдивое завершение личной жизни трех центральных героев, связанных между собой почти с первых строк романа. По конспектам и ранней редакции — князь Андрей случайно узнает, что Пьер любит Наташу. Он «уступает» ее другу и, излечившись после ранения в Бородине, возвращается в армию. Вновь он появляется в эпилоге: именно он выступает будущим декабристом в споре с Николаем Ростовым, а не Пьер.

Так оставалось в рукописях нацело, пока Толстой, готовя к печати том за томом, вновь не подошел к развязке. Автор вторично прожил вместе со своими героями их жизнь с 1805 года до 1812 года. Логика развития характеров разрушила задуманную вначале развязку.

Из всего романа с первых почти строк ясно, как глубоко Пьер любил Наташу, скрывая от всех и пренебрегая собой свою любовь. Он был предан своему другу князю Андрею и преклонялся перед ним. Как ни тяжело это было ему, Пьер бережно охранял любовь князя Андрея и Наташи, с каждым перестраивал их разрыв. Как же мог бы Пьер после примирения Андрея с невестой в столь необычных условиях принести такую жертву? Отвечает ли такой финал образу князя Андрея? Тем не менее жизнь Пьера и Наташи должна соединиться. (Таким образом замысел автора с первых дней работы над романом, и за семь лет он ни разу не поколебался.) Неизбежно было искать такую развязку, при которой их соединит не искусственное решение вопроса, а естественный ход событий. Князь Андрей должен умереть.

Трудно представить какую то иную развязку, чем та, которую подсказали Толстому его герои. Когда наступило новое заглавие судеб

героев, пришлось заново писать о последнем этапе жизни князя Андрея после Бородина.

Свидание его с Наташей в Мытицах входило в первую редакцию, где подробно рассказано о переживаниях Наташи и очень скупо о князе Андрее. Когда Наташа «неслышными босыми шагами подошла к нему», он услышал, «тяжело открыл глаза и вдруг радостно детски улыбнулся». Когда Наташа «нежно прильнула» к его руке, он «делал движения пальцами», и Наташа поняла, что он хотел видеть ее лицо. Когда она «подняла свое изуродованное всхлипываниями мокрое лицо», князь Андрей «все так же радостно улыбался». На вопрос Наташи может ли он простить ее, он тихо сказал: «Все, все». Таков первый вариант сцены. Он долго оставался без изменений. Более полутора лет прошло после окончания первой редакции романа. Только теперь появился второй и последний вариант волнующей сцены свидания в Мытицах. Она вписана в наборную рукопись пятого тома перед самой отправкой его в типографию и набиралась непосредственно с автографа. Лишь единичные поправки внесены в корректуру.

В новом варианте подробно рассказано о физических страданиях князя Андрея, во более всего о состоянии его души, которой овладели мысли о том «новом счастье» вечной любви, которое «имело что-то такое общее с евангелием». В ту именно минуту, когда он думал об этом «счастье любви», он услышал «какой то тихий шепчущий голос, неумолкаемо в такт твердивший: И пи-и-и-и-и-и-и», и увидел белую статую сфинкса у двери. Бред и действительность слились. Князь Андрей потерял сознание. Когда он очнулся, «Наташа, та самая живая Наташа, которую из всех людей в мире ему более всего хотелось любить, — новая, чистая, божеская любовью, которая была теперь открыта ему, стояла перед ним на коленях». По новому варианту, князь Андрей не только «радостно улыбался», как было в первом наброске. На слова Наташи о прощании князь Андрей «поднимал рукой ее лицо так, чтобы он мог глядеть в ее глаза», сказал: «Я люблю тебя больше, лучше, чем прежде». Князь Андрей не видел худого и бледного лица Наташи, которое было «более чем некрасиво, оно было страшно». Он видел только «сияющие глаза, которые были прекрасны».

Как свидание князя Андрея с Наташей в Мытицах, так и последние дни его жизни Толстой, видимо, настолько глубоко прочувствовал, пережил вместе с героем, смог так воссоздать их в художественной форме, что почти без поправок первый вариант дошел до печати.

Всем своим и, главное, складом ума князь Андрей подготовлен к философскому восприятию смерти. Тема смерти — одна из самых болевущих в творчестве Толстого, и с глубочайшим пропикновением изображена смерть князя Андрея. Умиравшего князя Андрей посвя-

жены две главы. Первая — встреча с сестрой и семилетним сыном Николушкой, приехавшими к нему в Ярославль. Скупы даны внешние черты князя Андрея. «Он лежал на диване, обложенный подушками, в меховом белом халате. Он был худ и бледен. Одна худая, прозрачная белая рука его держала платок, другою он тихими движениями пальцев трогал тонкие отросшие усы. Глаза его смотрели на входивших». Вот все, что сказано об его внешности. На протяжении всего романа при каждой зарисовке князя Андрея на первом месте выступали глаза, улыбка, звук голоса. Эти же черты вошли в последний рассказ о нем.

Вошел в комнату, княжна Марья оробела, встретив его холодный взгляд. В этом «глубоком, не из себя, но в себя смотрением» взгляде, была почти враждебность, когда он медленно оглянул сестру и Наташу.

В первом варианте ничего не сказано о голосе князя Андрея. «Здравствуй, Маря, как это ты добралась? — сказал он». Так было первоначально. В следующей рукописи добавлено, что эти слова он сказал «голосом таким же ровным и чуждым, каким был его взгляд». Наконец, в корректуре добавлено сравнение, усиливающее отрешенность князя Андрея: «Жели бы он завывал отчаянным криком, то этот крик менее бы ужаснул княжну Марью, чем звук его голоса». Так вошло в печатный текст. О сыне он спросил «с усиленным воспоминанием»: в корректуре добавлено, спросил «так же ровно и медленно и с усиленным воспоминанием». Разговор князя Андрея с сестрой был «холодный, несвязный и прерывался беспрестанно». Короткие отрывистые фразы, которыми нарисована вся сцена встречи, усиливали впечатление холодности. Князь Андрей «чуть заметно улыбнулся в первый раз», когда княжна Марья спросила, хочет ли он видеть Николушку. Княжна Марья, так зная его лицо, «с ужасом поняла», что это была «улыбка не радости, не нежности к сыну, но тихой кроткой насмешки над тем, что его пытались этим средством прийти к чувствам». Князь Андрей поцеловал сына, но не знал, что говорить с ним. Когда княжна Марья заплакала, князь Андрей, глядя «тем же холодным взглядом», сказал ей: «Не надо плакать здесь».

В каждой черте, вписанной в образ умирающего князя Андрея, — в его словах, тоне, холодном, почти враждебном взгляде — «чувствовалась страшная для живого человека отчужденность от всего мирского». Автор разясняет, что Андрей «с трудом понимал теперь не живое, не потому, что он был «лишен силы понимания, но потому, что он понимал что-то другое», чего «не могли понять живые и что принадлежало ему всего».

Увлеченного душевного состояния князя Андрея составил вторую главу. В ней нет ни одной внешней черты, отвлекающей от внутреннего сосредоточенности большого, о чем говорил его «в себя смотрением» взгляд.

Среди сильных чувств, которые высказывались в душе князя Андрея, были страх смерти и любовь к Наташе. Эти два чувства вошли в пове-

ствование о конце жизни героя. Перед его сознанием проходили все важные этапы его духовного бытия. Он вспоминал «страшное мучительное чувство страха смерти, конца», которое испытывал после аустерлицкого и бородинского ранения. Он вспоминал, как, очнувшись после раны в Бородине, он «вдумывался» в новое открывшееся ему «начало вечной любви» и как сам не сознавая того, «отрекался от земной жизни».

Любовь к Наташе возродила его после тяжелых потрясений Аустерлицы и смерти жены. Чувство отрешения от всего земного после бородинского ранения нарушила опять Наташа почтой в Миттахе. Когда в полубреду он увидел Наташу и, «прижав к своим губам ее руку, заплакал тихими, радостными слезами» вместо «чувства вечной любви» в его сердце «незаметно закрутилась» любовь к одной женщине и «опять привязала его к жизни».

В памяти князя Андрея проходили последние дни, которые Наташа неотлучно проводила возле него. Мысли о Наташе, о любви к ней вызвали в нем неожиданное сознание того, что он еще дорожил жизнью, которая представлялась ему в любви к Наташе. В последнем коротком разговоре с ней он признался, что слишком любит ее, «больше всего на свете», и поцеловал ее руку. Когда Наташа взглянула на князя Андрея, она увидела, что «глаза его светились ей навстречу». Это было последним «земным» переживанием князя Андрея. Затем произошло то, что Наташа называла «что случилось с ним». Рассказав сон, который он видел, и свои мысли «о жизни и смерти, и больше о смерти». Это была мысль Толстого «та последняя нравственная борьба между жизнью и смертью, в которой смерть одержала победу. С этого дня началось для князя Андрея «вместе с пробуждением от сна — пробуждение от жизни», пишет Толстой. «Последние дни и часы его прошли обыкновенно и просто».

Толстой придал смерти князя Андрея тот характер, который, по его убеждению, подобаает «тому высочайшему моменту в жизни» — религиозно-философское проникновение в таинство смерти.

Проникнутую гражданской страстностью жизнь князя Андрея продолжил его сын. Стремлением Николушки Болконского сделать в своей жизни «то, чем бы даже он», отец, «был доволен», заканчивается роман.

НАТАША была любимцей Толстого. Это самый поэтичный образ романа. Наташа прошла через всю жизнь князя Андрея и Пьера. Так было задумано и так осуществлено. Когда еще не было князя Андрея, а его роль частично должен был выполнять молодой граф Борис Зубцов, тогда уже наметилась линия «Борис — Наталья». Место будущего Пьера занимали в первых набросках неясные еще персонажи Петр или Аркадий, лишь некоторыми чертами схожие с Пьером, но уже появились у автора мысли о дружбе Петра и Бориса, т. е. Пьера и князя Андрея, и о любви Петра к той же Наташе. Еще не было озаглавлено произведение, не было имен действующих лиц, только имя Наташи закрепилось сразу, но определилась центральная сюжетная линия романического действия: князь Андрей — Наташа — Пьер. Эти герои решают в романе семейную проблему, которая поставлена в «Войне и мире» в соединении с большими общественными историческими проблемами.

Основные черты характера Наташи и ее роль как центральной фигуры с самого начала уяснились автору вполне. «Наташа традиционный поэтический бесенок» — это первое, что было записано о ней. Создан тогда же эскиз будущей Наташи и канва ее жизни: она «верит в себя», «капризна», «честолюбива», ей «все удастся», «всех тормозит и всеми любима».

Предусмотрены в раннем наброске такие черты Наташи, как быстрая смена настроений («вдруг грустна, вдруг безумно радостна»), «влюбчивость и ясно выраженная погребность семьи: «Просит мужа, а то двух, ей нужно детей и любовь и постель».

Наташа — натура музыкально одаренная, она «понимает и до безумия чувствует музыку». В этой же рукописи предусмотрены характерные эпизоды жизни девочки Наташи: сцена с куклой детства, влюбленность в Бориса, дружба с Соней. Есть намек на замысел показать

Наташа Ростова. Рисунок из альбома Н. И. Рубакова.
Публ. илл. впервые.

Наташу на бале. История с Анатолием Курагиным задумана более прямолинейной: «Деревиц. (Анатолий) Митхал, влюбление, падение». Канва жизни Наташи заканчивается свадьбой.

Как ни ясен был Толстому характер Наташи и роль ее в романе, работа над образом была большая.

Дважды промелькнула Наташа в ранних набросках начала, и всякий раз Толстой заботился об ее портрете. Она «некрасивая (брюнетка), но красная с пупурчиками здоровая девочка лет двенадцати, с голыми руками и тесей». Такой впервые изображена Наташа, младшая дочь графа Простого, за империным обедом. Она «принесла с собой куклу, но без лица, разываемую Мими, и тайно от всех под столом кормила ее», вызывая этим оживление и смех детей, сидевших вместе с нею. (Это находим в пятом варианте начала романа.) В следующем, шестом наброске Наташа впервые появляется в гостиной, куда она вбегает вместе с другими детьми. (Так сохранилось и в завершённом романе.) При зарисовке всех пятерых детей внимание автора задерживается на тринадцатилетней девочке в белом кисейном платице. У нее длинные черные локоны, падающие на голые полудетские плечи; она «вовсе не была хороша», предупреждает автор и затем подробно описывает неправильные черты ее лица: «глаза узки, лоб мал, нос хорош, но нижняя часть лица, подбородок и рот так велики, и губы так несоразмерно толсты, что, рассматривая ее, нельзя было понять, почему она так нравится». Толстой любовно описывает эту «стекляую, тоненькую, грациозную, как колокольчик», девочку, стараясь передать необычность ее голоса, который «столько же, сколько и вся ее наружность», поражал «своей прелестью, гибкостью, богатством, разнообразием выражения и в особенности силой».

Голос Наташи и ее музыкальность были определены с первых же набросков, но слишком предвременно: такая разносторонняя характеристика голоса маленькой девочки. Толстой заменил ее одним лишь упоминанием о том, что «голос девочки был поразительно гибок и изменчив, как и вся ее наружность». Все, что делала эта девочка, «казалось, так и должно было быть и было истинно». В короткой пока сцене успела проявиться и свойственная Наташе искренняя непосредственность. Она почувствовала приговорство детей, затворившись с ней о кукле. Это не понравилось Наташе, и она ответила «реакто, смело и таким тоном, который не позволял возражений». Осудила она и то, что Борис Друбецкой в гостиной «говорит, как болыной», «и стало скучно в этом обществе», и она придумала предлог, чтобы убежать. Словом, это уже знакомая по роману девочка Наташа. И так же, как в законченном романе, в черновых набросках с первых строк Наташа выделена из группы детей в доме Ростовых, или, точнее, находится в центре этой группы.

В тот же день именин Наташа показана еще несколько раз, благодаря чему с разных сторон освещен образ этой «черноглазой, с большим ртом, некрасивой, но живой» девочки. «не привыкшей к гостинной». В сцене первого поцелуя с Борисом Друбецким сказались наташина эмоциональность. Сцена служит завязкой отношений Наташи с Борисом. Затем Наташа появляется за империным обеденным столом; шаловливая девочка заражала своей веселостью детей и привлекала внимание взрослых. Любуется ею и Пьер. Здесь возникает завязка романтической канвы Наташи и Пьера. По первому наброску, Наташа «заметила тотчас впечатление, произведенное ею на Пьера, и весело улыбнулась ему и даже кивнула ему слегка головой, или трихнула кудрями, глядя на него». Немая сцена между ними заключена авторским выводом («Пьер слова еще не сказал с Наташей, но одною этою взаимной улыбкой они уже сказали себе, что правятся друг другу»). После обеда во время танцев Наташа «помирала со смеху каждый раз, как она взглядывала на Пьера, танцевавшего экзотиз и путавшего фигуры. — Какой он смешной и какой славный! — сказала она сначала Борису, а потом прямо в глаза заговорила самому Пьеру, тайно сплзу глядя на него».

Так дошло до журнальной публикации. Позднее, готовя журнальный текст первой части для отдельного издания романа, автор ослабил то впечатление, которое сразу произвели друг на друга оба персонажа. Если для юности Пьера оно могло быть естественным, то для девочки такое с первой минуты осознанное чувство неоправданно. По новому варианту, Наташа, сидевшая за обедом против Пьера, «глядела на Бориса, как глядят девочки тринадцати лет на мальчика, с которым они только что поцеловались. Этот самый взгляд иногда обращался на Пьера, и ему под взглядом этой смешной оживленной девочки хотелось смеяться самому, не зная почему».

Потом и намек на то впечатление, какое Пьер произвел на Наташу. Только после обеда Наташа в детской сказала Соне: «А знаешь, этот голыш Пьер, что против меня сидел, такой смешной!» По-детски выраженное впечатление звучит правдиво для Наташи, по-своему приоткрывая сцену между Пьером и Наташей во время танцев. Наташа не говорит больше Пьеру о том, что он «смешной и славный»; она, «смеясь глазами и краснея», приглашает его танцевать; она «совершенно счастлива» оттого, что «танцевала с большим, с приехавшим из-за границы».

Так создавалась в работе над первой частью предпосылка для будущих отношений Наташи и Пьера.

При каждом новом появлении Наташи в романе показывается, как постепенно эта непосредственная эмоциональная девочка вырастала во взрослую девушку. Сохраняются свойственные ей черты,

любопытно строгими глазами вглядывалась в новое лицо». Толстой колебался, каким же должен теперь показаться князь Андрей чуткой к людям Наташе, закрепить ли первое отрицательное впечатление. Сначала он дал противоположное. вечером Наташа, «к удивлению своей подруги, объявила ей, что этот князь Болконский такая прелесть, что она не только не видала подобного, но и вообразить не могла». Восторженный отзыв немедленно заменился опять отрицательным. «— Нет, не нравится, не нравится мне, — говорила вечером Наташа про князя Андрея. — Что то гордое, сухое». И, наконец, в третий раз в той же рукописи Толстой возвращается к прежней, хотя не восторженной, но положительной оценке, и не Сопе, а матери Наташа признается: «Да, этот в моем вкусе, — говорила Наташа. — У тебя губа не дура, — говорила графиня».

Позднее встреча в Отрадном произойдет совсем по-иному. Пока же Толстой считал ее законченной. После Отрадного Наташа вступает в действие зимою следующего года в Петербурге. Там она должна, по замыслу автора, так же неожиданно встретиться с князем Андреем. Как дать эту встречу, писатель опять не может сразу решить. По первому наброску, князь Андрей вместе с Пьером приходит к Ростовым в день свадьбы их старшей дочери. Милое лишь концептивно изложено, и несколько неожиданно прозвучало начало новой сцены. «В этот вечер, когда приехал Андрей с Риегтом, все обожатели Наташи были налицо: Борис, Андрей, Риегт, Денисов, и Наташа была на себя не похожа от радостного волнения; она вся дрожала и радостно светилась. Она была теперь вполне прелестная собой девушка, и полной силе красоты и молодости».

Толстой не задерживался на описании свадебного вечера Бергов и лишь схематично намечил его. Главное было найти, как развиваются отношения Наташи с князем Андреем, и определить роль Пьера, друга обоих. Выбрана такая канва. Пьер и Болконский приехали в то время, когда Наташа «одна в бальном платье ходила, постукивая каблучками, по зале с веером в руках (она была рада, что она как болельщица) и напевала». Намечено состояние девушки при встрече с Пьером Наташа «весело улыбнулась», но, увидав князя Андрея, она «задрожала ясно от радости, но как будто она испугалась. Она справилась». На свадебном балу Бергов «фокус всего света» был в Наташе «Она была счастлива, кокетничала со всеми, но не выпускала из виду Андрея и перед одним им робела».

В привечном концептивном наброске слишком активна Наташа, взбудораженная чем-то для нее непонятным. Она даже «отребивала» от Болконского пальца, и он, «пощипывая шпираль», пошел. На вечере был Анатолий Курагин, Наташа и с ним кокетничала, но не «бращая

на него внимания. Бориса она «заставила пожалеть», что они разошлись. Бергу она «велела подать себе опохало».

Конспект раскрывает авторский замысел: показать во всей силе возбужденность и оживление Наташи, придавшие ей особую прелесть. Однако не все в конспекте логически закончено. Главное, ничем не подготовлены отношения с князем Андреем. Ведь мимолетной встречи в Отрадном явно не достаточно. Это автор исправит позднее. Дальнейшие же отношения Наташи с князем Андреем приближаются к завершенному тексту.

Зная окончательный текст, можно понять из намеченного плана, насколько ясно еще на раннем этапе работы представлял писатель все будущее романа Наташи с Болконским. В плане отражена отсрочка предложения, просьба князя Андрея к Наташе считать себя свободной, если она полюбит кого-нибудь другого. Вошел в сцену выкрик Наташи: «Данте мне мужа», так памятный всем до законченного произведения.

Тем не менее, несмотря на полную определенность замысла, не было возможности развить его, ничем еще не были подготовлены определившиеся отношения. Да и Наташа при второй встрече с князем Андреем изображена слишком светски свободной, чем снижено ее обаяние. Таковы два главных просчета этого варианта. Толстой не мог не почувствовать их и стал заново создавать сцену встречи в Петербурге, по-прежнему приурочив ее ко дню свадьбы Веры Ростовой и Берга.

В новом наброске Наташа не развязна, но, как свойственно ей, оживлена и возбуждена. Услышав о приезде Пьера и Болконского, она «счастлива, испуганна и гордая», едва удерживаясь от бега, вошла в гостиную, села и тотчас же вскочила, чтобы убежать в свою комнату и «защекотать и перещеловать от радости всех домашних, т. е. как-нибудь наружу излить свою радость». Другим членам семьи Ростовых льстил визит Болконского как «представителя высшего петербургского круга», но старики граф и Наташа «просто рады были ему, отраднеющему знакомому».

Толстой опять хочет объединить Пьера и Андрея возле Наташи. Поэтому, каким Наташа обратилась к Пьеру, князь Андрей увидал, что это был «только друг». Увидав князя Андрея, Наташа не «задрожала ясно от радости», будто испугавшись, как было в предыдущем наброске, а «испуганно покраснела».

На этом оборвался новый вариант. Не удавалась сцена встречи, которая должна стать решающей в жизни Наташи и князя Андрея. Может быть, так выходило отчасти по той причине, что недостаточно еще обрисована Наташа, к тому времени выросшая девушка. Толстой еще вернется назад, к предшествующим событиям, чтобы глубже раскрыть

образ Наташи до ее появления в Петербурге, показать ее духовную жизнь. Рассказ о Ростовых в Отрадном создается заново.

Живя в деревне, Наташа «составила себе обо всем свое очень определенное и часто притивное мнение своих родных попыток», — читаем в новой рукописи. Она утверждала, что в деревне гораздо веселее, чем в Москве. Летом она «устроила себе такую жизнь» с собиранием грибов, ягод, купаньем, прогулками верхом в любимые места, что «не притворяясь, говорила, что она чрезвычайно счастлива». Когда Наташа слышала толки «о скуке в деревне и о бедности, она еще более чувствовала себя счастливой в поле, в лесу, верхом, в воде или в дувиную пачу на своем окне». У Наташи сложилась «своя философия, как она называла ее» в деревне жить лучше, чем в Москве; они вовсе не бедные; не нужно им «столько учителей и музыкантов и два шута»; хорошо бы продать все лишнее и жить с двумя девушками в одном флигеле — «и как будет весело! Чтобы не было долгов, она советовала отцу «жить так, чтобы проживать вдвое меньше».

Однажды Наташа, вернувшись с купанья, «повизанная платком, загораемая, веселая», увидела приехавшего чужого, — это был князь Андрей, и он поменял ей тотчас рассказать отцу «свою философию». Она не обратила на него никакого внимания. Вечером, когда князь Андрей уехал, Наташа пришла к отцу и «серьезно и внушительно» поведала ему свои думы. Несмотря на улыбки отца и шутки матери, несмотря на то, что отец — старик, а она девочка, Наташа «знала, что она говорит правду, и с этих пор стала думать, верить своим мыслям и обо всем иметь свои суждения».

Вспоминая упомянутая мимолетная встреча Наташи с князем Андреем, никак не затронувшая ни ее, ни его, не могла, разумеется, удержаться в таком виде. Неудавшиеся наброски определяют, однако, ту обстановку, в которой встреча происходит: князь Андрей увидит в первый раз Наташу именно так — загораемую, веселой, бегущей в голые деревенские девушки. Замечая осуществлявшиеся в рукописи: князь Андрей, подъезжая к отрадненскому дому Ростовых «услышал женский веселый крик и увидел бегущую наперерез его коляска толпу девушек в свислых платьях. Впереди других ближе подбегала к коляске, рассыпая волосы и подбегая, черноволосая и чернотелая, гранитная молодая девушка в желтом сиденом платье, повизанная белым посовым платком. — Папа! — закричала эта девушка и тотчас же, узнав чужого и даже не приглядевшись к его лицу, с смехом побежала назад».

Нет ни слова о том впечатлении, какое произвела на Наташу встреча с «чужим», но сказано, что князь Андрей она сильно потрясла. В этой же рукописи впервые появилась поэтическая картина дувиную пачу, она волнуется своей прелестью юную Наташу, мечтавшую подхва-

тить себя под коленки и полететь «туда». Князь Андрей, оставшись ночевать в Отрадном, тоже не мог заснуть в такую ночь. Распахнув окно, он невольно услышал разговор сидевших на окне второго этажа Сони и Наташи, тихое пение взволнованной девушки. Впечатление дувиную отрадненской пачи повернуло на новый путь жизнь Болконского.

Наконец найдена долго не удававшаяся завязка. Поэтический образ девушки Наташи начерчен, и можно вернуться к тому, что было отложено, — к развитию события в Петербурге. В том душевном строе, какой создали в деревне, Наташа приезжает в Петербург, где она рада была повеселиться. Толстой продолжает показывать Наташу и в Петербурге не похожей на остальных Ростовых. Она смотрела «на все дела семейные» своим «особенным манером». Да и не только в домашних делах, во всем она выделяется. Необычное впечатление она произведет и на придворном бале, где, по повому замыслу, она должна появиться. Толстой заботится о том, чтобы светские манеры Наташи были не пустым внешним лоском хорошо воспитанной барышни, а чем-то своим, ей одной свойственным. Традиционность должна сочетаться в Наташе с характерностью. Этого добивался Толстой, и не сразу удалось найти нужное решение.

По первоначальному наброску, в шестнадцатилетней Наташе с ее «философией», утверждающей радость деревенской жизни, сочеталось бывшее в ней «в высшей степени чужое к тому, что называется *сociety* и *l'art*, и она, как муха в масле, видела всякую мелочь, оскорблявшую ее чувства тщеславия и изящества». По мнению Наташи, все в доме родителей в Петербурге «было не так», и они не умели «сводить знакомства в высшем кругу». Сама же Наташа — так было первоначально — «с двух слов, с первого вида» отличала людей «по свету, к которому они принадлежали, и предпочитала высших». Ее отношение к людям зависело от этой принадлежности к «высшим». Пьера, который в Петербурге стал бывать у них, она «любила и как будто покровительствовала (такое у них установились отношения) за то, что он принадлежал к высшему кругу; но той же причине она презирала Берга, не совсем довольна была своим братом за его гусарские манеры». Она «давно отеклась» от Денисова, а к Борису была «ласкова, хотя и холодна». В список достойных людей включен князь Андрей, которого Наташа при первой же встрече «узнала за человека высшего света» и решила, что он «в ее вкусе», что она «влюблена в него по гроб, как это обыкновенно делают барышни», — добавил Толстой.

Здесь впервые появился отклик Наташи на встречу с князем Андреем в Отрадном. «Любовь» которую, как сообщает автор, Наташа «выбрала», так как шестнадцатилетней девочке надо быть влюбленной, при-

вела к тому, что «все лучшие девические мечты ее о любви» были всегда соединены у нее с князем Андреем.

Трудно связать две совершенно различные характеристики Наташи. в деревне с ее «философией» и в Петербурге с ее претензиями на *сoitte à la mode* и стремлением к «высшему кругу». Невозможно угадать, почему создался разрыв. Может быть, предстоящая роль Наташи в высшем свете вызвала такие черты, но ясно, что подобного рода противоречие не могло удержаться. Изображение, упрощавшее внутренний облик Наташи, немедленно было заменено иным. Наташа, как и в предыдущем наброске, так же сразу «угадала» и Петербурге все те «мелькие приемы манер и туалета, которые составляют оттенок высшего общества» и «порочала своей безупречностью манер самого высшего и элегантно общества», но совсем другое отношение ее к людям. Нет и намека на стремление к высшему кругу. Напротив, «она казалась не от мира сего». И в то же время она «так смеялась, так весело кокетничала, что людям наблюдательным никогда бы и в голову не пришло сделать ей самой предложение».

Выступает чуткость этой девушки. Ею «сразу был оценен» Пьер, потому что он «умнее и проще всех других людей»; ее заинтересовало масонство, цель которого ей в общих чертах рассказал Пьер. Настоящим повторит Толстой особый оттенок в отношениях Пьера и Наташи. После замечание о том, что Пьер был ею «оценен», заменится другим, более теплым: Пьер был ей «особенно приятен».

Внешность Наташи в дни приезда в Петербург изображена теперь в сцене визита Бориса Друбедского к Ростовым. Это дало возможность не просто нарисовать портрет сформировавшейся девушки, а показать глазами Бориса разительную перемену. Борис ждет встретить Наташу изменившейся, но, пока он не увидел ее, в его воображении был все тот «милый ему образ чернушки с блестящими из под локон глазами с красными губками и детски отчаянным смехом». Когда же вошла Наташа, «сияя больше чем ласковой улыбкой, во всей прелести своей только что развившейся шестнадцатилетней красотой», Борис, несмотря на весь свой гик, покраснел и замаялся. Восприимчивая Наташа не могла, однако, не заметить «снисходительную учтивость Бориса, к тому времени светского молодого человека, принятого в высшем свете. Она могла «исподлобья разгоревшимися оскорбленными глазами» наблюдать за ним.

По-разному решались в рукописях отношения Наташи к Борисом в это время, но во всех вариантах они заканчивались разрывом и после Наташа появлялся Пьер, который, по предположению старого графа Ростова, стал бывать в петербургском доме Ростовых и сделался у них «домашним человеком».

В рукописях, начиная с самых ранних, отражена борьба писателя с самим собой, когда он искал правильный тон отношения Пьера к Наташе. Ясен замысел, рассказывая о жизни Наташи, все время вплетать вить, постепенно связывающую Наташу с Пьером. Так было в начале романа на именинах, затем в детской, когда было получено письмо от Николая Ростова после Шенграбенского сражения, потом в разговоре Наташи с приехавшим в 1806 году в отпуск братом и, наконец, в Петербурге, где дружеские отношения Наташи с Пьером закрепились. В рукописных вариантах этих глав тема Пьера и Наташи сильнее звучит, нежели в законченном произведении. Она как будто преследовала Толстого, и всякий раз, исправляя написанное, он исключал слишком явные упоминания о Пьере рядом с Наташей.

По одной из последних рукописей с сценами из жизни Ростовых в Петербурге, Наташа «смеялась над своим прежним чувством» к Пьеру. «Он был приятен, стало быть для нее не мужчина, но он ей был особенно приятен», и в ее «доре об измене Бориса» он стал даже ее поверенным. В окончательном тексте нет таких упоминаний, а отношение Наташи к Пьеру промелькнуло только в одном из поздних разговоров Наташи с матерью. Когда речь шла о Борисе Друбедском, у Наташи возникло только ей одной понятное сравнение. Борис, — «он узкий такой, как часы столовые», он «узкий», «серый, светлый», а Пьер «синий, темно-синий с красным, и он темноугольный». Пьер с ним кокетничает, смеется, сказала графиня — Нет, он, фран-масон, я узнала. Он славный, темно-синий с красным».

Даже в этом необычном сравнении звучит какое-то особое отношение Наташи к Пьеру, не связанное ни с ее влюбчивостью, ни с ее кокетством.

Предыстория решающей встречи Наташи с князем Андреем в Петербурге закончена. Прежде всего, сформировался характер девушки, при всей своей явной ординарности отличавшийся от окружающих. Промелькнули детское удовольствие Борисом Друбедским и едва уловимые пока отношения с Пьером. Предстояло первое серьезное событие в ее жизни — встреча с князем Андреем.

После долгих поисков автор остановился на такой записке их романа. Наташа видела князя Андрея один раз, в Отрадном, и даже неизвестно, какое впечатление он произвел на нее. Местом второй, решающей встречи определился теперь придворный бал вместо свадебного вечера в доме Ростовых.

Наташа настолько близка Толстому, настолько живо он представлял ее себе, что без труда создал сцену «торопливых приготовлений к одеванию» у Ростовых, изображая «лихорадочную тревогу и пестроту одежд» Наташи, готовившейся к первому в ее жизни большому балу.

А вот показать Наташу в первые минуты на бале — это же сразу удалось. По первому наброску, она вполне владела собой, своими чувствами. Заметив произведенное ею впечатление («несколько голосов спросило про нее и смотрели на нее»), Наташа не показала вида, хотя так была взволнована, что «ничего не видела, не помнила»; «внутри ее все волновалось», но «на лице ее не видно было ни малейшего замешательства». Она «непоспешно оглядывалась вокруг, не выкальывая любопытства». До начала танцев Наташа все наблюдала. Она «восторженно любовалась» Элен и «с грустью думала о своем ничтожестве в сравнении с этой красотой». Князь Андрей Болконский в полковничьем мундире поразила Наташу своей уверенностью и элитарностью.

Наташа очутилась в центре великосветской жизни. Предстолит ее роман с блестящим молодым князем, и у Толстого вновь возникла мысль выявить интерес героини к высшему кругу общества. «По отношению, взглядом она определяла для себя, кто принадлежал к самому высшему, высшему и среднему обществу», и ее занимала мысль, какое место займут на бале они, Ростовы. Наташа прищипывала к высшему обществу четверых из стоявших близко к ней мужчин. Пьера, князя Андрея, секретаря французского посольства и еще кавалергарда необыкновенной красоты, вошедшего после других и с презрительным видом, вложивши руку за пуговицу мундира, ставшего почти в середине бала.

Промелькнуло намерение автора создать на бале одновременно с сюжетной линией князя Андрея предпосылку для трагического исхода. Для этого он заставил Наташу обратить внимание на Анатоля, а Анатоля — заметить Наташу. Она решила, что он был тоже «известен в своем роде», она «чувствовала, что он говорил про нее и смотрел на нее, и это тревожило ее». На какое-то время сохранилась эта подробность. Толстой даже начал уточнять ощущения Наташи: она чувствует, что он «неуважительно говорил про нее». В конце концов отпал замысел начать одновременно две противоположные линии в жизни Наташи, и по окончательному тексту известно, что красавец Анатоля только вглядел на лицо Наташи «тем взглядом, каким глядят на стены».

Центральным эпизодом на бале должна быть встреча Наташи с князем Андреем, и ничто не должно отвлекать от нее. Поведение Наташи в первые минуты на бале тоже изменено. Исчезла неестественная для незнакомки в светском блеске девушки выдержка. Наташа теперь совершенно непосредственна. При входе в зал «густой толпой», шатов, приветствия ослепила Наташу, свет и блеск «еще больше ослепил ее». Только «она человека бросилась ей в глаза. Первый — Пьер. На его знакомое лицо она смотрела с радостью, она знала, где он искал ее, он обещал «представить ей кавалеров». Вторым был Болконский.

Она узнала его, вспомнила об его приезде в Отрадное, и он показался ей «помолодевшим, повеселевшим, похорошевшим».

Действие подведено к кульминации. Наташа своей внешностью, на которой не было обычного светского отпечатка, должна привлечь внимание князя Андрея. Этот психологический штрих был очевиден Толстому. Уяснилось также то, что знакомство начнется с танцев. Из сцены танцевального вечера у Иоленты известно, что Наташа танцевала лучше всех, князь Андрей считался одним из лучших танцоров в свое время, до войны. Поэтому так естественно столкнуть их во время танцев.

Урками свет направлена автором на героиню в тот миг, когда она чувствовала, что остается «не известна в танце и что положение это было оскорбительно и что, если так она останется весь бал, только занимая место и даром пропуская ее увальца, которым так восхищалась Аня, то она будет несчастливой». Эти почти детские тревоги Наташи отразились на ее фигурке. Она стояла «опустив свои тоненькие ручки в карман и с милою пожимашкою, чуть определенной сурью, сдерживая дыхание и бормочащими, испуганными, азиатскими глазками глядя перед собой как подстрекаемая птичка, с выражением готовности на беготню, на рать и на всякое горе». Такою нарисовал Толстой Наташу с легкой же улыбкой и такою сохранил, освободив только от сравнения с подстрекаемой птичкой. Быть может, потому убрал Толстой этот образ, что он противился плану Наташи больше бдительности, нежели что было естественно для нее сейчас.

Но сразу опроверглись потребности самой встречи. По первому варианту, Пьер указал князю Андрею на Наташу, но его друг еще раньше обратил внимание на незнакомую дамку. Он не узнал ее. Он понял только, что она на первом бале. Болконский подошел к ней вместе с Пьером и предложил танцевать. Нет в этом наброске того непосредственного впечатления, которое Наташа должна произвести на Болконского, и так не могло остаться.

Появился новый вариант не Пьер поводит Болконского к Наташе, а Болконский сам подходит к Ростовым, отыскивая даму для вальса. Сначала он замечает и много лиц Наташи первое бросилось ему в глаза. Он тотчас узнал ее и пошел к графине, напомнил о себе. К счастью, было вполне удачное решение — Наташа сама обратила на себя внимание князя Андрея, но в наброске танец описан недостаточно, стало участие Пьера, а его роль важна для дальнейшего. По замыслу автора Пьер, выступая на первом или втором плане, то отойти в тень, все время будет сопутствовать отношениям князя Андрея и Наташи.

Толстой не только создал новую композицию этой сцены, используя детали первого наброска. Теперь Пьер указал князю Андрею

Дальнейшее повествование о Наташе и Болконском первоначально развивалось так. После признания Пьеру в любви к Наташе князь Андрей «четыре дня не ездил к Ростовым и никуда, где бы он мог встретить их. Но на четвертый день он не выдержал, и, обманывая самого себя, в смутной надежде увидеть Наташу, он вечером поехал к молодым Бергам». У Бергов Болконский не встретил Наташу, а Вера, как и все бывавшие у Ростовых, «заметила чувство князя Андрея к Наташе» и в разговоре с ним «остановилась на рассуждениях о свойствах сестры», рассказывала о «детской любви» Наташи к Борису. Вслед за тем князь Андрей приезжает к Ростовым и делает предложение Наташе.

Возник замысел несколько замедлить действие и до предложения ввести еще одну встречу Наташи с Андреем. Она пролонгует в театре — так первоначально решил автор. Непосредственно после сцены в спальне матери вставлен был короткий рассказ о том, что после бала Наташа «оживлялась» только тогда, когда говорили о Болконском и «особенно когда по ночам она говорила об нем с матерью». Все это время Наташа была тиха, скучна и даже немиловидна. Она ходила по комнатам, праздная и унылая, тщетно ожидая его посещения». В театре, куда Ростовы поехали в следующее после бала воскресенье, Наташа, «не слушая, не глядя, с потухшим взглядом сидела в ложе»; увидев в партере Болконского, она «встременулась». «Вдруг как бы фонарь вставили в нее, она вся как-то осветилась радостным, счастливым блеском, покраснела и долго, тяжело переводила дыхание. Графиня задумчиво качала головой, глядя на нее». При разезде Болконский подошел к ним и сказал, что Берг, «его товарищ по комитету, звал его к себе в среду вечером», и он надеется увидеть их там. «И среда вечером сделалась целью жизни для Наташи».

Заключительный эпизод был незамедлительно исключен. Встреча в театре не вносила ничего нового в развитие отношений Наташи и князя Андрея. Кроме того, в театре, как было уже решено автором, должна разыграться история Наташи с Анатолом и таким образом, дважды центральное действие происходило бы в театре. Неестественным было также и то, что князь Андрей бывал независимо от Наташи у Бергов, причем даже называл Берга своим «товарищем по комитету». Это не вязалось с образом князя Андрея. Тем не менее еще одну встречу Наташи с князем Андреем Толстому надо было устроить. С этой целью изменено описание вечера у Бергов, у них встречаются князь Андрей и Наташа. Пьер издали наблюдает за ними. Автор передает впечатление Пьера, одновременно рисуя портреты своих героев такими, какими воспринимал их Пьер.

В начале вечера у Бергов Наташа была «молчалива, печальна» и «не только не была так хороша, как она была на бале, но она была

бы дурна, ежели бы она не имела такой кроткий равнодушный ко всему и жалкий вид». Пьеру, глядевшему на нее, невольно пришло сравнение лица Наташи с «расписным красивым фонарем, в котором внутри был потухший огонь». Когда, немного спустя, Пьер опять взглянул на нее, он был удивлен происшедшей в ней переменею. Он увидел теперь Наташу, которая «полив голову, разругавшись и, видимо, стараясь удерживать порывистое дыхание», смотрела на стоявшего перед ней князя Андрея. «И яркий свет какого-то внутреннего огня опять горел в ней. Она вся преобразилась. Она, очевидно, была счастлива, в еще более прекрасна, чем на бале».

Не в авторском рассказе, а в живом действии показаны закреплявшиеся отношения Наташи и Болконского. Перемена в лице Наташи когда к ней подошел князь Андрей, подтверждала это. И теперь естественно говорить о том, как тревожно Наташа ожидает предложения.

Изменялся рассказ о развитии отношений князя Андрея и Наташи, и неизбежно перерабатывалась несколько раз сцена предложения. Первоначально, когда еще не было их встречи у Бергов, а Наташа от Пьера узнала о чувствах Болконского, совсем при этих условиях делает предложение князь Андрей. В первый день после ночного разговора с матерью, когда они решили, что Болконский должен сделать предложение, Наташа «ждала его со страхом». Последовательно раскрывает Толстой мысли Наташи: сначала ей «страшно было, что придет этот князь Андрей, который один из всех мужчин более всех нравился ей, и сделает предложение». Он не приехал.

На следующий день Наташа «уже нетерпеливо и страстно ждала его и боялась, что он не придет». Автор объясняет нетерпение юной девушки: «Ежели бы она умела сознавать свои чувства, — пишет Толстой, — то она увидела бы, что нетерпение это происходило не из любви, но из страха оказаться смешною и обманутою в глазах себя и матери и, ей казалось, всего света». Вечером, придя к матери, она расплакалась в ее постели слезами «обиженного, оскорбленного ребенка», говорила, что не хочет слушать того, что ей Безухов «наговорил», и она ему скажет, «чтобы он вперед не говорил» ей «таких глупостей». Потом она сердилась и объявила матери, что она вовсе не любит и никогда не любила князя Андрея и не пойдет за него теперь, пускай он как хочет будет просить ее. Однако ее ни на минуту не оставлял «мучительный неразрешимый» вопрос, будет ли еще просить ее «такой страшный, такой похожий на всех остальных» Болконский.

Стремясь перебороть себя, Наташа заявила матери, что она не хочет выходить замуж и что она теперь успокоилась. В тот день, когда она, решив вернуться к прежнему образу жизни, ходила по залу и пела,

любуюсь собою и своим голосом (эта сцена с первой рукописи близка к завершённому тексту), приехал князь Андрей

По первоначальному варианту, князь Андрей не намеревался делать в этот день предложение. В разговоре с Наташей он сказал, что ему необходимо уехать, и это обидело девушку. Когда он zagлянул на нее, «серьезная страстность ее выражения испугала его как неожиданность». Он хотел не смотреть на нее, но «такое новое счастье любви обхватило его, что он не мог этого сделать».

Ведет сцену Наташа — она своей пробудившейся страстностью и непосредственностью подчиняет князя Андрея. Она стояла «так близко от него, так робко и преданно, с опущенными прямо руками и нежным взглядом, устремленным на него, как будто она говорила: «Что ж, возьми меня. Вот она, я». Но она не только не сказала этого. Она опять не дала ему выговорить того, что он хотел» и, простившись с ним, пошла из комнаты. Князь Андрей побежал за ней. Она повернулась и, не дав ему говорить, стала спрашивать, правда ли то, что ей рассказал Безухов. «Правда ли это? Мне надо это знать». — Наташа не смотрела на князя Андрея и чем больше оскорблена была ее гордость, что она говорила это, тем более вид ее был гордый и презрительный». В эту минуту князь Андрей «не думал ничего о своих прежних решениях, не знал, что он говорит. Он чувствовал себя новым и счастливым. — «Да. Хотите вы быть моей женой?» — сказал он, подходя к ней еще ближе и взяв ее руку». Наташа ничего не могла отвечать на это. «Внутренняя работа, происшедшая в ней, измучила ее. Она громко вздохнула, другой раз, чаще и чаще и зарыдала».

После того, как князь Андрей, улыбаясь, спросил ее: «Да?», она сквозь слезы улыбнулась, «нагнулась над его головой, подумала секунду, как будто спрашивая себя, можно ли это, и поцеловала его».

Такова в первом наброске сцена предложения. Затем князь Андрей старался убедить Наташу, что отъезд его неизбежен, говорил, что хочет получить согласие отца, что поспешным решением не хочет связывать Наташу — она «молода», «страстна», он «стар», «вдовец». у него сын. Надо отсрочить свадьбу на полтора года, и за это время Наташа проверит свое чувство к нему; если она полюбит другого, она должна считать себя свободной. Было условлено, что разговор из-останется тайной, и Наташа решила только матери рассказать обо всем.

И реакция Наташи, и переживания князя Андрея, и причины отсрочки свадьбы определились, и все-таки в том же рукописи сцена переделана. По-видимому, не в характере князя Андрея сделать такой серьезный шаг, заранее не обдумав его. Ведь только потому, что Пьер без-

ведома князя Андрея сообщил Наташе о любви Болконского к ней, она с трепетным волнением ожидала его и, главное, прямо спросила его об его чувстве к ней, ссылаясь на Безухова.

В новом варианте исключено участие Пьера. Наташа хотя и взволнована, но ни о чем не спрашивает Болконского и не выражает обиды. По повому наброску, ведет сцену не Наташа, а князь Андрей; он приезжает уже с твердым намерением сделать предложение.

Реакция Наташи передана почти так же, как и в первом наброске. Князя Андрея так же, как и в первом, испугала «серьезная страстность ее выражения». Он сразу начал разговор:

«— Я приехал узнать о своей участи, которая зависит от вас.

Лицо Наташи просияло, но она ничего не сказала.

— Я приехал сказать вам, что я вас люблю и что мое счастье зависит от вас. Захотите ли вы соединить свою судьбу с моею?

— Да,— тихо, тихо сказала Наташа.

— Но знаете ли вы, что я вдовец, что у меня сын, что у меня отец, которого бы я желал получить согласие?»

Волнение и растерянность Наташи росли. Она сбивчиво говорила о том, что она «ничего не знает», «не понимает», кроме того, что «очень счастлива». На вопрос князя Андрея, даст ли она ему год отсрочки, не разлюбит ли его, Наташа не могла отвечать. И далее полностью повторен текст первого наброска о том, что она, измученная внутренней, происшедшей в ней работой, не могла ничего выговорить и зарыдала. После того, как князь Андрей поцеловал ее руку, она, улыбнувшись сквозь слезы, нагнулась над его головой и поцеловала его.

В следующей рукописи внесены существенные перемены. Князь Андрей до предложения Наташе едет к отцу, чтобы получить его согласие. Теперь не сам князь Андрей, а отец требует отсрочки свадьбы. И, вернувшись в Петербург, князь Андрей, делая предложение, сообщает при этом волю отца, которую он считал необходимым выполнить. Кроме того, внесена поправка в нарушенный князем Андреем этикет. По новому варианту, Болконский объявляет о своем намерении сначала матери, передает ей волю своего отца, а потом уже говорит с самой Наташей.

Когда мать пришла за дочерью и послала ее к князю Андрею, Наташа «побежала в гостиную, быстро отворила дверь и вдруг, увидав его, остановилась. Неужели этот чужой человек сделался теперь все для нее?» В следующей рукописи первая реакция Наташи изменена. Когда графиня пришла за ней, Наташа посмотрела на мать «большими блестящими глазами и, сама не помня как, вошла в гостиную». В окончательном тексте графиня застала Наташу в спальне. Она сидела на своей кровати «бледная, с сухими глазами, смотрела на образ и, быстро

пряженном состоянии Наташа говорит также то, как воспринимала она письма князя Андрея, в которых он заверял ее в своей «навек преданности и любви» и подтверждал, что невозможно вернуться ранее назначенного срока. По первому варианту, Наташа, читая письма, сквозь слезы кричала, что нечего испытывать целый год, что это «дурацкие опыты», что «на зло» влюбится в кого-нибудь, «вот он и будет зпать». Только воспоминание о бале, о Болконском, каким он был на другой день после бала, успокоило Наташу, и «проплакав ночь над своим горем, Наташа перестала думать о нем. Она не то чтобы помирилась с мыслью ждать его целый год. Этого она не могла. Ежели бы она старалась это сделать, она бы только все больше и больше раздражалась, — она забыла, нарочно забыла и не думала об этом».

Повышенная раздраженность, ясно выраженная в первом наброске, мало говорила о глубине чувства Наташи к князю Андрею. В новом варианте это исправлено. Наташа, получив письмо, также раздраженно «со слезами на глазах» закричала: «Какой дурак!», но зато, успокоившись, несколько дней ходила «с восторженными глазами, говорила только про него» и считала дни до его приезда. «Но это было слишком тяжело. Чем сильнее она любила его, тем страстнее отдалась она мелким радостям жизни».

Не капризным ребенком отныне представлена Наташа. Она полна душевных сил, она чувствовала себя проще, добрее и умнее. «Никогда не чувствовалась ею ни красоты природы, ни музыки, ни поэзии, ни прелесть семейной любви, дружбы с такой ясностью и простотой». Ей казалось, что любовь к князю Андрею «так сильно вкоренилась в ее душе», что она «не боялась забыть его».

Создался прелестный образ девушки, овеянный высокой нравственною чистотой. Тем не менее автор отказался и от этого текста. В одном из последних вариантов он заменил его кратким напоминанием о том, что от князя Андрея «каждый месяц получались длинные письма из Италии. Он писал, что он так же счастлив своей любовью и так же несчастлив разлукой». В напечатанном тексте еще лаконичнее; нет ни слова о любви, сообщено лишь об отсрочке приезда из-за того, что открылась старая рана. Не отмечено, как приняла Наташа это письмо; сказано только, что в ту пору она была «так же влюблена в своего жениха, так же успокоена этой любовью и так же воспринимала ко всем радостям жизни». Толстому пришлось долго вживаться в душевный мир Наташи, чтобы в конце концов так коротко и просто сказать о ее любви и успокоении этой любовью.

Так же кратко автор сообщил о резкой перемене ее настроения в конце четвертого месяца разлуки. На нее «начинали входить минуты грусти, против которой она не могла бороться. Ей жаль было самое

себя, жалко было, что она так даром ни для кого пропадала все это время, в продолжение которого она чувствовала себя столь способною любить и быть любимой».

Растущее беспокойство было причиной резких переходов от песелья к слезам и неизбежно должно было прорваться. Это также потребовало авторских поисков. Толстой показал, как Наташа в «полугрустном состоянии воспоминания» остановилась на мысли о князе Андрее: «Ах, поскорее бы он приехал. Я так боюсь, что этого не будет!» И тоска, ни разу до того внешне не выказывавшаяся, вдруг прорвалась. «Своим грудным голосом, сквозь чуть заметную улыбку, точно таким голосом, каким она на обете ребенка требовала пирожного», она закричала: «Мужа надо. Дайте мне мужа, мама, дайте мне мужа».

На фоне шалости Наташи, перед тем описанных, ее шуток со слугами, которых она тормошила, вырвавшийся из глубины души крик был воспринят окружающими как очередная шутка, и им показалось смешно. Так было в первоначальном варианте. Этот коротенький эпизод, важный для раскрытия душевного состояния Наташи и для ее дальнейшей судьбы, недостаточно связан был с предыдущим рассказом о ней. Необходимо было внутренне обосновать вспышку, чтобы она не казалась неожиданной.

В новом тексте внешним поводом вызвал наружу душевную тоску Наташи. На вопрос матери: «Что ты ходишь как бесприютная?» Наташа, «блестя глазами и не улыбаясь» (в предыдущем варианте было: «сквозь улыбку»), сказала: «Его мне надо, сейчас, сейчас, ему мне надо». При этом слово ее оборвалось, слезы брызнули на глаза. По новому варианту, наташины думы о желанном приезде жениха расшланы. Ей начинает казаться: «Может быть, он и впрямь придет, сейчас придет. Может быть, он приехал и сидит там в гостиной. Может быть, он вчера еще приехал и я забыла». Появилась недостававшая в первоначальном варианте напряженность. Воюя в таком состоянии в гостиной, где все сидело за чапным столом, «а князя Андрея не было», Наташа оглядывалась кругом, как будто искала чего-то. «— Мама! — проговорила она — Дайте мне его, дайте, мама, скорее, скорее, — и опять она с трудом удерживала рыдания». Теперь всем ясно было, что это не шутка и не каприз подростка, а прорвавшаяся тоска девушки, созревшей для любви.

Святочное веселье, пляшущие гадания внесли только внешнюю успокоенность. «С каждым днем Наташа становилась взволнованнее и взволнованнее». В таком сильном внутреннем напряжении Наташа едет с отцом и Соней по Огудинскому в Москву.

Созерцательная жизнь в деревне в предыдущем году подготовила встречу в Петербурге с князем Андреем; вариационность. назвала

дая ожиданием князя Андрея, подготовила встречу с Анатолом Курагиным в Москве. Эпизод с Анатолом Толстой считал «узлом» романа.

* * *

Такой «узел» был задуман еще в первых набросках планов, но обстоятельства, при которых он завяжется, долго не определялись. Несомненным оставалось одно: «история» Наташи с Курагиным будет резко контрастна истории зарождения и развития любви Наташи и князя Андрея. Порочная чувственная любовь Анатоля и освещенная благородством чистая одухотворенная любовь князя Андрея — вот те два ключа, в которых создавались две «истории».

В ранней редакции встречу Наташи с Анатолом предварял рассказ об Анатоле и его друге Долохове, представителях «общества кутиль», «холостого, мужского света», которые завели «какое-то масонство доджанства, презрения, грубости к женщине». Словом, совершенно четко определено направление, в котором будет завязываться «узел».

Задумано было вначале, что знакомство Наташи с Анатолом произойдет у Жюли Курагиной (по ранней редакции — Ахросимовой), но прежде они издали увидят друг друга в театре. Сцена в доме Жюли не получила развития; эпизод в театре был создан, но это не та встреча, которая известна по роману. По первому наброску, в театре Долохов указал Анатолю на Наташу, сидевшую в ложе с отцом, и предложил ему поехать к Ахросимовым, где будут и Ростовы. Наташа видела, что Анатолий и Долохов смотрели на нее, и «она смеялась, говоря что-то отцу, и не смотрела на них, но лицо ее светилось уже тем блеском и прелестью, которое придавало ей восхищение других. Восхищение усиливалось, и прелесть усиливалась. (Она знала, что Анатолий и Долохов были львы Москвы; ей обещала обоим показать нынче вечером Жюли, и Наташе досадно было, что они не обращали на нее внимания.) Теперь *cercle vicieux* * установился между ей и Анатолем, через весь театр». Кратко отмечено, какое впечатление она произвела на Курагина (*Délieuse cette petite* **). — сказал Анатолий и во время пьесы, повернувшись назад, смотрел на Наташу. «Она, разумеется, только смотрела пьесу, ни разу не взглянула на него, но все хорошела, и Анатолий влюбился по-своему».

На этом прервался стройный рассказ. Дальше в конспекте намечена встреча Наташи с Анатолом, не указано только, где она произойдет. «Анатолий с Наташей встретились, как старые знакомые, не вследствие

* порочный круг.
** Прелесть для

знакомства в Петербурге, а вследствие театра». Даже из отрывочных записей конспекта вполне уясняется характер встречи. «Победитель Анатолий». «Они сейчас же уселись за стол» «Анатолий, как милость делает, признает, что у нее для него достаточно хороша нога». Образ действия Анатолия ясен, а на поведение Наташи нет ни намека.

В следующей, также конспективно изложенной сцене определилась стремительность развязки. Старый граф приглашает Анатолия в деревню. Соня «караулит». Она «проснулась рано. Наташи не было. Бежит искать. В саду встречается Наташа, счастливая бросается ей в объятия». За ней идет Анатолий. Следует краткий диалог. Соня увещевает и предостерегает Наташу. Текст письма Наташи с отказом князю Андрею намечался очень резким: «Я люблю другого. Я отдалась ему. Это Анатолий Курагин». Заканчивается конспект отъездом Анатолия по требованию Софии из Отрадного. Наташа «рыдала, не ела, приняла яд и обожала Анатолия».

Точно определилось направление всей истории, найдены даже некоторые подробности. Однако многие из намеченных ситуаций оказались неестественными и, разумеется, не могли удержаться. Не было, например, никакого повода у графа Ростова приглашать к себе в деревню Анатолия, дурная репутация которого была широко известна. Совершенно невозможно допустить, чтобы Наташа провела ночь с Анатолом в саду (ведь Соня, проспавшись рано утром, обнаружила, что ее нет). А письмом к Болконскому со словами: «Я отдалась ему» никак не вяжется с образом Наташи. Неестественно, чтобы Соня, молодая девушка, решила объясняться с Анатолом. Все было обречено на исключение из романа.

Толстой долго бился, ища правдивого воплощения задуманного конфликта. Как нередко бывало, писатель отошел немного назад от кульминации эпизода с Анатолом и начал рисовать Наташу в первые дни приезда ее в Москву.

Ростовы приехали в Москву в феврале. «Никогда Наташа не была так взволнована, так готова, зрела для любви и потому так женственно хороша, как в этот свой приезд в Москву». Все ее мысли связаны с князем Андреем, которого она надеялась застать уже в Москве. Она «страстно желала этого, так сильна была в ней потребность любить мужчину не в одном воображении», и так тяжело становилось ей ожидание своего жениха.

В Москве усиливалось смятение в душе Наташи. Она узнала о женитьбе Бориса, и это ей было «больно и досадно», хотя она убеждала себя, что ей не было дела до Бориса, когда она сама невеста «самого лучшего человека в мире». От Пьера она узнала, что князь Андрей уже в дороге, и Пьер показал ей «деловое и сухое» письмо князя Андрея,

которое, «он чувствовал, разочарует ее». Опять, в который раз, на втором плане, как бы случайно вблизи Наташи проходит Пьер.

(Конечно, решено, что трагический эпизод жизни Наташи начнется в театре. «Наташа была свежая из деревни» и приехала в театр душевно спокойная. «В ее воспоминании и воображении были только Никола с Соней, дядюшка, Карай, Анисья Федоровна, баня, морозная месячная ночь, лилюющей снег на закате, ямщики, дорога». Толстой ввел было в этот ряд ее «спокойные радостные мысли об Андрее», но тотчас, не уточняя, отметил лишь, «сознание того, что она спокойна, что ее девичья карьера кончена, что она счастлива и спокойна». Шаг за шагом показывается, как непривычная блестящая обстановка театра меняла настроение Наташи. Едва только она «скинула с плеч соболью шубку» и почувствовала, что она «очень хороша», как исчезло все ее «деревенское спокойствие» и в «глазах засветились веселые, вызывающие звездочки».

Особенно подробно рисуется внешность Наташи в этот вечер. Она села, «облокотив тонкую обнаженную руку на бархат балюстрады». «Прическа à la Grecque, открытое спереди платье на тонкой, еще костлявой шее с жемчугами очень шло к ней». Они разговаривали с отцом «как-то особенно торжественно, не так, как они говорили между собой дома». «Сознание обнаженности плеч и груди, ощущение свежести, чистоты рук, обтянутых перчатками, запах духов и ощущение чего-то стройно возвышенного на напыщенной голове и не имеющего быть нарушенным — все эти ощущения соединялись в ней с особенным душевным состоянием восторга и самодовольства и легкости всего».

Вот это состояние внутренне подготовило увлечение Анатолем. Последующий рассказ о том, как воспринимала Наташа спектакль, рассказ об Анатоле, Долохове, об Элен, неблагоприятная роль которой в истории Наташи с Анатолем с этого варианта закрепились, — все будет показываться в тесной связи с колебаниями душевного равновесия Наташи.

Поиски композиции не остановились. Неестественно было полностью отделить рассказ об увлечении Наташи от ее отношения с князем Андреем. Толстой решил ввести в сюжетную линию до встречи Наташи с Анатолем ее визит к старому князю Болконскому. И сюда Толстой попытался включить Пьера. Не по совету Марьи Дмитриевны (как в окончательном тексте) Наташа с отцом поехали к Болконским, а Пьер «сообщил ей о желании княжны Марьи видаться с ней» и с своей стороны посоветовал «познакомиться с стариком, будущим великим». Композиция сложилась, наконец, так, как существует в романе, проезд Ростовых из Отрадного в Москву, визит к Болконским и затем театр.

Рисуя Наташу в Москве, Толстой не раз напоминал, что Наташа была «очень молчалива и сосредоточена». На другой день она поехала

с отцом к князю Болконскому, который «не мог принять, но княжна Марья просила войти к себе». Все время визита Наташа была «молчалива и строга». Ее поражала и отталкивала атмосфера страха, царившая в этом доме. И после того, как старый князь, «пробурчав что-то», прошел через комнату и затем Тихон доложил княжне Марье, что князь приказал ей ехать к тетюшке, Наташа не выдержала, встала, сказав княжне: «Я ни за что не войду в дом, где отец моего мужа будет презирать меня. И хотела вам сказать, лучше все оставить.. лучше. — Она заплакала, и княжна Марья заплакала, и они стали целоваться. И в этом положении их застал старый граф».

Визит к Болконским оказался некоторой разрядкой. Наташа «после своего сосредоточенного, молчаливого состояния, в котором она была со времени приезда», собираясь в тот же вечер в театр, «вдруг сделалась так безумно весела и общоразительна, как она бывала в свои лучшие минуты». Когда несколько обеспокоенная графиня, которая «всегда своим материнским чутьем боялась чего-то от дочери», заговорила о предстоящем завтра приезде к ним княжны Болконской, Наташа прервала разговор. «Не говорите мне, мама, про Болконского, — сказала Наташа — Года все видно будет. Теперь пока надо веселиться, едем..»

Веселость Наташи мешала действию развиваться в том смысле, что не создавалась контрастность между настроением Наташи до театра и в театральной обстановке. Вероятно, поэтому, не закончив наброска, Толстой изменил сцену визита Ростовых к Болконским. По новому варианту, Наташа замечала, что отец ее неохотно поехал к старому князю и робел, входя в дом; она почувствовала, что княжна Марья была взволнована, Наташа была «оскорблена и оторчена и, сама того не зная, своим спокойствием и достоинством внушала к себе уважение и страх в княжне Марье».

После оскорбившей Наташу выходки старого князя (этот эпизод сохранился по предыдущему наброску) Наташа заплакала, сказав: «Лучше все оставить». Так было и в первом варианте, но теперь исчезли решительные слова Наташи, что она не войдет в дом, где ее не принимают.

Весь день после визита Наташа была «молчалива и сосредоточена», в театр она ехала «без всякого удовольствия» и поехала «неохотно». Когда же она в зеркале увидела, как она хороша, ей «еще более стало грустно» — но грустно сладостно и любовно.

Ничего как будто не подготовляло конфликта в судьбе Наташи, но он назревал, причем в новой редакции более правдоподобно, чем было в ранней наброске. Мысли о князе Андрее, любовь к нему, ожидание встречи так взволновали Наташу, что она старалась только не думать об этом, чтобы не зарыдать. Она старалась уверить себя, что ни дела

пет до его отца и сестры, потому что она любит его одного. В таком состоянии «грустная, но влюбленная» Наташа вопила в театр. При ярком свете и звуках любимой увертюры «она стала еще грустнее и влюбленнее». Опять промелькнул в ее мыслях князь Андрей: она не думала о нем, «но она чувствовала так, как когда она была с его присутствием. Она чувствовала себя размятченной и растрепанной. Ей хотелось «припасть к кому-нибудь, ласкаться и любить». Благодаря своему «грустному поэтическому настроению» Наташа была «особенно хороша» и «поражала особенно своей полнотой жизни и красоты в единении с равнодушием ко всему окружающему». В этом наброске не описан туалет Наташи, а душевное состояние ее почти противоположно тому, какое намечено в предыдущем варианте.

Была попытка опять как-то подготовить предстоящее событие и жизни Наташи. Упомянуто, что она была «в эту пору вполне созрелой для любви красавицей», глаза ее «сияли особым восторженным любовным блеском», и все, что она видела и слышала в театре, «заставляло ее вспоминать о любви и желать ее. Но она желала не той наскучившей уже ожиданием любви, которую она испытывала в деревне к князю Андрею, а какой-то другой, светлой, веселой, блестящей, и не будущей, а той любви, о которой говорил и яркий свет, наполнявший театр, и музыка, которую она слышала». Однако Толстой тут же отказался заранее раскрывать от лица автора ощущения Наташи и оставил героиню пока что равнодушной ко всему окружающему. (Так дошло до печати.) Благодаря этому представилась возможность показать, как душевный переворот созревал постепенно под влиянием непримечной для нее обстановки театра.

Стержень «истории» с Анатолем, ее кульминация и развязка определены после длительных поисков в период редакции романа, но Толстой и позже продолжал работать над этим «узлом», стремясь усилить контраст между естественной жизнью в деревне и насквозь искусственной жизнью города. Это надо было для того, чтобы показать, к каким неожиданным моральным падениям может привести город с его фальшивым блеском.

В самом начале автор сообщает, что «после деревни и в том серьезном настроении», в котором была Наташа, все, что ей представилось в театре, «было только дико и удивительно». О самом спектакле сказано, что, как ии редко бывала Наташа в театре, она «знала, что все это так и будет, и не интересовалась тем, что было на сцене, и не слышала музыки, так как, как будто нарочно, — разъявляет автор, — здесь было соборно все для того, чтобы развлекать внимание от музыки». Главная цель этой сцены — создать возбуждающую театральную атмосферу, в которой постепенно исчезало серьезное настроение Наташи.

Неразрывно с таким замыслом связан и самый спектакль и появление Анатоля, овладевавшего мыслями Наташи по мере того, как окружающая атмосфера затягивала ее.

Во время первого акта в зал вошел Анатолий. Наташа узнала его, вспомнив, что заметила его на петербургском бале. Она поняла, что Анатолий с Элен и Долоховым говорят сейчас о ней.

После первого акта Толстой уже не упоминает серьезного настроения Наташи, напротив, подчеркивает, что «в том состоянии опьянения, в котором она находилась, все казалось просто и естественно», и она улыбнулась Борису «точно так же», как «голая Элен» улыбалась всем. Наташе было, что Анатолий говорил о ней. После второго акта Наташа пересела в локу Элен. После третьего акта, еще более яркого, с бурей, с шумной немелодической музыкой, настроение Наташи еще сильнее отошло от «серьезного». Она, как писал Толстой уже в наброске, с удивлением и недоумением смотрела на все это бессмысленное, бестолковое движение, на богатство одежд, блестящий свет и, главное, огромное количество людей пожилых, почтенных, с восторгом слушающих, смеющихся и кричавших браво, заставляло ее искать ту точку зрения, с которой все это и было прекрасно. Она нравственно съезживала (...) * и могла уже находить (...) * очень, очень хорошим». Вставка не дошла до печати, но смысл сохранился в замеченной ее короткой фразе о том, что Наташа «уже не находила этого страшным. Она с удовольствием, радостно улыбаясь, смотрела вокруг себя».

Нравственное отношение к окружающему все слабее в Наташе. После третьего акта она знакомится с Анатолем. Теперь автору нужно показать поведение Анатоля, из-за которого Наташа «со страхом чувствовала, что между ним и ею совсем нет той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собой и другими мужчинами». Нарастающее волнение Наташи противопоставляется самоудовольствию Анатоля. И когда Анатолий, «спокойный и веселый», вышел из локи Элен, Наташа вернулась к отцу в локу, совершенно подчиненная тому миру, в котором она находилась. Для того, чтобы разительнее стала происшедшая в ней перемена, вследствие которой «все, что происходило перед ней, уже казалось ей вполне естественным» добавлено: «... но зато все прежние мысли ее о жизни, о князе М., о деревенской жизни ни разу не пришли ей в голову, как будто все то было давно, давно прошедшее». К этому Толстой вел свою Наташу.

Волнение Наташи в тот вечер и молчаливая атака Анатоля все усиливаются. Из всего четвертого акта Наташа видела только какого-то

* На листе чернильное пятно, и слова не поддаются прочтению.

товании Польши и разные самые несправедливые слухи о громадных силах, об угрозах Наполеона», Наташа была «особенно набожно раздражена». В это воскресенье она «в белом платье слушала, как всегда, службу с пещной набожностью, но, кроме того, она уж чувствовала чувство жизни, которого прежде не испытывала. Каждое слово службы имело для нее живое, сильное значение». Когда прочли только что полученную из Синода молитву о спасении России от вражеского нашествия, Наташа, встав с колен, «в первый раз созидала в себе новое чувство ненависти к врагу, оскорбленной гордости к французам за своих, за русских, за дядюшку, за папеньку, чувство, которым, — подчеркивает Толстой, — она давно уже жила, сама не зная этого».

Композиционная перестройка обусловлена была именно тем, чтобы коренным образом изменить пафос рассказа о Наташе. По новому варианту, вернувшись ей под напором не только религии, но патристического подъема силы влились в общее русло жизни народа.

После того, как дружеские отношения Наташи с Пьером закрепились, Толстой решительнее создает такое стечение обстоятельств, при котором Пьеру естественно было принимать участие в ее судьбе. Столкнув Пьера с Наташей в серьезный момент жизни обоих героев и всей страны, Толстой смог внести новые черты и в образ Наташи и в ее взаимоотношения с Пьером.

Возвратившись из церкви, Наташа готовилась встретить приехавшего к обеду Пьера упреками «за его равнодушие к судьбе Пети, к его французскому письму, но, к удивлению своему, она нашла его уже в том расположении духа, в каком она желала найти его». Пьер взволнованно рассказывал полученные им от Растопчина последние сведения.

После обеда они остались вдвоем. Шуткам Пьера о том, «как модные дамы учатся по-русски и князь Борис Владимирович Готлицыи взяв себе учителя», Наташа улыбалась, но «оживлялась только тогда, когда он рассказывал ей о положении дела».

Патриотизм, пробужденный Отечественной войной, сильно сблизил Наташу и Пьера. Наташа расспрашивала его, «как он думает, выиграем ли мы сражение». Пьер рассказывал о предсказаниях апокалипсиса и делал при ней вычисления. Наташа «долго с горячностью устремленными глазами смотрела на эти цифры и поверяла их истинность». Она была так взволнована, что Пьер рассказывал даже, что едет на войну.

Открыв в своей Наташе новые черты характера — любовь к родине, тревогу не только за близких, но за всех людей — Толстой рисует сцену прибытия во двор к Ростовым раненных в Бородинском сражении. Рассказывая об оставлении Москвы, Толстой стремится раскрыть в образах ранее высказанное убеждение в том, что «дел после Бородинского сражения «совершенно верно отразилось в сознании

народа Москвы». Этой же мысли подчинена сцена участия Наташи в судьбе раненых. «Как только Наташа с охотником взялась переносить раненых в дом, кормить, поить их», так из всех домов и от толпы высыпались люди и последовали ее примеру». Поступок Наташи так выволновал родителей, что граф Ростов закричал громко, весело: «Швыряй, к черту, с подвод, накладывай раненых». На следующий день к Ростовым привезли еще раненых, и среди них были князь Андрей и Тимохин. Князь Андрей лежал без памяти, а Наташа «не знала, кто лежит, умирая, около нее». Так в первом варианте почти мимолетом упомянуто, что в доме Ростовых среди раненых был умирающий князь Андрей.

Автор не удовлетворен таким решением. набросок зачеркнут. Наташа должна узнать о князе Андрее, но при каких обстоятельствах, Толстой не сразу решил. По новому варианту: Наташа, делая перед отъездом «последний обзор раненых», увидела камердинера князя Андрея, «который приносил ей записки от жениха. — Князь? — спросила она. — Камердинер «вздыхнул и указал на дверь. Наташа остановилась, вскрикнула и побежала вон из комнаты». Она прежде всех села в карету и, «закрывши бледное лицо платком, сидела, не шевелясь, в углу до самого отъезда». Едва закончив эту короткую сцену, Толстой немедленно приступил к ее переработке.

Судя по следующему варианту, передатка была вызвана тем, что для Наташи, всегда стремительной, а сейчас особенно возбужденной, подобное поведение вряд ли было естественным. Она узнает о князе Андрее и не только не делает попытки вбежать к нему, но никому ничего о нем не говорит. Кроме того, если Наташа к моменту отъезда уже узнала, что с ними едет умирающий князь Андрей, — ослаблялась напряженность дальнейшего действия.

По новому варианту, Наташа знает, что в комнате лежит тяжело раненный офицер, но не подозревает, кто он. «Она вбежала туда, чтобы узнать, едет ли он. Первое лицо, которое она увидела, был камердинер князя Андрея, который приносил ей записки от жениха. Какое-то давнишнее, счастливое и вместе грустное воспоминание мелькнуло в ее голове, но она не узнала Петра».

— А вы едете? — спросила она.

— Как же надо будет

Петр вздохнул. Наташа побежала дальше. Через час весь поезд Ростовых и раненых тронулись из Москвы по дороге в Троицу». В суматохе сборов Наташа была как в тумане, она не задержалась на промелькнувшем в ее мыслях отдаленном воспоминании; но это воспоминание подготавливает к предстоящей развязке. Так дошло до новой рукописи.

Рукописи позволяют допустить, что этот эпизод решался в связи с другим, столь же существенным для образа Наташи, — встречей ее и Пьера в день выезда из Москвы. По первоначальному замыслу, Пьер встречает Ростовых не неожиданно на улицах Москвы, а приходит к ним, только что вернувшись из Бородинна. Пока сохранялся первый набросок, по которому Наташа не знала, что у них находится Болконский, Пьер пришел к Ростовым и говорил Наташе о своей любви к ней. Позже первый эпизод изменился — Наташа от камердинера узнала о князе Андрее; Пьер явился к ней в тот именно момент, когда она была одна в комнате, потрясенная известием о князе Андрее. Затем снова изменяется первый эпизод: уезжая, Наташа не знает о князе Андрее и встречает Пьера случайно у Сухаревой бабки. Наташа оживлена, она рада видеть Пьера. Такая сцена, видимо, нужна была ради Пьера, ради его растущей любви к Наташе. Создать встречу в таком тоне было бы невозможно, если бы Наташа знала о раненом князе Андрее.

Все еще не удалось найти, при каких обстоятельствах Наташа узнает о Болконском, ясно только, что это должно случиться уже после свидания с Пьером. Появился такой вариант: выехав из Москвы, поезд Ростовых вдруг остановился. Наташа увидела, что «возятся около передних брички с офицерами», услышала слово «кончается» и с «обычной быстротой» отперла дверцу, откинула подушку, сбегала и побежала вперед. В передней повозке на ситцевой подушке лежал лицом вверх князь Андрей с закрытыми глазами и, как рыба, открывал и закрывал рот, ловя воздух. Доктор стоял уже на подножке и щупал пульс». Первое впечатление Наташи передано двумя только фразами: «Наташа схватилась за колесо повозки, почувствовала, как бьется одна о другую ее колени. Но она не упала». После того, как доктор сердито велел ей уйти, она «пошла покорно» к своей коляске.

Ростовы остановились на постоялом дворе на перекрестке (Мытищи не названы), и вечером доктор объявил, что Болконскому лучше, что он может поправиться и доехать. Главное, доехать. Когда расположились на ночлег, Наташа легла к матери, прижалась к ней и зарыдала. Ее не успокоили заверения матери, что он будет жив. Она повторила: «Нет, я знаю, что он умрет». Наташа не могла ни спать, ни лежать, и, когда все заснуло, она встала, не обдумав, вышла в сени.

Длительные творческие поиски подождать к концу. Наконец определены те условия, при которых судьба должна решиться. Последний раз свести Наташу с князем Андреем. При выезде из Москвы Соня увидела князя Андрея, когда его полумертвого вносили в повозку. Она сообщила об этом маме, а в пути «непонятно для чего» рассказала Наташе. И Наташа с этой минуты находилась в «состоянии ожидания». По этому

варианту, Наташа ни разу не видела князя Андрея ни дома, как намечалось в первом наброске, ни в пути, как было в предыдущем. Тем сильнее окажется впечатление от их первого после разлуки свидания в Мытищах.

В сцене свидания, в первой же редакции ее, был найден правильный фокус. Ранний набросок создан с большим подъемом, и при всей его краткости и высшей степени драматичности. Наташа босая слышными шагами подошла к князю Андрею, но он услышал, «тяжело открыл глаза и вдруг радостно, детски улыбнулся». Наташа ничего не сказала, «изупала неслышно на колени, взяла его руку, прижала к вдруг вспухнувшим слез губам и нежно прильнула к ней. Он делал движения пальцами, он что-то хотел. Она поняла, что он хотел видеть ее лицо. Она подвила свое детски изуродованное всхлищиваниями мокрое лицо и посмотрела на него. Он все так же радостно улыбался». Наташа и Андрей не замечали, что доктор и Гимокhin испуганно смотрели на них.

«— Можете ли вы простить?»

— Все, все, — тихо сказал Андрей.

После коротенького диалога Наташа «вдохнула тяжело и легко вышла из комнаты». Толстой, видимо, хотел продолжить сцену свидания, добавив было к последней фразе: «и вернулась», но на мгновение возникший замес отпал, дописанные слова вычеркнуты.

Не описан еще бред князя Андрея и не дан анализ его душевного состояния, но намечено самое главное — общее настроение всей сцены. Определены внешние подробности картины: скоба двери, нагоревшая сальная свеча, спящие в сенях какие-то люди, упоминается и раненый Тимохин, лежавший в той же комнате и «стыдливо» закрывавшийся плащом. Сцена будет переработана и развита, стержень и контуры ее сохранятся. Следующий вариант совсем близок к концу. Первоначально,

Линия Наташи — князя Андрея подходит к концу, схема его сводит к следующему. Оставив Москву, Ростовы обосновались в Тамбове; Наташа и Соня ухаживают за выздоравливающим Андреем. Ростовы и Пьер Андрей уже знали из письма княжны Марьи, что она едет с Коленовым (князем Андреем) в Тамбов, «благодаря Nicolas Ростову, который ей с ним был для нее самым нежным другом и братом». Княжна Марья была «много та невеста, которая требовалась для поправки Наташи дел, и графиня «стелая тайно эту мысль». Всем казалось, что Наташа и князь Андрей «были попрежнему влюблены друг в друга, но на конференции Наташа объявила матери на вопрос ее о том, что из этого будет из их отношений только дружеские, что Наташа отказала ему и не имела с собой отказа и не имеет причин заменить его».

и зарождение дружбы Наташи и княжны Марьи. Только они вдвоем, Наташа и Марья, были при умирающем, и они плакали «от благоговейного умиления, охватившего их души перед сознанием простого и торжественного тайнства смерти, совершившегося перед ними». Так в завершенном романе.

Важная для произведения перемена (смерть князя Андрея) потребовала перестройки дальнейшего. Появился конспект действия после смерти князя Андрея: «Как это утихло горе — неизвестно, но оно утихло. Наташа и княжна Марья, напротив, никогда не говорят про князя Андрея». С развития этой мысли начались главы о Ростовых. С первого варианта на переднем плане Наташа и княжна Марья после смерти Андрея. Задача автора — найти наиболее правдивые для каждого из характеров стимулы постепенного возрождения к жизни.

В создаваемом наброске действие происходит спустя две недели после смерти князя Андрея. У Ростовых живет княжна Марья, которая «теперь не могла себе представить жизни без Наташи. Насколько прежде ей не нравилась Наташа, настолько сильнее теперь, после того времени, которое они одни пережили с ней вместе у умирающего Андрея, княжна Марья испытывала к Наташе робкое, осторожное и подобострастное обожание, которое ее спасало от ее горя».

Смерть князя Андрея тесно связывает княжну Марью с Наташей. Авторский рассказ о них построен на переплетении душевного состояния обеих девушек. Только с Наташей княжна Марья «чувствовала, что она продолжала жить и мысли о брате». Хотя со времени кончины князя Андрея они ни разу не говорили о нем, «но бесчисленные воздержания от речи о том-то и о том-то, их взгляды, их прикатыние говорило им, что, о чем бы они ни говорили, они говорили о нем». Наташа была больна, и по совету докторов Ростовы переехали на другую квартиру, «чтобы избавиться от воспоминаний. Но княжна Марья и Наташа так же не могли избавиться от этих воспоминаний, как они не могли избавиться от жизни», для них «одно только в жизни было — эти воспоминания».

Они никогда не говорили о нем, потому что им казалось, что то, что они «видели, переживали и пережили, не могло быть выражено словами», что всякое упоминание о чем-нибудь из его жизни «нарушало величие прошедшего и было недостойно его». Толстой подчеркивает, что в воспоминании о кончине князя Андрея ни для Наташи, ни для княжны Марьи «не было ничего страшного и жалкого, горестного», а было, напротив, «что-то могущественное и подавляюще прекрасное».

Рассказав о глубине душевных переживаний обеих героинь, Толстой ищет поводы, которые могли бы возродить их к жизни. Особенно

сложно было найти их для Наташи. «Княжна Марья имела занятие, свойственное ее любовной натуре, ухода за больной Наташей, но Наташа не имела никакого занятия».

Рассказ подведен к основной теме создаваемых глав — к раскрытию душевного состояния Наташи, вся болезнь которой заключалась в том, что в ней был «инадурван нерв жизни. Она не чувствовала вызывающего действия впечатлений, воспоминаний, потому что одно воспоминание и впечатление, поглотившее все и ни к чему не выпадающее, продолжало действовать на нее. Она созерцала величие смерти и бесконечного».

Но, показывая Толстой, неожиданно идет в Наташе естественная борьба с упадком духа. Ухудшало положение Наташи то, что она не высказывала того, что было на ее душе, что они никогда не говорили с княжной Марьей, и то, что физические силы ее ослабели. Но эти «причины упадка ее духа носили в себе причины возрождения», — отмечает автор и разъясняет: «То, что они не говорили между собой, как им казалось, потому, что слова были низки и недостаточны для выражения того, что они чувствовали, делало то, что они поневоле, сами не отдавая себе в том отчета и не веря этому, — забывали. То, что физические силы слабели, казалось, еще больше должно было усилить ее упадок, а вместе с тем тут только, когда она заметила упадок сил, она неожиданно почувствовала, как испугалась, встрепенулась жизнь, сидевшая в ней, стала пробовать свои силы и как неожиданно, подобно молодой траве, пробивающейся по залившему лугу, стали выбивать самые неожиданные жизненные впечатления, как бы пробудив свои силы. Она, думавшая, что она хочет смерти, не боялась ее, любит ее, — вдруг, почувствовав близость ее, испугалась и стала спрашивать себя, жива ли она. Но Наташа сама не замечала этих невольных проблесков жизни».

Вслед за таким вступлением идет рассказ о неожиданном случае, который показался самой Наташе «присутствие этих, пробивающихся сквозь ил горя и гл травы жизни».

Этим «случаем» был приход Рамбаль. Его пригласила княжна Марья, узнав, что Рамбаль в Москве знал Пьера, «про которого ничего не слышно было и которого знакомые его, находя это особенно поразительным, считали умершим в один месяц с его женой». Рамбаль рассказывал княжне Марье и Наташе о своем знакомстве с Пьером и, главное, об их задуманной беседе, когда Пьер (Рамбаль также считал его погибшим) говорил французскую девушке, которую любил, не признаваясь ей, в своей любви. Престетная молодая девушка, она совершила ошибку, но он любил — еще сильнее за радость прищипия. Наташа так он помыслит. Толстой Рамбаль послужил толчком к тому, что «в этот вечер в первый раз Наташа заговорила с княжной Марьей о князе Андрее» и, начав говорить, заплакала.

Закончен первый набросок рассказа о возрождении Наташи к жизни. Толстой остался им недоволен, вероятно, потому, что создавалась психологически не оправданная ситуация: напоминание о любви к ней тоже погибшего, как они считали, Пьера не только не усилило ее душевного угнетения, но, напротив, вдруг вызвало у Наташи проблески жизни, «сквозь ил горя» она ощутила «иглы травы жизни».

На последнем листе откинутой рукописи запечатлена новая идея: «Приезд Веры и известие о Пете».

Чтобы вернуть Наташу к жизни, автору надо было провести ее через новое сильное потрясение. Его искал Толстой. Возможно, что этим и вызван замысел гибели Пети. Теперь возродит Наташу к жизни преданная любовь к матери, сраженной смертью Пети.

По-прежнему пришлось показать состояние Наташи. Как и прежде, писана дружба Наташи и княжны Марьи, которые после смерти князя Андрея были неразлучны. Толстой, со свойственной ему сметностью проникая в душу человека, раскрывал чужие души девушек в дни, когда над ними «остановилось и нависло грозное облако смерти», когда они, «сжавшись и согнувшись от жизни, набегали ее, ходили в ней так, чтобы грозная нависшая туча не задела их». Всякое участие «в вольной жизни» казалось им «кошунством испытанного чувства. В этой вольной жизни на каждом шагу встречались оскорбительные недостойные воспоминания, как пьяный смех в середине таинственного хора, к пению которого они с напряжением продолжали прислушиваться». Общее горе «породило в них взаимное чувство, сильнее, чем дружба».

Предстояло показать, как обе героини, пройдя через страдание, каждая по-своему вернутся к жизни. После смерти князя Андрея обе они жили «только в своем мире, где, они знали, ни та, ни другая не нарушит той благоговейной тишины, которая нужна была им». Они постоянно подолгу беседовали, но ни разу не говорили об умершем, потому что «им казалось, что всякое упоминание словами о нем нарушало величье происшедшего». Они не говорили о будущем, «как будто будущего не существовало для них», они говорили большей частью о дальнем прошлом, и в этих беседах они раскрывались друг перед другом и понимали друг друга.

«Княжна Марья рассказывала про свое детство, про свою мать, про своего отца, про свои мечтания, и Наташа, прежде с спокойным презрением отворачивавшаяся от этой жизни преданности, покорности, от поэзии христианского самоотвержения, теперь... полюбила и прошедшее княжны Марьи и поняла непонятное ей прежде — простоту и высоту покорности и самоотвержения. Она не думала приять эту добродетель в своей жизни, потому что она не верила в возможность жизни, но она поняла и полюбила в другой эту прежде непонятную ей сторону

жизни». Такая же внутренняя перемена произошла и в княжне Марье, для которой в рассказах Наташи «тоже открывалась прежде непонятная сторона жизни, вера в жизнь, в наслаждение жизнью».

Рассказ о благотворном влиянии девушек друг на друга почти дословно вошел в окончательный текст, но в рукописи была еще отражена религиозная настроенность княжны Марьи, не сдержавшая Наташу. Княжна Марья нашла успокоение и силу в евангелии, которое она читала каждый день, а Наташа, взяв эту книгу, «побуждавшую ее удивление тем, что в ней находят что-то необыкновенное», и начав «тайно, прячась от княжны Марьи», читать, не смогла ее понять. В отлет на удивление княжны Марьи Наташа вскрикнула: «Нет, я не могу... Я все понимаю, что ты взяла из этой книги. Я тебя понимаю. Я понимаю радость страдания. Но я не пойму, не могу...»

Быть может, этим эпизодом Толстой хотел показать, как княжна Марья, вставшая «более сильную, чем Наташа, опору в твердой и высокопонимаемой вере», была прежде Наташи «вызвана жизнью из того мира печали, в котором они жили». Этому послужил в новом варианте уже не уход за больной Наташей, а житейские заботы и постоянный уход за племянником, сыном князя Андрея. Для Наташи же, не имевшей опоры в вере, необходимо было новое сильное потрясение. «В начале ноября получено было в Ярославле известие о смерти Пети, и это известие вывело первое Наташу на ее положение».

Так закончился второй набросок. Главное уяснилось автору. Он раскрыл душевную жизнь своих героинь и знает теперь, каким путем они вернутся к жизни. Но в новом варианте действие слабо развито, оно заменено авторским рассказом. Вернее всего, именно этим был недоволен Толстой. Он заново работает над этой главой, делает попытку исправлять написанное, затем решает все перестроить.

Создается третий вариант, совсем близкий к окончательной редакции. Открывается он несколькими словами от автора — о том, что вымывает в душе смерть любимого человека, когда «кроме ужаса перед уничтожением жизни, мы чувствуем разрыв, лишение и духовную рану, которая так же, как и рана физическая, иногда убивает, иногда залечивается, но всегда болит и бьется внешнего раздражающего прикосновения». Так «одинаково чувствовали» Наташа и княжна Марья после смерти князя Андрея.

В третьем варианте показано сближение Наташи с княжной Марьей. Все еще сохраняется религиозность княжны Марьи «Жизнь не останавливается, жизнь не была разрушена, и надо было жить. И для того, чтобы жить, надо было иметь ключ к этой жизни. И ключ этот был у княжны Марьи в ее вере. Ей странно было вспомнить, как первое время своей печали она не обратилась к этому источнику утешения, но,

когда она теперь обратилась к нему, все ей стало ясно и заботы жизни уже не казались более оскорблением чувства». По иному отношению Наташа к вере княжны Марьи. Не сама Наташа обращается к евангелию, а княжна Марья старается навести ее на свой путь. «Она говорила ей про утешения религии, она клала к ней на столчик открытое Евангелие, но Наташа не притрагивалась к нему и враждебно отталкивала от себя княжну Марью с тех пор, как княжна Марья стала заниматься житейскими заботами».

Отрывок о Наташе был немедленно зачеркнут в той же рукописи, и рассказ о вере княжны Марьи дошел до набранной рукописи, и там уже исключен.

В последнем варианте появились удивительные размышления Наташи, перед внутренним взором ее все время проходили последние дни с князем Андреем. Писатель нашел, наконец, художественную форму, которая могла ему рассказать о возвращении Наташи к жизни. Трагическое для всей семьи событие ворвалось в уединенную замкнутую жизнь Наташи в самый напряженный момент ее дум об умершем. В ту минуту, как «уже ей открывалось, казалось, непонятное», ее слух «болезненно поразила» громкий стук ручки двери. Вошла горничная Дуняша с известием о гибели Пети.

Без больших смысловых отличий от последней редакции создана сцена, когда Ростовы получают известие о гибели Пети, и рассказ о Наташе, которая безраздельно отдалась заботам о матери. Главное же, в новом варианте естественно и правдиво показано, что возродило Наташу. «Душевная рана матери не могла залечиться. Смерть Пети оторвала половину жизни графини. Она жила наполовину только, и через месяц после известия о смерти Пети, заставшего ее свежей и молодой 30-летней женщиной, она вышла из своей комнаты полумертвой, не принимающей участия в жизни старухой. Но та же рана, которая наполовину убила графиню, эта рана — потеря любимого брата для Наташи — вызвала ее к жизни». Почти дословно так дошло до печати. В дальнейшей работе эта мысль будет развита.

Как бы углубляя мысль о том, что только любовь смогла залечить рану Наташи, Толстой в том же варианте говорит и о любви Наташи к княжне Марье: «Любовь эта, любовь эта исключительная, как казалось Наташе, основанная на воспоминании о нем, служащая только продолжением любви к нему, все дальше и дальше вызвала ее к жизни и заставляла забывать его».

Рассказ о двух девушках доведен до их отъезда в Москву.

К Наташе Толстой вернулся в последних главах романа: княжна Марья и Наташа встречают Пьера, приехавшего в Москву после окончания войны. Появляется новый портрет Наташи, — «она не удававший-

ся Толстому. На ней было какое-то черное с мягкими складками платье и, как безжизненно мягко лежали складки, так же безжизненно мягко, казалось, лежали ее черты и члены». Как всегда у Толстого, подлинным зеркалом души его героев служат глаза. Именно глаза Наташи сделали ее неузнаваемой. В первую минуту появления Пьера глаза были «внимательные, добрые, но мертвые». Впечатление от Пьера выказалось только в глазах. «Смушение Пьера не отразилось в ней смушением, но изредка в глазах ее стала светиться улыбка».

Толстого, видимо, беспокоила столь резкая перемена: вначале глаза «мертвые», и тут же в них «стала светиться улыбка». В следующей рукописи переход мягче. Не улыбка, а глаза видна лишь «возможность улыбки». Теперь «смушение Пьера не отразилось в ней смушением, но чуть заметным удовольствием, засветившимся в ее глазах, выразивших теперь возможность улыбки». И этот вариант немедленно был заменен, вычеркнута даже «возможность улыбки»; смушение Пьера отразилось «только удовольствием, засветившимся теперь в ее глазах». В ответ на задуманные слова Пьера о Пете, которого он видел убитым, «только больше открылись и засветились» глаза Наташи.

Последняя отделка портрета Наташи проходила в корректуре. Пьер видит не «мертвые» глаза Наташи, а «печально-вопросительные»; отпали слова о «безжизненных» ее «чертах и членах», а смушение Пьера отразилось теперь на ней удовольствием, не только «засветившимся в ее глазах», но «чуть заметно осветившим все ее лицо». Так сохранилось в романе.

Тема князь Андрей — Наташа — Пьер завершилась при первой встрече Пьера с Наташей, когда после всего пережитого они заговорили о последних днях князя Андрея. Эта волнующая беседа была решена автором сразу. Вслушиваясь с глубоким вниманием «во все страшные подробности» смерти своего друга, о которых ему рассказала княжна Марья, Пьер обратился к Наташе: «Как я рад за него, что он свиделся с вами». Давшие о князе Андрее говорит Наташа. Она «вдруг побледила, как свои воротнички, глаза ее с усиленным блеском остановились на глазах Пьера, и она стала рассказывать отрывистым с остановками, но не дрожащим голосом то, что она никогда еще никому не рассказывала, все то, что он говорил в те три недели их путешествия и жизни в Ярославле».

Но вот ясно видно, что в этом рассказе полнее раскрывается «последняя любовь» князя Андрея и Наташи. Она рассказывала Пьеру, как хорош был Андрей «в Троице»: «Он подозревал меня и стал говорить о прощедшем. Я просила его пожалеть меня. Он сказал, что бы я ни сделала его, что прощать никто ничего не может». Она начинала говорить о том, что князь Андрей, как ей казалось, «знал сначала, что

его жизнь кончена, но ему было не страшно». Она вспоминала один случай, когда она, перед приездом в Ярославль, рассердилась на слугу за то, что князя Андрея «дурно положили», а «он смеется...». Не дописав фразы, Толстой зачеркнул все подробности, после чего воспоминания Наташи о князе Андрее стали близки к печатному тексту «Мучительный и радостный рассказ, видимо, был необходим для Наташи», — отметил автор.

Создавая эти главы, Толстой долго искал такие условия, в которых Наташа психологически естественно могла бы заговорить о князе Андрее в первый раз после его смерти. Долго и оттапливал автор свою героиню к перелому.

Внутренне преображенная после встречи с Пьером, Наташа призналась в душевной беседе с княжной Марьей, что «один человек, которого она могла бы любить как мужа», был Пьер. Первоначально этим завершалось в романе повествование о Наташе, и она вновь появлялась уже в эпилоге. В корректуре Толстой дополнил рассказ о встрече Наташи с Пьером еще одной, последней главой. В ней раскрывается новый душевный строй Наташи, в которой «все вдруг изменилось», и она «с такою полнотой и искренностью отдалась новому чувству, что и не пыталась скрывать, что ей было теперь не горестно, а радостно и весело».

Весною 1813 года Наташа вышла замуж за Пьера. В последний раз она появляется в романе в новой роли — жены и матери. Образ Наташи в эпилоге не изменялся. Свое отношение к Наташе и поны для нее жизни Толстой выразил мыслями старой графини, которая «материнским чутьем» понимала, что «все порывы Наташи имели началом только потребность иметь семью, иметь мужа, как она, не столько шутя, сколько всерьез, кричала в Отрадном», Графиня Ростова «удивлялась удивлению людей, не понимавших Наташи, и повторяла, что она всегда знала, что Наташа будет примерною женою и матерью». Знал это и автор, создавший Наташу и наделивший ее лучшими в его глазах качествами женщины.

Портрет Наташи — жены и матери — завершил галерею портретов Наташи от 13-летней девочки до 28-летней женщины, матери четырех детей. Рисовал ли Толстой портрет Наташи девочки и молодой девушки, Наташи в радости или в отчаянии, в горе — он всегда освещал ее образ своей любовью. Такою же теплотой и проникновенностью ослепил последним портрет Наташи. «Она пощипывала и пощипывала, так что трудно было узнать в этой сильной матери прекрасную только и добрую Наташу». Черты ее лица «имели выражение спокойной мягкости и ясности». Непрестанно горевший прежде «огонь оживления» «выжигался в ней теперь только тогда, когда «возвращался муж, когда выздоравливал

ребенок, или когда она с графиней Марьей вспоминала о князе Андрее», и «очень редко, когда что-нибудь случайно вовлекало ее в шепот». И когда и ее «развившемся красивом теле» закипал прежний огонь, она «бывала еще более привлекательна, чем прежде».

Душевный строй Наташи и вся ее жизнь в этот период воплощают заветный идеал Толстого: «цель супружества — семья». Наташе «уже был муж. Муж был дан ей. И муж дал ей семью». Всем существом своим Наташа погрузилась в семью, и силы ее были устремлены на то, чтобы служить мужу и семье. Она чувствовала, что связь ее с мужем держалась не теми поэтическими чувствами, которые привлекли его к ней, а «чем-то другим, неопределенным, но твердым, как связь ее собственной души с ее телом». Связь эта выражалась в том, что Наташа знала «свою душу Пьера», а Пьер видел себя «отраженным в своей жене». Разговаривая, они ее необдуманно и исподволь и быстро и понимали мысли друг друга. Наташа показана в ее заботах и привязанности к детям и, главное, в полном духовном единстве с мужем. В первой редакции эпилога Наташа сама говорит Пьеру о том, какое место он занял в ее жизни: «Ты знаешь, я думала, какая разница между мной и Марьей... Для нас дети — все... а для меня — муж. Я всех их брошу для тебя, а она нет». В окончательном тексте эпилога нет такого признания, но этой мыслью пронизана сюжетная линия Наташи — Пьера.

Эпилог как бы перебрасывает мост к первому замыслу исторического произведения, к «повести о декабристе» Эпизод «Воины и мир» сомкнулся с сюжетом «Декабристов». Наташа Ростова — не примитивная «самка», как пишут о ней нередко исследователи романа. Наташа — женщина возвышенной души на всех этапах своей жизни. Она не колеблясь пошла бы в ссылку за своим любимым мужем. Так бы случилось если бы Толстой написал задуманный роман о декабристах.

В Наташе Ростовой Белуховой Толстой воплотил благородную женщину той эпохи.

Дольше, чем для других персонажей, подбиралось имя. В ранних набросках это князь Кушнев, затем юноша Леон Безухин, Арсдий Безухин. Петр Иванович Мединский и, наконец, Иер Безухов.

Под именем князя Кушнев будучий Иерсей является на быле ка-
терининского кельмода Льва Кирилловича Верёва на маслянице
1811 года. Он один из «самых богатых людей России, числившийся
при дворе и ничем не служивший». Он назван среди гостей, «особи по
обращавших внимание всех» на этом бале. Молодой Кушнев был «высо-
кий, толстый, битьевожий, б. д. шего товьян мужчина, с ет 27-ти, без усов
и бок, в очках и коротко обстриженный. Он шел, переваливая и с по-
вынегами руками, в товка и небрежно, валил вперед всем тем, топи-
он очень уставан шёл в далекий и скучный путь. Он кланялся отрази-
сто, но несклыбку раз кивая головой, и пожимал руки все, какие он
попадались ему». Он шёл, «не обходя никого и с п. иной уверенностью,
что его пропустят». Когда он сталкивался с кем-нибудь, он также «жал
руку», «х. выбаясь притворно и, вынужденной улыбкой, притворность кото-
рой он и не пытался скрывать». Он говорил «целыми копейками», как
будто рот у него был полон кашей»

Князь Кушнев, как и будущий Пьер, с первых же строк показан в состоянии обесприятия и в свете мнения.

ПЬЕР БЕЗУХОВ — это тот самый герой повести о декабристе, который заставляет Толстого «перенестись к его молодости и молодость его связать с ставкой для России в эпоху 1812 года». Толстой начал писать «историю из 12-года», и одним из центральных героев ее стал молодой Пьер Безухов. Параллельно этой истории Толстой пытался в одном из набросков открыть новое произведение — «Гем, кто знает князя Петра Кирилловича Б. в начале царствования Александра II в 1850-тых годах, когда Петр Кириллович был в возвращении из Сибири без нам — как дунь, стари-ком, трудно бы было вообразить себе его безработным, бедственным и сумасшедшим юношей, каким он был в начале царствования Алек-сандра I, вскоре после приезда своего из заграницы. Где он по желанию отца оканчивал свое воспитание».

Мелкие раздумья и переживания, несвоевременные и неуместные, характерны для Пьеро, составляющими и частью работы над романом. В то время, когда он писал, было, конечно, мало что известно о Пьеро, но, тем не менее, можно было бы предположить, что Пьеро, будучи человеком, который был бы близок к Пьеру и Аркадию, будет впоследствии присвоен Пьеру: «Дружба со всеми, честолюбия и тщеславия никакого, всегда со всеми кроток. Не прилежный ученик! Уважает Браконьеров, но не уважает их. Не знает любви к женщине. Любит доброту, но не любит богатства. Философ, такой, что себя пугает». О бесмертии Пьеро и мучимом вопросом». Эти определения близки к характеру Пьеро.

Колынку. Самостоятельность и независимость суждений Кушневых закрепились за будущим Пьером.

Важный для Пьера штрих — случайная женитьба — также определена в ранних набросках, где нарисован только портрет его жены. Но даже внешние черты и, главное, характер рисунка говорят о резком (не только внешнем) отличии красавицы жены от неуклюжего Кушнева.

Пока она еще не дочь князя Василия. Сначала Толстой попытался сделать ее бедной дворянкой, но тогда неоправданно было бы то «торжество», каким оказалось ее появление на бале. Женой Кушневой стала «известная своей красотой» фрейлина Княжнина. Подробно вырисован внешний облик этой «признанной первой красавицы того времени». Бросятся в глаза стремление автора резко противопоставить неуклюжему Кушневу его красавицу жену. В описании ее внешности постоянно звучит эпитет «яркий». Она была «ярко желтым цветом», который мила себе позволять только она. «Несколько поражаешь» в ней «яркий блеск черных глаз из-под длинных загнутых ресниц, яркая белизна сильных плеч, рук и груди, яркий отлив черных огромных кос, высота роста, яркость величавой поступи и легкий оттенок презрительности ярких зубов и губ, и свет двигавшихся с ней брильянтов». Ею все восхищались, государь говорил с ней. В то время как лицо Кушневой преображалось от улыбки, выражение ее лица «было неизменно одно и то же, прекрасно, улыбающееся и с легким презрительным». Это точный портрет будущей Элен, не имеющей пока имени. И когда Толстой начнет под нее рисовать Элен в салоне *Annette D.*, он воспользуется этим самым первым возникшим в его воображении образом, сохранит также ее неизменную улыбку.

В следующем наброске Кушневой заменил спорящий юноша *Léon*, «единственный сын князя Безухого». По характеру он все такой же.

«Да никто вам не говорил, что я считаю Бонапарта хорошим христианином, я этого не сказал, я совсем этого не говорил, я говорю, что он великий человек», — этими словами отрывался новый набросок начала, в котором действие происходит в 1808 году на именинах у графа Простого. Произносит эти слова «запыхавшийся и почти с пеной у рта, но с добродушнейшим озлобленным лицом высокий толстый юноша» Безухий, споря о Наполеоне с князем Василием. Опять его ипеее о Наполеоне противоположно тому, которое принято было в гостиных считать в то время правильным.

О внешности Безухого на этот раз сказано мало. Примечательны его дурные манеры: он говорит «слишком громко», положивши оба локтя на стол, «а один даже в соус». Необычное поведение вызывает смех детей, сидевших за столом. Детский смех заставил юношу прекратить спор, и он вместе с детьми «засмеялся самым добродушным

смехом». Старый граф Простой отзывался о нем хорошо: «умный», «славный». Вот все, что пока известно о юноше. Как в первом, так и в новом наброске симпатия автора к молодому Безухому очевидна.

В следующем наброске не *Léon*, а Аркадий Безухий впервые показан в доме умирающего отца, куда приезжают княгиня Анна Алексеевна Щетинина с сыном Борисом и князь Василий Поровский. Совсем в иной, чем прежде, обстановке появляется Аркадий Безухий, и здесь он опять четко выделен из окружающей среды. За ним сохранена все та же неуклюжая внешность: он толстый, у него «толстые губы», говорит он так, «как будто рот у него был полон кашей». Одновременно с такой не светской внешностью Толстой показывает душевное благородство своего героя. «Хотя он с добродушием молодости и веселости, замечавшим такт в его медвежьей натуре», поцеловал руку княгини и обнял Бориса, ему, «видимо, было совестно за княгиню и ее сына, посещение которых он не мог объяснить себе». Толстой разъясняет, что «между людьми всегда чувствуется неловкость, когда у одного из них есть замысел, в котором неудобно признаться. И неловкость эта чувствуется преимущественно теми, которые не имеют замысла и которым совестно за другого». А молодому Безухому было особенно трудно сносить неловкое положение, потому что он «слишком тонко чувствовал и слишком был для того добр и мягок».

Аркадию неприятна «вся эта комедия» у постели умирающего отца. «Ну, умирает человек, оставить бы его в покое. Нет, скажут из Петербурга, из Москвы, чтобы его мучить. И все за то, что он богат». Такими мыслями он делится с Борисом Щетинным (будущим Друбецким). Но едва он увидел, что Борис обидел его слова, «в глазах и на всех чертах испуганного, растерянного» Аркадия выразилась «жалость, нежность и любовь», и этот «толстый человек», покрасневший больше Бориса, «со слезами на глазах» стал успокаивать его.

Аркадий «с добродушным оживлением, доходящим до красноречия», высказывает Борису свои взгляды на дружбу, которую он понимает не как «любовь с чувственностью», а как «чистоту, честное сближение без другой цели, как счастье того и другого». Безухий много говорит о своих устах, «Он был пропитан новыми идеями того времени, он был и мистик, и либерал, крайний либерал 1791 года и поклонник Бонапарта». О взглядах сына говорит княгиня Щетинина: старый граф Безухий, которому приехавший из-за графини Аркадий рассказывал «про Бонапарта и его распоряжения, про дух французова», отец сожалел, что у сына не был маленький туберкулез, что «ему бы надо родиться не купцом, а не князем Безухим». Вернувшись домой, Борис Щетинин рассказывал «про чудака Безухого».

Так подготовил Толстой появление за именинным столом спорящего со всеми юноши. В это время в Москве еще неизвестно было о «возгоревшемся» в Петербурге затуманенном Наполеону после Тильзита. Все еще были «против», и только юноша Léon был «за» Наполеона, подобно тому, как в предыдущих вариантах юноша Безухий разоблачает Наполеона, перед которым в ту пору преклонялись в аристократических кругах.

У Толстого не было никаких колебаний, каковы будут внешность, душевные качества, убеждения Пьера. То автор более подробно рассказывает о Пьере от себя, то показывает, какое впечатление Пьер производит на окружающих, то проявляет его свойства и действия, — но при любых обстоятельствах это все тот же Пьер.

Когда Толстой решил начать роман рассказом о Пьере, он дополнил определенную биографию его упоминаемым о том, что отец его был «чужак и масон» (эти черты по «наследству» перейдут к Пьеру). Кроме того, автор отметил, что всех интересовало, усыновил ли князь Безухов, владетель сорока тысяч душ, своего незаконного сына, и что меньше всех наследство интересовало самого Пьера, «постоянно увлеченного либо каким-нибудь пристрастием, либо какой-нибудь отвлеченной мыслью». Впервые становится известным, что, приехав из-за границы, Пьер остановился в Петербурге у «знаменитого вельможи и родственника отца», князя Василия Курагина, и «бессумрачные ночи» проводит с его сыном Анатолем «за вином, картами и женщинами», причем сам «не зная для чего, потому что не любил ни вина, ни карт, ни женщин».

В двенадцатом варианте начала Пьер появляется в доме своего друга, молодого князя Андрея Волконского (здесь не Болконского) на званном обеде. Рисуя гостей, Толстой опять задержался на портрете Пьера. Он ищет определения: «толсто», «пухло», «курчаво», «с крупными и ясными чертами лица». Наконец, нашел: «В сравнении с тонкими, твердыми и определенными чертами князя Андрея, черты Пьера казались особенно пухлыми, крупными и неопределенными». Упор сделан на его «особенно оживленные и умные глаза», которые «составляли главную черту его физиономии». Выражение лица и улыбка освещали этот портрет. «Взглянув на его лицо, всякий невольно говорит: какая умная рожа. А увидев его улыбку, всякий говорил, и ставший малым ребенком. Лицо его, вследствие серьезности выражения его умных глаз, казалось скорее угрюмо, чем ласково, особенно, когда он говорил, но стоило ему улыбнуться и открыть порченные зубы, чтобы вдруг лицо его приняло неожиданно такое лживо, даже глупо доброе выражение... И улыбался он не так, как другие улыбаются, так что улыбка сливается с неулыбкой почти незаметно. У М-г Ригг-а улыбка вступала будто по мановению волшебника, уносила обыкновенное, умное, несколько

Пьер Безухов. Акварель К. В. Рудякова.
Публикуется впервые

угрюмое лицо и приносила другое, детски наивно доброе, просящее прищипки как будто, и все отдающееся вам лицо и выражение». Настоячиво, почти повторяясь, Толстой рассказывает о привлекательной, подлинно обаянии внешности Пьера. Ни об одном из своих только что рождающихся героев Толстой не говорил с такой любовью, как о Пьере. Одновременно он стремится полнее познакомить читателя с его взглядами. Лучшие всего они могут выявиться в споре, и Пьер «любил спорить». Где бы он ни появлялся (в ранних набросках начала): на придворном ли бале в Петербурге, в доме ли графа Простого в Москве, или в доме умирающего отца, на званом обеде у своего друга Волконского, — он немедленно начинает политические споры, и всегда его суждения противоречат общему мнению.

Так случилось и за обедом у князя Андрея, когда он вступил в разговор о преобразованиях, предполагаемых в России, о конституции. «Несмотря на свою распущенность и слабость в жизни, в деле мысли и спора он был необыкновенно силен и обладал непоколебимой логикой». Но убеждениям Пьер «считался либералом того времени, в своем путешествии нахватавшимся идею революции, но неспособным ни на какое дело». Пьер «и не думал спорить о том, хорошо ли, дурно ли работает Михаил Михайлович или Иван Иванович, что было лучше коллегии или министерства, даже вопрос об ответственности министров был для него ничтожен. Он говорил, что конституция и вообще права и большая степень свободы не может быть дана народу — но должна быть взята, завоевана им, как она была завоевана в Англии и Франции». Он говорил, что конституция, данная по прихоти монарха, может быть и отнята по той же прихоти, и что поэтому учреждение Совета и министерств не принесет пользы».

Так постепенно в ранних чертах работы над романом определились имя героя и его внешность, намечалась связь с некоторыми действующими лицами и постепенно выявлялись его политические взгляды, а также его отношение к Наполеону, восторженное до первой войны России с Францией в 1805 году и крайне отрицательное потом.

К тому времени, когда установилось после длительных поисков место и время начала действия (салон придворной фрейлины летом 1805 года, где присутствует Пьер), Толстой успел скитаться со своим героем, подобрать и характерность его и в какой-то мере уже представить себе его жизненный путь. Тем не менее в новой обстановке надо было по-новому показать героя. Пьер опять не похож на других гостей салона. Первоначально сказано кратко, что это был «очень молодой человек с большой, вытянутой изад, головой, весьма скромной и застенчивой наружностью», «рассеянным». Когда все слушали с вниманием и уважением рассказ виконта о Наполеоне, Пьер «вертелся на своем стуле, не обра-

щая никакого внимания на рассказ и рассказчика. Затеяв спор с виконтом, Пьер, несмотря на свою застенчивость, стал высказывать смелые суждения, настолько необычные для светского салона, что хозяйка, Annette D., не могла себе простить, что пригласила его «Коли бы я знала, что он такой *mal élevé* * и бонапартист», — сетовала она. Но молодой человек был хуже, чем «*mal élevé* и бонапартист. Он был якобинец», — добавил автор.

Не удовлетворившись столь выразительным портретом Пьера, Толстой продолжает искать черты, выделяющие героя из среды гостей фрейлины. Тут же нарисован новый портрет. Пьер выступает как «высокий толстый сутуловатый молодой человек». Он надевается то «стриженной» головой, то «курчавой», то вновь «стриженной». Он в очках и коричневом фраке (так дошло до окончательного текста). «Молодой человек этот, видимо, не имел привычки к свету», он «растерянно» остановился в середине гостиной. Неуклюжая фигура Пьера не только упомянута, но для нее найдено образное определение: «несмотря на модный покрой платья», этот толстый человек был «неповоротлив, неуклюж, как бывают неловкие и неуклюжие здоровые мужицкие парни». В отличие от предыдущего портрета, Пьер «не застенчив и решителен в движениях», лицо его «умно». Такой сохранилась внешность Пьера в журнальной публикации первой части.

Только на последнем этапе работы отпало сравнение с здоровым мужицким парнем, исключены мелкие подробности портрета. В последнем варианте Пьера отличает от остальных гостей не столько внешность и манеры, сколько то, что Анна Павловна «приветствовала его поклоном, относящимся к людям самой низшей иерархии в ее салоне». Однако на ее лице выразились беспокойство и страх, которые, как сообщает автор, могли относиться «только к тому умному и вместе робкому, наблюдательному и естественному взгляду, отличавшему его от всех в этой гостиной». Тревоги Анны Павловны оправдаются, если Пьер присоединится к общей беседе.

Участие Пьера в салонном разговоре Толстой тоже многократно исправил, но характер его не изменялся. Как в ранних набросках, так и в последнем варианте Пьер начинает спор о Наполеоне, перебивая своих речником и виконта, рассказывавшего модный тогда анекдот о герцоге Англенском и, главное, о Наполеоне, которого никто из присутствующих не только не признавал императором, «никто не признавал его даже человеком. В глазах *vicomte* и его слушателей это был какой-то изверг рода человеческого, Cartouche, Пугачев, Крохаль, до сих пор ускользающий от заслуженной петли».

* дурно воспитанный.

Недоуменный вопрос Пьера, почему же они называют Наполеона лжеимператором, нарушил единодушное мнение всех и вызвал удивление. В этот разгонор вмешался автор, дружелюбной иронией проявляя свою симпатию к толстому молодому человеку. «Для чего было высказывать мнение, противное всем», добавил автор, и зачем «не уметь жить до такой степени, чтобы перебивать пизанций рассказ, всем доставляющий удовольствие, выражением своих мнений».

И тут при первом знакомстве с Пьером читатель видит в нем человека, убеждения которого идут вразрез с общепринятыми. Он заявил, что считает Наполеона великим человеком, что «вся нация умрет за величайшего человека мира». На посылавшиеся со всех сторон возражения он отвечал: «Да, я был в Париже год тому назад... и не в Bonaparte, Germain, который весь теперь перешел на сторону императора и которому нужны только придворные титулы, а в народе, в армии». Далее он говорил о том, что «революция была великое дело» и что Наполеон — «представитель великих идей». Он много и долго говорил, «и никто не одушевился, один князь Андрей зажег огонь в глазах, любуясь на него».

С этого момента два совершенно различных по внешности человека, сугубо угнетенный Болконский и неуклюжий Пьер, каждый по-своему, выделены из аристократического круга и тесно связаны между собой своими убеждениями.

Толстой долго работал над сценой, где впервые появляется Пьер в романе. В ней нужно показать позицию Пьера в начале действия. Автору ясны убеждения героя, для него несомненно также и то, что Пьер будет их смело высказывать. Но в рукописных вариантах речи Пьера слишком пространны. Кроме того, писатель не мог удержаться от желания рассказывать о том, как горячо запылал Пьер свои взгляды, и, главное, высказывать в авторских репликах свое к нему отношение.

Толстой разъяснял, что испуг хозяйки салона прорезал «не столько от слов, произнесенных молодым человеком, сколько от того одушевления негожего и совершенно неприличного, которое выражалось в санвинюнических чертах курчавого юннца. Он не делал жестов, не кричал, напротив, робел и сидел хмурый, но по всей фигуре видно было, что его прорвало и что ничто не остановит его теперь рассказывать всю свою мысль».

Толстому мало этих подробностей; он продолжает говорить о своем Пьере, и в его как будто бесстрастном тоне выступает самое глубокое сочувствие герою. Сколько иронии по адресу гостей и солидарности с Пьером звучит в словах автора о том, что толстой человек действительно был «вполне неприличен и резко отличался от всех бывших

в гостиной. Он был одет, кланялся и входил и сидел как другие, но как только это затронули и он начал говорить, так высказалось все его отличие от других. Он, видимо, не умел удерживать себя, примеривать и соразмерять по другим, отделываться молчанием, шуткой. Как только с ним заговаривали, он вдруг начинал говорить все, что думал. Он был как дикая не выведенная лошадь». При взгляде на Пьера казалось «еще удивительнее», что человек, «не умеющий совершенно держать себя в гостиной, тоже позволял себе иметь свое мнение и говорить неприличные речи». Авторские реплики подсказывают читателю, что Пьер в этом обществе представлял круг переловых людей своего времени. Но о чем так «много и долго» говорил Пьер «в таком обыкновенном и пошлом» роде, было известно то, «как думали тогда мысленно образованные молодые люди».

Ни одна из авторских реплик не дошла до печати. Поведение Пьера, его рассуждения и реакция салонных гостей сами по себе приведут читателя к нужному выводу.

«Речи» Пьера в салоне фрейлины пришлось сократить. Быть может, оказалось неестественным, что хозяйка, следившая за тем, чтобы правильно заводить «равномерную, приличную разговорную машину», не прервала «неприличную» речь. Кроме того, сама речь слишком затягивала действие. Она была сокращена, но суть ее не изменилась. Пьер говорил о Наполеоне, как о «величайшем человеке мира», за которого «вся нация умрет», которому «народная воля» передала власть, а «законами только народная воля». Он удивлялся, «как же не видать ничего ни в революции, ни в Наполеоне, ничего кроме личных интересов Бурбонов». «Мы сами не чувствуем, — говорил Пьер, — как много мы обязаны именно революции». Так сохранилось в печатном тексте.

После салона Анны Павловны читатель встречается с Пьером в доме его друга Болконского; затем в совершенно иной обстановке — на кутеже у Анатолия Курагина. Пьер зашел к нему в тот момент, когда составлялось пари, кто выпьет бутылку рома, сидя на окне пятого этажа. В пьяной компании золотой молодежи Пьер выглядит таким же чудачком, как и в гостиной фрейлины. Уже в первом наброске появлялась сцена кутежа у Курагина, в которой Пьер только внешне участвует, и не погрешивало впоследствии сколько-нибудь серьезно исправить этот эпизод.

Особая роль отведена Пьеру в доме умирающего отца, где собрались родственники, жалующие наследство. Автор настолько хорошо чувствует характер героя, что ему с самого начала ясно, как тот поведет себя.

Хотя в одном из ранних вариантов начала эта тема была во многом решена, Толстой, вернувшись вновь к ней, стал заново писать сцену

проходила мимо него». Такая реакция вполне естественно подготовляла предстоящую женитьбу Пьера.

Автор знал и то, что у Пьера очень скоро после женитьбы произойдет разрыв с Элен и что счастье семейное ему приприслужит Наташа Ростова. Так ведь определилась сюжетная схема в самых первых конспектах. Начало темы Пьер — Наташа намечалось в первой части формирующегося романа. В завершённом редакцией проекте осталось только упоминание о том, что за именинным обедом у Ростовых взгляд Наташи «иногда обращался на Пьера, и ему под взглядом этой смешной оживлённой девочки хотелось смеяться самому, не зная чему»; а во время танцев Наташа пригласила его танцевать. Такова едва уловимая завязка линии Наташа — Пьер, которой предстоит исключительная роль в будущем. Даже ни слова не сказано о том, какое впечатление произвела Наташа на Пьера.

Совсем не так было в черновых вариантах, где тема в первых главах звучала явственнее. За столом Пьер «беспрестанно» взглядывал на Наташу и «подпадал под взгляд и улыбку, назначенные Борису». Пьер обратил внимание на эту девочку и высказал Борису свое впечатление: «Странно, — говорил он шепотом Борису, — она не хороша, меньшая Ростова, вот эта маленькая, черненькая, а какое милое лицо!» И далее: «Нет, можете себе вообразить? Все черты неправильные, а чудо как милая». Пьер все смотрел на нее. Когда Наташа начала что-то говорить Борису, Пьер «тоже прислушивался, ожидая, что скажет эта маленькая черненькая, которая, несмотря на свои неправильные черты, как ему казалось, по странной, ему одному свойственной фантазии нравилась ему больше всех, кого он видел за этим столом».

— Нет, очень мила, — улыбаясь прошептал Пьер, как будто кто с ним об этом упорно спорил. А когда Наташа «весело улыбнулась» ему, они, не обменявшись ни одним словом, «этой взаимной улыбкой сказали себе, что правятся друг другу». Когда встали из-за стола, Пьер «оглядевший от обеда, плюхнулся на первый попавшийся ему стул, не спуская глаз с некрасивой, но милой девушки-ребенка, прелесть которого, ему казалось, он один открыл». Ему даже представлялось, что он влюблен в Наташу. Вернувшись от Ростовых и лежа в своей комнате, до того, как он был позван к умирающему отцу, Пьер читал роман Сталь «Коринну», и раздумья его об умиравшем отце прерывались то мыслями о героине романа, то воспоминаниями «о неправильном милом лице Наташи, которую он один умел оценить». И когда Коринна в романе «начала импровизировать», в его воображении Наташа «начала петь».

Все это уяснял себе автор, но маловероятно, чтобы впервые увидевшая Пьером 12-летняя девочка могла так глубоко о нем думать.

В законченном романе этого нет, но наброски важны для анализа творческой мысли писателя.

Итак, в первой части романа, начиная с первых набросков ее, выявились основные сюжетные линии, которые определяют дальнейшую жизнь Пьера. По убелительным он, наравне с князем Андреем, предстает перед нами милой девочкой и находится в противоречии с аристократическим обществом. Он связан с князем Андреем истинной дружбой, одобрением и на общности взглядов и на высоте нравственного чувства, обоих. Он презирает семью Курагиных, но по бесхарактерности не порывает личных отношений с ней; он немного растрогажен красотой Элен. Где-то подсознательно затронула его чувство девочка Наташа Ростова. Эти линии будут развиваться каждая в отдельности, всегда связываясь и переплетаясь одна с другой.

* * *

Пьер вновь появляется в романе в совсем иной обстановке. Он богатый наследник, и князь Василий решил во что бы то ни стало женить его на своей дочери. По первому варианту новой части, действие начинается на семейном вечере в доме Курагиных, где состоялось обручение Пьера с Элен.

Целью Толстого с самого начала было показать, что Пьер никогда не испытывал к Элен истинной высокой любви; ее красота вызывала в нем только чувственность. Цель эта достигается на изображением самой Элен, которая вся во внешнем, — такую показывает ее Толстой. Обрисованы «мраморные» плечи, «блестящее» платье; даже улыбка, не сходившая с ее лица, ничем изнутри не освещена. Ни о каких чувствах Элен Толстой и не упоминает.

Не то у Пьера. Хотя, как явствует из дальнейшего, у него возникли кое-то тревоги чего-то неестественного, тем не менее он искренен в новом захватившем его чувстве. На его лице «была тоже улыбка, счастливая, стыдливая». За ужном, в тот вечер, когда распалась его судьба, Пьер чувствовал, что он был «центром всего». Это «стесняло его и веселило в те минуты, когда он мог думать о чем-нибудь другом. Кроме как о лице, плечах и груди своей соседки». В редкие мгновения в его голове «проблескивали» мысли о лезовности, он не мог дать себе отчета, «как это сделалось, что зашло так далеко». И так же, как тогда, когда он наблюдал суету вокруг умирающего отца, так и теперь он решил, что «это всегда так бывает в потопных слу-

Большую же часть времени «он видит, чувствует, слышит и только: блестящие прелестные глаза под бровями, эта шея,

он боится».

Перед ним вставал естественный для него вопрос: «К чему же эта дуэль, это убийство?»

Почти без исправлений дошла до печати сцена дуэли, поведение Пьера, неожиданный финал дуэли, растерянность Пьера по дороге домой, когда он, «морщась и ковыряя в носу» (этот жест Пьера Толстого постоянно включает, а затем вычеркивает), твердил: «Как душно? как душно? — и что-то бурчал».

И вновь продолжается напряженная работа автора — анализ размышлений Пьера в ночь после дуэли. Целую ночь Пьер не спал. На его воображения не выходило «страдающее, умиравшее, злос и все с прищуренностью какого-то молодечества» лицо Долохова. Оно требовало, «чтобы он остановился и обдумал значение этого лица и значение участия этого лица» в его жизни и «всю эту прошедшую жизнь». Надо помнить, что до сих пор о семейной жизни Пьера ничего почти не известно, кроме каких-то отдаленных намеков. Оно не читается впервые узнает только теперь, когда в ночь после дуэли перед Пьером пройдет все «памятное прошедшее», начиная со дня женитьбы и кончая дуэлью. Такая композиция, найденная в первых же рукописях этой части, утверждалась в законченном романе. Следует отметить только одно существенное отличие: в рукописях более конкретно представлена прошедшая жизнь Пьера. С первого же дня наступило у Пьера разочарование, и теперь воспоминание о каждой подробности вызывало у него чувство стыда и раскаяния. Пьер заново переживал «теперь весь ход умышленного заблуждения и разочарования». Он вспоминал, как отсутствие в его жене «всего человеческого в соединении с красотой самодовольной» и, главное, «в соединении с сознанием необходимости близости с нею» делали для Пьера «часто ее ненавистною». Он вспоминал, как незаметно, независимо от его воли «видоизменялись все условия его жизни, как он втягивался в ту жизнь барича, праздного аристократа, которую он, напитанный идеями французской революции, так строго судил прежде».

Сцена объяснения с Элен на следующий день после дуэли создана в первом варианте и почти не изменялась. Объяснение супругов закончилось гневным припадком Пьера, в котором в этот момент «завелся порок отца; бросив в жену мраморную доску, Пьер почувствовал «увлечение и наслаждение бешеной тварью». Он принял решение «навсегда разлучиться с женой и уехать в Петербург».

* * *

Повествование о Пьере подошло к встрече с масоном. Масонство очень распространено в России среди дворянства в начале XIX века и захватило многих из тех передовых молодых людей, которые вскоре

стали декабристами. Увлечение Пьера масонством изменило всю его жизнь.

Приход Пьера к масонству должен быть не случайным эпизодом, а важным событием, поскольку оно поможет найти выход внутренним противоречиям. Сначала рассказано подробно о том, что чувствовал и чем был занят Пьер, приехав в Петербург. Он «думал, думал, думал и думал», — сообщает автор. Но чем больше он думал, тем «темнее, запутаннее и безнадежнее представлялись ему прошедшее, будущее и, главное, настоящее».

Чувство «тоски и бессилия», когда перед ним особенно мучительно и неотвязчиво возникали вопросы «о значении всей жизни», послужило лучшей предпосылкой для увлечения масонством. В нем Пьер будет искать ответа на мучившие его вопросы. «Что я, для чего я живу, что творится вокруг меня, что надобно любить и что надобно презирать, что я люблю и что я презираю, что дурно, что хорошо, были вопросы, которые, не получая ответа, представлялись ему. И, отыскивая ответы, он лично одиноко в своей просторной голове со своей способностью к спекулятивным соображениям, почти на всю малую изученную философию, проходил по тем путям мыслей и приходил к тем же сомнениям, по которым проходила история философии всего человечества». Единственный «нелогический», но удовлетворявший Пьера ответ на вопрос «что есть я, что жизнь, что смерть, какая сила управляет всем» был: «Только в смерти возможно спасение». Это был ответ на главный вопрос Пьера: «как будто свернулся тот винт, на котором стояла вся его жизнь».

Во время таких размышлений, когда Пьер был погружен в высший склад мыслей, до которых может достигнуть человек, когда он чувствовал, что «отыскивая истину, он дошел до той высшей степени человеческого знания, на которой нам дано только видеть возможность истины, но не страдая пути проникновения в ее свет лица», — в этот момент в комнату вошел незнакомый человек. Это был тариф масона, который пришел к Пьеру, чтобы обратиться к нему. Он сразу начал разговор о масонстве и предложил ввести Пьера в «братство полных камней» (т. е. он обрел успокоение). В прощальном изречении масона Пьер «почувствовал надежду и успокоение». Он чувствовал, что для этого «братства мир не был безобразною толпою, но освещенным светом истины, но, напротив, строгим и величественным цехом».

Масон в мучительных тонах изложил прошедшее Пьера и сообщил, что масоны «никогда не следят за ним». Затем он «сперсился к описанию той жизни, которая, если бы была введена и устроена Пьером, ежели бы он хотел следовать правилам масонов». «Стариком» указал Пьеру на то, что «старые имения Пьера должны были быть «объезжены» во всех должных

были бы сделаны материальные благодеяния крестьянам, везде должны были (быть) учреждены богадельни, больницы, школы».

Выслушав «старичка», Пьер сказал, что все, что ему было сказано, было «хоть и смутными мечтаниями». Через неделю был назначен прием Базухова «в Петербургскую ложу Северного сияния». Автор добавляет, что все это время Пьер никого не видел, кроме новых друзей своих масонов, и «целые дни проводил за чтением их книг, перебывая от состояния апатии к страстному любопытству узнать, что же такое было масонство». Новая жизнь вселила в Пьера новые силы, и после нескольких дней в масоны он был «введен и введен, как бы под ударица пад всем миром, алая истину».

Главы, посвященные масонству Пьера, многократно переделывались. Первоначально прием масона к Пьеру был заменен случайной встречей Пьера в Торжке по пути в Петербург с «одним из известнейших масонов того времени Нарымовым». (Позднее Нарымов заменится «одним из известнейших масонов и мартинистов, епископом Подиновского имени Базуховым»). Авторское изложение мнений Толстого о ритуалах масонства.

В новой рукописи во всех подробностях масонского ритуала Нарымова сцена приема Пьера в масонскую ложу¹³. Толстой тщательно изучал материалы о масонстве, читал масонские рукописи, «очень интересные», как он писал жене, но чтение их «нагнало» на него тоску, от которой он не мог избавиться весь день. «Грустно то, — писал он, — что все эти масоны были дураки». Толстой делал много выписок из документов, с которыми знакомился, и одновременно отметил, что Пьер «увлекается нравственной стороной, идет дальше и расходится». Пьер «увлечен идеей совершенствования себя и единством, но, идя дальше, нигде не находит содействия и поддержки». Так же конспективно Толстой характеризует самих масонов: какими они «являются, представляются Пьеру: «Один, как благодетель (т. е. Баздеев), мистик, другой, как Л., серьезный хлопотливый идиот». У Пьера был еще «знакомый масон, понимающий в таинствах природы, другой — в блеске обрядности, четвертый — интриган». Так Толстой намечал для себя те наблюдения героя, которые впоследствии оттолкнул его от масонства.

Некоторые намеки на весьма неясные еще сомнения Пьера Толстой пытался вводить, переделывая сцену посвящения. В ранних рукописях такие сомнения звучат язвительно, чем и впечатлелен Пьер. Когда граф Вилларский приехал за Пьером, чтобы взять его для посвящения. Пьера поразила «холодная и суровая тонкость» графа. «Он почти всегда на сагах встречал в обществе «мелких» интригана». Но теперь он видел на лице графа Вилларского «серьезность, выходящую в нем подермочно то такое же чувство, что и в интриганах». То необходимость протеста над ложью торжественного ритуала, то поспе-

яться над самим собой». Когда Вилларский повел куда-то Пьера с открытой рубашкой на левой груди, обнаженной левой ногой и завязанными глазами. Пьер «было больно от приятных узлом волос и ему было совестно — он боялся, что все то, что он делает, ни к чему не приведет, он мучился от боли и стыда». Когда Пьер развязал себе глаза и увидел обитую черной материей комнату и находившиеся в ней «мелкие» иголки, гребни, кости, они не произвели на него никакого впечатления.

Весь обряд Пьер не воспринимал как цельный торжественный акт. Он видел раздробленно каждый предмет и каждое движение. При этом все предметы Толстой называет обидными словами, сознательно разрушая тем самым подобающие всему действию таинственность и возвышенный смысл. Пьер увидел «череп с крест-накрест положенными перед ним костями», «большой ящик, полный костями». Раскрыв пальцами складки черной материи, которой были обиты стены, Пьер «пощупал штукатуреную стену»; потом он «присел на гроб с костями». (По манере описания эта сцена напоминает показание через тридцать лет в романе «Воскресение» богослужение в тюремной церкви.)

Не успел Пьер пройти ритуал посвящения, а ему уже «скучно было и более всего страшно было, что его надежда — найти объяснение жизни в масонстве окажется тщетной». А когда он узнал в риторике знакомого ему неприятного человека, он «мгновенно» потерял надежду. Пьер вдруг понял, «что все, что он думал и что ему говорили, было вздор. Ему стало стыдно». Только после окончания обряда, после того как «сам великий мастер» прочел устав, «весь основанный на стремлении к совершенствованию и к единству души и к самоотвержению для блага всего», Пьер, почувствовав «свои сомнения и сомнения других обрядов, которым он подвергся. Он чувствовал, что бы «ничего не означали и не имели».

Толстой хотел, чтобы масонство, нравственной стороной которого доверился Пьер, не привело его к разочарованию. Сомнения, возникшие при первом же соприкосновении с обрядами, должны были возникнуть без всякого сомнения. Вряд ли чуткий Пьер, сразу уловив фальшь, мог бы после того искренне отдаться этому учению. Вот почему пришлось расстаться с почти сатирическим описанием ритуала. Были впоследствии исключены сомнения Пьера; на минуту промелькнуло такое чувство, но он ужаснулся ему. Сама жизнь должна постепенно поколебать веру Базухова и привести его к разочарованию, а пока он чувствует себя обманутым. Как видно из текста. Несколько сминчено описание ритуала посвящения и восприятие обряда Пьером.

Следующий прием в «братство масонов» для Пьера назывался «новое житье». Пьер, «чувствуя себя одиноко и довольствуясь собой». Вскоре Пьер, поддерживая «свои» масонами в своих давних намерениях, поехал по имени «с целью весьма ясно определенной: облагодетельствовать своих двад-

пять тысяч душ крестьян». Он приехал с «готовым и одобренным в ложе и благоистинным» проектом «освобождения крестьян и улучшения их физического и нравственного мира». В одной из рукописей Толстой конкретизировал «главные цели» Пьера. Они состояли в следующем: 1) физическое улучшение быта своих крестьян — менее отягощающая барщина, таверны, дачи, поод скопа и более выгодных растечений, устройство богаделен и больниц, 2) нравственное улучшение быта крестьян — школы, улучшение образования духовенства и 3) освобождение всех крестьян от рабства.

С первого взгляда определилось намерение Толстого рассказать (как и случилось позже в одной рукописи) историю с участием главного героя романа Пьера Безухова. Решена была и первая парижская и петербургская заглавная предпринимательская деятельность. Препятствием оказалась не только слабость Пьера, но и противодействие всех, признававших (хотя и то, что Пьер считал хорошим «Управляющий считавшим все свои дела, что графа почти безумством, невыгодными для себя, для него, для крестьян, сумел в таком дурном свете представить себе, что Пьер «терялся» и, к удивлению своему, чувствовал, что «занятия» его с управляющим «происходят независимо от дела, что они не цепляют за дело и не заставляют его двигаться». Пьер «бился, хлопотал, но смутно чувствовал, что он не имеет той практической цепкости, которая бы дала ему возможность непосредственно взяться за дело и вертеть колеса».

Точно так же, как Пьер верил по своей душевной чистоте в искренность людей, полюбивших его за богатство, он поверил «плуту» управляющему. Управляющий сумел повести дело так, что Пьер «был очень счастлив, когда ему говорили мужики, как они век за него будут богаты, что он богатый и хороший». Пьер не подозревал, что барышники работы, уменьшенные «на бумаге», т. е. в отчетах управляющего, были в сущности увеличены из-за постройки этих больниц и школ. Он возвращался «счастливым и довольным» в Петербург и по дороге заехал к князю Андрею, с которым не виделся два года.

«Самое счастливое состояние духа», в котором находился Пьер, было важно для Толстого в двух планах. Оно показывало искренность веры Безухова в силу и чистоту масонства, «спасшего» его. Кроме того, «счастливое состояние» и убежденность Пьера должны поколебать мрачность и угнетенность князя Андрея.

Встреча с князем Андреем в Богучарове позволила автору выявить перемены, происшедшие за два года в этих «столь же близких, сколь и далеких людях». В начале беседы Пьер, по-прежнему молодой и счастливый друг, чувствовал, как «ослабились его крылья». Но едва он увидел, что князь Андрей начал смягчаться, оживился, сам начал расспрашивать о масонстве и интересоваться тем, как это «крош-

ит» его друга. Пьер «стал залапать с жаром значение масонства». В первом варианте беседы Пьер совсем кратко излагает свои убеждения. Он говорит только о том, что теперь чувствует себя частью целого, что он «ступень». Пьер «удивился и себе не поверил», увидев к концу разговора, что в прищипанных глазах князя Андрея «светится жизнь».

Вопреки тому, князь Андрей достигнут, но о Пьере еще рассказано мало. В той же рукописи это исправлено. Важно было объяснить, что Пьера увлекала «нравственная сторона» масонства, и показать, как искренно он принял новое учение и верил в него. Для этих целей не было лучшего повествования, чем беседа с близким другом. Пьеру хотелось открыть князю Андрею идею масонства, но он колебался. «Как только он придумывал, как и что он станет говорить, он предчувствовал, что князь Андрей одним словом, одним аргументом уронит все его учение, и он боялся начать, выставить на возможность осмеяния свою любимую святыню». Преодолев тревогу, Пьер вдруг, «опуская голову и принимая под богомолкою быка», начал излагать Андрею масонство. Как он понимал его, «в чем едва ли согласились бы с ним его братья кампанилы». Разногласия редакции автора не дошла до печати. Пьер сам своим повествованием перед масонами выказывает свое особое понимание масонства. Сущность же масонства Пьер излагает в этой рукописи почти точно так, как в законченном романе. Пьер не принимал масонство не так, как религиозную силу с ее внешней обрядностью, а как «чуждое единственно добродетельных, лучших, лучших сторон человечества». Пьер, «сходя с состояния религиозного восторга», в котором он забывал все, увлеченно говорил о своих убеждениях.

Несмотря на то, что Пьер убеждал князя Андрея, напротив, «разумный» князь Андрея «спорил с ним только своей худостью, но не доброе описание Pierr'a, державшегося за свои убеждения, как за спасение и свою жизнь, что ни много делание веры к своему испытываемому счастью». В этих убеждениях своему другу и брату Пьер видел заветную точку, к которой он стремился, раз приняв этот тон почтительности с которым он прежде всегда и во всем соглашался.

Масонство не изменило своей роли в романе. Оно возмужало Пьера, а Пьер, в свою очередь, убежденностью приобрел заветность. Оно стало силой и князь Андрей. Кроме того, проведя Пьера (а по ранним редакциям и князя Андрея) через масонство, Толстой отразил характерное явление общественной жизни того времени.

* * *

После встречи с князем Андреем в 1807 году повествование прерывается рассказом о Пьере. Так установилось с первой редакцией романа. Он возобновляется только в 1809 году, когда Болконский приезжает в Петербург.

хотел чтобы принять участие в реформах Сперанского. О жизни Пьера за прошедшие два года ничего не известно. Но первоначальным наброскам этой части, князь Андрей, приехав в Петербург, остановился у Пьера. Только из беседы друзей становится известно, что Пьер опять соединился с женой. В ответ на удивление князя Андрея, как это могло случиться, Пьер «слабо улыбулся и одной этой улыбкой сказал все, скрывает что его окружили и свели с женой против его воли». Разговор о государственных преобразованиях перебивался интересами личной жизни и лишь коснулся Наташи Ростовою, о которой упоминал Пьер.

В этом первом варианте не сказано, как выглядел Пьер. В следующем варианте внешние черты в облике Пьера отражены в восприятии князя Андрея: «то поразил «признаки постарелости» друга. И хотя Пьер возражал на слова Болконского о том, что они уже постарели, однако тон его подтверждал как будто слова князя Андрея.

О деятельности Пьера за прошедшие годы напоминает только та работа, за которой застает его князь Андрей. По первому наброску, Пьер, изучая написанный аббатом Морно «проект мира вечного», стал делать отметки, увлекся и начал писать «целый трактат»*. Потом автор задумал вовлечь и Пьера в реформы Сперанского. На полях рукописи появилась заметка: «Pietge о Сперанском. Он [Пьер] верит в людей. Пишет государю: сделайте это и это. Государь передал его записку Сперанскому, и он работает над сводом, когда его застает Андрей».

Во втором варианте сцены встречи Толстой так было начал от имени Пьера: «Я пишу возражение на записку Карамзина о старой и новой России. Он говорит, что учреждения вырабатываются веками, но я спрашиваю его во времени...» Не дописав, Толстой изменил: «Я пишу возражение на проект Сперанского об уничтожении коллегий. Он хочет переделать учреждения России на образец конституционных государств...» Наконец, тема выбрана: князь Андрей застает Пьера за сочинением проекта о преобразовании судов.

В беседе с Андреем Пьер не возражал против преобразований Сперанского, но считал, что «одних конституционных форм, ответственности министров и т. п. мало. Необходимо полнота преобразований». (Первоначально Пьер указывал на «произвольность и случайность этих преобразований».)

Толстой намечал показать различное отношение каждого из друзей к государственным реформам. Князь Андрей понимал мысль Пьера, что «конституция не может быть даваема сверху, что такая конституция

будет только висюпня и не прихвется народу, но не соглашался с этой мыслью, доказывая, что управляющие народом люди могут предчувствовать потребности народа и, угадывая их, удовлетворять им».

Замысел этот немедленно отпал, и, зачеркнув приведенный набросок, Толстой подробно развил отношение Болконского к деятельности Сперанского, добавив в конце, что князь Андрей «вполне был согласен с мыслью Pietg'a, но в эту минуту не было занимало его».

В новом варианте о своей личной жизни друзья сказали друг другу без слов. На молчаливую улыбку князя Андрея во время рассказа о масонах Пьер отвечал «так же определенно, как бы князь Андрей словами выразил ту мысль, которую означала эта улыбка». Точно так же и улыбка Пьера сказала князю Андрею больше, чем та слова. На вопрос: «даже ли возвратился к тому Элен, Пьер «слабо улыбуясь и этой улыбкой сказал князю Андрею все, что хотел узнать Болконский». Князю Андрею было совершенно очевидно, «от каких преимущественно мыслей спасался Pietge своей работой над запиской о старой и новой России, и ясно стало, отчего так одутловато стало лицо Pietg'a и так скоро показались на нем складки не столько старости, сколько опущенности». Только душевно сроднившиеся люди могли так понимать друг друга. Попытка ввести разговор о Наташе опять не осуществилась.

Намерение Толстого отразить интерес Пьера к государственной деятельности Сперанского удержалось на какое-то время. В не дошедшей до печати сцене раута у Элен, на который был приглашен и князь Андрей, Пьер вступил в общий разговор о Сперанском. Он «бестактно и неприятно для всех» начал «умно, горячо, но длинно излагать причины своего несогласия со всеми намерениями Сперанского». Мы видим здесь все того же Пьера, нарушающего своим поведением и, главное, свободными мыслями тон общества.

На рауте, естественно, речь шла и о Наполеоне. Это дало возможность Толстому сообщить о том, как изменилось после Тильзитского мира отношение к французскому императору светского общества с одной стороны, Пьера и князя Андрея — с другой. В салонах воцарились «страстный восторг и восторженность» к Наполеону. Пьер же в разговоре с князем Андреем после раута высказывает противоположное мнение: «Наполеон — это ничтожество, пустота, близкая к своему погибельному человеку, не выдержавшему своего положения и измучившийся. Это же мнение был князь Андрей, которому казались слова Пьера «сбитой истинной», хотя, как добавляет автор, «едва ли в Петербурге не были двое были этих мыслей». Так было в ранних набросках. Неполнота суждений этих «предовых умов» осо-

* трактат.

бени важно отметить Толстому. И в завершённом романе точка зрения персонажей так же четко отражена.

Как будто многие Толстой уже рассказав о Пьере, об его убеждениях, об его месте в общественном мире, о переменах в семейной жизни. Однако не удавалось развить дальше историю Пьера. И на следующем этапе работы автор коренным образом изменил композицию всей части. Прежде чем соединить Пьера с князем Андреем и заставить их в интимной беседе высказать свои убеждения и взгляды, Толстой решил отдельно рассказать о жизни каждого из них. Нет больше попыток вести Пьера в круг государственной деятельности. Пьер увлечен только масонством, с особой силой развившимся в России после Тильзитского мира. В откинутых набросках наметились те основные события жизни Пьера, о которых предстояло сообщить: возвращение жены, растущий интерес к Наташе и масонская деятельность. Каждое событие решалось особо, и в то же время они неизбежно связывались между собой.

Известно уже, что вступление Пьера в масонскую ложу совпало с безуспешными попытками князя Василия примирить его с Элен. О том же, по ранним вариантам, старалась Анна Павловна Шерер. Несмотря на «трогательные увещевания и доводы» Анны Павловны, Пьер отвечал одно, что он «не в силах и не может переменить своего решения».

Но Пьер должен соединиться с Элен. Автор стремится создать такую обстановку, при которой Элен добьется возвращения Пьера. По раннему варианту, среди «все возможных хитрых и упорных средств» Элен и князя Василия было «действие через великого мастера ложи, который имел большое влияние на Пьера». Соединясь опять с Элен, Пьер вскоре понял, что «искренно» он соединиться с ней не может.

Несомненным в этом варианте оказалось то, что участие «великого мастера» в интригах Элен не поколебало в Безухове веры в масонство. Напротив, он продолжал углубляться в изучение масонства, в котором «многое еще представлялось ему тайным». Но ранней редакцией, Пьер уже после соединения с Элен выступает на торжественном заседании ложи с речью «о средствах распространения чистой истины и торжества добродетели». Нет в ранней редакции самого текста речи, но гораздо больше, чем в завершённом романе, рассказано о том, как Пьер читал ее. Он «находился в таком волнении», он «с таким чувством и жаром говорил почти с слезами на глазах, что чувство его сообщилось многим из искренних братьев и послужило многим, которые видели в этой речи опасные замыслы». Здесь Пьер показан в характерной для него роли спорщика, каким он рисовался с первого появления в рома-

не. Братья в первый раз увидели в нем «страстность и энергию», которых не ожидали. «Он забывал условные обряды, перебивая всех, раскрасневшись, кричат и пахнулись в состоянии энтузиазма, которое самому ему доставляло огромное наслаждение». Только после того, как Пьер прочел свою речь и встретил несогласие с ней, он понял, с какой «силой» был убежден и тем, что он говорил». А «ветхий мастер» сказал с укором, «что не одна любовь к добродетели, но и увлечение борьбой руководило им в споре».

Несколько раз Толстой исправлял этот вариант для мировоззрения Пьера и Элен. Прежде всего изменил связь между неудовлетворенностью Пьера масонством и его соединением с женой. Пьер чувствовал, что, не выходя вперед, «вертится, как в колесе, в обрядности ордена». В это именно время он получил письмо от Элен: «прощая его за все, что он сделал против нее», она обещала, «если он будет вести себя хорошо, опять быть ему верною подругой жизни». Пьер ощущал «прежнее сознание своего бессилия — отказать людям в том, чего хотят от него, и вместе с тем поднялась его прежняя злоба к жене». Это событие совпало с тем периодом, когда у Пьера зародилось уже сомнение в масонстве. Он чувствовал, что оно «основано все на внешности и самообольщении», а между тем он верил, что «ни одно учение не проповедует таких высоких и успокоительных истин». Пьер решил, для того чтобы избежать возвращения Элен и «для посвящения себя в тайны высших градусов», уехать за границу. Соединение с женой и разочарование в масонстве отныне будут сопутствовать одно другому.

До примирения с женой Пьер произносит речь на торжественном заседании ложи, после чего происходит разрыв его с петербургскими масонами. И как раз в это время, когда на Пьера нашла тоска, которой он боялся, он получил письмо жены. И далее, как известно по завершённому роману, Пьер едет к «благодетелю» Ваздеву, в дневнике излагает события, приведшие его к соединению с женой, но жизнь их идет раздельно: внешняя светская суета Элен и «трудная работа внутреннего развития» в душе Пьера.

Одновременно решалась в романе третья линия жизни Пьера — его отношения с Наташей Ростовой. После знакомства Пьера с девочкой Наташей на именинах она в его жизни совершенно не участвует и ни разу не упоминается. По замыслу автора, Безухов встретится с Пьером, но с неизвестной девушкой, в Петербурге, куда в 1809 году он уезжал с женой. В завершённом романе, среди тех, кто посещал Безухов в Петербурге, назван Пьер Безухов. О том, что он видится с Наташей, известно только из ночного разговора Наташи с матерью. На вопрос матери, «уж не Наташа ли с Пьером кокетничает, Наташа

отвечает: «Нет, он франмазон, я узнала. Он славный, именно с ним с красным». Вот все, что пока сказано об отношениях Пьера с Наташей в Петербурге.

В первых рукописях этот период жизни героя отражен по-иному. Мелком упоминается, что в Петербурге Пьер бывал у Ростовых. Однако в ранних вариантах беседы с князем Андреем он то и дело возвращался к Наташе. Он сообщил другу, что Наташа рассказывала ему о приезде князя Андрея в Отрадное. «Что за прелесть, что за девушка», — говорил о ней Пьер. «Очень милая», — подтвердил князь Андрей.

В первую редакцию романа вошел конспективный набросок: Пьер вместе с князем Андреем едет к Ростовым (это было до бала). Видя оживление Наташи и Андрея, Пьер «грыз пальцы» и «бессмысленно ревновал». Ночью, вернувшись от Ростовых, Пьер «отмалчивался от речей князя Андрея, потом он вдруг повалился на подушку и заплакал». Он признается князю Андрею, что «до безумия влюблен», что без нее жить не может и в то же время знает, что она любит князя Андрея. «И слава богу, но я несчастлив», — говорит Пьер. «Я знаю, что я сделаю, я сойжусь с кругом. — И, несмотря на увещания князя Андрея, он потребовал вина».

Никак не подготовлена такая влюбленность Пьера, ведь не было ничего сказано об их встречах. Толстой опередил события. Кроме того, возбуждение Пьера не совпадало с тем чувством тоски и угнетения, в котором застал его князь Андрей. Это с одной стороны. А с другой — свойственно ли Пьеру, жившему опять вместе с женой, не бороться с чувством к Наташе? Все казалось искусственным. Тем не менее в следующем варианте отчетливо выражены отношения Пьера к Наташе. Пьер говорит Андрею, что в семье Ростовых он оживает и что он никогда не был влюблен, но Наташа именно та женщина, к которой он «мог бы испытать это чувство».

И предшествующие и последующие рукописи позволяют предположить, что Толстой все время боролся с тем, чтобы не раскрыть преждевременно и, главное, слишком явно чувство Пьера к Наташе. Неоднократно Толстой пытался поскорее рассказать о любви Пьера к Наташе, а затем отбрасывал развитый эпизод. Конспективные записи на полях рукописи говорят о перемене замысла: Пьер «не думает, что любит, но уважает ее больше всего в мире. Не понимает, как решаются обнять ее, танцуя». Когда созрело решение о том, что первая встреча князя Андрея с Наташей произойдет на бале, Пьер встречается с князем Андреем накануне бала и советует князю Андрею жениться. И в эту же минуту ему представилось, что только Наташа достойна его друга. Пьеру «показалось, что он и прежде об этом думал, и только для этого так полюбил ее».

В следующих рукописях Толстой добавил, что в Петербурге старинный граф Ростов «затащил» к себе Пьера, который «с тех пор полюбил дом Ростовых» и стал часто бывать у них. В это-то время в дневнике Пьера было записано то свидение о детакции по книге девицки в бальной одежде, которое заставило его задуматься над своими поступками Ростовых. Такая борьба с своим чувством естественна для Пьера. С небольшими изменениями текст этой рукописи вошел в законченный роман.

В рукописях много внимания уделено Пьеру. По первому варианту: Пьер «ничего не видел, не слышал, он жадно следил за каждым движением этой пары, за быстрым мерным движением ног Андрея и за башмачками Наташи и ее преданным, благодарным, счастливым лицом, так близко наклоненным к лицу князя Андрея. Ему было больно и радостно». К этой расстройственности Пьера примешивается тяжелое чувство — он увидел в другой стороне зала жену свою «во всем величии ее красоты, встающую перед высокой особой, удостоившей ее своего разговора».

Противоположные, хотя и слитые в одно впечатление гнетут Пьера. «Боже мой! помоги мне, — проговорил он, и лицо его сделалось мрачно. Он ходил по зале как потерявший что-то и в этот вечер особенно удивлял своих знакомых своей бестолковой рассеянностью». Толстой не ограничился этим и заставил своего героя тут же, на бале, подойти к Наташе и «говорить ей про князя Андрея, про которого он так часто говорил ей».

В следующей рукописи добавлено, что, глядя на танцующих князя Андрея и Наташу, Пьер «вспоминал смешную черную девочку, с которой он четыре года тому назад танцевал в Москве в день смерти своего отца, и удивлялся тому, что эта престарелая девушка, танцевавшая с князем Андреем, была та же самая». Пьер не знал, «на каком основании, с какой стати, по какому праву, по ему вдруг стало завидно, досадно на князя Андрея и грустно».

Наутро Пьер, редко бывавший у князя Андрея, приехал к нему, и по какому-то «нечестному, притворно небрежному тону» в первых словах Пьера князь Андрей почувствовал, что Пьеру «что-то нужно от него, что он собирается сказать что-то и не может решиться». Так показано смятение Пьера после бала, его борьба со своим ясно выраженным чувством к Наташе. Но князь Андрей «вовсе не попытка» смятение друга. «Положение Пьера было бы смешно для князя Андрея, если бы оно было так жалко. Вражеская складка на лбу Пьера не могла быть. Он говорил и о государственном совете, и о последних работах, бестолково переключиваясь с одного предмета разговора на другой». Вывели Пьера «из его задуманного состояния»

Влюбленный князь Андрей приезжает к Пьеру. От лица автора рассказано о том, что в это время у Пьера было свое горе: «На том же бате П[арышкиных] высокое лицо обратило внимание на Hélène. Hélène не считала нужным уже скрывать своей связи с этим лицом и сама объявила Риег'у, что он жалуется званием камергера. Риегге выпалил и окончательно разорвал связь с женой» и решил ехать в Москву. Ни слова нет о его чувствах к Наташе. Когда князь Андрей «рассказал ему всю свою любовь» к юной Ростовой, свои сомнения в том, любит ли она его и тревоги, даст ли отец согласие, — Пьер «ушел, утешенный в заботах своего друга от горя своего собственного».

Такое почти равнодушие Пьера к Наташе неестественно. Ведь давно было намечено в схеме романа, что любовь князя Андрея должна растрепать Пьера. Немедленно этот короткий набросок был заменен совершенно противоположным: услышав признание друга, Пьер «с особенным жаром», удивившим князя Андрея, заговорил «И прекрасн, женитесь!» «Это редкая девушка». В ответ на сомнения Болконского Пьер «кричал»: «Женитесь, женитесь, женитесь. В Петербурге нет подобной девушки!» Слова Пьера «сильно подействовали» на князя Андрея. Однако в этом варианте Пьер оказался с типом оккультно-мистическим, что не свойственно его характеру.

Толстой еще раз переделывает беседу. Новая схема предварительного сообщения, что со времени бала Пьер «чувствовал на себе припадки эпилепсии и хондрики» и заставлял себя работать дни и ночи, надеясь трудом «отогнать приближение злого духа». Болковский настаивает его за переписывавшем Шотландских актов. Князь Андрей ничего не рассказывает Пьеру о своей любви, и, напротив, Пьер говорит ему о своем неудачном соединении с женой и об окончательном решении уехать от нее. Пьер настоятельно советует князю Андрею влюбиться, жениться и сам называет Наташу. В ответ на сомнения князя Андрея Пьер «сердито» кричит: «Они проговорили до поздней ночи. И последние слова Пьера были: «Женитесь, женитесь, женитесь»».

Толстой опять недоволен. В новом варианте, как и ранее, Пьер заинтересованно наблюдает за Наташей и князем Андреем, но не в балном, а на вечеру у Берггоф, где он впервые после бала встречается с Болконским и Наташей. Со дня бала, еще больше удивившись «в своих порочных чувствованиях» к Наташе, Пьер «предназначил свои посещения к Ростовым». (Только в корректурах по рукописи: «А Берггоф Пьер наблюдает за князем Андреем и Наташей, испытывая «радостное и мимолетное чувство». Генерал только после этого князь Андрей приезжает к Пьеру. Между ними происходит знакомство на равном рукопожатии беседа. Пьер и становится на дороге к Наташе. Но тут же автор напоминает, что замеченное Пьером «чувство между покрови-

тельствующей им Наташей и князем Андреем, своей противоположностью между его потоплением и положением его друга» еще более усиливает его мрачность, вызванную поведением Элен. Итак, любовь Наташи и князя Андрея изменила жизнь Пьера. Все это надо теперь показать в действии.

Автор попытался выставить первой причиной, приведшей к перелому, поведение Элен. Она, как упоминалось в первых набросках, была в связи с «высоким лицом», благодаря чему Пьера полагали в камергера. Подробнее, чем раньше, показала реакция Пьера, услышавшего об этой «милости». Несмотря «на все искусство самооправдания и совершенствования, в котором так долго и усердно упражнялся муж Hélène, вся кровь прихлынула ему к горлу, он вскочил и, выговорив страшно тривиальное бранное слово, объявил жене, что скорее он умрет, чем нога его будет при дворе, и объявил, что он едет в Москву». Попутно было упомянуто и о другом, о том, что оказалось «страшнее всего»: любовь Наташи к князю Андрею «вдруг заставила усомниться» Пьера в «разумности, правде, чистоте и нужности для него масонства».

Немедленно (все в той же рукописи) вариант заменился другим: без всяких уловок сообщено, что «любовь князя Андрея и Наташи и их счастье было одной из главных причин происшедшего переворота в жизни Риегга. Ему не было заминда, он не ревновал. Он радовался счастью Наташи и своего друга. Но после этого вся жизнь его расстроилась. Весь интерес масонства вдруг исчез для него. Весь труд самооправдания и самосовершенствования пропал даром». Далее идет рассказ о жизни Пьера в Москве, где он «почувствовал себя дымом в тихом пристанище» и «отдался опять своим таинственным страстям». Только в самой глубине души Пьер говорил себе, «объясняя свою распухшую жизнь, что страдает таким не оттого, что природа его влекла к этому, а оттого, что он влюблен несчастливо в Наташу и подавил в себе эту любовь». Так установилось, наконец, в ранней редакции романа.

Самый образ жизни Пьера больше не подвергался серьезным переломкам, но о причине происшедшего в нем переворота сказано глухо: «скоро после отъезда из Петербурга Андрея и Ростовых Пьер почувствовал необходимость продолжать прежнюю жизнь». Если в предыдущем варианте слишком прямолинейно «переворот» в жизни Пьера связан с Наташей, то в новом он оказался не обоснован.

В следующем варианте главным толчком, «сделавшим переворот», вызывающим смерть «славного мастера» Баадеева. Лишь отдаленно это событие связано с Наташей: известие о смерти Баадеева Пьер получил только после отъезда из Петербурга Ростовых и Болконского. Но «разрыв» между Петербургом и Москвой Пьер «вдруг почувствовал» в «самое время совпавшим причинам».

невозможность продолжать прежнюю жизнь», он «с ужасом увидел, что он может продолжать жить без прежнего внутреннего интереса в прежних внешних условиях жизни. Ему нужно было, по крайней мере, рассеяние». После такого вступления логически оправдан новый образ жизни Пьера: поездки в клуб, собиравшие с холостыми компаниями.

Перед сдатой рукописи в набор Толстой в последний раз исправил, переименовав местами две причины, изменявшие жизнь Пьера. Первое место заняла не смерть Базинова, а сватовство князя Андрея к Наташе. Так осталось в печатном тексте.

Естественно, что отношение Пьера к Наташе должно быть уже в какой-то мере выказано, так как, по неизменному замыслу автора, Пьеру надлежало стать самым близким другом Наташи после «исторички» ее с Анатолем.

По первоначальным вметкам, с первого дня приезда Ростовых в Москву Пьер несколько раз виделся с Наташей. Он приехал на обед к Марье Дмитриевне Ахросимовне, у которой остановиться Ростовы. Наташа ждала, что Пьер привезет ей письма от князя Андрея. Услышав о приходе Пьера, Наташа «обетом победата к нему». Увидав Наташу, Пьер «покраснел, как ребенок, чувствуя, что он глупо краснеет». Наташа встретила Пьера словами: «Милый граф. Все мне так противны, кроме вас». В театре, где Наташа знакомится с Анатолем, тоже, как будто мимоходом, но все время присутствует возле Наташи Пьер. Сначала в доме Ростовых вошли вместе Пьер и Анатолий. Наташа «была рада» Пьеру и «с той же радостной улыбкой обратилась к Курагину». Потом Пьер сидел в ложе вместе с Элен, не спуская с Наташи глаз, и Наташа «почувствовала с радостью, что он всей душой восхищается ею».

То же происходило на вечере у Элен, где, по первоначальному замыслу, Пьер следил за Наташей и Анатолем.

В дальнейшем отпали многократные упоминания, осталось только одно: в театре Пьер «оживился», увидав Наташу, и долго говорил с ней. По-иному отражено в законченном романе развивающееся чувство Пьера. «Вскоре после приезда Ростовых в Москву впечатление, которое производила на него Наташа, заставило его поторопиться уехать из Москвы. Этот поступок Пьера убедительнее, чем его неоднократные встречи с Наташей, рассказывает о том, что происходило в его душе».

Пьер появится теперь только после катастрофы в жизни Наташи. Его вмешательство определилось с первых набросков, хотя форма участия не сразу была найдена. «Старый граф приехал к Риегг'у, прося его быть секундантом. Риегг бьет Анатоля и гонит его. Ростовы уезжают в деревню». Таков план. Узнав от графа Ростова о случившемся,

Пьер обещал «разделаться» с Анатолем. Начав говорить с ним, Пьер не мог владеть собой, «схватил его за плечи, перевернул и ударил себе лоб. Вид этой крови совсем одурманил Риегг'а. Он еще, едв нанеся ему удары, выталкивая за дверь, и, захлопнув дверь, бледными схватился за голову». Приехав к Ростовым, Пьер успокоил графа, что Анатолий уезжает.

Этот первый набросок немедленно был заменен другим: Пьера вызвала к Ростовым Соня и рассказала обо всем. Слушая ее, Пьер не мог понять, о чем она говорила, и улыбаться. Ему казалось, что «все, касавшееся Наташи, должно было быть приятно и весело». Маломодная улыбка его перешла в «слабенькую гримасу». Соня, «не веря своим глазам», увидела, что он плачет. Пьер «не ставил себе вопроса, прощает он или не прощает Наташу. Она была все та же для него. Только новый грустный, матовый круг этой ореолы прибавился — это было сожаление».

Опять автор недоволен. Он пытается ввести противоположную предыдущей реакцию героя. Пьер обещал Соне сделать все нужное, но «весь обед молчал и упорно и злобно смотрел на Наташу. Ему казалось, что он ненавидел ее». Не докончив этого варианта, Толстой создал другой: Пьер получает письмо от Сони. «Как ни стыдно ему бы было признаться в том, первое чувство Риегг'а было чувство радости. Радости, что князь Андрей не счастливее его. Чувство это было мгновенное, потом ему стало жалко Наташу, которая могла полюбить человека, столь презираемого Риегг'ом, как Анатолий, потом ему стало непонятно это, потом страшно за Андрея и потом больше всего страшно за ответственность, которая на него самого ложилась в этом деле. Мгновенно, как утешение, ему пришла его мрачная мысль о ничтожестве, кратковременности всего, и он старался презирать всех». Пьера мучила замена Наташи Андрею, и он «ненавидел» Наташу.

Как ни менялись чувства Пьера к Наташе, его поведение с Анатолем оставалось тем же. Во всех вариантах Анатолий по требованию Пьера в тот же день уезжает из Москвы. В рукописных текстах Пьер при встрече с Анатолем резко разоблачает «подлую, мерзкую, бессердечную породу» Курагиных и полнее высказывает свои истинные чувства к нему. Он сравнивает Анатоля с вором, разбойником, который пошел в дом богатого старика или ребенка. Во время разговора «физическое волнение» Пьера начинало переходить в унытое.

Только в набросной рукописи оформился, наконец, характер участия Пьера в беде Наташи. Когда Наташа просила Пьера передать князю Андрею, чтобы он простил ее, и при этом «по-детски зарыдал»,

душ Пьера переносило не только «чувство жалости» (как в окончательной редакции), но «чувство жалости, нежности и любви к нему». Он «слышал, что слезы текли у него под очками и надеялся, что их не заметят». Попытка Пьера примирить князя Андрея с Наташей оказалась безуспешной.

Роль Пьера в этом страшном событии в жизни Наташи и князя Андрея много раз пересматривалась. (Это происходило в процессе работы над первым редакцией романа.) Завершившийся так «сладко» заканчивался тем, что Пьер, как и Ростовы, остался вдовой в Москве и каждый день бывал у них. Он был «друг дома Ростовых», он любил всех «как семью, которая бы — он желал — была его. Он иногда думал о том, как бы он был счастлив, если бы его, Пушкина и Кутузова, старая графиня приласкала своей большой рукой по голове и сказала бы: «Милый мой Петья». Спустя много времени, когда Толстой правил корректуры этого тома, он дописал главу о дружбе Пьера с Наташей после катастрофы с Анатолем и о комете 1812 года, которую Пьер увидел, возвращаясь от Ростовых. Ему «казалось, что эта звезда вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе».

Вспоминанием о комете возобновился рассказ о Пьере в начале войны 1812 года. С того дня, как Пьер под впечатлением откровения разговора с Наташей «смотрел на комету, стоявшую на небе», он почувствовал, что для него открылось что-то новое: «вечно мучивший его вопрос о тщете и безумности всего земного перестал представляться ему». Такое вступление к главам о Пьере выполняет в композиции произведения двойную функцию: сохранена непрерывность действия в повествовании о Пьере и создана естественная связка между только что законченным рассказом о Наташе и начавшимся рассказом о Пьере. Роль Наташи в его жизни была теперь такова, что «странный вопрос: зачем? и чему?», который прежде представлялся ему в середине всякого занятия, теперь заменился для него не другим вопросом, и не ответом на прежний вопрос, а представлением ее».

* * *

Наступил 1812 год. По ранней редакции романа, Пьер вновь вступает в действие вслед за рассказом о религиозном и патристическом подвиге Наташи в преддверии войны. В дальнейшем роман Пьера и Ростовых соединяется с законченными редакциями, в которых интерес к подробностям не достиг той степени, какой достиг у Ростовых «распространенный и выносившийся» таким Пьером, а Наташа — анти

телем Вильны, о возбуждении Польши и разные самые несправедливые слухи и угрозы Наполеона». Наташа и в творчестве автора вполне ясен возбуждающий войной чувство патриотизма теснее сближает Наташу с Пьером.

Задачей Толстого было вести дальше повесть Пьера так, чтобы Наташа продолжала тревожиться от сердца, а короче, перевернуть в его жизни произвела война. Надо уравновесить эти две силы.

Была у Толстого попытка заставить Пьера сознательно бороться со своим патристизмом к Наташе. После вынужденного общего разговора о войне, когда Пьер особенно сильно ощутил свое чувство к Наташе, он все-таки не поддался ему. «Ее влияние сильно, но сильнее еще его внутренняя жизнь, которая велит идти». Такое обдуманное решение не свойственно Пьеру, и оно отпало (это произошло в корректурах). По новому: уходя от Ростовых, Пьер, взволнованный силой любви к Наташе, решает не бывать у них — это естественно для Пьера. Затем, по мере того, как «с театра войны приходили более и более тревожные слухи и когда здоровье Наташи стало поправляться и она перестала возбуждать в нем прежнее чувство бережливой жалости», Пьером стало «овладевать более и более непонятное для него беспокойство», предчувствие наступающей катастрофы, которая должна была изменить всю его жизнь. В отличие от законченного текста, в рукописях подробно перечислено, что именно Пьер считал признаками «той приближающейся катастрофы». Он видел их «и в комете, и в приближающемся к Москве нашествии, и в более и в более тревожном чувстве, которое овладевало им в присутствии Наташи, и в том странном предсказании апокалипсиса, открытом ему одним из масонов, по которому Наполеон был именно тот зверь, которого число есть 666 и которому предстоит и торжеств 12 года (года Наполеона)». Заканчиваясь глава автором замечанием о возросшем беспокойстве Пьера по мере приближения Наполеона: чем «необычайнее были совершающиеся события, тем они более соответствовали его душевной потребности».

Пьер принял решение, естественное для Пьера, чуждая любовь к Наташе и душевные волнения, вызванные войной, не противостоят, а гармонически сочетаются, как одинаково важные для него события. Но Пьер, пишет автор, «последний его разговор с Анатолем, после которого он не бывать более у Ростовых, правду говоря в Москве, в Сибирском дворце и вся путаница пошлости, патристизма, страха, потерь, жизни, смерти и суесть, кипевшая в обществе, — все это представлялось Пьеру жалкими, вредными, ничтожными, грустными». Текст не дошел до печати, но с него о остался главным стержнем рассказа о Пьере в Москве, об его настроении во вре

мя собрания дворян в Стободском дворце и после других московских впечатлений, накануне Бородинского сражения.

Пьер резко выделяется из среды московского дворянства (так было указано еще в первой редакции романа). Широкая картина жизни Москвы в эти дни представляется читателю сквозь описание Пьера. Впечатление от всего увиденного и пережитого в эти дни вызывает у Пьера «радостное беспокойное чувство, что изменится наконец, этот толкотня, по всем углам бьют, который закопал его». Он тайно волевался «мыслью» о том, чтобы поехать к армии и самому своими глазами увидеть, что такое война. Увлеченная им эскадрилья над французским поваром ускорила решение ехать в армию. К утру 25-го августа Пьер выехал, но ему далеко не от Москвы и чем дальше подался в это море войск, тем больше им овладевало беспокойство. Он боялся и сражения, которое должно было быть, и еще более боялся того, что опоздает к этому сражению. Так в ранних вариантах.

Дважды в первой редакции романа писал Толстой о поездке Пьера в Бородино. Сначала подробно было рассказано о том, что главным образом интересовало Пьера. Как размышления князя Андрея накануне Шенграбена и Аустерлица, так и размышления Пьера накануне Бородина отражают основные вопросы историко-философских рассуждений автора. «Риетг'у многое было интересно в этом предстоящем сражении, как всегда и вечно было одним из самых интересных явлений жизни для мыслящего человека — явление войны: люди чужие убивают друг друга. Во-первых, как управляются все эти массы, и подчиняются одной воле? Риегге был когда-то охотник до стратегических соображений, и тактическая сторона дела интересовала его; 2) каким духом руководятся все эти массы?») и сам поставил и вопрос: «то ли верно, что, был бы я трус или нет?»

После такого своеобразного введения описана поездка Пьера в деревню Татариново, где стоял Кутузов с главной квартирой. «Как только Риегге выехал один верхом между войск с мыслью о том, что теперь ему уже нельзя отказаться от опасности, и о том, что каждую минуту может ожидать его, ему стало страшно за свое толстое белое, нежное тело, и, чтобы поддержать в себе мужество, он живо вспомнил то чувство патриотического воодушевления, в котором он находился в дворянском собрании, и под влиянием этого чувства почувствовал удовольствие в мысли показать, что все — не только богатство, но и самая жизнь — вздор в сравнении с чем-то. С чем — он не знал».

Из дальнейших впечатлений Пьера становится очевидно, где он найдет отклик на свои чувства. «Ни в войсках, которые проезжал Риегге, ни еще менее в Татариновой, где сосредоточивалось все высшее и блестящее сословие армии», он не нашел того настроения, которое испыты-

вал сам. По дороге, не доезжая Татариновой, в Бородине, которое «было все затромядено войсками и работавшими опоздавшими», он был остановлен толпой народа, «впереди которой шли с певчим бросили донаты и побуждали, крича, к шествию», и слышит, которые «стали подходить и навстречу толпам и, сняв кивера, пабально крестясь», автор разъясняет. Пьеру наблюдавшему смену с иконой было очевидно, что «наблюдатель солдат с которой они встречали икону Смерти и восторг матерей, ко орую восити перед сражением до пачкам, не имела ничего общего с предвзятым сражением и патристическим духом. Солдаты отходили, и ополченцы брались опять за лопаты совершенно в том же расположении духа, в котором они оставляли их».

Первый вариант зачеркнут. В новом не так четко сформулированы вопросы, интересовавшие Пьера, они вытекают из самого повествования. Пьер под влиянием радости от чувства «жертвоуничия» приехал из Москвы в Бородино с тем, чтобы принять участие в предстоящем сражении. Участвовать в сражении казалось ему в Москве «делом совершенно простым и ясным, но теперь, увидая эти массы людей, растерянных по разрядам, подчиненных, связанных, озабоченных каждый своим делом, он понял, что нельзя так просто приехать и участвовать в сражении, а надо для этой цели к кому-нибудь присоединиться, кому-нибудь подчиниться, получить какой-нибудь интерес, более частный, чем вообще участвовать в сражении». Здесь в какой-то мере намечается ответ на первый вопрос предыдущего варианта.

Приезд Пьера к Кутузову, пребывание его в Бородине и осмотр позиции накануне боя совпадают в основном с окончательной редакцией.

По замыслу Толстого, первые впечатления Пьера не только не ответили на его вопросы, но запутали его представление о войне. Распоряжения Беннгсена вызвали у Пьера недоуменные вопросы: «почему лучше было стоять впереди без подкреплений?», «почему Беннгсен сказал подполковнику, который с ним был, что об этом распоряжении его не нужно докладывать Кутузову, и почему сам не сказал Кутузову? Потом Риегге слышал, как он, встретив Кутузова, прямо сказал, что он все будет в исправности и не имеет нужды в чем-то донести». На эти и на все другие возникавшие вопросы Пьеру ответят не генералы, а народ своим поведением на войне.

В последующих рукописях действие интонации замедлено, подробнее изложены размышления Пьера, созданы новые картины, которые Пьер наблюдал по пути из Москвы.

Мы знаем, что с самых ранних вариантов романа война занимала Пьера. Под влиянием непосредственных переживаний Пьера на войне, Толстой колеблется, как представить его познания в военном

дате. «Пьер про все много читал, но в особенности про войну и имел не только определенное понятие о стратегии и тактике, но считал себя даже знатоком в этих делах. Ему мечталось, как мечтается дорогом, что он сделает что-нибудь необыкновенное в этом сражении». Но дороге до Баратаева Пьер внимательно осматривался, боясь «пропустить место, где начинается позиция (он ждал, что позиция будет чем-нибудь особенным ознаменована)». Поэтому надо, чтобы представления Пьера о войне были весьма отдаленными от действительности. «До сих пор он видел,— продолжает автор передавать ощущения Пьера,— все одно и то же: в окопа, в окопа, солдаты в мундирах, в рубашках, пушки, ружья, лошади, офицеры и деревца, и разоренные деревни, но позиция все не начиналась».

В исправленном варианте подробнее вскрыты смятение Пыраум, чтобы познать «сущность предстоящего сражения», «выгоды и возможности» и мог познать «того, кто в расположении войск перед сражением», «чтобы даже он ничто этого не видел. Он видел, что просто здесь стояли так-то, а здесь так-то, а здесь так-то войска, которые точно в таком же порядке можно было поставить правее и левее, ближе и дальше. И оттого, что по нему казалось так просто, он подозревал, что он не понимает сущности дела, и старательно вслушивался в речи Бенигсена и окружавших его».

блестящие, далеко смотрящие куда-то». Так было в ранней редакции романа.

В следующей рукописи, где дополнены впечатления Пьера по пути в Бородину и расширены рассуждения князя Андрея, по иному представлены ощущения и размышления Пьера после беседы с другом. Теперь Пьеру не только запомнились лучшие глаза и одна фраза князя Андрея, но открылся новый взгляд на войну вообще и на настоящую войну в особенности. «Смутно представлявшиеся ему весь этот день вопросы теперь вполне определились. Но самый вопрос оставался столь же неразрешимым. Русские, все русские, — настоящие русские, — не эти господа, которые до-французски лопотали около него теперь*, — а русские, князь Андрей, ополченец, приговаривающий: «чистое дело — марш», старый солдат, крестившийся на икону, все русские были готовы убивать, быть убитыми, потому что они оскорблены тем самым оскорблением, от которого дрожала губа князя Андрея и которое Пьер чувствовал и в своей душе. Это было понятно».

Но оставался еще один «неразрешимый» вопрос — о роли личности в истории. Для Пьера этот вопрос звучал так: «Что привело русских в это противучеловеческое состояние? Что? Воля одного человека, воля Бонапарта, этого героя, которым когда-то в юности своей так восторгался Безухов, читая его подвиги и приказы в Италии и Египте? Как же мог бог, великий Архитектор, допустить, чтобы один человек был причиной такого огромного зла? Или он есть орудие бога, испытующее человечество, — он антихрист, зверь глаголящий велика и хульна, и тогда я могу быть такое же орудие бога, и мне предначинено положить предел ему? Или он человек (это предположение более очевидно казалось Пьеру после его разговора с князем Андреем), но тогда я, как человек, всей силой души ненавижу его и сделаю все от меня зависящее, чтобы уничтожить его».

В таком виде главы о встрече Пьера с князем Андреем дошли до набранной рукописи. В ней к аргументам князя Андрея добавлена его уверенность, что в завтрашнем сражении «все будет зависеть от неопределимого чего-то, что называется духом войска». Пьер (по новой рукописи) слушал князя Андрея, испытывая чувство, подобное тому, которое испытал бы человек, перед которым подняли бы красивый занавес и открыли глубокие, неопределенные и мрачные перспективы. Вопрос, занимавший его со времени его выезда из Москвы, представлялся ему теперь совершенно ясным». Еще раз, уже в корректуре, работал Толстой, определяя состояние Пьера, пока не была найдена

* Действие происходило в Горках в палате у Бориса Друбецкого, где в ночь накануне сражения собрались «самые блестящие штабные молодые люди», но Пьер «не принял участия ни в игре, ни в ужине, ни в остроумных разговорах».

сильная, впечатляющая формулировка скрытой тоски патриотизма, которая была в тех людях, которых Пьер видел и которая «обыкновенно такова, зачем поспешит люди си конно и как будто легкомысленно и тивились к смерти».

Показать Бородинское сражение в восприятии Пьера — такой был первоначальный замысел. Он прошел длинный путь. Но первым наброску, «пути оруди, горюющие движенья конна, теснота палки, в который он заехал, и, главное, все эти лица, строгие, задумчивые, — все слилось для него в одно общее впечатление поспешности и страха». И датское, рисунки картин Б. и Т. и т. д. отмечал озабоченность и страх Пьером беспокойство и сбивчивость впечатлений.

Такое восприятие сражения не могло бы решить творческой задачи. На полях появилась конспективная запись: «Pierre удивляет всех своей храбростью. «Куда же вы едете», — говорит ему адъютант. А он едет под страшным огнем на пер[едовые] позиции. В нем кровь отца». Намеченные фразы отражают изменившийся замысел, и, действительно, Толстой в той же первой рукописи стал перерабатывать только что написанное.

В исправленном варианте: у Пьера не создается впечатление, что «все слилось в дым, звуки, движение войск, страх и поспешность», наоборот, теперь Пьер, так же как и войска, вглядывался в дымок, вслушивался в звук выстрела, выстрелы «раздались близко и торжественно», и слышались не отдельные выстрелы, а как будто «с грохотом и громом катились со всех сторон громадные колесницы». Хотя и в этом варианте сохранился естественный для штатского страх и ужас, когда вокруг него свистят пули, однако Пьер «поскакал к тому месту, где была самая сильная канонада». Вместо страха на лицах он видел теперь «отпечаток озабоченности», видел «строгие задумчивые лица». Люди были заняты «каким-то невидимым, но важным делом».

И Пьер показан иначе: по раннему наброску толстый человек в белой пуховой шляпе вызывал удивление озабоченных людей, казалось, он «заехал сюда без дела» и «суется тут, когда дело не до шуток». Теперь Безухов уже принимает какое-то участие в общем деле. Когда Баграмян искал, кого бы послать к Кутузову в Горки, Пьер предложил себя. (Не сказано, какое именно поручение он должен был выполнить.) Получив поручение, он увидел штабных офицеров, которые «закусывали», и ему «стало совестно, и он поскакал назад, туда, где бы могли убить его». Встречая на своем пути раненых и убитых и вспоминая, как задрожала губа князя Андрея, Пьер думал: «Надо, надо ехать». И в это время он увидел шедший мимо него полк, сбоку которого ехал князь Андрей, «бледный с блестящими глазами». Но тут разбитая, бежавшая пазад кавалерия увлекла с собой Пьера.

Этот эпизод с участием Пьера тотчас же был измещен. Все еще сохранился какой-то страх испытываемый Пьером. Он был так встревожен, что не замечал того плаща над ним ядер и (так думал) не видел ран, ударов, «хотя при самом минимуме они так выхлещены, что стороны скорее и скорее поспешить кутить и найти себе дело». И только восторженно кричал: «Ничего вернется тут под пулями». Пьер устал, и когда он встал и взглянул вокруг себя, «он не мог не увидеть, Пьер так и, увлеченный назад в канонаду канонады, он увидел, он увидел вокруг себя много раненых в крови, и «лица всех этих людей были страшные». Опять пошла история. Снова Пьер, почувствовав, что не может этого вынести, «тихим шагом, не оглядываясь, поехал назад к Татариновой», встретил князя Андрея, скакавшего вперед полка. Тотчас Толстой создал новую сцену: Пьер не убеждает от страшного зрелища раненых и убитых, а остается пытаться помочь им, и по поручению полковника едет отыскивать перевязочный пункт. Возвращаясь оттуда по «короткому пространству, которое отделило в Бородинском сражении первую линию от резервов, он услышал, как «стрельба и канонада усилились до отчаянности, как человек, который надрынаясь кричит из последних сил», и увидел, что «резервы брошены вперед». Это был так князь Андрей. Впечатление, глубокое и изнурительное, с этого сражения с криками из последних сил человеком.

В будущем эпизод с участием Пьера в начале был изменен и концу упадком. Пьер «устал, устал физически и нравственно», он не мог «ни двигаться, ни думать, ни воображать». По окончании сражения он сидел на брошенной оси, «скулы его прыгали, и он смотрел на людей, не узнавая их. Он слышал, что Кутайсов убит, Багратион убит, Болконский убит. Он хотел заговорить с знакомым адъютантом, проехавшим мимо, и слезы мешали ему говорить. Берейтор нашел его ввечеру прислоненного к дереву с устремленными вперед глазами».

Так было решено в ранней редакции романа. Приездом Пьера в Можайск, где находился раненый князь Андрей, заканчивалось описание Бородинской битвы.

Но в следующей редакции романа Толстой изменил сцену. Пьер, переработав увиденную Пьером картину битвы. Найденные в предшествующей редакции ощущения и настроение Пьера использованы автором в новой рукописи. Пьер «с бессознательно-радостной улыбкой смотрел на то, что делалось вокруг него». Солдаты, убедившись, что этот барин в белой шляпе спокойно прозаживается под выстрелами, учтиво сторонясь перед солдатами, «мысленно приняли Пьера в свое семейство». Пьер слышал удары сзади, слышал, слышал, уходивших с ношами, догадывался, что это были раненые и убитые,

«но он не видел их, а видел только оживленные усиленно теперь движение и жизнь». Пьеру казалось, что там, где он видел «и мги, блестящие и пушки», движение, там была «востановленная жизнь и красота». Его «страшно тянуло туда».

По мере «разгорания» битвы Пьер замечал, как «все более и более разгоралось, все более и более», и он весь был поглощен в созерцание этого, все более и более разгорающегося огня, который точно также (он чувствовал) разгорался и в его душе».

В новой редакции эпизод Пьера самая сцена. На глазах Пьера взята французами батарея Раевского и вновь отбита; затем появилось столкновение Пьера с французским офицером. Пьер схватил врага за горло, а француз его за плечо; в этот миг над ними просвистело ядро, и они, отпустив друг друга, разбежались, не понимая, кто же кого взял в плен.

К этому эпизоду Пьер «сражался, сражался». «Виню в их сражении укасов», свидетелем которых он был, Пьер считал Наполеона. «Нет, теперь они оставят это, теперь они ужаснутся того, что они сделали», — думал Пьер. Так для Пьера, в новом варианте, закончилось сражение.

Переработанная картина Бородинской битвы после небольших дополнений вошла в окончательный текст. Но все еще не было и в этой рукописи той величественной панорамы, которая с первой минуты должна захватить Пьера и определить характер и тон всей картины. Она появилась на последнем этапе работы.

Бородинские впечатления послужили началом решительного перелома в душе Пьера. Художественно воплотить этот замысел удалось Толстому с большим трудом. Первоначальная схема была такая: Пьер остановился под Можайском в деревне, из которой уходили измученные и озабоченные жители. В опустевшей деревне Пьер увидел спокойно сидящего на завалинке старика «с клинообразной редкой полуседой бородой и такими же большими бровями».

Мысль столкнуть Пьера после Бородина с таким человеком из простого народа, который бы сыграл важную роль в перемене его мировоззрения, промелькнула еще в первой редакции; там это старый солдат, оказавшийся вместе с Пьером в плену. Намечался ли Толстой роль солдата в плену перенести на этого старика, и домо которого Пьер остался ночевать, или создал промежуточный эпизод, трудно предположить. Бесспорно лишь то, что старик должен произвести глубокое впечатление на измученного Пьера. По замыслу автора, мудрое спокойствие старика, остающегося в деревне, и спокойно умиравшие солдаты в Бородине сольются в представлении Пьера единым.

Роль возложенная на старика, так важна, что Толстой настолько задержался на этом образе. Пьер никогда не видит еще таких людей, — замечает автор. — Это был один из тех стариков, которые бываю только в мужицком рабочем быту». Он был старик не потому, что ему не было правдуки или потому, что он был седи, плетив и безуд (у этого, напротив, были все, хотя и дорогие, как у лошади, дубы и было больше русых, чем седых, волос), но он был старик потому, что у него не было больше желаний и сил. Он перестал себя возлагать, он работал» (Толстой настойчиво повторяет, что старик был человек физического труда). А теперь лет 30 он все меньше и меньше имел сил работать и, наконец, невольно пришел к полному физическому бездействию и вместе с тем к полному нравственному сознанию значения жизни». К такому сознанию Толстой ведет и Пьера. Вот почему он так много рассказывает о старике, которому значение его жизни и жизни других было внове открыто. Это случившееся при первом взгляде на него, что и привлекло Пьера. «Это был не старик, искусственный старик, каких мы видаем в сословиях, не работающих физически, — поясняет Толстой, — а это было олицетворение старости — спокойствия, отрешения от земной жизни, равнодушия. Взгляд его, звук и смысл его речей, все говорило это, и Пьер в восторженном созерцании стоял перед ним».

Из короткого разговора со стариком Пьер узнает, что старик не уезжает вместе со всеми жителями потому, что от бога никуда не уедешь, «он всегда найдет».

Случайная встреча не только поразила Пьера, но коренным образом изменила его отношение к жизни. В дальнейшем пути от Можайска до Москвы он узнал о новых смертях и ранах, узнал, что князь Андрей смертельно ранен, узнал, что «потери ужасны, что будет еще сражение перед Москвой, что в Филлах собран огромный совет для решения участи Москвы». Но теперь «ничто из этого мира общих вопросов и в особенности войны не интересовало его. Его занимал один личный вопрос о себе, о том, как ничтожна и несчастлива была его жизнь и как он теперь изменит ее». Пьер был спокоен, молчалив, не переставая думать. «Особенно, что хотел быть покойно умирающим, как и на батаре и старик, оставшийся в деревне».

Эпизод встречи со стариком дважды перерабатывался и дошел до граней. Однако не мог он удержаться в романе. Возможно, Толстой потому отказался от него, что искусственным и малооправданным было столь сильное влияние почти мимолетной встречи. Оно почти сравнялось по силе с влиянием жизни Пьера и с его судьбой. Толстойского сражения. Встреча со стариком в деревне под Можайском оказалась лишней, но только после того, как вошел в роман (это уже на послед-

нем плане работы) Платов Каратаев. А пока старик сыграл свою роль, как-то подготовив настроение Пьера, который вернулся в Москву, по своим желаниям изменить свою жизнь.

* * *

В ранней редакции романа был создан развернутый конспект конспиративной работы, когда французы выступают в Москву. Пьер в мужицком свитке идет по пустынным улицам, «опускаясь под полог» и намереваясь тотчас же «выстрелить в Наполеона». Известно также душевное состояние Пьера в эти минуты. Он «сжег свои корабли» и испытывал новое для него «счастливое чувство независимости, доходящее до того, которое испытывает богатый человек, оставляя все прихоти роскоши и отправляясь с сумкой путешествовать в горы Швейцарии». Убить Наполеона Пьеру не удалось, войска оттеснили его, когда проехал император.

Доведя развернутый конспект до встречи Наташи с тяжело раненым князем Андреем (пока не в Мытищах, а на постоялом дворе), Толстой не стал продолжать роман, а вернулся к Пьеру. Была вновь изложена конспиративная судьба Пьера в Москве, включая допрос пленного Пьера у Даву и расстрел мнимых поджигателей. Не только повторено без колебаний, что Пьер остается в Москве, но мотивировано его решение. Он не хотел уезжать «преимущественно оттого, что ему совестно было подражать всем слабым уезжающим людям и женщинам». Кроме того, он должен показать, что ему «действительно море по колено, как он это почувствовал и сказал на дворянском собрании». Несомненным оставалось намерение Пьера убить Наполеона: «смутно представлялось ему 666 и Pierre de Besuhoff». Главное же, что владело Пьером, — это «русское чувство», выражающее «высший суд над всеми условиями истинной жизни на основании какой-то другой, неясно осознанной истины».

Точно намечалось в том же конспекте построение Пьера в день вступления французов в Москву. При всей конспективности текста, замысел автора совершенно очевиден. Для Пьера был «решенный вопрос», что в Москве он останется «не под своим именем и званием графа Безухова и зятя одного из главных вельмож, а в качестве своего дворянина». Он переселился во флигель, где жила семья дворецкого с его семьей, князем Марком Кондратьевичем, вдовой, «которая была первой любовью Пьера». Эпизод, неожиданно связанный с ранней молодой любовью Пьера.

Пьер был весьма долго и долго удерживался. Он был в руках Марка Кондратьевича, который был в том же флигеле. Он был в флигеле, где жила семья дворецкого с его семьей, князем Марком Кондратьевичем, вдовой, «которая была первой любовью Пьера».

Нарядившись в нее, Пьер вышел на улицу, когда французы входили в Москву.

Самое главное для автора было показать душевное состояние Пьера в эти минуты. Он странно и весело было Риегг'у подумать, что он уже обвешен и корабль сожжен. Он все ходил, смотрел, радовался, вонюка и испуг видел живые, добрые, усталые, страдальческие, человеческие лица, которые жалко ему симпатичны были. Они кричали «Ах, вы Гитлеровцы!» и были мучимы, что Риегг'у казалось (уже но, конечно), что, если только слыть что они при нем. Ему даже захотелось закричать:

Нельзя было было. Поэтому данное им определение что он подчеркнул весь отрывок.

Наметенные далее сцены (Шер покупает старую москвичку кинушу Чирякова, встречается с Додоховым) не дошли до печати. Вслед за ними в кинемате упомянуты начавшиеся пожары, маршдерство французско-го воюка. Без этого гудит Шер, он спасает ребенка, оставленного на улице, беседует с французским офицером, которому рассказывает свое положение и свою любовь» (это зерно будущего открытого разговора Шера с капитаном Рамбалем о любви к Наташе).

Упоминанием о расстреле поджигателей заканчивается эта часть конспекта. И трудно убедиться, как стремительно формировалась в конце писателя жизнь Пьера в оставленной жителями Москве. Тем не менее как раз тогда, когда переработка писателя и количество работ, о нем и об этом, необходимо помнить, что между приведенным конспективным наброском, входящим в раннюю редакцию романа, и началом пристальной работы над романом прошло более двух лет. В этот период был занят первыми четырьмя томами «Войны и мира»).

Подойдя после перерыва к главам о Пьере, Толстой, судя по тексту, во многом опирался на главный концепт. Показано душевное состояние Пьера после Бородинна. Он чувствовал, что наступила «так давно ожидаемая им желанная минута всеобщего крушения», что «наступило то время, в которое ему можно и должно показать, что он ничем не дорожит, что он готов всем пожертвовать и совершить что-нибудь великое и необыкновенное». Так возникло решение Пьера уйти из своего дома. Он боялся, что окружающие втянут его «в обычные человеческие соображения, в обычные интересы, в обычные обязанности общего хода дела».

То, что и для нас чувствовал Пьер в то время, когда встал с постели в Москве, — ощущение своей вхожденности в потрясенные, сбитые с толку, сбитые вразнос и сбитые до Породинского сражения, сбитые в тех ужасах и сражениях, и мушкетерами, Пьер не считал. Выходит, что тогда в такие моменты, самоощущение и бездеятельность казались ему постыд-

ными». И Пьер решает, «если он не мог принимать деятельного участия в войне, он должен был по крайней мере здесь в Москве, как человек, пострадавший или совершивший чтонибудь необыкновенное».

В начальных набросках этой части у Пьера нет еще конкретного решения, что делать. Он вышел из своего дома только с тем, чтобы «уйти от всех знакомых» и «замещаться в неизвестную толпу народа, как мальчик, который бежит из школы».

И тут Толстой начал развивать упомянутый в конспекте рассказ о встрече с старичихой Аксеньей, в доме кою орон Пьер, с разными пугантам, будет скрывается. Встретившись с Аксеньей, Пьер вдруг понял, что ему надо было совершить. Ему надо было, предпринять в мужское платье, выбрать время, когда Наполеон будет проезжать по улицам Москвы, и убить его. Встреча Пьера с Аксеньей Ларионовной была в наборной рукописи еще раз исправлена, а в конце концов вовсе исключена. Можно предположить, что эпизод оказался лишним потому, что ничего нового не раскрывал ни в образе и действиях Пьера, ни в картине Москвы тех дней.

[illegible]

вой на руки, задумался.

Пьер сидел в М. все это время как-то связывалось с Наташей. Было несколько совершенно отличных друг от друга свиданий. Первый: Пьер, проезжая мимо дома Ростовых, зашел к ним. Теперь, когда все на краю гроба, Пьер пришел и узнать Наташе в своей сильной любви к ней, и «не успела еще Наташа ответить ему, как он уже убежал».

Второе свидание: уже приняв решение «или я произведу великое дело, или я дойду», Пьер, проезжая по Новарскому, увидал

31

...е, или я догадываюсь, Швар, прележая по Новарскому, увидал

у дома Ростовых выдвинутые экипажи и узнал от дворцового, что они сейчас выезжают. Пьер решил увидеть Наташу, теперь, когда «ничего нет прежнего», когда он уверен, что никогда не увидит Наташу, «нужно было закрепить чем-нибудь для себя самого свое решение, нужно было залить [кому?]нибудь ту торжественность, которая была в его душе, нужно было уверить себя, что необходимо ему увидеться с нею». Ему тогда представились доводы, почему для Ростовых это нужно. «Надо было предупредить их об опасности и торопить их отъезд, надо было предложить им свои услуги в наблюдении за оставленным домом, надо было перетворить о Пете, надо было хотя рожеством сказать о ране князя Андрея, ежели они еще не знали этого, и надо было — нужнее всего — что-то перед предстоящим концом сказать Наташе».

Как бы ни перерабатывался текст, основные линии жизни главных героев шли и сплетались между собой так, как определено в ранней редакции. В самые серьезные минуты жизни Пьера его мысли обращаются к Наташе. Так и сейчас, готовясь к совершению «неправильного дела», Пьер чувствует потребность «показать Наташе, что он не такой слабый и ничтожный человек, как она это думает, может быть». Затем Пьер решил, что «хорошо» открывать Наташе свои планы, которые «еще бы, завет и закон стесняли» он сможет выполнить. «Нет, я увижу ее и ничего не скажу ей. И именно для этого только я должен увидеть ее».

В следующей рукописи эпизод коренным образом перестроен. Не упоминается departure Пьера повидать Наташу. Пьер, уйдя, остался в Москве «не в своем виде графа Безухова, а в виде дворянина или дворянина человека», надел картуз и старую шинель и вышел из дома. На охоту из уличных троллей молодых карет, бричек и карет московских аристократов, «тронувшихся в этот день во все заставы», он узнал карету и поехал к Ростовым.

Встреча дана не в авторском повествовании, а в кратком отрывистом разговоре Пьера с Ростовыми.

— Петр Кирилыч! Граф! (Петруша) Тезка! — кричали ему, странно слышать, веселый голос.

Одна графиня казалась грустна.

Пьер подбежал к окну кареты.

— Мы слышали, вы были в сражении.

— Вы куда?

— Мы в Ярославль. А вы едете?

— Это что ж с вами, ранены?

— Да. Все вот она набрала, — сказал Илья Андреич, указывая на Наташу. Пьер тоже посмотрел на нее, и веселое лицо ее неприятно

поразило Пьера. Неужели она знает, что князь Андрей ранен, и может быть так весела.

— А вы что, граф? — спрашивали Пьера.

— Я? Я здесь остаюсь.

— Что вы?

— Так надо, графиня. Ну, да это мы увидим.

— Каково время. Боже мой, боже мой.

— Ну, прощайте.

— Прощайте, милый. — Граф прощался.

— Прощайте».

Первоначально Толстой хотел закончить встречу сценой суеты, возникшей из-за задержки кареты Ростовых («наехали еще подводы с казенным имуществом, квартальный кричал, чтобы проезжали, одну бричку зацепили, из кабака выскочил с криком пьяный»), но, не дописав даже фразы, вернулся к прежнему замыслу — объяснения Пьера с Наташей. Неуместным стало неприятное впечатление Пьера от веселого лица Наташи. Толстой зачеркнул упоминание об этом и иначе закончил сцену встречи: Пьер обошел карету с другой стороны, «чтобы поцеловать руку Наташи».

— Прощайте, — она нагнулась над ним.

Пьер взглянул на нее, на ее толстую [1 изд.], ее худую шею с напряженной жилой и вдруг почувствовал точно так же, как он это когда-то чувствовал с Элен, что она будет его, что что бы ни было, она моя. И вместе с тем душевным восторгом, с которым он всегда смотрел на нее, он почувствовал к ней другое — чувство мужа к жене. Он прижал ее руку к губам, потом, не выпуская ее, поглядел ей в глаза.

— Наташа! — сказал он, — вы знаете, что я люблю вас... (как дочь, как...) Я люблю вас... Наташа милая моя, — и он (заикаясь) с слезами на глазах отошел от дверей, и (пошел) карета тронулась».

Слишком неожиданно прозвучал такой разговор в разоренной, бегущей Москве, и еще более неожиданно сейчас сосредоточенность Пьера на одном чувстве. Оказание словы неметленно зачеркивается, а затем и вся сцена встречи замеслена иной, резко противоположной. Местом встречи выбрана площадь у Сухаревой башни.

Объезжая Сухареву башню, Наташа увидела Пьера в кучерском кафтане; он рядом с женщиной (это была Аксинья Ларивоповна) поднимался под арку Сухаревой башни. Вслед за Наташей «и» Ростовы увидели карету или чеповку, необыкновенно похожего на Пьера, в кучерском кафтане и шапке, видного по улице с бритой головой и строгим взглядом. Женищина, шедшая с ним, заметила высушившееся лицо и, улыбувшись, «толкнула под локоть Пьера и что-то сказала ему. Пьер долго не мог понять того, что она говорила, так он,

внимно, погружен был в свои мысли. Наконец, когда он поглядел на ее указание, Ростовы были уже далеко, он не узнал их и не ответил на поклон и крики Наташи из кареты.

— Да нет, это же он! Можно ли такие глупости.

— Мама, — кричала Наташа, — я вам готову дам на отсечение, что это он. Я вас уверяю. Пусто, пусто, — кричала она вверху, но вверху было озабочено потому что из Мещанской выехали еще подвод и выехали и на Ростовых кричали, чтобы они прогнали и не задерживали других.

Сцена с участием живая, естественная, но в ней не главного: Пьер встретился с Наташей. Правда продолжалась. Акинция Ларионовна замесила старичком Герасимом. Ростовы увидели Пьера, когда он шел с ним. Намечено так же. Пьер узнал Наташу и, подойдя к медленно двинувшейся карете, взял протянутую руку и нежно поцеловал ее: «сияющий радостный» взгляд Наташи «обдавал его своей прелестью». Таким сложным и трудным путем достиг, наконец, То что и то, чего добивался: встреча с Наташей и «обсуждение» естественно и неожиданно, и Пьер невольно выдал столь долго скрываемое чувство.

Такая же «свинная» путь и «птица» встреча Пьера с французом и открытый разговор между ними. Эпизод намечен был в раннем конспекте. Он развивал записанную на полях рукописи мысль: «Масовство менее действует, чем всемирное знакомство добрых людей». Менялось место встречи: то в квартире Акинции Ларионовны, то в пустом доме Ростовых, то, наконец, в квартире Баздсева — так в окончательном романе). Менялось имя офицера (итальянец Эмиль Пончини, затем драгунский капитан француз граф де Мервиль и, наконец, известный по печатному тексту капитан Рамбаль). Непременным оставалось то, что Пьер спас этого офицера, и тема их беседы.

В первом варианте Пончини недоумевающе спрашивал, сдана ли Москва, отдана ли с бою. Он не мог понять того, что Москва пуста, что не было депутации от жителей, что не дрались на улицах. «Это было против всех правил, против всех преданий истории». Пьер ничего не мог отвечать ему, так как сам еще не понимал, что такое значила эта Москва. Он, «не глядя на собеседника, сказал только, что Москва не сдана и никогда не будет сдана». Когда он говорил это, «лицо его поразительно изменилось» и «изъявляло какого-то офицера». Не открывая своего имени, Пьер только сказал кому-то и кому-то, что он русский граф, «так из беседующих людей России, остающихся в Москве для того, чтобы видеть гибель французской армии».

Постепенно они ближе познакомилась и, «сидя у себя», «удобясь», «смотря друг на друга». Разговор и решен на эти темы. Пончини рассказывает Пьеру свою свою судьбу и свою любовь. Глядя на «востор-

женные глаза» Пончини, Пьер «вдруг в первый раз» вспомнил вместе «два обстоятельства и невольно сделал из них вывод». Он вспомнил смерть жены, свою свободу и последнее вчерашнее свидание с Наташей со всей прелестью ее радости, ласки и оживления. «Да, это могло бы быть», думал он. И Пьер рассказывал Пончини всю свою жизнь. Он рассказывал «про свое воспитание» и Швейцарию, про восторг, который он имел к Платону, про отца, который наполнил его душу, и про то, что он нашел в России про свое фальшивое положение про своего отца, про историю «Акинция». Пьер рассказывал «про свою первую встречу как с ребенком, с ней с Наташей, и про то чувство, которое сказал ему, что она должна иметь влияние на его жизнь». Говорил и о том, что «в тумане богатства» он «встретил» на Эдди и «спирнул» за любовь, другое чувство и не любил, «вспомнил на него». Пьер вспоминал, что «его» «прекрасные» вещи и мысли (как масовство) были «самыми темными богатства». Он рассказывал о своем друге (это была радкая, высокая и гордая душа), о том, что друг его тоже встретился с ней и Пьер «сподит» их, упоминал о катастрофе, когда «она» «сделалась» «ума» «не шло» и друг «бросил» ее, о своей роли в этой истории, о своем чувстве к ней, которое было «не дружба», о своей борьбе с этим чувством и, наконец, о вчерашней встрече. «Пьер разгорелся, говоря это. Глаза его блеснули». Волнующий рассказ, в котором Пьер «скрывает себя, дошел до печати лишь в общих чертах».

Как в законченном романе, так и в рукописи, после разговора они вышли на улицу. Видишь, «первое» «покара», и «всем было» «одно», «бесконечное небо с молодым серпом месяца и с той же кометой, которую так помнил и любил Пьер».

* * *

Пьер в плену — это тема перерождения Пьера; предпосылкой было все прошедшее. Эта часть надолго задержала внимание Толстого при создании ранней редакции романа. Много там рассказано о Пьере: как изменилась его внешность, как его допрашивал Даву (близко к завершению текста), какой ужас вызвала у Пьера казнь поджигателей. Но ничего почти не было известно о людях, окружавших его в плену. Упомянуты лишь старик-чиновник, пятилетний мальчик, который Пьер спас, и солдат-сосед, научивший Пьера «как» «вер» «как» на «золотых» «серебряных» «палатках». И «ничего» «судит» «иди» «еще» «особенно» «на» «выселяется» и в жизни Пьера «роль» «не» «играет». Много позднее он превратится в Платона Каратаева, а в ранней редакции Платона Каратаева «два» «намечена». Подобно «описано», как и «в» «в» «балаган» к Пьеру его «тайный друг» Пончини; «наложена» их беседа. После разговора с французом Пьер «еще» «долго» «думал» о Наташе,

то «раненый унтер-офицер», то «унтер-офицер Томского полка, взятый французами на пожаре Гостаного двора», то «унтер-офицер Томского полка, взятый французами в госпитале». Легко, без следов большого напряжения, написав внешний облик Каратаева. Особенность его речи с обилием народных пословиц была тоже продумана. Листым с самого начала. Илья листов с конспектом первой встречи Пьера с Каратаевым и первые два варианта его характеристики сылать заполнены пословицами. К этому же времени относятся отдельные листок, встав и поперек исписанный пословицами. Это заготовки писателя для речи нового персонажа.

Толстой долго искал, как начать знакомство Пьера с Каратаевым, и, главное, как точно определить то впечатление, которое произведет на Пьера это знакомство. Вначале сцена в балагане была построена иначе, нежели в окончательной редакции, не в хронологической последовательности развивалось действие. Раньше, чем рассказать об обстановке и людях, среди которых очутился Пьер, автор сообщил о состоянии Пьера в «многом товариществе пленных» — он почувствовал в первый раз, что все те условные преграды — рождения, воспитания, нравственных привычек, которые до тех пор отчуждали его от товарищей, «были уничтожены». И самое основное, к чему автор вел Пьера, также было заранее известно «Прежде* Пьер старался сблизиться с народом, теперь же вовсе не думал о нем, сближение это сделалось само собою и доставило Пьеру [и *проб.*] новые неиспытанные им до сих пор наслаждения».

Раскрыв истинное свое лицо, Толстой сообщил, что «из числа 23 человек самых разнообразных характеров и званий: офицеров, солдат, чиновников, которые потом как в тумане представлялись Пьеру, в памяти его осталась навсегда унтер-офицер Томского полка, взятый французами в госпитале, с которым он особенно сблизился. Унтер-офицер этот звали Платон Каратаев». В воспоминании Пьера он «отстал от общества всего русского, доброго, счастливого и круглого». Затем нарисовал внешний портрет Каратаева и определил его духовный облик как идеал народной китайской мудрости. Он был, пишет Толстой, «как бы живой сосуд, наполненный чистейшей народной мудростью». И рассказы, которыми с первого варианта насыщена речь Каратаева, также были «обобщен чуждым и изречениями того своего глубокого китайского мудрости, который живет внутри». Пьер никому с таким удовлетворением и подробностями не рассказывает свою жизнь.

* Толстой пытался было раскрыть, что разумеется под понятием «прежде» («в преддверии сражения и после в Москве во время осады крепости за Трехгорную заставу», но тотчас отказался от толкования — и без того ясно, что означает «прежде».

как этому солдату», — заключил Толстой и перешел к действию и балагану Пьера первым «приветствовал» Платон Каратаев, «сидящий в углу за тапачным сапогом». Такой первый набросок. Исправляя его, Толстой попытался изменить так, что не Каратаев первый встретил Пьера, а при входе в балаган внимание Пьера «сосредоточилось на чем-то круглом, успокоительном и сильном. Что-то радостное, забытое вспомнилось ему, и он весь погрузился в созерцание того, что так поразило его, давало надежду на успокоение и спасение».

Набросок не удержался. Слишком естественно для растерянного, угнетенного Пьера в первую же секунду в темном, тесном балагане было выделить из 23-х людей одного и сразу почувствовать возможность успокоения. Не получив развития, написанные на полях текст зачеркнут. Создан новый вариант, по композиции близкий к окончательной редакции. Нет больше авторского вступления, которое до начала развития действия уже сообщает о результатах его. Теперь рассказ идет последовательно: Пьер приходит в балаган пленный; он услышал, как находившийся там старый поручик обратился к кому-то: «Платон! Сокотик!» и просил устроить, где барину переночевать. Самое знакомство Пьера с Каратаевым описано примерно в той последовательности, которая известна по законченному роману.

В замкнутом обществе из 23-х человек, в котором оказался Пьер, «стояли», рассказывает Толстой «все те формы жизни, в которых всегда и везде выражаются человечество». Только здесь «гораздо очевиднее совершалось то неистовое сближение людей вследствие близости друг к другу». Через историю Пьер «почувствовал, что это все свои, совершенно свои, а следовательно, даже русские — совсем чужие, такие же чужие, как французы, и более чужие, чем французы, ходившие в караул».

Содержание и композиция рассказа о жизни Пьера в плену были начаты, но Толстой продолжал работать над эпизодом. Доведя Пьера до полного упадка духа к моменту прихода в балаган, Толстой заставляет его через близость с простым народом и, главное, с Платоном Каратаевым, возродиться.

Жизнь Пьера «как будто началась с того вечера, как он, вслушиваясь во мрак балагана в слова своего соседа, начал чувствовать значение того божьего суда, который руководил человеческим умом, как говорил Каратаев, и еще более почувствовал это Пьер, когда на другое утро со всеми другими пленными, поднимавшимися рано, проснулся еще в сумерках рассвета и вышел к двери балагана в то время, как ясно было видно восток, солнце задалеким горизонтом Воробьевых гор». Это выражена обычная для Толстого идущая функция пейзажа. Радостное чувство новой жизни у Пьера связывается с торжествен-

но восходящим солнцем. Не удержался, однако, и этот набросок, «встреча с природой перенесена в дальнейшие главы (канун выхода из Москвы и первая ночь на переходе). Первое сильное впечатление, возродившее Пьера к жизни, оставлено безраздельно за Платоном Каратаевым.

При всей покорности судьбе, при всем своем смиренном и непротивлении, Каратаев остается патриотом. Он скорбит, что на родную землю вторглись враги, ему ясно, что добровольно оставаться у французов нельзя, и он удивлен, что Пьер не уехал из Москвы. Когда Пьер спросил Каратаева, скучно ли ему, Каратаев понял «скучно» в смысле «грустно», «тоскливо», что свойственно народному языку. Он ответил: «Как не скучать на то смотреть». Как и все русские люди, он убежден, что Россия непобедима. В черновом варианте первого разговора с Каратаевым Пьер спрашивает: «Что ж, ты думаешь, что уж конец России?». Так же, как Пьер накануне уверенно заявил французскому офицеру, что Москва не может быть сдана, так теперь «спокойно и смело» ответил Каратаев: «России конца сделать не можно, потому что России дадут — союзу нету». В окончательном тексте нет этого диалога, там Пьер только вспоминал пословицу Каратаева, и она снова «странно упомянута» Каратаев уверен, что враг должен погибнуть подобно тому, как «траву капусту стоже, а сам прежде того пропадеет», но сверившись это, по убеждению Каратаева, «не нашим умом, а божьим судом». Снова Пьер принимал все каратаевское, и оно успокаивало его. Впоследствии (в эпилоге), как мы увидим, Пьер изменит последнему утверждению Платона.

В набросной рукописи появились как бы итог первой встречи. Пьер, приступившая к мордому храпению Платона, «заметил, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой и живое, прочностью, на каких-то новых основах, возмужал в его душе». Из этого вел автор своего героя, здесь лафее рассказ о Пьере в плену. Пьер попал в балаган, когда в душе его рушился мир, а теперь возмужал и повзрослел. Платон Каратаев выгнел его из балагана, с которым (по ранним рукописям) Пьер встретился в деревне под Можайском. Короткая встреча с ним привнесла в идеальную роль, но не могла, конечно, оказать столь решающего влияния на духовное перерождение Пьера, как такое общение с Каратаевым на протяжении четырех недель. Каратаев заменил и старого солдата, товарища Пьера по плену.

О последних днях Пьера в плену рассказано в ранней редакции коротко, но главное уже вошло в него. Лишения и страдания привели Пьера к выводу, что он «столько наслаждался и узнал о жизни людей, как не узнал во всю свою жизнь». Выход партии пленных из Москвы, трудные переходы привели Пьера к новым физическим страданиям. Пьер растрескался, он «почувствовал страшную боль», и с этого времени

«почти все его силы души, вся его способность наблюдения сосредоточилась на этих болях и этой боли». Вместе с ним шел его «товарищ по плену», старый беспризорный солдат, несмотря на попытки Пьера спасти старика, его, как и всех оставшихся, «пристрелили». Пьер попал в полон с пленными вещами, слышал разговоры о безвыходном положении французов, и «общее впечатление деморализации войск отразилось, как во сне», на Пьере. После того, как партизанский отряд Долохова освободил эту партию пленных, Пьер подошел к Долохову и «сам не дожидаясь, зарыл в первый раз за время своего плена».

Когда Толстой спустя много времени подошел к работе над этими главами, он воспользовался своим ранним описанием. Несколько новых конспективных записок к этим главам развивали, но не заменяли их содержание. «Пьер не видит, смотрит, куда поставить ногу». «Понимать Каратаева», «благословить в лагере страдания». «Отвращен от Каратаева, когда убивают его». Дальше «Ночному приходу в балаганное помещение», «растрескались ноги». «Каратаев: Прощай, Петр Ильич, красное солнышко». Вот те опорные пункты, на которых писалась глава о Пьере.

В ранней редакции парисован был и новый портрет Пьера. «Он похуже и значительно, особенно в лице, но несмотря на то, в плечах его и плечах вина была та сила, которая и действительно была в их породе. Волосы, которые он постоянно из каких-то оршинности и страха катать и выжимать, собор, он портя себя, срип в смеху, теперь обрели и казались так же, как Каратаев все волосы его отпа. Волосы и усы обрости его шипели, часть лица, а в глазах была светлость, говорливость и оживленность та же, как в плечах, так же было». С небольшими изменениями этот портрет вошел до окончания текущего текста.

Внутренние перемены у толстовских героев всегда отражаются в лице и в его боде в глазах. Пьеровой неслучайно развилась в нем о том, что влекло Пьера. Во всем и в том же. «В глазах, хотя и выливающих, был блеск и ясность, которых никогда не было прежде». Наконец, в завершенном романе: «Выражение лица было твердое, спокойное и одновременно готовое, такое, какого никогда не имел прежде плетя Пьер». Предняя его распухлость, выражающаяся и во лжи, и в том, что встал теперь медленнее, готовый на деятельность и отпор, и «обратностью». Таким стал Пьер ко времени освобождения из плена.

* * *

Для дальнейшего жизни Пьера, ранняя редакция романа не давала ничего. Там лишь упоминается, что его направляли в Тамбов, что по дороге он получил «одно из писем князя Андрея, везде искавшего его».

Возвлюбованная встречей и воспоминанием прошлого, Наташа рассказала Пьеру о последних днях князя Аятрея так, как она «никогда еще никому не рассказывала». Пьер поведал княжне Марье и Наташе о себе тоже так, как еще никому никогда не рассказывал. Беседа их затянулась до ночи. Пьер вначале испытывал смущение, которое вскоре исчезло, и вместе с тем он чувствовал, что исчезла вся его прежняя свобода. Он невольно чувствовал, что под каждым его словом, действительный текст дошел до печати. На следующий день Пьер понял, что эта свобода, которой он так дорожил, которую он так любил, которой он так радовался в себе, не существовала более. Все разбегавшиеся пружины в разных сторонах центра жизни, все вдруг сдвинулось к одному центру, и центр этот была Наташа. Но те таких необычайно экспрессивных слов Толстой шар за шаром простекивает поветрие Пьера, письмо старому графу Ростому с прощаньем руки с дочерью, визит к княжне Марье, встреча с Наташей. Прощаясь с ним после свидания в Петербурге Пьер с новым счастливым чувством вынул из кармана Аятрея и в свою руку худую тонкую руку. Она была его, и рука и лицо и плечо, и все это ожившие детали он представлял, которые так давно, так и не так как до того, с таким и чудом томного его. Голос, и чем значительнее было охватившее Пьера выражение, поединок с самим и истинно, и добром. Пьер стал, и так, и так и истинным.

• и вас люблю

Этот набросок служил канвой последних глав романа.

*Историки ... писали историю прекрасные
чувств и слов разных генералов, а не историю
событий*

Я старался писать историю народа.

Л. Толстой

Толстой писал не историю, тем более не военную историю. Он создавал художественное произведение о героической «славной» для России эпохе, выступая одновременно и историком и художником. Везде, где в его романе «говорят и действуют исторические лица», он «не выдумывал», а пользовался многочисленными и разнообразными материалами¹. Изучая с своей точки зрения работы официальных историков, официальные документы того времени, мемуары и письма участников и современников наполеоновских войн, Толстой вывел свое представление о событиях и исторических деятелях, о характере времени, о людях. Художественным выражением его явилась «Война и мир».

Перед Толстым стояла труднейшая задача — показать целую эпоху; выделив условные моменты истории русского народа, вскрыть их смысл и значение; показать, как в умах людей менялось отношение к событиям и историческим лицам.

В романе более 500 действующих лиц, из них около 200 — исторические. Двадцать сражений представлено художественными сценами. Десятки подлинных документов приведены полностью, цитируются или упоминаются.

Чтобы обо всем этом рассказать, Толстому нужны были три рода источников. Прежде всего те труды, которые могли ознакомить Толстого с основными историческими событиями, с официальными документами (приказами, диспозициями боев, распоряжениями командования и пр.), с историческими лицами.

Для художественного произведения этого было недостаточно. Необходимо были и такие источники, которые помогали бы воображению писателя проникнуть в жизнь людей того времени. Такими источниками были мемуары и письма участников и свидетелей наполеоновских войн.

Нужны были Толстому и художественные произведения, отражающие эпоху. Такие романы, как «Рославлев» Загоскина и «Леопольд» Зотова Толстой читал «с наслаждением, которого никто, кроме автора, понять не может»². Интересовался и б сными Крылова времен Отечественной войны, и поэмой Жуковского «Певец во стане русских воинов», написанной перед Тарутинским сражением и опубликованной тогда же. Пользовался «Пословцами русского народа» В. Давыда, которые в годы создания «Войны и мира» впервые печатались в «Чтениях в императорском обществе истории и древностей российских». Журналы той далекой эпохи также предоставляли историку-художнику драгоценные данные.

Собирать и изучать исторические материалы Толстой начал с первых дней работы. Книжки, которые служили ему основными источниками в течение всех семи лет создания «Войны и мира», Толстой приобрел в книжном магазине в Москве 15 августа 1863 года³. Это шесть томов сочинений А. И. Михайловского-Давыдовского о войнах 1805, 1812, 1813 и 1814 годов, «Записки о 1812 году» Сергея Глинка (СПб., 1836), «Краткие записки адмирала А. Шишкова...» (СПб., 1832), четыре тома «Походных записок артиллерии подполковника И. Ратомникова» (М., 1835), семь томов «История консульства и империи» Тьера, три тома «Словаря достопамятных людей русской земли» П. П. Лаврова-Камского (СПб., 1817). Почти все эти книги сохранились в Яснополянской библиотеке. Кроме того, в толстовской переписке первого года работы над романом упомянуты «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете»: в «Чтениях» за 1863 и 1864 годы уже было опубликовано много материалов об Отечественной войне. Читал Толстой тогда и «Походные записки русского офицера», издаваемые И. Лажениновым (М., 1836) и книгу П. И. Шаликова «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года» (М., 1813). На дневника М. И. Ногодина известно, что 15 декабря 1863 года Толстой приходил к нему «за материалами о 1812 году».

Родственники Толстого разыскивали по его поручению другого рода источники, в равной мере необходимые для замысла романа. В письме от 14—15 сентября 1863 года свояченица Толстого Е. А. Берс писала ему список книг, «в которых говорить что-нибудь о 12-м годе» писала. «Их на русском языке замечательно мало, а очерков на общечеловеческой жизни почти вовсе нет; все так много заботилась о политических событиях, и их было так много, что никто и не думал вписывать домашнюю и общественную жизнь того времени. Тебе надо получить особенное откровение свыше, чтобы угадать по самым неясным намекам и рассказам. Постарайся послушать очевидцев». Она сообщила далее, что слышала некоторые рассказы, но «все говорят о том, как мужики были фран-

пары шестоватого паряского ютиметра на туленье, пешком и на лошади» — сообщается в одной из заметок. Этими сведениями Толстой как пользоваться для костюма Ипполита Курагина, того, кто шло, мата, приехавшего из-за границы: он «одевался всегда в синий фрак, застегнутый на все бронзовые пуговицы, пальцы панталонны и в лабо такой пышности, что оно, ни что, мешало ему дышать». Далее «Многие из слабых людей» стали подражать ему, когда вдруг князь Ипполит «стал носить совсем другое жабо, с одним концом накрахмаленным и направленным вверх, а другим опущенным перпендикулярно книзу». Новую моду на лабо Толстой тогда не придумал ради карикатурности Ипполита, но вычитал в том же «Вестнике Европы». В гостиной Анны Павловны не подходил описанный выше костюм для гуляния; Толстой не мог не учесть этого и воспользоваться сообщением, что самым модным был «фрак цвету темнозеленого», а модной прической была прическа «à la Titus». Таким и представил Толстой Ипполита в гостиной: он появляется в темнозеленом фраке и оправляет «свою прическу à la Titus» вверх, придававшую еще более странное выражение его вытянутому лицу.

Костюм Ипполита особенно подробно вырисовывается в черновых вариантах, на которых многое впоследствии отпало. Только одна подробность прошла через все черновики и закрепилась в окончательном портрете — это акцентированный Толстым лорнет и манера смотреть через него. Этот штрих не придуман. Из тех же «Парижских мод» Толстой узнал, что очки выплы из употребления и заменены лорнетом и что, «сидя подле пригожей женщины, можно смотреть на нее в лорнет, или подойти к ней для разговаривания так близко, чтобы только едва не коснуться до лица ее концом своего носа; это принятый уже обычай, а для того-то и вышли из употребления подвдвигаемые на затылке очки»⁸. В журнальном тексте первых глав «Тысяча восемьсот пятого года» читаем: «Ипполит вошел, глядя в лорнет, и, не спуская лорнета, громко, но неясно пробурлил: «vicomte de Mortemart» и тотчас же ... подсел к маленькой княгине и, наклоня к ней голову так близко, что между его и ее лицом оставалось расстояние меньше четверти, что-то часто и неясно стал говорить ей и смеяться». Отрывок этот был исключен при сокращении журнального текста, но неотъемлемый от Ипполита лорнет и манера говорить с дамой сохранились и как нельзя лучше освещают облик Ипполита.

Этот персонаж был с первых же строк ясен Толстому, и писатель мог бы сам придать ему внешность, соответствующую его внутренней пустоте. Однако мы видим, что даже в таких внешних подробностях Толстой опирался на документ. Пользуясь бытовавшим в ту пору костюмом и манерами парижского щеголя, Толстой придал карикатурность

внешности Ипполита, лицо которого, по замыслу автора, «было отуманено и почти мум».

Пьера, поскольку он только что приехал из-за границы, тоже пришлось описать по моде. Но для него не надо было подыскивать манеры из парижских журналов. Модный костюм Пьера решил ему для того только, чтобы сказать, что этот «отпетый молодой человек, похотливый и могущий похрюпать из-за рта де мушкетера и гильи»⁹. На обеде в честь Бонапарта Пьер вытаскивает по привычке и моде «отсутствующий воистину, счастливый очей, ослепленный по своим» — по-русски это было сделано «до приказания»¹⁰. Сам же Пьер с грустным и унылым видом ходил по залам. Манеры и костюм Ипполита подчеркивают его пустоту и тупость; у Пьера, напротив, они противоположны вены его внутренней сущности, одновременно служа дополнительным штрихом для характера Элен. Так Толстой обрисовал документом эпохи, внешние детали для портретов своих вымышленных персонажей.

По литературе о «Войне и мире» известно, как много бытовых подробностей жизни тогдашнего общества Толстой перенес в свой роман на «Записки» С. П. Жихарева. Возможно, эпизод паря Долохова с англичанином, так органически влитый в действие, тоже подсказан Жихаревым. В его мемуарах упоминается сын купца Рожкова, удаливость и смелость которого «доставили ему покровительство тогдашних знаменитых гуляк графа В. А. Зубова и Л. Д. Имайлола. Они держали за него известный огромный заклад в тысячу рублей, состоявший в том, что Рожков верхом на сибирском остром иноходе въедет на четвертый этаж одного дома на Мещанской; и Рожков не только въехал, но, вылив из бутылки шампанского, не слезая с лошади, той же лестницей съехал обратно на улицу»¹⁰. Нельзя, конечно, утверждать, что именно этот эпизод подсказал Толстому паря Долохова, но он подтверждает, что подобные затеи водились среди «знаменитых гуляк», какими выведены в романе Анатолий Курагин и его общество.

Из мемуаров и писем Толстой брал не только имена, детали, эпизоды. Они помогали писателю входить в душевный мир людей того времени, знакомить с тем, как частные люди воспринимали грядущие события. Один пример. В «Русском архиве», которым пользовался Толстой и для своего романа, напечатаны воспоминания П. Кичеева, в которых описан вечер 1777 года, проведенный в доме А. В. Маркова. Он был пригласен к вечернему чаю в дом своего дяди 1777 года, отставлен от службы и к началу 1778 года жил в своем имении, в селе Скуловском. «Читая и слыша в это время о военных делах наших с французами, Александр Васильевич не предвидел, как и многие другие, грозной, которая разразилась над любезным нашим отечеством. Ругая

на чем свет стоит Бонапарта, он жалел от всего сердца, что нет в живых любимого его героя Суворова. Когда же военные известия становились час от часу тревожнее и тревожнее, когда стали поговаривать, что в опасности Москва, старик выходил из себя, не хотел «тому верить и не лезть с места, неспоря на то, что жил поближе к военному делу». После занятия французами Смоленска жена Маркова стала поговаривать мужу, что надо убраться из с. Скуторова как можно скорее. Старик и слышать об этом не хотел». Невольно вспоминаются некоторые черты характера старого князя Болконского (Суворов — его герой: он не верит грозящей военной опасности, отказывается уезжать из своего имения)¹¹. Нет нужды говорить о том, что прообраз князя Болконского известен, что и характер, и судьбы А. В. Маркова и Болконского во многом между собой ничего общего. Приведенный отрывок интересен постольку, поскольку доказывает, что, изобразив такие настроения у старого князя (а в ранней редакции и у «старой москвички» княжны Чиргазовой), Толстой отразил правдивые черты тогдашней жизни. «Фигура старого князя Болконского по силе изображения превосходит все, что автор когда-нибудь создавал. Этот тип русского барина старых времен до того жив, что мы видим его перед собой», — так был воспринят образ Болконского одним из современников войны 1812 года¹².

Полувымышленные персонажи, их быт и суждения — это была та «выдумка», которой Толстой связывая исторические события. Отыскивая в документах характерные черты и наделяя ими своих действующих лиц, Толстой стремился сохранить дух времени, но свободно домысливал и «выдумывал» то, что ему было нужно.

По-иному подходил писатель к историческим персонажам; здесь он старался не допускать выдумки, но, отбрасывая реальные факты, подчинял их своему замыслу.

Любопытный «анекдот» сообщил Тьеру переводчик Наполеона Leborgne d'Iderville — разговор Наполеона с пленным казаком. Толстого он заинтересовал; художник увидел в нем не только интересный анекдот. Текстуально описания историка и романиста совпадают, но в «Войне и мире» сцена совершенно противоположна по мысли тому, что хотел сказать Тьер. Кавалерия взяла в плен казака, канонира корпуса Платова. Он оказался «очень развитым малым», и Наполеон пожелал сам допросить его. Толстой на этой основе создал следующий эпизод: на переходе из Вязьмы к Цареву-Займищу начальник штаба Бертье отстал от свиты Наполеона для того, чтобы «допросить взятого кавалерийского русского пленного». Этого казака Толстой сделал денщиком Нико-

лая Ростопчина Лаврушкин. Затем у Толстого Бертье вместе с переводчиком, тем самым, которого назвал Тьер, подъехал к Наполеону и рассказал ему о пленном платовском казаке, который оказался «*très intelligent et bavard*». Наполеон повелел сам поговорить с ним. Точно по источнику воспроизведена фактическая часть сцены. Но эпизод так раскрывает характер Лаврушки, выражение его лица в разговоре с Наполеоном, а главное, смысл его слов, что весь эпизод приобретает совершенно иное звучание.

Прежде всего Толстому надо было создать подсказанный «анекдотом» историка образ пленного казака. Лаврушка подъехал к Наполеону «в денщицкой куртке на французском кавалерийском седле, с плутовским и пьяным веселым лицом». Так представил себе казака Толстой, а не Тьер. И внешний вид Лаврушки, и его плутовское лицо подготавливают к предстоящему разговору. Толстой наделял денщика типическими свойствами тех лакеев, которые, по выражению Толстого, «хитро угадывают барские дурные мысли, в особенности тщеславие и мелочность». Такие-то мысли Наполеона и «угадает» толстовский Лаврушка.

Для встречи Наполеона с Лаврушкой Толстой берет прямые цитаты из источника, в некоторых случаях точно копирует текст Тьера, но своими репликами дает рассказу нужное для общей идеи романа направление. «Казаки, не зная, в каком обществе он находился, — так как в простоте Наполеона не было ничего такого, что бы могло обличить для восточного воображения присутствие государя, — разговаривал с крайней фамильярностью об обстоятельствах настоящей войны». Так рассказывает Тьер. Толстой приводит точную цитату на французском же языке, но по-иному разъясняет развязность казака: «попав в общество Наполеона, которого личность он очень хорошо и легко признал», Лаврушка «исключительно смущился». У Тьера даже сообщается, что казак «рассказывал все, что говорилось в русской армии». У Толстого «Он притворился, что не понимает ни слова из того, что говорил Наполеон, и этого была правда».

Тьер говорит затем, что на вопрос Наполеона о предстоящем деле пленного казака ответил: «Если сражение будет тако, каково, грех думать, что я не буду сражаться, и тогда, если мне повезет, то буду знать, что можно и победить». Подлиняв правдивый истерик ответ казака, Толстой пишет: «...он так пережил Наполеону ответ Лаврушки, но что на самом деле он чувствовал. В «Войне и мире» читаем: «Когда Наполеон спросил его, как же думают русские, победят они Бонапарта или нет. Лаврушка прищурился и задумался. Он увидел тут тонкую хитрость,

* очень сметлив и болтлив.

как всегда во всем видят хитрость люди, и добрые. Лаврушке, насупившись и помолчал:— Оно значит, коля быть страженью,— сказал он задумчиво, — и в скорости, так это так точно. Ну а коли пройдет три дня апосля того самого числа, тогда значит это самое сражение в оттяжку толстой. Так по-своему Толстой раскрыл ответ птенца Лаврушки, сохранив при этом дословно и текст источника.

Тьер пишет далее: казак «закончил тем, что, как говорят, французами комаядует генерал по имени Бонапарт, который всегда разбивал своих врагов, но теперь будут получены огромные подкрепления и при помощи их ему дадут отпор и, возможно, на сей раз ему меньше повезет». У Толстого Лаврушка и это скажет по-иному и, главное, «притворяясь», что не знает, с кем говорит: «Знаем, у вас есть Бонапарт, он всех в мире побил, ну да об нас другал статьи... — сказал он, сам не зная, как и отчего под конец проскочил в его словах хвастливый патриотизм». Когда ответ Лаврушки без последних слов (так отмечено и у Тьера) перевели Наполеону, он улыбнулся. «Молодой казак заставил улыбнуться своего могущественного собеседника», — пишет Тьер. Толстой дословно цитирует эту фразу, и созданном контексте она звучит алой прощепей.

Так же преобразен конец эпизода. По распоряжению Наполеона казаку открыли, с кем он говорит. Казак, рассказывает Тьер, «охваченный каким-то ошеломлением, не произнес ни слова», он «не спускал глаз с завоевателя», и его разговорчивость сменялась «наивным и молчаливым чувством восторга». Толстой и в этом случае процитировал весь текст источника, но по-своему переосмыслил его, исходя из психологии русского мужика. Оказывается, Лаврушка понял, что ему сообщили о Наполеоне для того, чтобы «озадачить» и «испугать» его, и тотчас же «притворился изумленным, ошеломленным, выпучил глаза». В заключение Толстой высмеивает слова Тьера о том, что Наполеон, «наградив» казака, «дал ему свободу, как птице, которую возвращают родным полям». А эта «птица», говорит Толстой, этот казак не хотел даже рассказывать того, что с ним было, «именно потому, что это казалось ему недостойным рассказа».

Включив в роман почти дословно текст источника, задача которого показать, с одной стороны, простоту в обращении Наполеона с солдатами, с другой — трепет и восторг, который якобы вызывал у русских «великий» император, Толстой так сместил фокус, что героем сцены стал не Наполеон, а денщик Лаврушка, фактически одурачивший «могущественного собеседника»¹². Таков один из приемов преобразования материала в «Войне и мире».

Иногда совсем, казалось бы, незначительная подробность, промелькнувшая в историческом документе, помогала Толстому неожиданным

но осветить факт, раскрыть его изнутри. Тьер описывает приезд Балашова к Наполеону и встречу его с Даву, отбывавшим мимоходом. «К концу за стол, который состоял из срывающей с петель двери, лежащей на бочках». Этой маленькой детали Тьер, конечно, не придавал никакого значения, а Толстой воспользовался ею для острого характеристики Даву, этого, по определению Толстого, «Аракчеева императора Наполеона». В сцене приема обманчиво одурачивая Даву, служит раскрытию образа. Такой импровизированный стол, о котором сообщает Тьер, вряд ли мог находиться в доме; Толстой рисует бревенчатый сарай, в нем «стол, состоящий из двери, на которой оторвали петли, положенной на два боченка», и боченок вместо стула. В этот обеденок маршал занимался, — рассказывает с нарочитой серьезностью Толстой, «письменными работами», т. е. «он поверял счета»; возле Даву стоял аптекарь. В этот вечер, продолжает Толстой, «на следующий же день» «Истории» Тьера, «Балашов обедал с маршалом в том же сарае на том же столе на бочках»¹³.

Обрисовав обстановку, Толстой разъясняет, что «возможно было найти в этом месте и более роскошь, более изысканность, но он нарочно ставит себя в самые мрачные условия жизни для того, чтобы иметь возможность работать». Так советует характерично Толстому певачай упомянутый историком «стол».

Основными источниками для изображения государственной деятельности М. М. Сперанского служили переписка Сперанского и книга М. А. Корфа о нем¹⁴.

В обзоре государственной жизни в 1809—1810 годах Толстой писал: «В это время готовились не только два столь знаменитые и встревожившие общество указа об уничтожении придворных чинов и об объявлении о том, что государственных дел и статских дел, но и целая государственная конституция, долженствовавшая изменить существующую конституцию, с ее разделениями и делениями на три ветви». Толстой от Государственного совета до высшего управления делами — так вкратце изложил те указы, которые биограф Сперанского называет «замышляемые и готовые, как сказал у Корфа, «по своему влиянию на умы составили в то время эпоху».

Толстому нужно осветить критически и самые реформы, и роль Сперанского, при этом не замечая ни одного факта. Книжки хутораст Сперанского, конечно, на деле добивается своего. Он достигает главной цели — «показывает и реальные акты и реальные последствия» реформ. Толстой не дает подробно разобрать преобразования и не критикует их. Он берет только общие положения и показывает собой вокруг них, что, конечно, рассказано о плодотворной деятельности князя

работы». Ради этого вывода и понадобилась Толстому сцена обеда у Сперанского.

Построив на исторически верных фактах картину земной жизни государственного деятеля Толстой придает ей с помощью разбросанных авторских реплик нагромождение законов истинности, неопределенности, которое довершило критику либеральных начинаний Сперанского, окончательно разоблачило фальшь надуманных, нежизненных реформ «сверху».

* * *

В первые дни работы над романом Толстого тревожила мысль, что «необходимость описывать значительных лиц 12-го года» заставит его «руководиться историческими документами, а не истиной». В одном из ранних набросков начала Толстой упрекал официальных историков, «les chroniqueurs des fastes de l'histoire» *, как он их называл, за то, что они «видят только выступающие уродства человеческой жизни и думают, что это сама жизнь; они видят сор, который выбрасывает река на берега и отмели, а почти изменяющиеся, исчезающие и возникающие капли воды, составляющие русло, остаются им неизвестны». Историки, по убеждению Толстого, не видят следов, «не выразившихся в мимолетном величии, в книге, в пажиме званьи, в памятнике», а видят только то, что отразилось «в дипломатическом акте, в сражении, в написанном законе». Они выписывают в свою «летопись» только эти события, «воображая, что пишут историю человека». Толстой же намеревался писать историю не государственных деятелей, а «людей, не имевших тех недостатков, которые нужны для того, чтобы оставить следы на страницах летописей», т. е. он намерен писать «историю человека», следовательно и не мог руководствоваться для своей «истории» только официальными документами ¹⁷.

Это важное заявление Толстого раскрывает, как по-разному подходили к историческим событиям Толстой и современные ему историки. Любопытно сопоставить слова Толстого с предисловием Тьера к двенадцатому тому его «Истории консульства и империи». Рассказав о методах работы, Тьер писал: «Я полагаю, что мне удалось открыть и выразить истину, не условную, какую часто создают сами себе современные поколения и передают следующим поколениям как истину подлинную, но истину самих событий, которая отыскивается только в государственных документах и особенно в переписке могущественных особ» ¹⁸.

В подходе к официальным документам — одно из существенных различий метода Толстого и официальных историков. Они тщательно

изучали эти документы, не подвергая сомнению ни истинность, ни достоверность их. Толстой не менее тщательно сбирал и изучал документы и исторические работы, построенные на официальных данных, но не принимал их на веру, а путем скрещивания материалов стремился установить истину. Еще до начала работы над «Войной и миром», совсем по иному поводу Толстой признавался, что он имеет «дерзость обсуживать все явления и ничего не принимать на слово» ¹⁹. Так он и поступал, создавая «Войну и мир».

Однако различные задачи, стоявшие перед историком и художником, не освобождают художника от необходимости руководствоваться историческими материалами ²⁰. (Толстой не только изучал официальные документы, но многие из них вставлял в свой роман. Они подчинялись основным принципам историзма, а не документальной истине, а следовательно, не могли быть использованы как документальная истина.)

В «Войну и мир» включены с соблюдением точных дат приказы, распоряжения, дозвещения, письма исторических деятелей, диспозиции боев. Одни приведены полностью, другие цитируются частично, третьи только упомянуты. Подлинные документы Толстой привлекал уже на самых ранних подступах к работе. Один из первых вариантов начала романа открывался Нотой, поданной от Российского поверенного в делах П. д'Убриля французскому министру иностранных дел 28 августа 1804 года. Полный текст ноты был, очевидно, переписан по указанию Толстого из «Вестника Европы» за 1804 год ²¹. В дальнейшем набросок этот не получил развития и текст ноты не был использован. Из чернового же варианта, в который нота входила, ясна мысль Толстого показать, что официальный документ, эта «смелая и решительная нота», которая «выставляла на историческом суду правительство двора против французского и требовалось удовлетворения», не сыграла никакой роли в общем ходе исторических событий. «Не обращая на нее никакого внимания на строгие замечания, — не без иронии замечает Толстой, — которое делал господин д'Убриль Пшотскому» Пшотскому же от своей захватнической политики не интересовались ни победой, ни непризнанием «законности его прав».

Такой прием использовать официальный документ чтобы противопоставить его содержанию реальному ходу вещей, — многократно повторяется в «Войне и мире».

Еще один пример — письмо от герцога Фердинанда к Кутузову от 28 сентября (8 октября) 1805 года ²². Письмо «извещает о выходе из подполья армии», в то время как уже доходили известия о «совершенном поражении австрийских войск». Сцена открывается беседой Кутузова с приехавшим в Брауншвейг императором Францом II, а не с Габсбургским престолом, как в реальности. В конце беседы Кутузов впервые учитив по беспристрастности противу т. В конце беседы

* летописцы выдающихся событий истории.

ды он передает члену Гофкригсрата различные бумаги и в том числе письмо Фердинанда. Из разговора ясно, что и Кутузову и австрийскому генералу уже известны слухи о поражении армии Мака под Ульмом. Поэт-му особенно курьезно вытир слезам и гримасам генерала «бумагу», в которых речь идет «о выгодном положении армии».

Чтение письма обставлено торжественно: «Рядом жив на двух составленных для этой цели стенах две топографические карты, перебранные по часам переданными ему документами и стоявшие одна на другой и рухнувшие на их стены, генерат падает на свои коленки и с круглыми очками, передает алпатычу первую по порядку бумагу — письмо 28 сентября от эрцгерцога Фердинанда к Кутузову, т. е. уронив пальцы под стеной и симметрично положив руки на стол перед карандашом, он также симметрично и аккуратно, как и бумага с лицом человека, который знает, что исполнит все свои обязанности и который сейчас перед своими боковыми споконьями, сказал: «Читайте». Алпатыч начал чтение. Текст письма, чтение которого подмонтировано не ливенским карандашом и вступлением, прерывается приемом двумя репликами автора, и в заключение отмечено, что австрийский генерал таким образом проверяет прошение эрцгерцога о приеме делегации, поскольку не подозревая той участи, которая уже постигла Мака и его армию». Завершает сцену приезд самого Мака к Кутузову с известием о поражении. Так было в черновом варианте.

Подлинный текст письма ставит Толстым в наглядное противоречие чаще ему обрамление и снабжен таким авторским комментарием, что читатель не может не видеть его бессмысленности. Это, со слов писателя, добивается. Позднее сцена была сокращена, но характер ее не изменился.

Перую документ вставляется в такой контекст, что нет нужды ни в каких авторских репликах. Художественная картина события, с которым документ связан, служит достаточно образным опровержением его. Так освещено в романе предписание Барклая де Голли смоленскому гражданскому губернатору барону Ашу от 20 августа 1812 года, в котором военный министр заверял, что «городу Смоленску не предстоит еще ни малейшей опасности»²³. Эту «бумагу», как преднамеренно называет ее Толстой, смоленский губернатор дал Алпатычу для передачи князю Болконскому. Нет ли одной реплики автора о содержании «бумаги»; дальнейший ход событий комментирует ее. Во время беседы губернатора с Алпатычем «в дверь вбежал запыхавшийся француз и начал что-то говорить по-французски. На лице губернатора изобразился ужас. Выйдя с «бумагой» от губернатора, Алпатыч, «прислушиваясь теперь к быстрым и все усиливавшимся шагам», и вышел из просторного двор. Там он прочел «бумагу», в которой

заперено, что «городу Смоленску не предстоит еще ни малейшей опасности». Приведя полный текст успокаивающего сообщения, Толстой вслед за тем дает страшную картину бомбардировки Смоленска. Таким образом, художественный текст, в котором имитируется официальный документ, без авторских пояснений доказывает явную несостоятельность его.

Анализ деятельности Наполеона в Москве целиком построен на подлинных документах. Толстой начал писать эти главы, имея перед глазами три части «Описания Отечественной войны» Михановского-Данилевского. В этом убеждает первый же набросок. Он выглядит так: «Положение, в котором находилась эта армия, можно видеть из следующих документов. В конце сентября написано было и распространено следующее воззвание (М. Д., 141 и 142). Никто не отменялся на этот кризис. Генерал-интендант пишет следующее (М. Д., вальонка, стр. 137). Император, решив, что надо и творить суверенитет (пародия на текст: «не гонимые les rois»), но на это последовало только следующее воззвание (М. Д., вальонка 4 стр. 140). Император несколько раз приказывает остановить грабеж. На что отвечать донесения, говорящие о том, что невозможно остановить грабеж (М. Д., вальонка 3, 2 стр. 140). Дисциплина в армии падает, что часовые не выполняют, то о том, что не делают (это воззвание императору то о том, что (М. Д., стр. 15 французское). Соименный то истовского автографа, перечисление в соответствующие места вписанных чужих Толстым в книгу Михановского-Данилевского документов, и в конце мажоритарным воззванием, убеждающее жителей обратиться к Москве, а крестьян привозить в город хлеб для продажи, донесение пристава Арбатской части от 23 сентября - 5 октября о разгромах первых и цитаты из донесения пристава Басманной части о том, что грабежи остановить не удается. Все они вошли в окончательный текст. Кроме того, включено полностью «Прозвоненные жителям о торговле» от 24 сентября (6 октября)²⁴.

Документы подлинные, и Толстой не изменил в них ни одного слова. Крайне авторские реплики, которые вводят документы в текст произведения, а главное, картины Москвы, сняты из французских, сами по себе исторически беспочвенных публикациях документов, которые не могли иметь ни малейшего влияния на жизнь разоренной, брошенной Москвы. Все распоряжения, утверждает Толстой, «не затрагивали сущности дела, а как стрелки циферблата в часах, отделенного от механизма, стрелки прозябали и бесцельно, не захватывая колес»²⁵.

В «Взятии и мире» включены диспозиции Аустерлицкого и Бородинского сражений. Толстой использовал их, чтобы доказать, как бес

принимая выражая сожаление о том, что «в военном деле анализированы давно все роли оружия смертности, все условия продовольствия, быта местности и сочетания масс, но вопрос о значении того, что газы дают духом полка, предоставляется бакунам, поэтам и не занимает серьезных людей». Аустерлицкое поражение не подтверждает точку зрения автора.

В том же равнении вступлении художник воплотил возникший у него замысел: сравнить между собой три рода описания сражения. Конспективно он записал его так: «Сражение с точки зрения военной истории, с точки зрения эпической поэзии и с нашей точки зрения».

Следуя плану, Толстой сначала дал описание Аустерлицкого сражения по официальным источникам, главным образом по книге Мухомовского-Данилевского, используя принятую военную терминологию. Надобно заметить, что даже в такой форме изложение Толстого не бесстрастно; оно не только пронизано жаркой полемикой, но пассивно проникнуто гневом. Историки пытались представить одной из существенных причин поражения опоздание колонн войск, задержанных «непредвиденными обстоятельствами». В ответ Толстой восклицает: «Да что бы пора предвидеть и расстрелять этих предвидящих обстоятельств, ибо такие непредвиденные обстоятельства стоят из-за лени, небрежности, легкомыслия двух-трех жизни десяти тысяч и позорных миллионов! Не «непредвиденным обстоятельствам» — если бы пришла аустерлицкая трагедия. Те, которые были причиной этого, — писал Толстой, — австрийские колонновожатые, на другой день чистили себе ногти и отпускали бездельные виды дамам, а не полагаясь на свою смерть, и никто не позаботился вытянуть из них кишки за то, что по их оплошности погибло двадцать тысяч русских людей и русская армия надолго не только потеряла свою прежнюю славу, но была опозорена». Боль и гнев Толстого достигли в этих словах наивысшего накала, но рассказ о битве «с военной точки зрения» писатель закончил внешне спокойной фразой: «Так неудовлетворительно рассуждают и объясняют военная история».

В подобном же обличительно-ироническом тоне и с такими же полемическими репликами представлено Толстым описание боя «с точки зрения энической поэзии».

Наконец, Толстому предстоит показать Аустерлиц. И он его себе представлял: «...и вот другое описание сражения, из которого все таки вопрос, щемящий тогда, теперь и вопрос, который всегда щемит сердце, пока будут русские, вопрос, почему так постыдно разбито русское войско,— вопрос этот не получает ответа». Итак, вопрос поставлен. Художественной картиной Аустерлица Толстой будет стремиться ответить на него.

Подобным же вступлением открывалось в черновых вариантах Тарутинское сражение. Возможно, что оно появилось под впечатлением поэмы Жуковского «Певец во стане русских воинов». (Поэма написана в канун Тарутинского сражения и опубликована тогда же в «Вестнике Европы». По свидетельству П. И. Бартелева, поэма была тогда «у всех на устах» и разошлась в трех изданиях ³².) «О, какое счастье было бы описать Тарутинское сражение в духе Певца во стане русских воинов. Как легко было бы такое описание и как успокоительно действовало бы оно на душу». После столь патетических слов Толстой охлаждает читателя: «Но Тарутинское сражение и приготовления к нему, благодаря случайному обилию и скрещиванию материалов, и была, была перед глазами совсем в другом свете. Но для чего же объяснять что-нибудь в этом другом свете, для чего разгружать возмывающее душу впечатление Певца во стане русских воинов? Поэма наших писателей хороша тем, что она заставляет обмануться. Автор при этом стоит на низком истинном, что все люди — и эти и те — терпят». Основной мыслью последишних русских писателей, не только и поэты, становятся и другие герои. А воспитание на их сочинениях молодые люди, поступив на военную службу, и находят среди соотечественников и начальников «героев Греша» — не умеют верить во всякую военную доблесть. Сюжет раскрывается Толстой подвел к тому, который служит основой великой поэмы — в требованиях правды и описывать сражения: «одна из главных задач для нас поэмы развивающихся обманов» ³³.

Приемы, которыми Толстой руководствовался и только что бесспорно картин сочувственно обмозговывая в толь-ко что писанных дубровках. Первый относится к первому году работы над романом (начало 1864 года), второй — к последнему периоду (конец 1868 года). Однако оба они связаны между собой и общностью постановки вопроса, который — никак не обходит сердце автора, и требо-вания, которые, как бы ты ни считала, ни была Толстой в разла-ти и ртут-ном состоянии исторических сочинении, и притом «особенного склада, вы-сокой речи», из-за которой часто «ложь и напыщен-ность переходя-ет в истину», но и в понимании значения событий».

1. Толстой и мир» в сравнении даны на основе точных фактических данных официальных документов. Самую же картину боя Толстой выставляет в другом свете. Сравнение дано обобщающее, в авторском, а не в чужом свете — Барутинское, Бородинское, Аустерлицкое, всякое — совершается не так, как предполагали его распорядители.

Основными источниками для Аустерлица служили Толстому работы Михайловского, Данилевского и Тьера, использованы также записки А. П. Ермолова. На эти именно книги имеются ссылки еще в раннем

пабреске Аустерлица, они повторяются и в последующих рукописях. Обстановка перед сражением, даты события, самый ход сражения, имена колонновожатых и других участников сражения, называя полков, распределение колонн войск — все соответствует данным указовых источников. А общий характер толстовского Аустерлица находится в полном противоречии с ними. Каждый факт оценивается отношением автора к событию.

Несколько примеров дают воочию, каким путем Толстой, не изменяя факта, подчинял его своему замыслу.

Михайловский-Данилевский сообщает, что из Оламоны войска выступили в пять колонн, которые возглавляли генералы Вимфен, Франков, Пржебышевский, Духовенский, Гогенлоэ. Это бесспорное перечисление имен генералов превратилось у Толстого в принципиально важный факт. Он делает акцент: «Русскими войсками». Из немцев Вимфен, из французов Франков, из поляков Пржебышевский, из немцев Духовенский. И имен Толстого. Этот факт и старчалось в раннем варианте списание последних бит. Сб. 1806. Иностранцы в большинстве убежда Толстой, было одной из решающих причин тяжелого исхода войны. Рассказывая о кануне Аустерлицкого боя, Толстой еще раз перечислил колонновожатых: «Русскими войсками распоряжались: император Франц, полковник Вейротер, Гогенлоэ, Духовенский, Вимфен и Буксегвден, немцами же с ране француз Дитерс» и т. д. Повторением русских имен Толстой подводит к неизбежному выводу, что были вынуждены сдаться русским войскам, которое держали чужие армии. Имена — не начальники, которым «потеря сражения и босчество армии не были страшны». В окончательном тексте перечисление имен колонновожатых даю не от автора, а вложено в уста Билибина, который насмешливо говорит о том, что кроме Кутузова в армии нет ни одного русского начальника колонн.

Сцена приезда двух императоров, Александра I и Франца, на поле сражения основана на рассказе Михайловского-Данилевского, причем разговор Александра с Кутузовым почти дословно совпадает у историка и у писателя. Только у Толстого центральной фигурой эпизода оказывается не император, а Кутузов. Выражение лица, с каким полководец выслушивает распоряжения Александра, — что, разумеется, не отражено в источнике, — создает нужную Толстому интонацию для всего эпизода.

Михайловский-Данилевский рассказывает так: «В десятом часу прибыли на поле сражения император Александр и Франц. После перечисления сопровождавшие их генералы.» «Подъехав к Кутузову и увидя, что ручья крови и т. д.», император Александр сказал

его: Михаилу Ларионович, почему не идете вы вперед? — Я подлинно, — отвечал Кутузов, — чтобы все войска колонны построились — Император сказал: — Ведь мы не на Царичанном лугу, где не начинают парада, пока не придет все полки. Государь, — отвечал Кутузов, — потому то я и не начинаю, что мы не на Царичанном лугу. Впрочем, если прикажете. — Приказание было отдано. Войска пача составились и под рукою».

Толстой направляет все внимание на психологические оттенки в поведении Кутузова. Из приведенного отрывка явствует, что Кутузов против воли принимал бой и что очень трудно было ему, вынужденному, дать волю полкам подчиняться и не выпустить раба из своих рук. Для этого и понадобился Толстому весь эпизод. Толстой искал, как лучше изобразить душевное состояние Кутузова. «Лицо вечно и мучительно, окоченело, судорожно», — таково решение с драматическим оттенком Кутузова в раннем варианте. В следующем Кутузов показан вначале очень утомленным, но при вопросе государя «по лицу Кутузова мгновенно пробежала как волною морщина, лицо его сгладилось, оживилось, в узких глазах засветился яркий блеск, губы сложились в жесткую улыбку». Толстой предполагает, что Кутузов именно с таким раздумием должен был воспринять требования Александра, но не может, конечно, так явно выразить свое недовольство императором. Толстой нашел более сдержанную, но не менее выразительную форму. Кутузов встретил императора «с аффектом и почтительностью». Князь Андрей замечает, что во время разговора с Александром у Кутузова «постепенно тронула верхняя губа», затем «взгляд его еще раз что-то дрогнуло». После ответа Кутузова на лица императорской семьи «выражение радости и удивления». Постепенно слова: «Впрочем, если прикажете, так и так» — Кутузов пропал, снова, изменяя тон на прежний тон тупого, нерассуждающего, но повиновавшегося раба».

Изменяя факт Толстой наполняет его живым действием. Толстой так воспринимает сцену так, как, сиречь, в действительности он должен был воспринять ее. События I и II, мнимые, с художественно фактически и в действительности изображенными и в действительности, развивая нужную мысль автора.

Вся картина Аустерлицкого сражения, точнее, как ее имел в виду Толстой, — это факты, которые оживали по воле автора. Он не потому, что так нужно для доказательства авторской точки зрения, — потому, что так было в действительности, — об этом свидетельствовали участники сражения, и их неофициальные рассказы совпадали с толстовским пониманием сущности события.

Возможно, что в трактовке Аустерлицца Толстой помогали в какой-то степени мемуары генерала А. П. Ермолова. Ермолов сообщает, что Аустерлицское сражение, участником которого он был, «сопровождалось обстоятельствами столько странными», что он не сумел «дать ни малейшей связи происшествия» и потому не описал сражения «с боюшью подробностью» в своих записках. «Случилось мне», пишет Ермолов, — «стать свидетелем о сем сражении мною их достойных офицеров, но ни один из них не имел ясного о нем понятия, и только согласованиям, а том, что никто и не был свидетелем подобного события». Для Ермолова несомненно, что «впоследствии составится описание, но трудно будет дать им полную уверенность и скорее могут быть с точностью определены частные действия, нежели соотношения их между собою и с расположением действий со временем». Такое откровенное признание Ермолова совпадало с убеждением Толстого: то, что написали потом офицеры «впоследствии», редко отражает действительные обстоятельства. Эту мысль свою Толстой выразил в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир».

Рассказ Ермолова об Аустерлице, можно думать, совпал с представлением Толстого. Ермолов прямо указывает об изменении диспозиции генералом, проявляющей «непредвиденно и неосторожно» диспозицией», которая, по его мнению, «более похожа была на топографическое описание Брунстата округа, нежели на изображение порядка, принятого войсками в сражении». Вспоминается и статья «Войны и мира», как в сцене чтения диспозиции, так и в оценке ее Кутузовым и Наполеоном, главное, в самом действии Толстой выказывает точно такое же отношение к диспозиции, как Ермолов. В черновом же варианте, где приведен полный текст диспозиции, Толстой определил ее как «образовательную и изобразительную» — «образовательную в смысле».

Ермолов рассказывает, какой хаос царил во время сражения: все части войск были разрознены, казалось, что войскам предоставлено действовать отдельно и «забыть», что на том же самом поле были другие войска. Беспорядок, признает Ермолов, дошел до того, что «армии, казалось, полков не бывало», а видны были «разные толпы». Толстой также несколько раз словом «толпа» определяет состав войска: «Смешанные, все увеличивающиеся толпы бежали назад». «Не только трудно остановить эту толпу, но невозможно было самим не податься назад вместе с толпой». «Войска бежали такой густой толпой, что, раз попавши в середину толпы, трудно было из нее выбраться». Кутузов и князь Андрей с трудом «выбираются» из «толпы бегущих»³⁶.

Общий хаос и беспорядок усилила туманная погода в день битвы. Михайлович Даниловский неоднократно упоминает, что «в день битвы» не

позволял русским видеть войск, собранных Наполеоном. Толстой подхватил исторически точный факт — и туман стал ленточным художественным «картинным боем»³⁷. В раннем эскизе Аустерлицца, где не было еще развернутого описания битвы, уже отмечены эти важные детали: «...и туман стоял тут-то туман», «мы должны были идти вперед, туман мешал нам». Позднее, когда Толстой приспосабливал работу над картиной битвы, он привнес это действие на фоне тумана и туман усиливает гнетущее впечатление «беспорядка и бестолковщины».

В «Войне и мире» читаем: «Колонны двигались, не зная куда, и не видя от окружавших людей, от дыма и от усиливающегося тумана ни той местности, из которой они выходили, ни той, в которую они вступали». Дальше: «Туман стал так силен, что, несмотря на то, что рассветало, не видно было в десяти шагах перед собой». «Но, пройдя около часу все в густом тумане, большая часть войска должна была остановиться, и по рядам пронеслось неприятное сознание совершающегося беспорядка и бестолковщины». Событию развивается, и над всем царит туман. «Туман, расходящийся на горе, только гуще расстилался в низах, куда спустились войска. Впереди в тумане раздавался один, другой выстрел». И, наконец: «Не рассчитывая встретить ввязу над речкой неприятеля и нечаянно в тумане наткнувшись на него, не слыша слова одушевления от высших начальников, с распротравившимися во войсках сознанием, что было ополдано, и, главное, в густом тумане не видя ничего впереди и кругом себя, русские медленно и медленно переселивались с неприятелем подталкивались вперед и опять останавливались, не получая во-время приказаний от начальников и адъютантов, которые блуждали по туману в незнакомой местности, не находя своих частей войск. Так началось дело. Густой туман повсюду подчеркивает «бестолковые» распоряжения, из-за которых «чувство энергии, с которым выступил войска в дело, начало обращаться в досаду и злобу на бестолковые распоряжения и на немцев».

Таким образом, представившись Аустерлицское сражение Толстой по документам истории. Подчеркнув его хаотичность и свидетельствую участника боя. Факты подтверждали мысль художника, главный причина поражения — упадок духа войска.

* * *

Не раз, споря с официальными историографами, Толстой находил опору своим взглядам у рядовых участников события. Так было и с Бородиной. Для Бородины Толстой использовал гораздо больше работ, чем для других событий, изображенных в «Войне и мире».

Сочинения Богдановича, Михайловского Данилевского. Липранди, Тьера, де Сегюра, Бернгарди, мемуары генерала Ермолова, подполковника артиллерии Радожицкого, французского генерала де-Богессе, Раппа, де-Ласка за — все это понадобилось Толстому³⁸. Каждая из работ давала фактические сведения и одновременно материал для опровержения взглядов их авторов на суть события. В раннем варианте глав, посвященных Бородинскому сражению, Толстой писал «Понятно, что тот, кто сражается, думает, что вот я завоюю этого, получу чин, удивлю всех, покажу свое героичество и за тем сражусь. Это понятно. Но, когда дело кончено и мы с тобой спокойно судим, непонятно, чтобы мы судили, как это всегда делают историки, стараясь натянуть истину с целью доказать, что мы больше побиты людьми или — русские. Нет, хоть тысяч на пять, но мы побиты больше людей, говорит француз. Вот единственные книги, написанные в этом тоне, все истории, которые я бы жел и казнил авторам»³⁹. Ни одна из историй не освещает правильно, на взгляд Толстого, самое сражение и значение его.

В романе Бородину посвящена 24 глава — одна из самых длинных. Главы делятся на три раздела: рассуждения автора — размышления и воспоминания Пьера и князя Андрея, картина боя, она, в свою очередь, содержит три темы: Наполеон в разгар боя, Кутузов в это же время, войска и ополченцы на поле сражения. При этом есть подлинные документы: диспозиция Бородинского сражения, составленная Наполеоном приказ Платона войскам в день Бородины, письмо Кутузова императору Александру от 27 августа. Толстой изображен автором под определенным углом зрения, и это как раз приводит совсем иное впечатление, чем исторические источники о событиях.

Первая глава — рассуждения автора о том, «для чего и как были дабы и причины сражения при Шевардине и при Бородине». Кратко сформулированы главные сведения историков, Толстой считает их совершенно несправедливыми — созданными «слепыми историками». Бородине. В этом, заявляет Толстой, «легко убедится всякий, кто захочет взглянуть в существа дела». Эта отария послужит в дальнейшем Толстому представителем себе местности, расположение войск и — тактико-позиции во время боя, и чертит «в грубой форме» план сражения — сражения и происшедшего сражения». В итоге анализа материалов Толстой убедился, что «Бородинское сражение произошло совсем не так, как (стараясь скрыть ошибки наших военачальников и вследствие того умаляя славу русского войска и народа) описывают его». Читатель, предупрежденный, что, вопреки историкам, Толстой не «скрыть» «ошибки военачальников» и будет восстанавливать «славу русского войска и народа». Воля автора направлена на одно: с помощью жестких картин и образов доказать, что Бородинское сражение —

«это необыкновенное, неповторяющееся и не имевшее примеров явление» и что «причины этого явления лежали в той неопределяемой силе, которая называется духом войска, в том неразумном сознании, что мы хотим и должны победить, и это неразумное сознание лежало от главнокомандующего до солдата в душе каждого русского человека». Такова основная идея толстовского Бородинина, которую не мог под-сказать ему ни один из историков того времени.

Толстой художественно преобразил разрозненные факты, взятые у историков, сосредоточив их в впечатлениях Пьера Безухова.

На «Историю» Богдановича и из книги Бернгарди Толстой знал что накануне битвы Беннигсен, «не зная о распоряжениях Кутузова» «приказал Тучкову 1-му выдвинуть третий корпус» на открытое место. Своими распоряжениями Беннигсен ухудшил положение⁴⁰. По замыслу Толстого, отвлеченные понятия Пьера о позиции, которую он «выска-жал себе почти с такою же определенностью и ясностью, какие он видел на плане сражения», будут разрушены действительностью. Для этого как нельзя лучшегодились Толстому распоряжения Беннигсена. После осмотра позиции у Пьера ясность сменилась недоумением: «Почему лучше было стоять впереди без подкреплений, почему не подвинуты были другие войска, ежели левый фланг слаб?»

Толстой воспользовался еще одним важным для него свидетельством Богдановича. «Весьма примечательно, — пишет историк, — что Беннигсен не донес Кутузову о своем распоряжении насчет третьего корпуса». У Пьера неизбежно возник еще один недоумительный вопрос: «Почему Беннигсен сказал полковнику, который с ним был, что об этом распоряжении его не нужно докладывать Кутузову, и почему сам не сказал Кутузову? Потом Рюге слышал, как он, встретив Кутузова, прямо сказал, что он все нашел в исправности и не нашел нужным ничего изменять. Это не смог понять Рюге, и все это было ему еще более интересно». (В черновых вариантах эта сцена ближе к источнику, потом она сократилась). Наблюдения Пьера за действиями командования все больше запутывали его понятия о войне.

Предстоит показать встречи Пьера с солдатами и ополченцами. В основу солдатских сцен могли лечь факты из «Записок» И Радожицкого. «Московские ратники оканчивали насыпи на батареях, артиллерию развозили по местам и приготовляли патроны. Солдаты чистили, остригли штыки, белили портупей, перевязи. Словом, в обеих армиях (300.000) воинов стояли к великому страшиному дню»⁴¹. Пьер, находясь в Бородине Пьер видел точно такие сцены и таких воинов с «таким образом личными выражениями физиономии и однообразным выражением всем выраженном серьезности». Так Толстой дописал картину подготовки. На лицах этих людей Пьер «в особенности отыскивал

разрешение того вопроса, который занимал его». Вид ополченцев, этих «бородатых мужиков», работающих на поле сражения, солдат, идущих с песнями, слова солдата «всем народом навалиться хотят», смысл которых Пьер сразу не понял, но почувствовал. Все это подвигало сильнее всего то, что он видел и слышал о «ордавенности настоящей минуты». Кстати, слова «всем народом навалиться хотят» тоже не выдуманы Толстым. Их он мог найти в письме Багратиона к Радожицкому после отступления из Смоленска: «Мы кажется, ничто способу уже нет, как не доходить два марша до Москвы всем народом собраться и что всякая успеет с холодным оружием, пиками, саблями и что подало соединиться с нами и навалиться на них».

Впечатления Пьера расширяются; он наблюдает молебны перед сражением. Молебен с пением Богданович-Михантович-Данилевский и Ф. И. Глинка⁴². Толстой же развил сцену и, главное, раскрыл душевное состояние участников. Мы видим, как «одни и те же лица» генерал с Георгием на лице, не крестясь (очевидно немец) терпеливо дожидались конца молебна, который он считал нужным выслушать, вероятно, для возбуждения патристизма русского народа. Другой генерал стоит и поистинно в поле и потряхивает рукой перед грудью, оглядываясь вокруг себя». Эти образы подсказаны не историками. Такие генералы, вероятно, хорошо были знакомы Толстому по личным впечатлениям недавней Крымской войны, и он, должно быть, вспоминал их, изучая документы об Отечественной войне. Между этим чиновным кружком Пьер, стоявший в толпе мужиков, узнал некоторых знакомых, но он не смотрел на них: все внимание его было поглощено серьезным выражением лиц в этой толпе солдат и ополченцев». Богданович сообщает, что «тысячи благочестивых воинов падали на колени, творя крестное знамение и молясь с усердием». А Толстому важно отметить, что Пьер видел, как на лицах воинов «вспыхивало опять то же выражение сознания торжественности наступающей минуты, которое он видел под горой в Можайске и урывками на многих и многих лицах, встреченных им в это утро». Вот для чего понадобилась Толстому подсказанная источником сцена молебна.

Суждения князя Андрея, высказанные в канун Бородин, отчасти перекликаются с мемуарами артиллериста Радожицкого; он с волнением рассказывает о назначении Кутузова: «После Смоленских битв наши солдаты очень приуныли. Пролитая на развалинах Смоленска кровь, при всех усилиях упорной защиты нашей, и отступление по Московской дороге в недра самой России ясно давали чувствовать каждому наше бессилие перед страшным завоевателем... Имея силы, мы казались бессильными; имея оружие, казались обезоруженными; несколько тысяч храбрых шли рассеянно».

Толстому было, конечно, известно из документов, что после отступления от Смоленска стали подозревать Барклая-де-Толли в измене. Например Радожицкий сообщает Багратиону 13 августа: «Обыкновенным следствием неудачных дел — ненависть народа к военному министру привела его в изменники, потому что он не русский. Многие не понимают, зачем он отступил от Смоленска, а никто этим прочее не знает, как бывшие, не принявшие участия в сражении».

Эти истрепанные истрепались в беседе князя Андрея с Пьером. С глубоким возмущением князь Андрей упрекает Барклая-де-Толли за отступление от Смоленска: «Он не мог понять того, вдруг как бы вырвавшись тонким голосом закричал князь Андрей: — но он не мог понять, что мы в первый раз дрались там за русскую землю, что в писках был такой дух, какого никогда я не видал, что мы два дня сряду отбивали французов и что этот успех удесятерил наши силы. Он велел отступать, в все усилия и потери пропала даром». Князь Андрей не разделяет подозрения об измене Барклая-де-Толли; он иначе доносит причину его провала: его «прогнали», говорит князь Андрей, именно потому, что он «чужой» человек. «Пока Россия была здорова, ей мог служить чужой, и был прекрасный министр, но как только она в опасности, ей нужен свой, родной человек», — говорит князь Андрей.

Именно так было воспринято тогда в армии назначение нового главнокомандующего, русского «именем, умом и сердцем», как сказано у Радожицкого. «Вдруг электрически пробежало по армии известие о прибытии нового главнокомандующего князя Кутузова. Минута радости была цензьясьнима: имя этого полководца произвело всеобщее воскресение духа в войсках от солдата до генерала... С приходом в армию князя Кутузова во время самого критического положения России, когда провидение наводило на нее мрачный покров гибели, обнаружилось явно, сколь сильно было присутствие любимого полководца воскресить упавший дух русских, как в войске, так и в народе». Не столь важны текстовые, сколь смысловые совпадения рассуждений князя Андрея с рассказами участника войны.

С мемуарами Радожицкого перекликается и запись, сделанная Толстым в Бородине: «С приходом Кутузова свет увидали». Этими словами капитан Лихошин дважды определяет чувства армии к Кутузову. Уверенность князя Андрея, Лихошина и всей армии в том, что сражение будет выиграно, не выдумана: «Уверенность, а депеша ясно отражает настроение войск: «Наше неравенство сил замещается любовью к отечеству и самоотверженностью». Все мы были в полноте уверены в распорядительности мудрого, бесстрашного в бранях полководца», — пишет Радожицкий⁴³.

Высокий дух воиска и глубокая внутренняя связь Кутузова с войсками обеспечили Бородинскую победу. — на этом фундаменте создавалось Бородино в «Воине и мире». Фундамент воздвигнут не только на почве исторических познаний Толстого, но и на тех документах истории, в которых Толстой ощущал тон правды.

Авторские рассуждения, настроения князя Андрея и Тимохина, выражающие настроение всей армии, впечатления Пьера, который понял «весь смысл и все значение этой войны и предстоящего сражения», все это подготовило тон и характер толстовского Бородина. На очереди было создание самой картины боя. Предстояло показать, с одной стороны, Наполеона, с другой — Кутузова и народ.

Сопоставляя тексты Толстого и историков, убеждаешься, что в «Воине и мире» эпизоды переданы фактически точно, что источник цитируется иногда дословно, особенно речь исторических лиц. Но, как и в ранее приведенных примерах, факты исторические у Толстого приобретают противоположное источнику освещение. И, как всегда у Толстого, это достигается отнюдь не искажением фактов, а путем авторских толкований, с одной стороны, и раскрытия смысла явления, раскрытия психологии действующих лиц, их внутренних побуждений — с другой.

Историки, и русские и иностранцы, описывают «кипучую» деятельность Наполеона накануне боя. Толстой это так и показывает, используя свидетельства историков о различных поступках и распоряжениях Наполеона, но при этом подчеркивает бессмысленность всех его распоряжений. Наиболее резко это выражено в чертачках: «Одним словом, — заявляет Толстой, — он [Наполеон] не сделал никаких распоряжений, а велел войскам, как они стояли, идти на русских и стрелять в них». Кратко и лаконично «стоп-слова» Толстой дает речью: «Против какой части русских войск стояли вы на виду, была направлена соответствующая часть французских войск — вот все, что было в диспозиции». Далее Толстой прибавляет: «Но, — он написал генералам, так говорят, приказ, в котором сказал, что Наполеон велел, — исполнять страшно желание армии быть убитой и раненой на 1/3 часть и, снисходя до их желания, дает сражение».

В записанном романе Толстой заменил саркастическими чертами и подробностями разбора диспозиции, текст которой привел дословно по книге Богдановича. В заключение писатель решительно сказал, что во время сражения Наполеон находился так далеко от боя, что ход сражения ему не мог быть известен, и ни одно распоряжение в это время сражения не могло быть исполнено. Так освещены в «Воине и мире» действительные факты, которые заимствованы главным образом из «Истории» Тьера, написанной в духе возвеличивания Наполеона.

Толстой заставлял их служить разоблачению мнимого, по его убеждению, величия французского императора.

В пошлом противоречии с историками изобразил Толстой и Кутузова на Бородине. Богданович, Тьер, Бернгарди и Ермолов почти никакого значения не придают роли Кутузова в Бородинском сражении и даже упрекают его в неуспехе. Богданович, опираясь главным образом на иностранные источники, говорит, что «Кутузов на рассвете отправился из Татариновой в Горки, где и находился вместе с генералом Беннигсеном, до самого конца битвы. Как успех боя решался на левом крыле и в центре, то наш главнокомандующий не мог иметь непосредственного влияния на ход сражения, тем более, что преклонность лет заставляла его постоянно оставаться на месте и ограничиваться распоряжениями, которые, по удаленности его от пунктов решительной неприятельской атаки, не всегда были своевременны. Это обстоятельство, лишив нашу армию необходимого единства в действиях, оказало невыгодное влияние на ход сражения». В таком же примере свете изобраил Кутузова в разгар битвы Ермолов, утверждая, что Кутузов, «не видя близости сражения, допускал надежду на благоприятный оборот»²⁴.

Как ни умаляли и торжи роль Кутузова, какие-то крупные правды Толстой выискивал и у них. Богданович, например, противореча сам себе, вынужден был отметить, что хотя Кутузов «не мог иметь непосредственного влияния на ход дела, все его распоряжения «были весьма основательны и, несмотря на невыгоды первоначального расположения русской армии, непоколебимая уверенность наших войск и самоотверженность их начальников способствовали нам удерживаться на каждом из атакованных пунктов до прибытия подкреплений».

Больше, чем другим, верил Толстой Михайловскому Данилевскому, хотя считал, что и он неверно описал Бородинское сражение. Михайловский-Данилевский, как и другие историки, приписывает Александру I лавры идейного вдохновителя в войне 1812 года, но он правильно освещает роль Кутузова. Историк рассказывает, как во время Швардинского сражения «князь Кутузов прибыл из Татариновой на поле сражения. Он сел на скамеечку, которую всегда за ним возили, и, вместе с дрезинами с князем Барклаем, находившимся в огни, внимательно обозревал местоположение и оставался на поле, доколе не утихли пальба». Рано утром в день Бородинского сражения Кутузов, по рассказу Михайловского Данилевского, «уже давно бодрствовал, не предупредив своей главной квартиры, только что пробуждавшись, не предупредив своей главной квартиры, за деревню Горками. Остановившись от сна, поехал один на батарею, за деревню Горками. Остановившись на возвышенности, он обозревал, при свете дотрагивавшихся огней, бранное поле и армию, становившуюся в ряды».

О Кутузове во время боя этот историк и участник войны 1812 года рассказывает так: «Хладнокровие ни на минуту не изменяло князю Кутузову. Его великая заслуга под Бородиным состояла в решимости принять сражение и в искусстве, с каким он противодействовал усилиям неприятеля. Куда Наполеон ни замыслил обрушиться, где ни думал сломить русских, везде во-время, в урочную пору подоспевали подкрепления нашим войскам. Не довольствуясь одним отпором нападения, князь Кутузов атаковал левый фланг Наполеона, и это наступательное движение имело на все дело благотворнейшее влияние. Ни ужасные потери армии, ни остервенение неприятеля, ни исподлинская слава Наполеона, испугавшая ум и воображение каждого, ничто не поколебало Кутузова. В молчаньи следил он ход битвы, сохраняя совершенное спокойствие духа, внимательно выслушивая привозимые к нему донесения, без торопливости отдавая повеления»⁴⁵.

Таким представлялся и Толстому Кутузов, и таким именно он изобразил его. Кутузов, по словам автора «Войны и мира», находился «в Горках, в центре позиции русского войска». Толстой говорит, что Кутузов «не делал никаких распоряжений», но вместе с тем показывает, как в ходе битвы главнокомандующий выслушивал донесения и отдавал приказы. Не бездействовал Кутузов, как показывает Толстой. Распоряжениям Наполеона, не имевшим, на взгляд Толстого, ни малейшего смысла, он противопоставлял спокойную сосредоточенность Кутузова, который следил за «духом войска» и «руководил» этой безусловной силой.

Единственный эпизод в «Войне и мире», когда Кутузов потерял спокойствие, — это приезд флигель-адъютанта Вольцогена с донесением от Барклая-де-Толли. Богданович, опираясь на воспоминания Вольцогена и на свидетельства Бернгарди, рассказывает: «Вольцоген, являсь к Кутузову, донес ему, что все важнейшие пункты нашей позиции были в руках неприятеля и что наши войска находились в совершенном расстройстве. Такое несколько преувеличенное изложение дела в присутствии множества лиц, состоявших в штабе армии, не понравилось Кутузову, который, выразив весьма резкое неудовольствие свое Вольцогену, сказал ему: «Что касается до сражения, то ход его известен мне самому как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах; завтра погоним его из священной земли русской»⁴⁶.

В словах Кутузова Толстой почувствовал крайнее напряжение его душевных сил; Толстой понял и мотивы поведения Вольцогена. Благодаря такому проникновению в сущность явления Толстой на основе фактов, представленных историком, создал глубоко насыщенную сцену. Предварительно Толстой напомнил, что это был тот самый

Библ. им. А. С. Пушкина
Информационно-библиотечный отдел

дыма, клубясь от батарей, возносились к вебу и затмевали солнце, которое покрывалось кровавой пеленою, будто изменяясь от ожесточения ярости человеческого. Несколько раз упоминает Радожицкий солнце, которое «светило ярко и золотыми лучами скользило по смертоносной станице штыков и ружей, оно играло на мечах пущек блестящим блеском». Во время сражения «блеск сабель, палашей, штыков, шлемов и лат от ярких лучей заходящего солнца все вместе представляло ужасную и величественную картину».

Несомненно хочется сопоставить описание Радожицкого с величественной панорамой Бородина в «Войне и мире». Это картина природы составляет единое целое с характером битвы, главное, с внутренним подъемом ее участников. Как в Аустерлице у Толстого туман усиливает существующее впечатление путаницы, растерянности, так в Бородине солнце освещает всю картину, главная сила которой — в «скрытой теплоте чувств», светившейся на лицах. И туман в Аустерлице и солнце в Бородине — не домысел художника, а реальный факт, но в руках художника он становится образным средством раскрытия сущности события. Примечательно, что Тьерри начинает рассказ о Бородинской битве с упоминания о том, что вначале облака покрывали небо, а затем солнце поднялось в лицо французам и позади русских. Следует вспомнить, что, делая чертеж Бородинского поля, Толстой отметил движение солнца во время боя и записал: «Солнце встает влево назад». Французам в глаза солнце».

В романе солнце стало лейтмотивом победного сражения. «Солнце, только что вырвавшись из за тучи, заслонявшей его, брызнуло до половины переломленными тучей лучами через крыши противоположной улицы на открытую росой пыль дороги». Таково было первое впечатление Пьера, когда он утром выбежал на крыльцо. Потом уже на поле, когда он взмог на курган, он «замер от восхищения перед красотой арелища»: вся местность «была покрыта войсками и дымами выстрелов, и косые лучи яркого солнца, поднимавшиеся сзади левее Пьера, кипели на нее в чистом утреннем воздухе пронизывающий с золотым и розовым оттенком свет и темные длинные тени». «Молнии» утреннего света, блестящие по штыкам войск, сливаются в картине Толстого с «молниями скрытого разгорающегося огня», которые вспыхивали на лицах людей. Освещенная лучами «яркого» солнца панорама Бородина и «ярко во всех лицах» горевший огонь, за разгоранием которого сидел Пьер, отделив в одиночку битвы победоносный дух...

Картина Бородинского поля после сражения близка по настроению к раскату Радзивицкого. Туманное светило, дым, охватившее все, в этих последние лучи свои, уже скрылось за горизонтом, как будто содрогаясь от ужасного побоища; мрак почти покрыл ристалище смер-

ти, и пороховой дым и срада ложилась тяжелым туманом на необозримую поле битвы. Таким образом кончилась знаменитая битва 24-го августа»⁵⁰. В «Войне и мире» читаем: «Над всем полем, прежде это пылало от жары, теперь было так темно, как в сумерках, и в воздухе стояла такая сырость и дым, и пахло странною кислотой сапоро и крови. Собравшись тучей и стал накрапывать тождество убитых, на раненых, на испуганных и на изуродованных и на сомневающихся людей».

Разумеется, речь идет не о заимствованиях Толстого в буквальном смысле. Для пейзажа и его внутренней связи с идеей произведения Толстому не нужен печатный источник. Но важно то, что все действительные явления, все непосредственные настроения, отраженные в документах истории, отпечатывались в творческом воображении писателя и вызвали художественные картины, в которые автор вкладывал свое понимание события.

Победа, одержанная русскими под Бородиным, была для Толстого несомненной. Разноречивые толкования историков ни в малейшей степени не колебали его. Богданович говорил, что Наполеон «одержжал успех, который не довершен был только по причине нерешительности самого Наполеона». Ермолов считает, что «ни при чем» в успехе победы «ни сего величайшего, ни сего величайшего». Вишневский писал Александру I: «Что бы ни говорили, но последствия достаточно доказывают, что сражение 26-го (Бородинское) было проиграно»⁵¹. Иначе оценил сражение Кутузов. Он сообщил царю, что «французская армия с директною истощением П. и с ее войсками превосходной силой, не превозмогла твердость духа русского солдата, жертвовавшего с бодростью жизни за свое счастье». Толстой цитирует Кутузова, отражая в «Истории» Мухоморова, Давыдова, Гудовича, что «русские остались необойденными» и в «Записках» Радзивицкого, уверяя то, что в Бородине «никого не сохранилось, кроме... и выжили с я...». В таком же возводе привел Толстой и слова Мухоморова, того времени с таким же возводом отдалось, что «сражением сражением» в начале битвы «была одержана победа со стороны Франции, но которую в то время раз из Бородинским была одержана победа сильнее духом противника».

* * *

Последний этап войны Толстой рисует, также опираясь на исторические документы. Нетрудно установить много заимствований и текстовальных совпадений (Многие из них отмечены в литературе о «Войне и мире»). По существу же этот этап дает горючо больше, чем предыдущий, для сопоставлений, а для противопоставления двух

дителя народного чувства», с которой «ожил» Растопчин. Толстой пошел к тому, что «необходимость оставления Москвы без всякого героического эффекта встала его врасплох, и он вдруг потерял из под нош почву, на которой стоял, и решительно не знал, что ему делать».

В оценках Кутузова и Наполеона Толстой и историки резко контрастны. Можно простеяться шаг за шагом, как Толстой, привлекая подлинные документы, свидетельства современников и толкования историков о деятельности Кутузова и Наполеона, по своему раскрывать их характеры и вкладать роль каждого в войне 1812 года. Примеры были приведены выше. Чисто их не трудно умножить. У историков Толстой не находит подтверждения своим выводам. Не его говорить об официальных историях французские писаны в духе проставления Наполеона и унижения Кутузова, русские именовать Кутузова в виду отдельных успехов и ходе войны, а Наполеона показывая как великого военного стратега и полководца. Даже в его письмах и мемуарах многие признают за Наполеоном величие и гениальность. Денис Давидов, например, неоднократно признает Наполеона гением, великим полководцем, а вран и Гибонс армии. Даже в мемуарах Рауля Дюкена, у которого Толстой не расходит, описывая своих суждений, Наполеон представлен как «великий воин и полководец». Толстой с презрением обрушивается на историков — так же образом на Тьера, Бертиера и опирающегося на них Богдановича — а также на генерала Вильсона за приписывание Кутузову, в неуместное возвышение Наполеона. Закрывает книгу анализ «слова Наполеона и Кутузова» как пример построения противоположных взглядов Толстого и историков. Даже комментируя «слова» разноречивых расходящихся линий.

Ведкое действие Наполеона Толстой не только не отрицает, признавая то, что он «расширял, а не суживал» границы России, но был беспристрастен и «не заигрывал сущности» его. Толстой признает величие Наполеона после занятия Москвы. Толстой не только не унижает, но и возвышает с Тьером, признавая его «великим полководцем», «гением». Толстой «внимательнейшим образом» изучает материалы в честь Наполеона, «собирает» со времени его вступления в Москву и до ухода из нее «все, что касается личности и действий императора, прилагая к этому все, что относится к войне». Об этом вспоминает Богданович, замечая, что Толстой, историками писаны с ошибками, «своими руками» «увеличивая» и «уменьшая» его роль. Толстой руководит войском, и он является историком, а не «воином». Историки часто славят Наполеона, а не историка, а не «воином». Толстой «своей личностью» «героически» Кутузову. Толстой «своей личностью» «героически» Кутузову. Толстой «своей личностью» «героически» Кутузову.

представляет последний в «Войне и мире» акт Наполеона — «отъезд великого императора от героической армии», который «представляется нам историками как что-то великое и гениальное», говорит Толстой. Даже и этот последний поступок величия, продолжает он, «на языке человеческого и называемого последним степеню подлости», и этот поступок на языке историков получает оправдание. А сам Наполеон, «убиравшись в теплую шубу» дошел от гибнущих не только товарищей, но и «его мученика» — «он, им приведенный сюда, чувствует, que c'est grand*, и душа его покойна».

Для историков Наполеон, по выражению Толстого, есть «предмет восхищения и восторга». Толстой на основе тех же фактов «стремился доказать, что Наполеон — «это не политическое оружие истории, никогда и ни где, так же, как и ни где не выходящее человеческого достоинства»⁶⁴.

Судя более чем тридцать лет Толстой на свидетельству М. С. Сухомына, стараясь припомнить, что было ему первым толчком к его «антипатии к таким историкам», убежден, что это были «его занятия во время писания «Войны и мира», когда ему пришлось изучить эту отрицательную личность как военачальника, императора и частного человека»⁶⁵.

В обратном направлении шла работа Толстого над образом Кутузова. В борьбе с историками Толстой пришлось Наполеона вести от великого к ничтожному. Кутузову же, которого иностранцы признали «хитрым, развратным, слабым придворным стариком», а русские «чем-то неопределенным, какою-то куклой, потешною только по своему русскому имени»⁶⁶, Кутузову-главнокомандующему Толстой создает типичный

С какими же оценками Кутузова встречался Толстой почти во всех исторических работах? Тьер выставляет Кутузова до крайности развращенным, лживым, хитрым, бездейственным. Богданович в главе «Назначение Кутузова главнокомандующим» пишет о нем снисходительно, даже отмечает, что в Кутуове нельзя не чтить «полководца, опытного, дающего отечеству от чужеземного нашествия». Но и в этой главе, как во всем, в оправдание, подчеркивается хитрость, лживость Кутузова и отсюда предпочтение Барклая-де-Толли, Баграмяну и другим генералам. Современник войны 1812 года Ермолов не раз в своих извращениях роль Кутузова «напередворцем», «хитрым военачальником». «Зачем» — так называет Кутузова «напередворцем», «хитрым военачальником». «Зачем» — так называет Кутузова «напередворцем», «хитрым военачальником». «Зачем» — так называет Кутузова «напередворцем», «хитрым военачальником».

«Зачем» — так называет Кутузова «напередворцем», «хитрым военачальником».

* что это величественно.

В связи с свиданием Кутузова и Таристона Вильсон даже высказывает подозрение об измене Кутузова.

Толстой допускал, что сопременники войны могли из-за страсти не видеть «настоящего» величия, «того величия, которое полагает законы будущему и одному созерцает неизменные законы эти, подчиняет им свою волю». В этом Толстой видел вконец Кутузова. Но он умилялся, как поэтичные историки не понимают этого. С особенным раздражением он обрушивается на сочинение Богдановича, называет его «книгой, писанной по высочайшему повелению» (и этим звучит у Толстого самый тяжелый упрек и злая ирония, хотя сама по себе фраза повторяет подзаголовок издания); с возмущением говорит о том, что в книге Богдановича «но который будут учиться наши дети, скажи, что хитрый Кутузов виновен в чем-то перед потомством», что в нем «подробно описаны ошибки хитрого и слабого Кутузова». С поменьшим раздражением Толстой упоминает «книжку» Бергарди из которой Богданович перечисляет тексты о потере нравственного влияния русских войск на ход войны⁵⁸.

С подобными некоторыми историками определения Кутузова «трихлый», «живой», «развратный» — Толстой не раз использует полемически и самым образом действий Кутузова признает бессмысленность таких эпитетов. Чаще этот прием встречается в черновых вариантах. Например, глава о Кутузове на Березине начинается и так дошло до корректуры словами «Трихлый, сеновой, развратный, беспомощный Кутузов, как нам любят изображать его, в этот день 26 августа сидел, покурив седую голову...» и т. д. Эти же эпитеты звучат в волнующей сцене, когда Кутузов получает известие о выходе Наполеона из Москвы. Эпизод построен целиком по рассказу Михайловского-Данилевского (особенно первый вариант его близок к источнику) и заканчивается словами Кутузова, пропавшими «сквозь слезы»: «Господи! Создатель мой! Внял ты молитве нашей... Спасена Россия. Благодарю тебя, Господи!» В первом варианте сцены после этих слов следовала саркастически пародирующая историков реплика автора: «Так думал и говорил хитрый, развратный царедворец Кутузов».

Толстой пишет о великой заслуге Кутузова после оставления Москвы, в период Тарутина: «Он один — тот, который, казалось бы, по своему положению главнокомандующего, должен был быть расположен к наступлению — он один все силы свои употребил на то, чтобы удержать русскую армию от бесполезных сражений». Тактику Кутузова Толстой объясняет тем, что он один «понимал значение совершавшегося события», значение «бездействия» французской армии. Благодаря мудрости Кутузова русское войско за время его «пассивности» в Тарутине укреплялось: каждый день поднимался на берег

и подходили войска, и соответственно поднимался дух войска. У французов же в Москве — за «месяц грабежа» с каждым днем убывали войска и уменьшался провиант, и соответственно падал дух французской армии. Когда изменилось «существенное отношение сил» и перевес оказался на стороне русских, наступление стало необходимым. Тарутинское сражение было, говорит Толстой, «то самое, что было нужно в тот период кампании», — был дан «толчок, которого только и ожидало наполеоновское войско для начатия бегства».

У историков Толстой не находил подкрепления своим выводам о роли Кутузова в этот период войны. Он мог найти его в статье известного профессора А. П. Куницына, напечатанной в журнале «Сын отечества» через месяц после Тарутинского сражения. А. П. Куницын писал, что «победительное» бездействие Кутузова при Тарутине было «пагубно» для Наполеона. И Наполеон «в самой Москве соделался неопасным для русских». Куницын считает, что «трудолюбивым своим бездельем» при Тарутине Кутузов «по фронту» французской войска «к себе пытал, дабы удобнее наносить ему удары»⁵⁹. Спокойствие Кутузова Куницын определял записным изречением: «*Nil me stante timendum*»*.

И, наоборот, подробно рассказывают, как обострился разлад Кутузова с окружающими в последний период войны, и осуждают Кутузова за то, что он формулировал их вывод (Толстой), что он, «хитрый придворный лжец, бойливый и трусливый Наполеона» своими ошибками под Красным и на Березине лишил русские войска «славы — полной победы над французами». Толстой показывает в действительности этот разлад, становясь — вопреки — на сторону Кутузова, который «един, в противоположность мнению всех, мог угадать так верно значение парочного смысла события, что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему». Главная мысль Толстого, в которой пропущено все произведение, заключается в том, что именно в этот период Кутузова совпала с волею народа, а источник его — «неожиданной силой» преобретения в смысле совершавшихся явлений — лежал в том «народном» чувстве, которое Кутузов «носил в себе во всей чистоте и силе его».

Воспринимая деятельность Кутузова Толстой задумал завершить кратким рассказом с того момента, когда против воли государя и по воле народа он был избран главнокомандующим, и до того времени, когда дело, к достижению которого были направлены усилия Кутузова, была «так совершенно достигнута». Вот эти замечательные строки: «Он один, единственный в России, Кутузов, выбранный одним народом, вместе с народом ужаснулся тому, что грозило России. Приняв командование»

* Ничто меня не испугает (лат.).

дование армиями в самую трудную минуту, он вместе с народом и во главе народа делал распоряжения для ответственного сражения во все время войны, сражения при Бородине, где народ нагнал все свои силы и где народ победил, и где один Кутузов был провозглашен вождя вместе с народом, противно всем толкованиям своих генералов, противно преданию о призыве к победоносному делу, о предельно важном занятии места, зная то, что народ этот победил. Но так, несмотря на победу, не было отплатить Москву, для старого человека наступила тяжелая пора сомнения, но он жил душою народа и не усумнился в победе. Когда разбитый враг побежден, Кутузов вместе с народом победил, и тогда народ и жалел неприятеля. Когда неприятеля не стало в России, Кутузов вместе с народом был счастлив. Русскому человеку, как русскому, тяжело было бытие истинно. Представительное и романтическое лично не оставалось, кроме смерти. И он умер. Таким образом, набросок поэтического прощания Толстого со своим героем.

В одном из черновых набросков к эпилогу Толстой раскрыл свой принцип изображения исторических деятелей: «Я должен повторить truизм, что я старался писать историю народа, и потому Растопчин, говорящий: «Я сожгу Москву», как Наполеон: «Я накажу свои народы», — не может никак быть великим человеком, если народ есть не толпа баранов. Толстой и в творит французского историка и первую фигуру и не смешную, из Растопчина и из Мюллера. На что много любителей Наполеона, а ни один поэт еще не сделал из него образа и никогда не сделает». И если я художник, и если Кутузов изображен мною хорошим, то это не потому, что мне захотелось (я тут ни при чем), а потому, что фигура эта имеет условия художественные, а другие — нет».

* * *

Глубокое знание изображаемой эпохи позволило Толстому показать ее правдиво во всех проявлениях. Но эпоху наполеоновских войн он видел глазами своего времени. Все то, что было скрыто для людей 12-го года, должно стать видимым через 50 лет для современников Толстого. Полемицируя с историками, Толстой утверждал, что «для изучения законов истории» надо изложить «точку зрения» и «предмет наблюдения», т. е. «оставить в покое царей и министров и генералов, а изучать однородные, бесконечно многие руководящие массы». Такой взгляд на историю Толстой считал весьма «плодотворным для исторических открытий», и ему, как он заявлял, «только с помощью этого взгляда на историю осветить

под новым и, как кажется, верным углом некоторые исторические события». Полемика Толстого, занявшая в романе с первых дней работы большое место, — это принципиальное отстаивание того, что Толстой считал «истиной». Ее он шаг за шагом открывал в своей семилетней работе над романом.

Художественное произведение составляет, как утверждал Толстой, одно целое не потому, что в нем действуют одни и те же лица, но потому, что все построено на одной заявке или описывается жизнь одного человека. «Оно только так кажется и поверхностному наблюдателю, — писал он. — Цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и этого производит иллюзию отражения жизни, есть не столько лица и события, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету»¹⁰. В самом высоком смысле это нравственное отношение автора к предмету выразилось в «Войне и мире» в том, что Толстой первым вынул в сущности события, раскрыл подлинное Отечественное гонимы 1812 года с точки зрения народа. Им владела «мысль народная».

* Я вымываю

З вершился с мучительным труд «Нисколько своих судьбы книги, и авторы чувствуют эти судьбы», — писал Толстой. И хотя он, по его словам, знал, что «Война и мир» «исполнена недостатков», но не сомневался в том, что «она будет иметь тот самый успех, какой она имеет»¹. Успех был необычайный. Несмотря на противоречивые отзывы в печати, на резко отрицательные статьи, «Войну и мир» читали и о ней спорили «заподем» в частных кругах настолько широко, что это не могло не отразиться в печати.

«Это наиболее читаемая книга». «О новом произведении графа Л. Н. Толстого говорят повсюду; и даже в тех кружках, где редко появляется русская книга, роман этот читается с необыкновенной жадностью». Четвертый том, с которого начиналось описание войны 1812 года, «все ожидали не просто с нетерпением, а с каким-то болезненным волнением. Книга раскупается с невероятной быстротой». «Во всех уголках Петербурга, во всех сферах общества, даже там, где ничего не читалось, появились желтые книжки «Войны и мира» и читались положительно парасхват». Роман составлял тогда «вопрос времени», им была занята «чуть ли не вся русская публика». Так писали газеты².

Спрос на вышедшие тома еще незаконченного романа был настолько велик, что потребовалось второе издание. Осенью 1868 года вышли вторым изданием четыре тома. Нет документальных свидетельств об участии автора в новом издании — тем не менее разночтения, хотя и немногочисленные и не столь существенные, дают право полагать, что это было не механическое переиздание, а что автор читал корректуры. Не было он сам не допустил ни одного. Писатель Ростова с риском Друбецким реплику «Политикан, гвардейская штука!» заменить критиком: «О, гвардия!» Или дополнить портрет Наполеона таким штри-

хом: «Это дрожанье левой икры Наполеон знал за собой. «La vibration de mon mollet gauche est un grand signe chez moi» — говорил он впоследствии»³.

Пятый и шестой тома обоих изданий печатались одновременно с одного набора, но часть тиража вышла с пометой на титульном листе: «Второе издание».

Спустя два года после выхода «Войны и мира» Толстой признавался, что похвалы действуют на него вредно, что он «слишком склонен верить справедливости их» и что «с великим трудом только недавно успел искоренить в себе ту дурь», которую произвел в нем успех книги. Неделю от похвал дало у Толстого до самоуничижения. «Не думайте, что я неискренно говорю, — писал он вскоре мне «Война и мир» теперь отрицательна вся! Мне на днях пришлось заглянуть в нее для решения вопроса о том, исправить ли для нового издания, и не могу вам выразить чувства раскаяния, стыда, которое я испытываю, переглядывая многие места! Чувство прежде того, которое испытывает человек, види следы оргии, в которой он участвовал. Одно утешает меня, что я увлекался этой оргией от всей души, и думал, что кроме этого нет ничего»⁴.

В то время, в начале 1873 года, Толстой готовил к печати третье издание собрания сочинений, в которое должен был войти роман «Война и мир». В старости Толстой говорил, что он не перечитывает своих ранних трудов и переизданий, а если попадаете случайно какая-нибудь страница, ему всегда кажется, «что все на него переделано». Так случилось и теперь. «И боюсь прибавить, — говорил Толстой, — потому что столько нехорошего на мои глаза, что хочется как будто вновь писать по этому и «маленьке»»⁵.

После выхода «Войны и мира» к новому изданию была осложнена еще и другими обстоятельствами. Во многих критических статьях отмечалось, что «Война и мир» — роман обилие французского языка и историко-философских рассуждений, якобы мешавших «романическому развитию». Тургенев, которому вначале роман Толстого понравился, а потом — не понравился, которому вначале роман Толстого понравился, а потом — не понравился, стал называть его «поистине великим романом», но по причине «мешавшего» стал называть его «поистине великим романом». Когда закончилось издание «Войны и мира», Тургенев задумал перевести роман на французский язык, «но с пропусками всех рассуждений, потому что, — говорил Тургенев, — я знаю французов, они за скучным и смешным не увидят хорошего. Несмотря на то, что мы с ним давно не виделись, я через общих знакомых просил у него разрешения на перевод

—
пожание моей левой икры есть великий признак».

и из пропуски. Он отвечал, что пропустить ничего не позволит. Я хотел по крайней мере собрать все рассуждения, разбросанные в романе, и поместить в конце книги с замечаниями о войне и пр., чтобы таким образом роман был сам по себе. Он и на это не согласился, и я от перевода отказался. Перевел кто-то другой, и, вероятно, французы читать не станут»⁶.

Тургенев слыбел, да и сам через несколько лет явно наменил свою ошибку. «Это великое произведение великого писателя и это подлинная Россия», — писал он много позже, посетая французский перевод редактору газеты «Le XIX-e Siècle».

Тургенев рассказывал об этом летом 1873 года, именно тогда, когда сам Толстой перестраивал «Войну и мир» в том и направлении, в каком не размышлял этого с детства Тургеневу. Можно с уверенностью говорить, что не внутренние творческие импульсы заставили Толстого перестраивать «Войну и мир», что инициатива подобной перестройки принадлежала не Толстому, а всего вернее Н. Н. Страхову, чьи рассуждения о «Войне и мире» Толстой очень ценил. Не исключается возможность, что именно через Н. Н. Страхова или через А. А. Фета, с которыми он был в переписке, Тургенев просил у Толстого разрешения выключить из романа ему лишними авторские рассуждения. В 1871-72 годах Н. Н. Страхов, много помогавший в печатании Абуху, по-прежнему общался с Толстым, и естественно, что Толстой не мог не созвониться с Н. Н. Страховым о задуманном издании. 13-16 февраля 1873 года Толстой был в Москве и вел переговоры о печатании своего сочинения, а вернувшись в Ясную Поляну, застал там Н. Н. Страхова. Их беседа была как бы продолжением переписки Толстого с Н. Н. Страховым. Напомним ему, что нехорошо, и точно написать: «Это и это надо изменить, и рассуждения с страницы такой-то по страницу такую-то выкинуть». Страхов с радостью откликнулся, и, как явствует из дальнейших писем, ему пришла в голову идея радикального романа. Сначала автор сам просмотрел роман и сообщил Страхову, что «главное, т. е. выкинул некоторые рассуждения совсем, а некоторые, как например о Бородинском сражении, о Москве, о выделении эпизода и др. вынес отдельно». Кроме того «переводил все французское по-русски». Во многих случаях это не был точный перевод, а мысли, выраженные по-французски, теперь выражались русским языком. Непомогочисленные стилистические поправки были сделаны по всему роману. Роман был тогда же распределен на четыре тома вместо шести.

Отправив в июне выправленный экземпляр Н. Н. Страхову⁷, Толстой дал ему большие полномочия. «Делайте, что хотите, именно в смысле уничтожения всего, что вам покажется лишним, противуречивым,

ненужным. Даю вам это полномочие и благодарю за предпринимаемый труд, но, признаюсь, жалею. Мне кажется (я наверно заблуждаюсь), что там не так много лишнего. Мне много стоило это труда, поэтому и я жалею. Но вы, пожалуйста, марайте и посмелее. Вам я верю вполне»⁸.

И вот появился итог совместной работы, можно смело сказать, искалеченная «Война и мир». Историко-философские рассуждения составляют совершенно художественное и композиционное единство со всем текстом романа. И вдруг Толстой, так доживший этими рассуждениями («Литературные рассуждения, не было бы и описаний», — заявил он, заканчивая «Войну и мир»), сам Толстой рассек свое произведение на собственно роман и на якобы не связанные с ним авторские отступления. Военно-исторические и историко-философские рассуждения начиная с описания войны 1812 года, а также первые четыре главы первой части эпилога и вся вторая часть в делении на рассчитанные, очевидно, для специалистов «Приложение», где обобщены обиды и славные «Статьи о кампаниях 1812 года». Таких «статей» девятнадцать, и каждая из них получила свое заглавие:

I. План кампании 1812 года. II. Как действительно произошло Бородинское сражение. III. Распоряжения Наполеона для Бородинского сражения. IV. Об участии воли Наполеона в Бородинском сражении. V. Об отступлении до Филиппов. VI. Оставление Москвы жителями. VII. О пожаре Москвы. VIII. Фланговые марши. IX. Третье сражение. X. Деятельность Наполеона в Москве. XI. Отступление французов из Москвы. XII. Победы и их последствия. XIII. Дух войска и партизанская война. XIV. Бегство Наполеона. XV. Преследование французов русскими. XVI. Кутузов. XVII. Бerezинская переправа. XVIII. О значении Александра и Наполеона. XIX. Вопросы истории.

Для большинства, т. е. для тех, кто вряд ли читал выделенное, особенно интересно философское «Приложение», пропали такие например, возмущающие строки Толстого. «Москва, запятая неприятелем, осталась, как Берлин, Вена и другие города, и ключи французам, того, что жители ее не подносили хлеба-соли и ключей французам, а выехали из нее; его утверждение, что англичане выехали потому, что они не могли быть в Москве. Но управление французов в Москве, в том, что они не могли быть в Москве, а ведь под этим углом зрения принимается смена оставления Москвы. А ведь под этим углом зрения прочесть в основном тексте ни анализа деятельности Наполеона в Москве; ни описания французского похода, которое «распадалось и гибло с каждым днем лишнего пребывания в Москве», ни о том, что «мужики Кари и Влас» и «все бесчисленное количество

таких муляжиков» не везли сена в Москву «за хорошие деньги», которые им предлагал Наполеон, а жгли его. Перешел также в «Приложение» ютавский афоризм Толстого о «глубине народной войны», которая в Отечественной войне «попыталась со всей своей грозной и величественной силой», а вместе с ним оказался в «Приложении» и гимн народу, который в минуту испытаний поднимает эту «глубину».

Не сохранился в основном тексте анализ деятельности Кутузова в 1812 году, без чего трудно представить себе «Войну и мир». Пропали для широкого читателя волнующие всех слова Толстого: «Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия». «Русские упрямые патриоты», сделали все, что можно сделать и должно было сделать для достижения достоинств народа цели». Все это было упрятано в «Приложение».

Лице печальнее оказалась судьба кратких авторских вступлений к отдельным частям, а иногда к главам. Они были вовсе исключены. Исчезло вступление, открывающее повествование о 1812 году, а вместе с ним так сильно звучащие и в наши дни слова: «12-го июня силы западной Европы перешли границы России, и началась война, т. е. совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Пропали завершающие Бородинскую битву размышления Толстого о правдивейшем испытании Наполеона, которыми еще мог отречься от своих поступков, возмываемых по ошибке света, и потому должен был отречься от правды и добра и всего человеческого». Ведь известно, что Толстой не только не отказался от таких утверждений, но повторил их в последние годы жизни. Исчезло таких выданных местен Толстого немало из «Войны и мира» — художественно, только потому что они входили не в «основной текст», а те, которые были полностью перенесены в «Приложение»!

Нет сомнения, что тяжелую операцию над своим романом произвел сам Толстой, но с уверенностью можно говорить, что это было вызвано не требованиями художника, а типичнейшей причиной — потребностью в другом, который во время писания романа не мог не испытывать авторство величайшего творения Толстого. Толстой искал новые традиционные формы романа, а вышедший роман оказался задачей перестройки.

Впервые по плану ноября 1873 года издательское собрание сочинений Толстого в восьми томах (1873—1874) тома сохранили и измененную «Войну и мир». В 1874 году Толстой ни разу не выходила после 1871 года. В 1874 году, а печататься только в сочинениях Толстого. Толстой отрицал все из романа, многократно перепечатываясь в сборники и альбомы. В 1874 году, Толстой

собрания сочинений в одиннадцати томах. «Войну и мир» механически перепечатали из предыдущего собрания.

А вот шесть лет спустя в судьбе «Войны и мира» произошло новое событие. В 1886 году вышло пятое издание собрания сочинений Толстого. В нем «Война и мир» напечатана по тексту первого издания 1868—1869 годов, т. е. возвращена к первоначальному виду.

Приято считать, что, начиная с восьмидесятых годов, Толстой не интересовался своими произведениями, созданными до так называемого перелома. Некоторые исследователи готовы возвращение «Войны и мира» к первому изданию приписать самовольному решению С. А. Толстой. Трудно было бы допустить, что С. А. Толстая сделала это без ведома Толстого. А не так давно опубликованные документы свидетельствуют, что Толстой даже сам читал если не все, то безупречно какую-то часть корректур «Войны и мира». Об этом упоминает учитель детей Толстого И. М. Ивкин. С. А. Толстая писала сестре о «неумолимых корректурах», которых «пропала» и которые читает старшая дочь, а второй раз пересматривает сам Толстой⁹. Она писала об этом в сентябре 1885 года, а в октябре вышли тома «Войны и мира». Стало быть, Толстой знал о возвращении романа к тексту первых изданий с этого времени историки философские рассуждения навсегда водворены на свои места. Но не навсегда был восстановлен французский текст¹⁰.

В конце того же 1886 года начало выходить шестое издание собрания сочинений. По желанию Толстого это было дешовое издание «для народа», как он говорил¹¹. Возможно, для того, чтобы не затруднять «народу», французские тексты были заменены русскими по изданию 1874 года. Кроме того, в нескольких случаях внесены по тому же изданию стилистические поправки.

Восьмью лет спустя при издании собрания сочинений «Война и мир» печатается по пятому изданию, т. е. с французским текстом, так было в девятом (1893), в одиннадцатом (1904) изданиях; то по шестому, т. е. без французского текста: в седьмом (1887), восьмом (1889) и десятом (1897) изданиях.

Что же объясняет такую странную неустойчивость? Вряд ли здесь было какое-то сознательное решение. Вернее всего, каждое из напечатанных изданий механически перепечатывалось с какого-либо из предыдущих. И только, какое в данный момент было в руках у С. А. Толстой, с которого и переходило к следующему. Эти обстоятельства, которые с точностью переходили из предыдущего издания в соответствующие последующие, убеждают, что перепечатывались механически.

Итак, при жизни Толстого существовали четыре отличающиеся друг от друга текста «Войны и мира»: 1) полный, каким он вышел

непосредственно из под пера автора 2) с выделенными в конце книги петричь фаллофскими рассуждениями, без французских текстов и и стилистически исправленные Толстым и Н. Н. Страховым, 3) снова по чужим, но с некоторыми исправлениями по изданию 1873 года, и, наконец, 4) тот же, что и третий, но без французских текстов. Единственным издательницей сочинений Толстого была его жена С. А. Толстая; «Война и мир» выходила в России только в изданиях ее собраний сочинений.

Начало той плахи, при жизни автора судьба его романа за рубежом. Тотчас после выхода первого издания, в 1870 году в «Moskauer Deutsche Zeitung» начата печататься «Война и мир» в переводе на немецкий язык. Перевод не был закончен (переведены только первые три тома). А в 1879 году в издательстве Huber в Женеве появился первый французский перевод «Войны и мира», сделанный Принцем Паскович. На титульном листе издания помечено, что перевод авторизован, но никакими документальными свидетельствами мы не располагаем.) Он послужил началом мировой известности Толстого. Начиная с 1880 года, «Война и мир» в том же переводе выходила по Франции при издании. То стоило почти столько же, сколько в России. Толстой не стал стремиться распространять свой роман в зарубежных странах. Начата печататься и в французском издании, а затем начали появляться новые переводы с оригинала.

После Франции «Войну и мир» стали издавать в Германии, затем в Дании, Америке, Англии, Венгрии, Голландия, Чехии, Швеции, Болгарии, Сербии, Италии, Испании.

Выходили за рубежом и отдельными книжками и повестями. «Войны и мира» под различными заглавиями: «Наполеон и Александр», «Физиология войны», «Смерть князя Андрея», «Философия истории», «Наполеон и кампания в России», «Бал у Нарышкиных». «Войну и мир» включали и во все собрания сочинений, которые при жизни Толстого выходили четыре раза в Америке, три раза в Англии, дважды в Германии и один раз во Франции.

Итак, при жизни Толстого «Война и мир» печаталась в России двенадцать раз на русском языке (два раза отдельными книжками и десять раз в собраниях сочинений), один раз на польском и дважды на финском языках; в эти же годы за рубежом она издавалась 71 раз в пяти странах.

* * *

После смерти Толстого вступило в силу завещание, по которому все его сочинения переданы во всеобщую собственность.

В 1911 году вышло последнее издание С. А. Толстой — двенадцатое издание собрания сочинений, в котором «Война и мир» печаталась

по тексту пятого издания, (с французским языком). Тот же текст перепечатан в собрании сочинений под редакцией П. И. Бирюкова, изданном И. Д. Сытковым в 1912—1913 годах. Последующие издания «Войны и мира» повторяли текст этого собрания сочинений.

При подготовке «Войны и мира» П. И. Бирюков просмотрел корректуры романа, чтобы внести в него интересные отрывки из черновиков. К счастью, оказалось невозможным «вставить» их в текст, «не нарушая общую художественную конструкцию», — как он разъяснил. «Война и мир» осталась неприкосновенной. Наиболее интересные отрывки редактор опубликовал в приложениях, снабдив публикацию таким примечанием: «При большом досуге можно было бы добавить из этой библиографии еще более драгоценный материал». Как ни важно отношение П. И. Бирюкова к черновикам, тем не менее он первым поддался с ними читателям.

В 1912 году, к столетию Отечественной войны тем же И. Д. Сытковым была выпущена «Война и мир» в роскошном оформлении с рисунками Апсита. Это было первое после 46-летнего перерыва отдельное и первое издательское издание романа. С того времени он начал выходить не только в отдельных сочинениях, но и в изданиях (в 1913, 1914, 1915 годах) отдельными книжками.

В 1912 году, незадолго до смерти Толстого, после смерти Толстого, В. И. Ленин говорил о том, что даже в России Толстой известен преимущественно меньшинству. «Чтобы сделать его влияние превращением в господствующее, нужен социалистический переворот. Такой переворот произошел через семь лет после смерти Толстого.

Среди первых же постановлений Советской власти в 1918 году было постановление о массовых тиражах сочинения русских классиков и переводов их по всем библиотекам страны. В числе первых литературно-издательский отдел народного комисариата по просвещению выпустил художественные сочинения Толстого. В 1919 году вышла «Война и мир» тиражом в 10 000 экземпляров. Одновременно начался выпуск «Войны и мира» тиражом в 10 000 экземпляров. Можно сказать, поток изданий произведений Толстого, прежде всего тех, которые были запрещены царской цензурой, либо выгнаны из России, начался. Одновременно начали издаваться и «Война и мир» в 1922 году в Гослитиздате в серии «Классики русской литературы». Он печатался по инициативе П. И. Бирюкова, вышедшему под редакцией П. И. Бирюкова. Оно широко разошлось в нашей стране. По инициативе В. И. Ленина предпринято издание полного собрания сочинений Толстого в 90 томах. Оно печаталось по постановлению Совпаркома. Это грандиозное по объему

Многочисленные корреспонденции с фронта рассказывали о непосредственном восприятии «Войны и мира» бойцами. Однажды после успешной операции корреспондент газеты спросил командира, как случилось, что небольшая группа русских одержала победу над превосходящими силами врага. Вместо ответа командир вынул из сумки маленькую книжечку и раскрыл ее на странице, где красным карандашом были подчеркнуты строки о роте духа воюнка в сражении. Эта книжечка — изданные отдельно главы из «Войны и мира» о Бородинском сражении.

Героически погибший в бою писатель Юрий Крымов писал с фронта своим родным: «Самое близкое к тому, что я вижу, это «Война и мир». И у всех нас зреет такое представление, как у князя Андрея перед Бородинским боем».

В начале 1944 года актриса А. А. Яблочкина получила письмо от одного из ее «самых верных корреспондентов» с фронта. Поздравив ее с Новым годом, он писал: «Здесь на фронте мы встречаем Новый год с твердым решением победить. А «сражение выигрывает тот, кто твердо решил это выиграть» (Толстой)». На обратной стороне листа — карандашный портрет Толстого и еще одна цитата из «Войны и мира» о победе русских в Бородинском сражении.

Толстовское определение партизанской войны 1812 года как «дубины народной войны» стало символом всепартийной партизанской войны 1941—1945 годов. «Дубину народной войны» поднял весь советский народ. Этим грозным «оружием мы умеем хорошо владеть», — писал белорусский поэт Янка Купала в статье «Народная война»¹².

Роман Толстого вдохновлял художников, композиторов, театральные деятели. В эту именно пору С. С. Прокофьев создал оперу «Война и мир». Малый театр поставил по роману спектакль «Отечественная война 1812 года». Роль отца автора исполнял А. А. Остужев. Летом 1942 года он в прифронтовой подполье читал бойцам отрывки из «Войны и мира». Театр Ленинского комсомола в Ленинграде начал готовить спектакль «Война и мир» (инсценировка Чехова и Юльича). Художник Д. А. Шмаринов в годы войны начал работать над сценарием и постановкой к «Войне и миру».

«Роман вдохновлял советских людей на отпор врагу, — говорил К. А. Федин в беседе о романе «Костер». — Так «толстовская тема» возникала в самой жизни. У нас в то время были закрыты многие газеты из-за нехватки бумаги, листовки по-прежнему не на чем было печатать. «Войну и мир» Льва Толстого издали сотысячным тиражом. В «Костере» у меня были переполненные подвалы рукописей. Целарку не из чего было брать, а тут такая роскошь!» Именно потому, что Лев Толстой в Отечественной войну воскрес к новой жизни повсеместно, эта тема должна была широко развернуться в романе»¹³.

Естественно, что такое сильное звучание «Войны и мира» потребовало новых изданий. В трудные годы 1941—1945 роман Толстого был издан четыре раза полностью и даже в блокированном Ленинграде он вышел в начале 1943 года сотысячным тиражом¹⁴. В 1942—1943 годах впервые «Война и мир» напечатана шрифтом для слепых. Отдельные главы романа выходили маленькими книжечками под заглавиями: «Бородинская битва», «Шенграбен», «Партизанская война». Общий тираж их превысил полмиллиона. Отрывки из «Войны и мира» включались в сборники: «Знамя предков», «Родина», «Писатели — патриоты великой родины». Главы, посвященные Бородинскому сражению, печатались в 1942—1945 годах в переводе на даргинский, казахский, кумыкский, лакский, лезгинский, туркменский, узбекский языки. Полностью «Война и мир» вышла за эти годы дважды на японском языке.

О новом звучании «Войны и мира» за рубежом в военные годы узнаем из высказываний иностранных писателей.

Толстовское описание войны издавна волновало зарубежных писателей. «Прочтите же роман Толстого все вы, легкомысленно разглагольствующие о войне и сражениях!.. От таких книг приливает кровь к голове!» — восклицал романист Альбер Дельпи в восьмидесятих годах прошлого века. Его впечатление перекликается с высказыванием французского писателя Жан Ришар Блока, участника первой мировой войны: «Перед всеми нами, только что познавшими свою судьбу, властно вставал один великий образ — князь Андрей на поле Аустерлица в «Войне и мире». Я считаю, что во всем наследии нашей культуры именно этот образ, и только он, был на уровне того испытания, через которое мы прошли, и мог подсказать нам моральный закон на будущее». Такое же волнующее впечатление производила «Война и мир» в годы второй мировой войны. «Этот роман, быть может, величайший из всех, какие когда либо были написаны, стал предметом страсти французов в 1942—1943 годах, — писал Луи Арагон. — Ибо все происходило так, будто Толстой не дописал его до конца, и будто Красная Армия, дающая отпор посягателям свастик, наконец вдохнула в этот роман его подлинный смысл, внесла в него тот великий вихрь, который потрясал наши души»¹⁵.

За годы второй мировой войны роман Толстого был издан в девяти странах (в Англии, Америке, Венгрии, Голландии, Испании, Китае, Мексике, Франции, Швейцарии). В американском издании к книге были приложены карты и хронологические таблицы военных исторических событий с 1805 по 1812 годы, а также отрывки из статей о современном и критиков Запада. Форестер выступил по радио со статьей о современном значении «Войны и мира»; на следующий день роман был немедленно распродан, и книготорговцы заказывали новые партии тиража.

«На Западе не понимали: чем держатся русские? Объяснения «чужда», между прочим, искали в «Воине и мире». — говорил К. А. Федин.

В Англии в первые годы войны роман Толстого выполнил немалую политическую роль. Он вошел в число «важнейших мероприятий», используемых «для воспитания и укрепления веры англичан в нашу несокрушимую волю быть и остаться великим народом с великим будущим». Об этом рассказал в своих мемуарах наш тогдашний посол в Англии академик И. М. Майский. Он писал: «После известных раздумий я пришел к выводу, что было бы важно именно теперь дать в руки английского читателя «Войну и мир» Л. Н. Толстого и «Наполеона на Россию» Е. В. Тарле. Великий роман Толстого, конечно, не раз издавался в Англии и раньше, но сейчас он получил специфический интерес. У меня были неплохие связи с издательским миром, и через короткое время одно из крупнейших лондонских издательств — издательство Макмиллана — взялось за это дело, которое вдобавок ко всему прочему еще обещало ему хорошую прибыль. В 1942 году в окнах книжных магазинов появился солидный том в красном переплете. Он содержал 1352 страницы, но, так как был напечатан на рисовой бумаге, то не выглядел тяжелым кирпичом. Это был весь роман Толстого целиком, с картами и приложениями. Он сразу стал тем, что англичане называют «best seller» (по-русски это можно передать: «покупается нарасхват»). Читали его везде. Роман Толстого, точно буря, пронесся по стране и произвел глубокое и сильное политическое воздействие. Конечно, не все после чтения его уверилось в ненужности СССР, но многие, очень многие поняли и почувствовали, что русские — это великий народ, который не может погибнуть.

Вскоре после выхода нового издания «Войны и мира» моя жена подарила экземпляр романа миссис Черчилль с такой надписью: «1812—1942. Мы уничтожили нашего врага тогда, мы уничтожим нашего врага и теперь». Значительно позднее, в феврале 1943 года, миссис Черчилль отдала мою жену той же книгой. На ней было написано: «Вот книга для тех, кто хочет понять безграничность и таинственность России. Клементина Черчилль». В январе 1943 года из Лондона сообщалось по ТАСС, что новое издание «Войны и мира» в количестве 30 000 экземпляров было распродано менее чем за месяц. В нью-йоркском театре «Студио» и лондонском театре ставились с большим успехом пьесы-пародии «Войны и мира»¹⁰.

Начала выходить тогда «Война и мир» в Турции в новом переводе с русского языка Зеки Баштимара (первый турецкий перевод был сделан с французского). Половину романа перевел поэт Назым Хикмет. Он находился тогда в тюрьме, и его имя не могло быть упомянуто в турецком издании. «Величие Льва Николаевича Толстого, этого мастера

мастеров, этого бессмертного старца, оставшегося навеки юным, я полностью осознал только в бурской тюрьме. Там я перевел половину романа «Война и мир». Моя камера переполнилась жизнью и надеждой, падали стены тюрьмы, я еще больше поверил в созидательную мощь великого русского народа и еще больше его любил». — так вспоминал о своей работе Назым Хикмет в письме в Музей Л. Н. Толстого¹⁰. Первые два тома вышли в 1943 и 1945 годах, а закончилось издание в 1949 году.

И русские и зарубежные писатели повторяли, что мысли о «Воине и мире» — эссе первой русской народной войны — наполняют сердца горячим верой в исход второй народной войны. Надежды осуществились. Русский народ победил. И роман Толстого «Война и мир» продолжал победно шествовать дорогами мира.

* * *

После 1945 года, за последние 20 лет «Война и мир» издавалась в России на русском языке 26 раз отдельными книгами и четыре раза в собраниях сочинений. Тиражи — от 10 000 до 400 000 экземпляров. За эти же 20 лет роман полностью переведен на языки народов СССР.

В 1946 году, когда писатель Свентбек Бектурсунов закончил перевод первого тома «Войны и мира» на киргизский язык, газета «Советская Киргизия» сообщила об этом как о выдающемся явлении в культурной жизни Киргизии. «Это первый перевод гражданского произведения писателя мировой литературы на языке народов Средней Азии». В 1946 году вышли первые два тома «Войны и мира» на казахском языке в переводе казахских писателей Сабит Муканова и Темгали Кургалина. В 1946 году сообщила газета «Бакинский рабочий» об издании «Войны и мира» на азербайджанском языке. В 1945—1946 годах в Эстонии появилось третье издание «Войны и мира» 10 000-ым тиражом. В 1960 году якутский писатель Николай Мординов начал переводить «Войну и мир» на якутский язык.

В переводах сочинений Толстого, в том числе и «Войны и мира», на языки народов СССР принимали участие писатели национальных республик. Они ставили перед собой серьезную творческую задачу — дать не просто дословный перевод, но сохранить особенности стиля, творческую манеру великого писателя.

Мамед Ариф рассказывал, что перевод «Войны и мира» на азербайджанский язык был для него «целой школой», обогатившей его большим опытом. Он «как бы вошел в изумительную богатую лексическую лабораторию великого художника, близко ознакомился с его своеобразным художественным стилем, с простотой и безыскусственностью изложения». Киргизский писатель С. Бектурсунов писал 5 августа 1953 года

в Музей Л. Н. Толстого о своей работе над переводом «Войны и мира»: «Сложность исторических событий, о которых повествуется в романе, психологический анализ громадного количества персонажей, богатство языка — все это верно передать так, чтобы киргизский читатель мог понять перевод и представить себе все величие Л. Н. Толстого, было чрезвычайно трудно. Приходилось .. работать над своим родным языком, что облегчало работу над переводом величайшей эпопеи русской и мировой литературы».

О стремлении «правильно передать все колоссальное словесное богатство Толстого» писала М. Силлоатс, переводчица «Войны и мира» на эстонский язык. «Величественное полотно раскрывалось передо мной, и моей главной заботой было — не растерять ни одного самоцвета, передать на эстонском языке всю самобытность, глубину и цельность этого высокохудожественного полотна»²¹.

Продолжают издавать «Войну и мир» за рубежом, в странах Запада и Востока. В 1956 году она вышла во Франции в том первом переводе Прины Паскевич, с которого началась мировая известность Толстого. В издании предисловие Андре Моруа и портрет Толстого работы Пикассо. В 1953—1957 годах роман вышел трижды на арабском языке (в Дамаске, Бейруте и Каире); в 1958 году — на албанском языке. В отчетном докладе о творческой деятельности корейских писателей за 1955 год Хан Сер Я среди лучших переводов классических произведений русской литературы назвал «Войну и мир» в переводе Се Ман Пра.

В 1958 году в Коттайме издан роман в переводе на язык малайялам. Выход романа был отмечен во многих городах штата Керала (Южная Индия) торжественными собраниями. Трижды в разных переводах издан роман в Бразилии, причем в 1958 году в Рио-де-Жанейро и в Белу-Оризонте напечатан перевод известного литературоведа Оскара Мендеса с его же предисловием. «Война и мир» открыла в Бразилии новую своеобразную серию «Вечный роман». Столетие начала печатания «Войны и мира» торжественно отмечалось в Мексике: цикл лекций литературоведа Хайме Торрес Бодет, выставка, советские фильмы о Толстом, специальное приложение к журналу «Семпре»²².

Замечательный итог: за годы 1917—1964 «Война и мир» издана в СССР 161 раз на русском языке: полностью и в отрывках переведена на 30 языков народов Союза. За рубежом «Война и мир» начиная с 1879 года издана в 37 странах на 40 языках.

* * *

В 1878 году, незадолго до появления первого иностранного перевода «Войны и мира», исследователь русской литературы англичанин Уильям Ролстон задумал написать большую статью о «Войне и мире».

Он просил Толстого сообщить ему биографические сведения о себе. «И очень сомневался, чтобы я был таким значительным писателем, события жизни которого могли бы представлять интерес не только для русских, но и для европейской публики», — отвечал Толстой адресату, отказываясь дать сведения. Он добавил: «Я совершенно искренно не знаю, будет ли кто-нибудь читать мои произведения через сто лет, или же они будут забыты через сто дней, и поэтому не хочу оказаться в смешном положении»²³.

Произведения Толстого, и «Война и мир» в том числе, не забыты и через сто лет.

Прошло сто лет со дня появления в печати первой части романа. Много поколений читателей сменялось за этот век. И неизменно «Войну и мир» читают люди всех возрастов от юношей до стариков. «Вечным» литературным «человечеством» назван «Войну и мир» или современный писатель Юрий Тынянов и попытается представить, чего ждут в «Войне и мире» читатели разных возрастов. Но море того как вырастет читатель, роман Толстого становится все по мере все объемнее, все глубже своим неисчерпаемым содержанием. Вначале занимает лишь событийная канва; затем мы начинаем восхищаться образами; позже начинаем понимать поиски героев; еще позже «поддаемся очарованию глубокой мудрости, истинной народности образа Кутузова. А затем мы постигаем философскую суть романа, своеобразие исторических воззрений великого русского писателя»²⁴.

«Разве война и победа русского оружия в 1812 году означала бы столько для национального, патристического самосознания русских людей, если бы они знали о ней только по учебникам истории и даже многомотивным ученым трудам, если бы, допустив на минуту, не было социального творения Толстого «Война и мир», отразившего этот исторический момент в жизни страны, показавшего в незабываемых исторических образах величие народного подвига тех лет.» Эти слова своей силой образов величие народного подвига тех лет. Эти слова принадлежат поэту А. Т. Твардовскому. Они прозвучали в его речи с трибуны двадцать первого съезда партии.

Говоря о Великой Отечественной войне, «войне неслыханных страданий и неслыханного накала чувств», Константин Симонов обращается к «Войне и миру» Толстого: «Наша литература о войне по-прежнему не ищет себе другого образа не в смысле предмета прямого подражания, а в смысле высоты и благородства критерия, к которому иде-то, в такие свои дум, стремится почти каждый из нас, пишущих об этом»²⁵.

Не войну воспел Толстой, он прославил в «Войне и мире» величие народного подвига в освободительной войне 1812 года, когда «решался вопрос жизни и смерти отечества» и война приобрела, по словам Толстого, «дорогое русскому сердцу народное значение». Об этом

говорит князь Андрей Пьеру накануне Бородинского сражения. Для него несомненно, что «война не любезность, а самое гадкое дело живяния». Но если уж произошла такая война, она должна приниматься строго и серьезно, «иностранную необходимость». Так думали все те люди, которые без ложного героического пафоса стали участниками этой «иностранной необходимости» и спасли свое отечество.

Так думал и сам Толстой, оставаясь в то же время страстным противником войны. «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом?» — восклицал Толстой в одном из ранних военных рассказов. Эта же мысль волновала его, когда он воссоздавал в картинах и образах войну 1812 года. «Началась война, т. е. совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Так начал Толстой сцену перехода Наполеоном русской границы. И он не уставал повторять, что война — «страшное дело». Толстой любил жизнь, и все происходящее через испытания войны его герои любили жизнь. «Пока есть жизнь, есть и счастье», — говорит в эпилоге романа Пьер Безухов.

В годы работы над «Войной и миром» Толстой заявлял, что «цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных никогда неистощимых всех ее проявлениях». И он признавался тогда: «Ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через двадцать и будут над ним плакать и смеяться и полюблять жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы»²⁶.

Нечисло таких произведений создал Толстой. Почетное место среди них занимает «Война и мир», посвященная одной из губительнейших войн XIX века, но утверждающая идею торжества жизни над смертью, мира над войной. Вот почему великая книга «Война и мир» победно прошла через целый век и останется жить в веках.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗАМЫСЕЛ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ О НЕМ (стр. 3 — 11)

¹ Л. Н. Толстой. Письма к брату Саввию. (1857-е письмо и др.). М., 1928. Т. 15, стр. 211 и 112, стр. 54.

² См. работы: «Война и мир» Л. Н. Толстого. Вступительная статья к черновым текстам «Войны и мира». — «Новый мир», 1925, № 8; В. М. Зайцевич. Л. Н. Толстой III десятилетие. М., 1914; Л. М. Мухоморов. Герои «Войны и мира». — Интернациональное искусство. 1934, т. 1, стр. 10; С. П. Бичков. Литературная история Л. Н. Толстого. М., 1939, стр. 111; Л. В. Васильев. Вступительная статья к черновым текстам «Войны и мира». — Интернациональное искусство, № 35—36. М., 1939, стр. 286; Он же. Как писал Толстой «Войну и мир». — «Интернациональная газета», 1940, № 57 от 17 ноября; А. М. Ленин. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир». (Литературно-художественная характеристика). — Русская школа. Методический сборник. Вып. 6. Баку, 1932; С. П. Бичков. Роман «Война и мир» — народно-героическая эпопея. — В сб. Творчество Л. Н. Толстого. М., АН СССР, 1954, стр. 130—131, 135; Он же. Л. Н. Толстой. Очерки творчества. М., 1954, стр. 131; С. И. Леусев. «Война и мир» Л. Н. Толстого. М., 1954; Н. С. Родионов. Работа Л. Н. Толстого над рукописями «Войны и мира». — «Национальный сборник. Год 1955-й». Тула, 1955, стр. 5—35; Н. Арденс. К вопросам философии истории в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. — «Ученые записки Арзамасского пед. ин-та». Арзамас, 1957, стр. 37.

³ Иероним. Издательская точка зрения на замысел «Войны и мира» опровергнута в полном комментарии к роману в полном собрании сочинении Толстого, т. II, стр. 19 и сл.

⁴ Одним из поводов говорить о якобы происшедшем переломе в работе над романом послужила запись в дневнике (9 марта 1865 г. о замысле «написать историко-психологическую историю романа Александра и Наполеона» (т. 48, стр. 60—61). Совершенно справедливо предположение М. А. Цявловского, что дневниковая запись не связана с «Войной и миром», а говорит о самостоятельном замысле произведения об этих деятелях (см. сб. Толстой и о Толстом, 3, стр. 141).

⁵ Т. 13, стр. 53 и 54.

⁶ Перышко утверждала, что якобы коренным переломом замысла после 1867 г. послужила литературная критика сочинениями Толстого. Однако в 1867 г. в «Литературе» (М., Голос интеллигент, 1957) опубликована аннотация к одному из ранних вариантов начала романа, написанная в 1864 г. и предисловие к первой части, написанный в конце декабря 1864 г., опубликован среди высказываний Толстого 1867 г.

⁶ Т. 15, стр. 242.

⁷ Дневник, 14 апреля 1852 г. — Т. 46, стр. 110; письмо к Т. А. Ергольской от 30 мая — 3 июня 1852 г. — т. 59, стр. 174 (перевод с франц.).

⁸ Д. Юм. История Англии. (Толстой читал в французском переводе); А. Н. Митинский Данилевский. Описание Отечественной войны 1812 года, Спб., 1839 (3-е изд. в трех томах — Спб., 1843); Он же. Описание войны 1813 года, Изд. Спб., 1840 (2-е изд. — Спб., 1844). Быть может, впечатление от имени Михайловского-Данилевского, выраженное в дневнике словом «плоско» (т. 46, стр. 133), побудило Толстого упомянуть ее с оттенком прощания в рассказе «Набег» (т. 3, стр. 14).

⁹ Т. 46, стр. 141—142.

¹⁰ Жозеф Мишо. История крестовых походов. Перев. И. Бутовского, в 5 т. 1822—1836. (Изд. 2-е в 1844 г.) Рецензия: «Современник», 1852, № 12; 1853, № 6; Я. И. Костенецкий. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе в 1837 г. Спб., 1871; А. Н. Митинский Данилевский. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. Спб., 1844. По какому изданию читал Толстой на Кавказе «Ист. прав. государства Российского», не известно. В Империанский библиотеке хранятся «Неизданные сочинения и переписка» Н. М. Карамзина (Ч. 1. Спб., 1862); Письма к И. И. Дмитриеву. Спб., 1866; Сочинения, т. III, без тит. л. Сочинения Карамзина Толстой приобрел в начале работы над «Войной и миром».

¹¹ Дневниковые записи этого времени, относящиеся к истории, см. т. 46, стр. 182—185, 200 и сл. до 221.

¹² «Педагогические заметки и материалы» — т. 8, стр. 377; «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» — т. 8, стр. 109, 101—110. Целью рассказов было предварительное развитие в детях исторического интереса. В «Дневнике Яснополянской школы» есть ряд записей учителей об уроках истории; среди них записи Толстого 7 марта 1862 г., в которой отмечено чтение об Александре и Наполеоне (т. 8, стр. 470). В список исторических тем, намеченных Толстым для уроков истории, вошли «Наполеон», «Александр» (список опубликован). А через десять лет, создавая «Аябуку», Толстой включил в перечень задуманных рассказов на исторические темы: «1812 год» (см. т. 21, стр. 431). Воспоминания о спектакле ученика Яснополянской школы Д. Коалова (рукопись); А. С. Панкратов. Толстой — школьный учитель. — «Русское слово», 1912, 7 ноября.

¹³ Т. 60, стр. 451; т. 48, стр. 47, 48, 50, 52; письмо С. А. Толстой к Т. А. Берс 25 февраля 1863 г. (Док. Музея Л. Н. Толстого, письмо Толстого к М. Н. Толстой от 8 марта 1863 г. — т. 61, стр. 7; письмо к жене, август — сентябрь 1863 г. — т. 83, стр. 22; письмо А. Е. Берс к Толстому от 5 сентября 1863 г.; письмо Толстого к А. А. Толстой от 17—31 октября 1863 г. — т. 61, стр. 23—24; Дневники С. А. Толстой, Т. 1. М., 1928, стр. 80.

ТРУДНЫЕ ПОИСКИ (стр. 12 — 31)

Варианты начала «Войны и мира» представлены рукописями 40—51. См.: Описание рукописей художественных произведений. Л. Н. Толстого. М., 1955, стр. 105—109 (В дальнейших ссылках: Описание.) Варианты опубликованы в т. 13, стр. 58—198 не вполне точно и в ошибочной последовательности. На основе данной работы они опубликованы в «Литературном наследстве», т. 69, кн. первая. М., 1961, стр. 291—306. Приведены в этой главе отрывки ранних набросков, цитируются по последней публикации, либо по рукописям.

¹ Т. 12, стр. 92.

² Имя французки в этом варианте неустойчиво: то Edithenne, то Sillenne. Компилишю матери Толстого, отчасти послужившую прообразом этой французки звали Heathienne.

³ О седьмом варианте начала А. Е. Грузинский высказал много правильных предположений. Однако ему не удалось подобрать полностью всю рус. ишю, и поэтому, очевидно, он сделал ошибочный вывод, будто при создании этого варианта интерес к ишю не имел еще ничего переливающегося в александровскую (см. «Новый мир», 1955, № 1, стр. 12—14). Третье пятнадцатое, что имел в виду Н. С. Роднов, говоря, что «от первого варианта был написан еще один, а тот, что Толстой делалое, почти в точности совпало с оригиналом, с тех пор, как Толстой делалое, «составились события и события, да он и вышел как фант, на который достают перья и бумага» (Из воспоминаний о Толстом, Л., 1955, т. 1, стр. 25).

⁴ В процессе создания данной рукописи этот персонаж именуется то Простой, то Толстой.

⁵ Дневники С. А. Толстой, т. 1, стр. 113.

⁶ Т. 10, стр. 86.

⁷ Записная книжка, 25 января 7 июля 1857 г. — т. 47, стр. 243.

⁸ Цитируются названные выше работы о «Войне и мире» С. П. Быкова, А. М. Лавина, С. И. Леушевой, Н. С. Родновой.

⁹ Опубликованы в т. 13, стр. 13—21.

¹⁰ Письмо к М. С. Башкилову от 4 апреля 1866 г. — т. 61, стр. 134.

„ВОЙНА И МИР“ В ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ (стр. 32 — 70)

Ранняя полная редакция романа представлена следующими рукописями: № 51—63 — в первой части первого тома; № 69—102 — во второй части первого тома; № 103—108 — содержат текст, соответствующий т. I, ч. 3 — т. II, ч. 2 (от Аустерлиц до Тильзита включительно); № 107 — содержит текст, соответствующий т. II, ч. 3 — до конца романа в его ранней редакции. Все приведенные черновые тексты цитируются по этим рукописям.

¹ «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят» — т. 8, стр. 312.

² Письмо к А. А. Толстой, начало августа 1861 г. — т. 60, стр. 405.

³ М. Т. Яблочков. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. V, Ч. 1. Статья «Дело гр. Л. Н. Толстого». Тула, 1903.

⁴ Рассвет, 1859, т. IV, № 7, стр. 23. Т. 48, стр. 495. Записная книжка, 1-28 марта 1851 г. — т. 13, стр. 82.

⁵ О методах обучения грамоте. — т. 8, стр. 127.

⁶ Дневник, 2 августа 1855 г. — т. 47, стр. 58; Прогресс и определение образования. — т. 8, стр. 345.

⁷ Декабристы. — т. 17, стр. 30.

⁸ См. т. 7, стр. 181—294 и комментарий, стр. 390.

⁹ Письмо к А. А. Толстой от 17—31 октября 1863 г. — т. 61, стр. 23—24.

¹⁰ И. И. Бирюков. Лев Николаевич Толстой. Биография. Т. I. М., 1955, стр. 397.

¹¹ Письмо С. А. Толстой к мужу от 25 ноября 1864 г. — В кн.: С. А. Толстая. Письма к Л. Н. Толстому. 1862—1910. М. — Л., «Academia», 1936, стр. 31. (В дальнейших ссылках сокращенно: Письма к Л. Н. Толстому.)

¹² Письмо к А. А. Фету от 24 января 1865 г. — т. 61, стр. 72; 18—29 ноября 1861 г. Толстой сообщил М. Н. Каткову о том, что он заканчивает первую часть романа из времен первой войны Александра с Наполеоном, и предложил ее в печать.

... в т. 1, стр. 78. Черновик был сдан в печать 3 января 1865 г. (см. письмо к М. Н. Каткову от 3 января 1865 г. — т. 61, стр. 66).

(см. Описание, стр. 122—123, № 103). Она содержит первую редакцию текста письма к Каткову от 3 января 1865 г. (см. т. 61, стр. 66). Письмо создавалось в конце 1864 г. Она печаталась в Ясной Поляне и продолжена в Москве, где Толстой пробыл с 21 ноября по 11 декабря. Внешний вид рукописи не оставляет сомнения, что это не копия с несохранившегося автографа, а именно та, создававшаяся в Ясной Поляне, о работе над которой Толстой сообщал в письмах к жене в ноябре — декабре 1864 г. (см. т. 83).

Отрывки из этой рукописи опубликованы в т. 13, стр. 471—540, № 64—78, но не первоначальный текст, а исправленный в конце 1865 г. (см. стр. 48—49). Первоначальный свой характер отрывки в подстрочных примечаниях. Отрывки опубликованы не в той последовательности, в какой они входят в текст рукописи, а переставлены в соответствии с композицией окончательного текста.

Описание, стр. 98, рук. 10, опубл. т. 13, стр. 25—26, № 9. Рукопись состоит из одного листа, написанного с двух сторон, ошибочно опубликована сначала вторая страница, а затем первая, т. е. в т. 13 следует читать сначала стр. 26, а затем 25.

Пастернак. Четыре отрывка из моей автобиографии. — В кн. *Михаил Пастернак*. Варшава, 1932, стр. 72—78. Толстой упоминал о годах создания «Войны и мира», просматривая иллюстрации Л. О. Пастернака к «Войне и миру». Три иллюстрации хранятся в Государственном Музее Л. Н. Толстого в Москве.

Второй частью представлена рукописями 74—102 (см. Описание, стр. 115—122). В основном это отдельные отрывки большого или меньшего объема, написанные же рукописи, содержащей полный текст всей второй части, нет. Наборная рукопись не сохранилась. Почти все черновые тексты, относящиеся ко второй части первоначального, опубликованы Юб., т. 13, стр. 293—472, № 16—63. Хронологическая последовательность появления рукописных текстов при публикации не соблюдена в некоторых случаях сдвигами слов авторской правки. В дневнике Толстого между 17 марта и 10 апреля 1865 г. (см. т. 48, стр. 61—66) о том же имеются свидетельства в письмах Толстого, в «Дневнике С. А. Толстой 1860—1891» и в ее письмах к мужу.

Описание, стр. 97—98, № 7—9; опубл. т. 13, стр. 27—30, № 8—10. Письма к А. Е. Берсу от 3—4 ноября 1865 г., к А. А. Толстой от 11 ноября 1865 г. — т. 61, стр. 111, 114. Исследователи полагают, что в письме к А. Е. Берсу речь идет о второй части, которую Толстой в эту пору называл третьей, якобы разумно под «третьей» частью то, что было напечатано в январском выпуске «Русского вестника», а под «второй» — напечатанное в февральской книжке (см. т. 13, стр. 271, 406, т. 43, стр. 480—481, 406, т. 61, стр. 112; Яснополянский сборник. Год 1955—й. Тула, Кн. изд., 1955, стр. 22—23). Возможность этих толкований возникает опять вследствие того, что историю писания романа пытались изучать, не обращаясь к рукописям.

Нельзя не упомянуть, что накануне выхода январской книжки «Русского вестника» Толстой вполне ясно писал: «На днях выйдет первая половина 1

1865 года» (см. т. 61, стр. 72). Важным доказательством является то, что все напечатанное в январе 1865 г. было издано в 1865 г. (см. т. 61, стр. 72). Толстой распределил текст романа по частям (см. стр. 49—50).

В описании, стр. 121—124, рукопись 107. Толстой пишет, что в 1865 г. он написал 14 глав романа (см. т. 61, стр. 121—124). В 1865 г. он написал 14 глав романа (см. т. 61, стр. 121—124). В 1865 г. он написал 14 глав романа (см. т. 61, стр. 121—124).

редакции романа, из нее композити

Стр. Л. Н. Толстой. Воспоминания. — т. 34, стр. 360—361.

В обращении Кутузова и полкам включены слова из басни Крылова «Волк на псарне». Это исторически верный факт. Но другим номере «Вестника отечества» в 1812 г. напечатана басня Крылова. По словам одного из современников, Крылов, «обещавший рубль персискому басню, отдал ее жене Кутузова, которая и отдала в своем письме. После сражения под Красным Кутузов прочитал басню и, улыбаясь, пошел к его офицерам и при словах: «А я, приятель, седьмой

«Русский вестник», 1865, № 1, январь и № 2, февраль, 1866, № 2—4, февраль — апрель, 1866 г. обе части вышли из печати отпечатком. «Тысяча посылка от писателя графа Л. Н. Толстого в университетской типографии. Цена за первую часть 11 июня 1866 г., вторая — 12 марта 1866 г.

Письмо к А. А. Фету от 10—20 мая 1866 г. — т. 61, стр. 139.

Проект договора опубликован в т. 81, стр. 163—164.

Л. Н. Толстой. «Почта и революция». Материалы по истории литературной деятельности Л. Н. Толстого. Шестидесятилетие. Т. 1, 1961, часть четвертая; Я. Булкин. О творчестве Толстого. Т. 1, 1959, стр. 225, 226; Н. Н. Арден. Гвардейский путь Л. Н. Толстого. М., 1962, стр. 432, 446—453; В. В. Еркин. Толстой художник и роман «Война и мир». М., 1961, стр. 15 и сл.

Письмо к Л. Н. Толстой от 25 ноября 1870 г. — т. 61, стр. 242.

Следует отметить также последнюю, написанную Толстым по созданию «Войны и мира», а также «Мир, живот, а рот кормит» (рукопись 31). Вряд ли можно объяснить это только особенностями мышления Толстого, этого слова или случайностью. В рукописях «Войны и мира» множество раз встречается слово мир, как противоположность войне. Толстой писал через «мир», а в тех случаях, когда слово мир вкладывалось понятие не мир, а война, через «мир».

Письмо к Л. Н. Толстой. «Война и мир», сочинение гр. Л. Н. Толстого — М., 1913.

Письмо к Л. Н. Толстой. «Война и мир», сочинение гр. Л. Н. Толстого — М., 1913.

Письмо к Л. Н. Толстой от 27 июня 1866 г. — т. 63, стр. 424. Дневник, 21 января 1866 г. — т. 31, стр. 13.

399

⁹ См.: Толстой в 1880-е годы. Записки П. М. Ивакина. — «Литературное наследство», т. 69, кн. 2, М., 1961, стр. 55 и 72; письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 23 сентября 1885 г. (ГМТ).

¹⁰ В последние годы неожиданно был поднят вопрос о признании окончательным текстом «Войны и мира» издание 1873 г. В связи с этим возникла острая полемика. См.: Н. К. Гудзий. Что считать каноническим текстом «Войны и мира». — «Новый мир», 1963, № 4; Ответ Н. Н. Гусева. — «Вопросы литературы», 1964, № 2; Н. Жданов и Э. В. Зайденинур. Еще раз об издании сочинений Л. Н. Толстого. — «Русская литература», 1964, № 2; Ответ Н. К. Гудзая. — «Русская литература», 1964, № 4; Н. Н. Гусев. Слово о каноническом тексте «Войны и мира». — «Русская литература», 1965, № 1.

¹¹ См. письмо Толстого к В. Г. Черткову от 28—29 июня 1886 г. — т. 85, стр. 362 и 363; письмо П. И. Бирюкова к В. Г. Черткову от 23 июня 1886 г. (ГМТ).

¹² Впервые этот вопрос был поставлен Н. Н. Гусевым в статье: Где искать канонический текст «Войны и мира». — В сб.: Толстой и о Толстом, вып. 2, М., 1926, стр. 132—135.

¹³ См. т. 9, изд. 1937, стр. VIII — XIII.

¹⁴ См. статьи: Э. Зайденинур. По поводу текста «Войны и мира». — «Новый мир», 1959, № 6, стр. 278—282; Л. Н. Толстой. Собрание сочинений. В 20-ти т. Т. 7, М., 1963, стр. 420—436.

¹⁵ П. Павлянюк. Отечественная война 1812 года. — «Красная звезда», 1942, 13 октября; К. Тренев. Яркий патристический спектакль. — «Известия», 1942, 11 октября; «Знамя», 1944, № 3, стр. 130; А. А. Яблочкина. 75 лет в театре. М., ВТО, 1960, стр. 277; «Известия», 1942, № 240, 11 октября.

¹⁶ Кош. Федин. Распахнутые окна (из бесед о писательском труде). — «Знамя», 1965, № 8, стр. 201; см. также: «Вопросы литературы», 1965, № 8, стр. 161.

¹⁷ См. «Вечерняя Москва», 1942, 17 июня, 20 января; «Смена», 1943, 3 февраля; «Вечерняя Москва», 1943, 8 февраля.

¹⁸ См.: Ф. Булгаков. Л. Н. Толстой и критика его произведений русская и иностранная. Сиб., 1899, стр. 112—113; Жан Риншар Блок. Толстой и добровольное служение. — «Европа», 1928, № 67, стр. 521—532; L. Aragon. Litteratures sovietiques. Paris, 1955, p. 16 (цит. по книге Т. Л. Мотылевой «О мировом значении Л. Н. Толстого». М., 1957, стр. 494).

¹⁹ См.: «Вечерняя Москва», 1943, 19 марта; «Литература и искусство», 1943, 3 июля; И. И. Майский. Дни испытаний. Из воспоминаний посла. — «Новый мир», 1964, № 12, стр. 179.

²⁰ См.: А. Шифман. Лев Толстой и Восток. М., 1960, стр. 426—429.

²¹ См.: «Советская Киргизия», 1946, 25 октября; «Бакинский рабочий», 1948, 17 июля; «Советская Эстония», 1943, 9 сентября.

²² См. «Советская культура», 1965, 29 апреля.

²³ Письмо Толстого Уильяму Ролстону от 27 октября 1878 г. — т. 62, стр. 448.

²⁴ Юрий Назибин. Вешние спутники. — «Пионерская правда», 1962, 7 ноября.

²⁵ К. Симонян. Солнечная вершина русской литературы. — «Красная звезда», 1960, 20 ноября.

²⁶ Письмо к П. Д. Боборыкину, июль — август 1865 г. — т. 61, стр. 100.

ЗАМЫСЛ И ЛЕГЕНДА О НЕМ	5
ТРУДНЫЕ ПОИСКИ	12
«ВОЙНА И МИР» В ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ	32
ПУТЬ К ЗАВЕРШЕНИЮ РОМАНА	71
В ПЕТЕРБУРГЕ	72
В МОСКВЕ	80
В ДЕРЕВНЕ	95
ВОЙНА И НАРОД НА ВОЙНЕ	114
ЭПИЛОГ	143
ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ	152
КНЯЗЬ АНДРЕЙ	158
НАТАША	214
ПЬЕР БЕЗУХОВ	264
ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА	328
«ВОЙНА И МИР» ЗА СТО ЛЕТ	374
ПРИМЕЧАНИЯ	391

Эвелина Ефимовна Зайденштур

«ВОЙНА И МИР» Л. Н. ТОЛСТОГО

*Утверждено к печати Ученым советом
Государственного Музея Л. Н. Толстого*

Редактор Э. Б. Кузьмина

Художник М. Шенцов

Художественный редактор Б. Б. Александров

Технический редактор Н. И. Аврутин

Корректор И. И. Поршьева

Сдано в набор 26.XI.1965 г. Подписано к печати 25.III.1966 г.
Формат бум. 70×90^{3/16}. Печ. л. 25,25(29,54). Уч.-изд. л. 26,78

Бум. л. 12,625 Кама машинномелован. А12952

Тираж 16 000. Темплан изд-ва Советск. Россия на 1965 г. № 231
Заказ 1368. Цена 1 р. 36 к.

Издательство «Калга»

Москва, К-9, ул. Пелкиной, д. 8/10

Московская типография № 16

Главполиграфпрома Комитета по печати

при Совете Министров СССР.

Москва, Трехпрудный пер., д. 9

[illegible]

Оцифровано: Юрий Каретин
yura15cbx@gmail.com
личная библиотека
Auckland 2014

UNIVERSITY
OF OTAGO
LIBRARY

1000

3 0020 09769025 1